

Избранные статьи из номеров 880–881, декабрь 2010 г. – март 2011 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ Красного Креста

Дискуссия по гуманитарным вопросам:
право, политика, деятельность

Конфликт в Афганистане



МККК

Избранные статьи из номеров 880–881, декабрь 2010 г. – март 2011 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЖУРНАЛ
Красного Креста

Дискуссия по гуманитарным вопросам:
право, политика, деятельность

**Конфликт
в Афганистане**

СОДЕРЖАНИЕ

5 От редакции

Конфликт в Афганистане

- 13 Афганистан с точки зрения истории и географии**
Уильям Мейли
- 35 Динамичное взаимодействие между религией и вооруженным конфликтом в Афганистане**
Кен Гест
- 59 Транснациональные исламистские сети**
Имитаз Гуль
- 95 Государственное строительство в Афганистане: случай, свидетельствующий о наличии ограничений?**
Люси Морган Эдвардс
- 127 Будущее Афганистана — в руках афганцев**
Тайба Рахим
- 139 Повлиял ли вооруженный конфликт в Афганистане на нормы ведения военных действий?**
Робин Гайс и Михель Зигрист
- 183 Международное право и вооруженные негосударственные акторы в Афганистане**
Анисса Беллал, Жиль Джакка и Стюарт Кейзи-Маслен

Работы, опубликованные в журнале, отражают исключительно точку зрения их авторов, которая не всегда совпадает с мнением МККК или редакции. Только подписанные МККК тексты отражают его позицию.

- 223 Лайха для моджахедов: анализ кодекса поведения боевиков «Талибана» в соответствии с правом ислама**
Мухаммад Мунир
- 249 Приложение: Исламский Эмират Афганистан. Лайха [Кодекс поведения] для моджахедов**
- 269 Комбатанты, а не бандиты: статус повстанцев в исламском праве**
Садия Табассум
- 291 30 лет в Афганистане. Фотоотчет Альберто Каиро (фото из архива МККК)**

ОТ РЕДАКЦИИ

В 2011 г. исполнилось десять лет с начала операции «Несокрушимая свобода», когда Соединенные Штаты и их союзники вступили в войну с движением «Талибан». Она оказалась одной из самых долгих в истории США. Но к тому времени, когда начались американские бомбардировки Афганистана, население этой страны уже более 20 лет страдало от бедствий, принесенных гражданской войной, иностранной интервенцией и деспотическими режимами. Подавляющее большинство афганцев — это люди, не достигшие 30-летнего возраста¹, то есть поколение, выросшее в обстановке войны, массового исхода и неопределенного будущего.

В стране, где к концу 1970-х гг. общественная инфраструктура была крайне мало развита, статистика отражает последствия 30 лет войны. Афганистан является единственной страной в мире, где продолжительность жизни женщин — менее 44 лет — меньше, чем продолжительность жизни мужчин. Показатель детской смертности достигает 150 на 1000 родившихся младенцев². Среди молодых афганцев в возрасте от 15 до 24 лет грамотных всего 34%, причем мужчины составляют 50% от этого числа, а женщины лишь 18%³. Территория страны в высшей степени загрязнена сухопутными минами и неразорвавшимися боеприпасами. Практически в каждом городе и населенном пункте, на каждой улице можно встретить мужчину, женщину или ребенка, у которого ампутирована конечность.

В 2009 г. Международный Комитет Красного Креста изучал влияние конфликта на гражданских лиц⁴. Результаты исследования демонстрируют масштабы страданий населения: более половины опрошенных (53%)

1 Всемирная продовольственная программа, «Атлас продовольственной безопасности Афганистана», доступно по адресу: <http://foodsecurityatlas.org/afg/country/socioeconomic-profile/introduction> (последнее посещение 14 апреля 2011 г.).

2 Данные ООН, «Афганистан», доступно по адресу: <http://data.un.org/CountryProfile.aspx> (последнее посещение 14 апреля 2011 г.).

3 ЮНИСЕФ, «Афганистан», доступно по адресу: http://www.unicef.org/infobycountry/afghanistan_statistics.html (последнее посещение 14 апреля 2011 г.).

4 Международный Комитет Красного Креста. *Исследование влияния конфликта на гражданских лиц: взгляд из Афганистана*. Доклад от 09.02.2010 г., доступно по адресу: <http://www.icrc.org/eng/resources/documents/report/views-from-field-report-afghanistan-230609.htm> (последнее посещение 6 мая 2011 г.).

сказали, что во время войны они потеряли близкого родственника, а 70% заявили, что утратили свое имущество или что оно было уничтожено. Каждый третий опрошенный сказал, что был ранен, каждый четвертый — что принимал участие в боевых действиях, каждый пятый сообщил, что находился в местах содержания под стражей. Конфликт также привел к массовому перемещению населения: 83% опрошенных подтвердили, что в тот или иной момент были вынуждены покинуть свои дома. Часто они бежали из страны, направляясь в поисках убежища в Пакистан или Иран.

В 2010 г. потери среди гражданского населения достигли самого высокого уровня с 2001 г.⁵ Гражданские лица погибают или получают ранения в ходе нападений, становясь жертвами бесчинств и расправ различных вооруженных групп или авиаударов и наземных операций против сил вооруженной оппозиции, проводимых коалицией. Конфликт продолжает приводить к широкомасштабному перемещению населения. Лишившиеся крова люди, обосновавшиеся на окраинах города или в лагерях в Пакистане, обречены на нестабильное существование и бедность, а также становятся еще уязвимее в экстремальных климатических условиях. Доступ к медицинскому обслуживанию серьезно затруднен, особенно в сельских районах, где женщины умирают во время родов, где раненые и больные не могут выжить, потому что в их местности нет медицинских учреждений или же они просто не в состоянии добраться до центра экстренной медицинской помощи из-за неблагоприятной ситуации в сфере безопасности.

Конфликт в Афганистане ставит несколько задач: достижение стабильности на территории, где три десятка лет продолжаются конфликты, где сильно выражена племенная принадлежность и где действуют несколько сторонних акторов; принятие адекватного законодательства, нормы которого будут направлены на решение проблем, вызванных текущим кризисом; осуществление гуманитарной деятельности организациями, которые имеют различные цели и пользуются разными методами, действуя при этом в одной и той же обстановке. Цель издания данного выпуска «Международного журнала», посвященного Афганистану, — содействовать лучшему пониманию этого крупного конфликта и рассмотреть меры по улучшению положения афганского населения с практической точки зрения. Помещенные здесь статьи способствуют лучшему пониманию сложных исторических, политических, социальных и гуманитарных проблем, связанных с ситуацией в стране. Также освещается ряд правовых вопросов, имеющих отношение к конфликту, и проблемы, касающиеся осуществления гуманитарной деятельности в этой крайне слож-

5 Статистику, опубликованную Миссией ООН по содействию Афганистану, см.: Annual Report 2010: Protection of Civilians in Armed Conflict, доступно по адресу: <http://unama.unmissions.org/Portals/UNAMA/human%20rights/March%20PoC%20Annual%20Report%20Final.pdf> (последнее посещение 6 мая 2011 г.).

ной ситуации.

Перед тем как стать первой ареной конфронтации в «глобальной войне с терроризмом», Афганистан был полем последней крупной битвы времен «холодной войны». Советская интервенция с 1979 по 1989 г., осуществленная в целях поддержки коммунистического правительства, привела к войне, последствия которой оказались особенно тяжелыми для гражданского населения, и к первоначальному массовому исходу афганцев из страны. После окончательного вывода советских войск и победы моджахедов, которой удалось добиться при поддержке США, разразилась не менее разрушительная гражданская война, в которую были вовлечены группировки, партии и влиятельные полевые командиры. На большей части страны эту войну удалось прекратить после установления талибами исламистского режима, просуществовавшего с 1996 по 2001 г. Хотя правительство талибов обеспечило безопасность и запретило производство опиума, его неопытность в экономической сфере и в решении проблем современного мира в целом, его толкование ислама, приведшее к отчуждению со стороны большей части афганского общества, обращение с женщинами, преследования хазарейского меньшинства и разрушение гигантских статуй Будды в Бамиане вызвали практически единодушное осуждение со стороны международного сообщества. Однако именно отказ талибов выдать США Усаму бен Ладена после террористических атак 11 сентября 2001 г., а также тот факт, что они позволили «Аль-Каиде» разместить свои учебные лагеря на территории страны, привели к тому, что США начали военные действия в Афганистане.

Чтобы понять ситуацию, необходимо окинуть картину происходящего более широким взглядом. Именно поэтому мы попросили профессора Уильяма Мейли осветить географические и исторические аспекты конфликта. Афганские вооруженные группы уже доказали, что технологического превосходства недостаточно для того, чтобы одержать над ними победу. Сменявшие друг друга «завоеватели» терпели поражение за поражением в прошлом, еще со времен кровавых разгромов британских войск в XIX веке. Кен Гест ссылается как на этот богатый событиями исторический период, так и на собственный опыт военного корреспондента, полученный им во время войны с Советским Союзом, чтобы, анализируя менталитет афганцев, разъяснить, как связаны между собой религия и вооруженный конфликт. А Имтиаз Гуль, исполнительный директор находящегося в Исламабаде Центра исследований и изучения вопросов безопасности, описывает исламистские сети, само существование которых лежит в основе международной интервенции.

После падения режима талибов на международной конференции в Бонне, состоявшейся в декабре 2001 г., были определены принципы строительства нового Афганистана. Затем международное сообщество взялось за восстановление афганского государства, и в этом направлении были достигнуты бесспорные успехи. Но действительно ли международное сообщество может создать «государство-нацию» в условиях, когда власт-

ные структуры столь сильно подчинены традициям и децентрализованы? Люси Морган Эдвардс, исполнявшая обязанности политического советника специального представителя Евросоюза в Кабуле с 2004 по 2005 г., анализирует ограничения, с которыми сталкивается такое начинание.

Таким образом, за военной риторикой последовала — возможно, слишком рано — дискуссия о восстановлении и развитии, участники которой не принимали в расчет факт постепенного возрождения вооруженной оппозиции. Немногие международные акторы обратили внимание на этот неназванный конфликт, поскольку центр внимания сместился на Ирак. Для гуманитарных организаций первым болезненным напоминанием о том, что вооруженная оппозиция не просто существует, а становится все более радикальной, стало убийство делегата МККК Рикардо Мунгия, совершенное в 2003 г. Словно и не было многих лет работы в стране и сотрудничества с афганцами. Стоит ли говорить в этом случае о возможности осуществлять гуманитарную деятельность, основанную на принципах нейтральности и беспристрастности?

Рассуждения о восстановлении и развитии велись до 2008 г., до тех пор, пока афганское правительство не начало переговоры с талибами. Это движение рассматривалось тогда как террористическая организация, с которой не следовало поддерживать никаких отношений. Как показали события, правительство, несколько лет отрицавшее, что вооруженная оппозиция представляет собой реальную силу на местах, наконец признало этот факт. Правительства других государств также не желали называть вещи своими именами, например правительство Германии до 2010 г. настаивало на употреблении термина «ситуация, напоминающая войну».

В 2009 г. с отправкой в Афганистан дополнительных 30 тыс. военнослужащих (после чего общая численность войск, задействованных в операции «Несокрушимая свобода», и Международных сил содействия безопасности (ISAF) составила 140 тыс. человек) началась новая фаза конфликта: усилилась интенсивность боевых действий, стала применяться новая стабилизационная стратегия. Постепенный вывод войск должен начаться в 2011 г. Для государств, участвующих в урегулировании ситуации в Афганистане, это гонка на время с целью обеспечить определенную стабильность в стране и, в частности, не допустить того, чтобы Афганистан в очередной раз превратился в источник международной нестабильности. Никто не хочет, чтобы история повторилась.

Хроника так называемых асимметричных конфликтов, в которых обычные вооруженные силы противостоят партизанским формированиям, слишком часто свидетельствует об эскалации насилия, от последствий которого страдает в основном гражданское население. Помимо прямых нападений на раненых или плененных гражданских лиц существует еще и значительный риск стирания границы между гражданскими лицами и комбатантами из-за использования повстанцами тактики смешения с населением. В условиях данного конфликта статус заключенных, содер-

жащихся в Баграме или Гуантанамо, вызвал серьезные правовые разногласия. Более того, боевые действия стали вестись с применением нового оружия — например, беспилотных летательных аппаратов, которыми управляют с расстояния в тысячи километров, а при организации засад на транспортные колонны применяются самодельные взрывные устройства, которые приводят в действие с помощью мобильных телефонов.

При рассмотрении таких явлений, как повторяющиеся асимметричные конфликты и достижения технологий, возникает вопрос: сохраняет ли по-прежнему международное гуманитарное право актуальность в условиях современных конфликтов?

Позвольте, прежде всего, напомнить еще раз, что оппозиционные вооруженные группы обязаны действовать в рамках правового поля. Это оговорено и в Женевских конвенциях, и в Дополнительных протоколах I и II. Аннисса Беллал, Жиль Джакка и Стюарт Кейзи-Маслен анализируют применимое право, утверждая, что права человека применимы также и к талибам. По их мнению, проблема заключается в имплементации правовых норм, поскольку тяжело установить диалог с этими группами. Привлекая талибов к диалогу в целях обеспечения более четкого соблюдения норм права, необходимо понять их концепцию войны и ограничивающих ее правил, хотя они могут отличаться от норм международного права или даже противоречить им. Сам «Талибан» определил для себя линию поведения в «Лайхе для моджахедов», а входящие в движение группы используют собственный воинский устав. Знакомясь с «Лайхой», можно понять менталитет этой группы, а пакистанский эксперт по исламу Мухаммад Мунир анализирует его с точки зрения законов ислама. Садия Табассум, читающая лекции по праву в Исламабаде, также опирается на эти законы, разъясняя особый статус повстанцев в исламском мире. Нисколько не устарев, международное гуманитарное право сохраняет свою актуальность для международного и афганского общественного мнения, когда речь идет об оценке действий международных сил и афганского правительства. Соблюдение норм права — один из важнейших критериев их законности и, в конечном итоге, успеха или неудачи.

Потери среди гражданского населения, являющиеся результатом ударов коалиционных сил, представляют собой острую проблему, касающуюся взаимоотношений между правительством Афганистана и международными силами. Как только американским президентом был избран Б. Обама, президент Карзай обратился к нему с просьбой о том, чтобы атаки коалиционных сил были направлены исключительно против четко обозначенных военных объектов. Недавно он потребовал от НАТО просто прекратить операции, приводящие к жертвам среди мирного населения. В 2009 г. командующий международными силами получил дополнительные подкрепления для проведения широкомасштабных наступательных действий. При этом была поставлена задача сокращать количество авианалетов и ночных рейдов, чтобы в максимально возможной степени избе-

гать гибели мирного населения, поскольку жертвы среди гражданских лиц подпитывают протестные настроения в афганском обществе и способствуют расширению рядов оппозиции.

Американские стратеги рекомендуют свести такие атаки к минимуму, хотя зачастую тем самым увеличивается риск для сухопутных подразделений, лишаящихся прикрытия. Это означает отказ от бомбардировок с воздуха, которые часто приводят к жертвам среди гражданских лиц, что подрывает попытки заручиться поддержкой населения. Однако этот вопрос не связан исключительно с тактикой: политический и оперативный выбор в пользу уменьшения количества жертв среди гражданских лиц с целью преодоления враждебности населения отвечает также требованиям права. Обязанность проводить различия между комбатантами и гражданскими лицами, соблюдение принципа соразмерности между военным преимуществом и потерями среди гражданского населения, а также принятие мер предосторожности при проведении атак являются главными принципами международного гуманитарного права и *как таковые* должны соблюдаться. В своей статье о влиянии конфликта на правила ведения боевых действий Робин Гайс и Михель Зигрист показывают, что международное право не только не утратило своего значения в связи с развитием событий в Афганистане, но и является как никогда актуальным.

Афганистан создает серьезные проблемы для гуманитарных организаций как в плане выбора линии поведения, так и в плане соблюдения нейтралитета. Члены коалиции изображают «Талибан» и его союзников в виде новых врагов человечества, с которыми любой диалог, даже по гуманитарным вопросам, может рассматриваться исключительно как участие в сговоре. Радикализация исламистских группировок привела к их полному неприятию со стороны иностранных организаций, оказывающих помощь, вне зависимости от их добрых намерений.

Однако помимо этих политических и идеологических аспектов, имеется ряд объективных факторов, которые исказили образ гуманитарных организаций, действующих на местах. Международные силы сами занимаются раздачей гуманитарной помощи и реализацией проектов по развитию, стремясь завоевать доверие людей. Таким образом, гуманитарная деятельность стала просто еще одним средством достижения цели в арсенале военного руководства. И похоже, что при всем этническом разнообразии и племенной раздробленности единственное, что объединяет афганцев — это неприятие «захватчиков». Можно ли надеяться на «завоевание их сердец и умов» — одно из выражений, используемых в рамках операций по подавлению повстанческого движения, — если помощь оказывают иностранцы с оружием в руках?

Количество вооруженных группировок сейчас растет, некоторые из них преследуют криминальные цели. Эти разнообразные группировки, непредсказуемые по своему поведению и часто соперничающие между собой, ограничивают возможности получить доступ к населению и представляют собой постоянную угрозу для персонала тех немногих органи-

заций, которые работают в Афганистане. Можно попасть в то или иное село или долину сегодня, но нет гарантий, что завтра доступ туда окажется открыт. Соглашение, достигнутое с одной группой, абсолютно не означает, что соперничающая или просто другая группировка будет его соблюдать.

Ответной мерой в этой небезопасной ситуации стало использование вооруженных конвоев, частных охранных компаний, а также размещение неправительственных и других организаций на защищенных объектах. Это выглядит так, будто такие организации являются инструментами для достижения политических и военных целей. Что еще хуже, их могут также рассматривать в качестве средств вестернизации афганского общества. Существует серьезная опасность того, что трудно будет провести различие между всеми этими разнообразными акторами, которые заявляют о своей принадлежности к гуманитарной сфере, но фактически не всегда являются нейтральными и беспристрастными и редко придерживаются принципа независимости.

В 2011 г. операция МККК в Афганистане стала самой масштабной операцией, проводимой этой организацией в мире. МККК открыл делегацию в Кабуле в 1987 г., а до этого он в течение шести лет оказывал помощь афганским беженцам и раненым афганцам в Пакистане. В ней до сих пор работают сотрудники, которые были там с самого начала и которым удается поддерживать деятельность по оказанию помощи жертвам, адаптируясь к меняющимся реалиям кризиса, продолжающегося тридцать лет. Альберто Каиро, например, возглавляет ортопедическую программу МККК в Афганистане с 1992 г. Его рассказ о годах работы в этой стране проиллюстрирован личной подборкой фотографий из архива МККК.

Работа в Афганистане является для МККК серьезной проверкой на прочность, но организация старается не следовать современной тенденции, когда организации, оказывающие помощь, укрываются за укрепленными стенами и используют при передвижениях своих сотрудников вооруженную охрану. Строго соблюдая принцип нейтральности, МККК может поддерживать диалог о соблюдении норм международного гуманитарного права со всеми сторонами в конфликте. Хотя ситуация остается нестабильной, а проблемы получения доступа к жертвам возникают практически ежедневно, деятельность МККК в Афганистане демонстрирует актуальность этого принципа во время конфликта.

Редакционная коллегия Журнала хотела также дать возможность самим афганцам высказать свое мнение на страницах издания. Тайба Рахим, президент ассоциации «Най Кала», женщина, обеспокоенная будущим своей страны, рассказывает о своей работе, направленной на то, чтобы оказать влияние на политических акторов и мобилизовать помощь для реализации проектов на местах. Ее рассказ подсказывает пути решения афганских проблем — они пролегают через образование, правосудие и верховенство закона, добровольную службу и признание роли женщин в процессе восстановления страны.

Предлагая Афганистан в качестве темы специального выпуска Журнала, редакция надеется принять участие в обсуждении политическими будущим этой страны с учетом того, чему можно научиться у самих афганцев, которые говорят: «Кровь нельзя смыть кровью» — выражение, смыслу которого мало придавали значения в течение последних 30 лет.

*Винсен Бернар,
главный редактор*

Н.В. Это тематическое издание Журнала, посвященное Афганистану, было подготовлено по инициативе Тони Пфаннера, занимавшего пост главного редактора с 2001 по 2010 г. По случаю ухода Т. Пфаннера из Журнала редакция хотела бы отметить значительные усилия, предпринятые им по модернизации нашего издания, и поблагодарить его за ту огромную работу, которую он выполнил на посту главного редактора.

Афганистан с точки зрения истории и географии

Уильям Мейли

Профессор Мейли является директором Азиатско-Тихоокеанского дипломатического колледжа с 1 июля 2003 г., ему принадлежит целый ряд публикаций об Афганистане.

Краткое содержание

Трудности, с которыми сталкивается Афганистан в настоящее время, в большой степени обусловлены его бурной историей и географическим положением. Эти факторы обусловили появление ослабленного государства, в дела которого легко вмешиваются самые разные внешние силы и которое к настоящему времени переживает уже не первое десятилетие трагических событий. Мятежники действуют по всей стране благодаря поддержке Пакистана, на территории которого обосновался «Талибан». И до тех пор, пока на этом фронте не будут достигнуты успехи, ситуация в Афганистане останется тупиковой.

: : : : : :

Афганистан более чем многие другие государства стал жертвой своей истории и географического положения. За три десятилетия после коммунистического переворота в апреле 1978 г. и советского вторжения в декабре 1979 г. он подвергся воздействию политических и идеологических сил, контролировать которые большинство его собственного народа не могло. Вторжение Советского Союза превратило его в поле сражения «холодной войны», а конец этой войны и распад Советского Союза превратили Афганистан в арену нового соперничества, на этот раз между региональными акторами, которые были полны решимости не допустить того, чтобы их конкуренты завоевали плацдарм в тени Гиндукуша. В 1937 г. французский дипломат Рене Долло назвал Афганистан «Азиатской

Швейцарией»¹. Ни один разумный аналитик не назовет так эту страну сейчас, хотя сравнение это напоминает о том, что приблизительно за 50 лет до коммунистического переворота Афганистан был, пожалуй, самой мирной страной Азиатского континента. В настоящей статье я постараюсь описать процессы, в ходе которых Афганистан перестал быть Азиатской Швейцарией, и исследовать некоторые последствия этих процессов для перспектив страны в будущем. В статье шесть разделов. В первом рассматривается развитие афганского государства как территориальной единицы, так и системы административных структур. Во втором разделе исследуются факторы, которые привели к политическому кризису 1978 — 1979 гг. Третий описывает ход и воздействие советского военного присутствия в Афганистане с 1979 по 1989 г., а в четвертом прослеживаются события с конца присутствия СССР в 1989 г. и до свержения режима «Талибана» в ноябре 2001 г. Пятый раздел посвящен политике Афганистана и ситуации в регионе в последующий период. В шестом предлагаются некоторые краткие выводы.

Развитие афганского государства

Изучать такое явление, как «образование государства», нелегко, поскольку само английское слово «государство» неоднозначно. С одной стороны, оно означает территориально ограниченную структуру, что эквивалентно значению слова «страна», с другой стороны, оно означает набор политических и административных единиц, которые контролируют или стремятся контролировать общественное пространство в рамках территориальной структуры, выполняя задачи по добыче ресурсов и мобилизации, управлению обществом и регулированию поведения². Эти два значения нельзя полностью разделить; например, в Конвенции Монтевидео 1933 г. о правах и обязанностях государства наличие «правительства» определяется как одно из условий, которым государство в первом значении термина должно удовлетворять. Тем не менее для анализа полезно было бы провести различие между этими двумя значениями, поскольку процессы, в ходе которых государства в этих двух значениях формируются, и сами являются в значительной степени разными.

Территориальные государства могут быть определены позитивно — распространенностью власти изнутри и негативно — границами распространения власти внешних сил или сочетанием того и другого. (Они также могут определяться расширением колониального господ-

1 René Dollot, *L'Afghanistan: histoire, description, mœurs et coutumes, folklore, fouilles*, Payot, Paris, 1937, p. 15.

2 Joel S. Migdal, *Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World*, Princeton University Press, Princeton, 1988, p. 4.

ства, а затем его сокращением, но этот процесс менее полезен нам для объяснения появления Афганистана.) Афганистан появился как классическое буферное государство, которое не только оказалось между Британской и Российской империями, но частично было сформировано благодаря соперничеству этих держав в XIX веке. Британцы укрепились в Индии, Россия осуществляла экспансию в Средней Азии путем создания целого ряда протекторатов, и это превратило Россию и Британию в потенциальных соперников в том, что стало называться «Большой игрой» (Турнирами теней)³. Однако в интересы обеих сторон не входило превращение их соперничества в настоящую войну, и поэтому существование буферного государства между двумя великими державами устраивало всех. В результате к концу XIX века границы того, что мы сейчас называем Афганистаном, были в основном установлены, хотя и не всегда так, как это удовлетворяло всех.

Политический и административный контроль

В политическом и административном смысле афганское государство обладало целым рядом отличительных черт. Прежде всего это было династическое государство. Изначально оно сформировалось как конфедерация племен в эпоху Ахмад-шаха Дуррани (1747—1772), и монархическая система существовала в течение двух веков. Однако почти в течение всего XIX века афганское государство имело преמודернистскую (досовременную) форму⁴, где налоги (или дань) собирались натурой, а не деньгами, а правители зависели от внешних покровителей, самым пресловутым из которых был Шах Шуджа (1803—1809, 1839—1843), чье имя стало синонимом малодушного подчинения влиянию покровителя. Конец XIX века стал свидетелем значительной консолидации государственной власти в годы правления эмира Абдул Рахман-хана (1880—1901), особенно в том, что касалось модернизации сбора налогов⁵ и готовности применить силу для того, чтобы установить контроль над другими центрами власти, но позже у правителей не было ни решимости, ни возможностей, которыми располагал «Железный эмир». Его преемник, Хабибулла, был осторожным и спокойным правителем, но это не предотвратило его убийства в 1919 г. Сын Хабибуллы, Аманулла, который был гораздо более решительным реформатором, хотел быстро модер-

3 Об этом процессе см.: Seymour Becker, *Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865—1924*, Harvard University Press, Cambridge, MA, 1968. Дополнительную информацию об англо-русском соперничестве см.: Karl E. Meyer and Shareen Blair Brysac, *Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia*, Basic Books, New York, 1999.

4 См.: Christine Noelle, *State and Tribe in Nineteenth-century Afghanistan: The Reign of Amir Dost Muhammad Khan (1826—1863)*, Curzon Press, Richmond, 1998.

5 См.: Hasan Kawun Kakar, *Government and Society in Afghanistan: The Reign of Amir 'Abd al-Rahman Khan*, University of Texas Press, Austin, 1979, pp. 73—91.

низировать страну, но столкнулся со все возрастающим сопротивлением и был в конце концов свергнут в 1929 г.⁶ После недолгого периода непуштунского правления трон вновь перешел к пуштунскому аристократу Надир-шаху, чье краткое правление закончилось его убийством в ноябре 1933 г. Трон унаследовал его 19-летний сын Закир-шах, он правил почти 40 лет до своего свержения в результате дворцового переворота, который возглавил его двоюродный брат Мухаммед Дауд в 1973 г. И только в результате коммунистического переворота в апреле 1978 г., когда Дауд был убит, пришел конец династическому правлению (но даже после этого Закир-шах вернется в Афганистан после 2001 г. как «Отец нации» и останется там до своей смерти в 2007 г., будучи невлиятельной, но популярной личностью в Кабуле).

Зависимость от нестабильных доходов

С течением времени афганское государство превратилось в государство «рантье», бюджет которого полностью зависел от таких нестабильных источников дохода, как иностранная помощь и поступления от продажи ограниченных природных ресурсов. Когда Закир-шах стал королем, основная часть государственных доходов формировалась из налогов на земельную собственность, и большинство государственных расходов финансировалось за счет внутренних источников. К началу так называемой «новой демократии» в 1964 г. 49% государственных расходов покрывалось за счет иностранной помощи⁷. Опасность, которая возникает из-за зависимости от таких поступлений, — прямой результат их нестабильности. Если приоритеты доноров изменяются, доходы государства могут уменьшиться; аналогичным образом, если мировые цены на основные экспортные товары падают, поступления от их продажи также могут сокращаться. Когда это происходит, маловероятно, что государство сумеет оправдать ожидания, возникновению которых у своего народа оно могло способствовать в хорошие времена, и в результате может пострадать его репутация или разразиться полномасштабный кризис легитимности. Если случается последнее, государству, для того чтобы выжить, могут потребоваться значительные усилия для преодоления трудностей с применением принудительных мер и других нелегитимных методов подавления.

6 Leon B. Poullada, *Reform and Rebellion in Afghanistan: King Amanullah's Failure to Modernize a Tribal Society*, Cornell University Press, Ithaca, 1973, pp. 160–213.

7 Barnett R. Rubin, *The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse in the International System*, Yale University Press, New Haven, 2002, p. 296.

Слабое присутствие за пределами столицы

Афганское государство было по существу слабым государством. С одной стороны, его присутствие повсеместно ощущалось во многих частях страны; с другой стороны, это было пассивное и дистанцированное присутствие. Иногда центральное государство могло сконцентрировать усилия, если это было необходимо для достижения его целей: например при подавлении восстания пуштунов сафи в 1947 г. или для того, чтобы сломить сопротивление против отмены ношения паранджи с 1959 г., в то время, когда премьер-министром был Мухаммед Дауд. Но это было скорее исключением, а не правилом. Чаще всего между государством и его подданными существовала значительная дистанция.

Государственным служащим не нравилось, когда их отправляли в провинции, а многие сельские жители считали, что городские бюрократы ничего не знают об укладе их жизни и об узаконенных традиционных структурах, которые регулировали общественные отношения⁸. Государство в том виде, в котором оно существовало, не было инструментом для проникновения в эти сложные отношения в сельских районах или для установления контроля над ними. Это стало, к сожалению, совершенно очевидным во время кризиса 1978 — 1979 гг.

Сложное геополитическое положение

Состояние афганского государства было до некоторой степени обусловлено сложным геополитическим положением Афганистана. Линия Дюрана 1893 г. поделила этнических пуштунов Юго-Западной Азии между Афганистаном и британской Индией. Когда в 1947 г. произошло разделение субконтинента, никто не услышал требования Афганистана о «самоопределении» пуштунов Индии. В результате Афганистан оказался единственным государством, проголосовавшим против принятия Пакистана в Организацию Объединенных Наций, что стало причиной напряженных отношений между этими государствами в течение последующих трех десятилетий⁹. Для пакистанских военных худшим кошмаром было увидеть свою страну между враждебной Индией и враждебным Афганистаном, и они готовы были ухватиться за любую возможность, чтобы изменить эту ситуацию. Как им показалось, свержение пропуштунского президента Дауда и, более того, даже вторжение Советского Союза в Афганистан, давали такую возможность.

8 Более подробно об этом см.: Thomas J. Barfield, 'Weak links on a rusty chain: structural weaknesses in Afghanistan's provincial government administration', in M. Nazif Shahrani and Robert L. Canfield (eds), *Revolutions and Rebellions in Afghanistan: Anthropological Perspectives*, Institute of International Studies, University of California, Berkeley, 1984, pp. 170—184.

9 Ситуация стала известной как «спор из-за Пуштунистана». См.: Rajat Ganguly, *Kin State Intervention in Ethnic Conflicts: Lessons from South Asia*, SAGE Publications, New Delhi, 1998, pp. 162—192.

Кризис 1978—1979 гг.

Коммунистический переворот в апреле 1978 г. толкнул Афганистан в социально-политическую пропасть, из которой ему еще предстоит выбираться. Причины были разнообразны, но с самого начала важно отметить, что это произошло не в результате какого-либо требования революционных изменений со стороны большинства афганского населения. Это, скорее, отражало серьезные разногласия внутри кабульской политической элиты. Разделение было вызвано появлением радикальных политических групп в период «Новой демократии» с 1964 по 1973 г. Две марксистские группировки, Хальк («Народ») и Парчам («Знамя»), выкристаллизовались в этот период и, несмотря на серьезное соперничество, объединились, сформировав Народно-демократическую партию Афганистана (НДПА)¹⁰. Эти группы вдохновлялись советской моделью, и хотя нет достоверных доказательств того, что апрельский переворот был организован СССР, его, как представляется, предупредили о перевороте заблаговременно¹¹, что неудивительно, поскольку многие афганские военные прошли подготовку в Советском Союзе. Режим Дауда не оправдал тех больших надежд, которые были вызваны к жизни его собственной риторикой о «революции», и достаточно было всего одной спички, чтобы произошел взрыв.

Саурская революция

17 апреля 1978 г. был убит выдающийся деятель фракции Парчам Мир Акбар Хайбер. Личности убийц остались не установленными, хотя многие возлагали вину на беспощадного Хафизуллу Амина, возглавлявшего фракцию Хальк¹². На похороны Хайбера пришли тысячи людей, режим Дауда запаниковал, и целый ряд коммунистических активистов был арестован. Это и спровоцировало переворот 27 апреля, который по существу совершили военные. Основными фигурами были Абдул Кадир и Мухаммад Рафи из фракции Парчам и Аслам Ватанджар и Саид Мухаммад Гулабзой из фракции Хальк. Однако после захвата дворца и убийства Дауда и его семьи ранним утром 28 апреля они уступили дорогу группе политиков — марксистов из числа гражданских лиц: Нур Мохаммаду Тараки и Хафизулле Амину из фракции Хальк и Бабраку Кармалю из фракции Парчам. Тараки считался лидером так называемой Саурской революции (инкилаб-е саур), которая получила свое название от названия того месяца в афганском

10 См. Anthony Arnold, *Afghanistan's Two-party Communism: Parcham and Khalq*, Hoover Institution Press, Stanford, 1983, pp. 52—56; Henry S. Bradsher, *Afghan Communism and Soviet Intervention*, Oxford University Press, Karachi, 1999, pp. 20—23.

11 Christopher Andrew and Vasili Mitrokhin, *The World Was Going Our Way: The KGB and the Battle for the Third World*, Basic Books, New York, 2005, p. 386.

12 См., например: Gilles Dorronsoro, *Revolution Unending: Afghanistan, 1979 to the Present*, Columbia University Press, New York, 2005, p. 85.

календаре, когда произошел переворот. С одной стороны, использование термина «революция» было неправильным: большинство афганцев, проснувшись, с удивлением услышали о том, что коммунисты взяли власть, и это никоим образом не было результатом движения масс. Однако, с другой стороны, название было заслуженным, поскольку новые марксистские правители быстро постарались произвести революцию сверху, что послужило началом серьезного конфликта между государством и его подданными.

По целому ряду причин период с апреля 1978 г. по декабрь 1979 г. характеризовался почти непрерывными волнениями. В первую очередь это было обусловлено тем, что политика новых правителей оказалась глубоко оскорбительной для убеждений и ценностей большого числа афганцев. Открыто признаваемый атеизм правителей сразу же отделил их от народа, а проводимая ими политика в таких областях, как земельная реформа, была и непродуманной, и провокационной. Столкнувшись с сопротивлением, они сразу же прибегли к жестким мерам принуждения для укрепления своего положения. В тюрьме Пул-е-Чарки, недалеко от Кабула, было казнено много заключенных. Саид Абдулла, комендант тюрьмы, заявил, что «в живых должен остаться всего миллион афганцев. Нам нужен миллион сторонников партии Хальк. Другие нам не нужны, мы от них избавимся»¹³. Однако силовые методы возымели эффект обратный тому, что ожидал от них режим, и в лагерь оппозиции вливалось все больше людей, которые брались за оружие в борьбе против режима. Хаос, вызванный политическими ошибками, усугублялся резкими разногласиями между Парчам и Хальк. Первыми жертвами оказались Кармаль и целый ряд его сподвижников, которых выслали за границу в качестве послов в течение трех месяцев со дня переворота. Позже в том же году партия Парчам подверглась еще одной чистке¹⁴, хотя кое-кому удалось выжить благодаря защите со стороны Советского Союза. Но это был не единственный раскол. В сентябре 1979 г. Амин сумел вытеснить другого члена Хальк, Тараки, который впоследствии был убит, затем начался период жесточайших репрессий. Последствия оказались также далеко идущими. Тараки, незадолго до того как его сняли с должности, был принят советским лидером Леонидом Брежневым, и советские руководители пришли в ярость от того, как стали развиваться события. Для Амина начался обратный отсчет времени.

13 Michael Barry, 'Répressions et guerre soviétiques', in *Les Temps Modernes*, Nos. 408–409, 1980, p. 183.

14 См.: Odd Arne Westad, 'Prelude to invasion: the Soviet Union and the Afghan communists, 1978–1979', in *International History Review*, Vol. 16, 1994, pp. 61–62.

Советское вторжение

Советское руководство уже давно было обеспокоено развитием событий в Афганистане, но сначала оно намеревалось остаться в стороне. 15 марта 1979 г. 17-я дивизия Армии Афганистана подняла мятеж в Герате, что явилось серьезным вызовом для режима. Тараки обратился за помощью к СССР, но председатель Совета министров, Алексей Косыгин, ответил очень сдержанно, слова его стоит процитировать:

«Размещение наших сил на территории Афганистана сразу же возмутит международное сообщество и повлечет за собой неблагоприятные последствия самого разнообразного характера... Я еще раз хотел бы подчеркнуть, что вопрос о размещении наших сил был рассмотрен нами со всех сторон; мы тщательно проанализировали все аспекты этого и пришли к выводу, что в случае введения наших войск ситуация в вашей стране не только не улучшится, но станет еще хуже. Нельзя отрицать, что нашим войскам придется сражаться не только с иностранными агрессорами, но и с некоторой частью вашего народа. А народ не прощает таких вещей»¹⁵.

К сожалению, к концу 1979 г. стареющий, часто болевший Косыгин уже почти не участвовал в процессе формирования политики, и убийство Тараки заставило советское руководство повернуться в другом направлении. 12 декабря 1979 г. на заседании Политбюро под председательством министра иностранных дел Андрея Громыко была одобрена рекомендация четырех советских руководителей и членов Политбюро — Генерального секретаря Коммунистической партии Брежнева, председателя Комитета государственной безопасности Юрия Андропова, министра обороны Дмитрия Устинова и самого Громыко — о введении войск в Афганистан. 27 декабря Амин был убит советскими спецназовцами во дворце Тадж-Бек на юге Кабула, а в 20.45 советская радиостанция заглушила сигнал кабульского радио и передала запись слов Бабрака Кармаля, объявившего о свержении Амина. Афганистану предстояло войти не только в новое десятилетие, но и в новую эру.

Советское вторжение сразу же превратило Афганистан из отдаленной провинции в основную арену борьбы в ходе «холодной войны». Центральное разведывательное управление США не предвидело этого вторжения, и администрация Картера была глубоко оскорблена случившимся¹⁶. Мотивация СССР была непостижима, и президент Картер понял этот поступок как намерение Советского Союза остановить поток нефти из Персидского залива, что представляло собой «самую серьезную угрозу

15 James G. Hershberg (ed.), 'New evidence on the Soviet intervention in Afghanistan', in *Cold War International History Bulletin*, Nos. 8—9, 1996—1997, p. 147.

16 Tim Weiner, *Legacy of Ashes: The History of the CIA*, Penguin, New York, 2007, pp. 365—367.

всеобщему миру после Второй мировой войны»¹⁷. Реакция администрации Картера, а затем и Рейгана, заключалась в вооружении группировок, противостоящих Советскому Союзу, с тем чтобы показать, что такое вторжение неприемлемо для международного сообщества. Этот подход оказался успешным, поскольку СССР в конце концов вывел свои войска в 1989 г.; но последствия оказались непредусмотренные и неожиданные.

Советско-афганская война

В результате советского вторжения в Афганистан сложилась глубоко парадоксальная ситуация. Присутствия советских сил было очевидно достаточным для того, чтобы афганское государство продолжало существовать, но сама зависимость существования государства от помощи СССР ограничивала его возможности добиться общей поддержки населения. Таким образом, советская помощь предлагала не стратегию для долгосрочного устойчивого правления, но, скорее, систему поддержания жизни, и когда она была отключена в конце 1991 г., коммунистический режим в Кабуле сразу же рухнул. В действительности афганское государство как автономная структура для добычи ресурсов и мобилизации развалилось после введения советских войск; масштаб проблемы долго не был замечен благодаря субвенциям СССР, но когда они прекратились, пал и режим. Однако возможным это стало благодаря мощному сопротивлению коммунистическому правлению в Афганистане. Вероятно, советские руководители надеялись завоевать честь и славу, убрав ненавистного Амина, но их новый ставленник, Бабрак Кармаль, презирался большинством, и те, кто хорошо знал историю Афганистана, называли его вторым Шахом Шуджей. Обстановка была не очень благоприятной для Кармалы, и он оказался невпечатляющим союзником.

Моджахеды

Сопrotивлялись советскому присутствию самые различные круги, но вооруженное сопротивление осуществлялось людьми, которые стали называться моджахедами, что означало «борцы за веру». Движение афганских моджахедов состояло из разных компонентов, включая политические партии, базирующиеся в основном в Пакистане, полевых командиров, обладающих влиянием различной степени в самом Афганистане, и общины, на поддержку которых они полагались¹⁸. Их разнообразие представляло собой

17 Gabriella Grasselli, *British and American Responses to the Soviet Invasion of Afghanistan*, Dartmouth Publishing Co., Aldershot, 1996, p. 121.

18 Больше информации о моджахедах можно найти в работах: Olivier Roy, *Islam and Resistance in Afghanistan*, Cambridge University Press, Cambridge, 1990, pp. 98–148; Abdulkader Sinno, *Organizations at War in Afghanistan and Beyond*, Cornell University Press, Ithaca, 2008, pp. 119–172.

силу в 1980-е гг. (их было трудно ассимилировать или обезглавить), но стало слабостью после 1991 г. (когда им не хватало согласованности для того, чтобы эффективно осуществлять государственную власть). Моджахеды отражали сложный характер афганского общества (которое очень дифференцировано по этническим, фракционным, географическим, экономическим и гендерным признакам) и демонстрировали целый ряд острых идеологических различий. Они включали в себя такие разные партии, как почти ленинская Хезб-е-Ислами (Исламская партия Афганистана), возглавляемая Гульбеддином Хекматияром, и умеренная Исламист Джамиат-е-Ислами (Исламское общество Афганистана) Бурхануддина Раббани, а также более мелкие партии под руководством таких деятелей, как Пир Саид Ахмад Гайлани и Сибхатулла Моджадидди, которые находились под влиянием суфизма и были сторонниками возвращения Закир-шаха, и Абдул Раб эль-Расул Сайяф, на которого более сильное влияние оказывали ваххабитские тенденции, зародившиеся на Аравийском полуострове. Через подобные партии стала поступать международная помощь, но на местах они были менее значимы, чем такие полевые командиры, как Хаджи Абдул Латиф в Кандагаре, Исмаил-хан в Герате и Ахмад-шах Масуд в Панджшерской долине к северу от Кабула¹⁹. Моджахеды были не в состоянии удерживать и оккупировать основные города, но в сельской местности они совершали очень эффективные нападения на силы СССР и режима по всей стране, что лишало последние даже видимости «победы».

Глобальная и региональная поддержка

На протяжении почти всех 1980-х гг. сопротивление моджахедов очень энергично поддерживали Соединенные Штаты Америки, возглавляемые президентом Рейганом, и Пакистан под руководством генерала Зия-уль-Хака. Однако каждое из этих государств имело собственные четко определенные интересы. Соединенные Штаты твердо намеревались нанести удар по основам советской власти, они рассматривали моджахедов как инструмент, который можно будет использовать для этой цели. У Пакистана же был сложный набор региональных интересов. Тлеющий пограничный конфликт с Афганистаном продолжался в течение десятилетий после 1947 г., и Пакистан, не желая, чтобы укрепилось положение секуляризованных, националистически настроенных афганцев, предпочел поддержать радикальных исламистов, таких как партия Хезб-е-Ислами Хекматияра²⁰, которая уже давно была верным клиентом пакистанских служб разведки. Соединенные Штаты, основной

19 Дополнительную информацию об этих партиях и командах см.: William Maley, *The Afghanistan Wars*, Palgrave Macmillan, New York, 2009, pp. 52–55.

20 См.: Mariam Abou Zahab and Olivier Roy, *Islamist Networks: The Afghan—Pakistan Connection*, Hurst & Co., London, 2004, pp. 53—57; Rizwan Hussain, *Pakistan and the Emergence of Islamic Militancy in Afghanistan*, Ashgate, Aldershot, 2005, pp. 93—133.

источник финансирования для закупки оружия, которым пользовались моджахеды, готовы были с этим мириться, хотя не являлись секретом и явные антизападные настроения Хезб-е-Ислами. Это очень раздражало таких полевых командиров, как Масуд, которые задавались вопросом о том, как же Хезб на самом деле воевала, и чувствовали, что создается монстр Франкенштейна, с которым в один прекрасный день придется как-то справляться. В этом отношении полевые командиры окажутся гораздо проницательнее, нежели политики в Вашингтоне или сотрудники ЦРУ в Исламабаде.

Вывод советских войск

В конце концов Советский Союз вывел свои войска из Афганистана. Новому руководству, возглавляемому Михаилом Горбачевым, который стал Генеральным секретарем Коммунистической партии Советского Союза в марте 1985 г., мало что нравилось из того, что связывало его страну с Афганистаном. На XXVII партийном съезде в феврале 1986 г. Горбачев назвал Афганистан кровоточащей раной²¹, и 5 мая Бабрака Кармая на посту Генерального секретаря Центрального комитета НДПА сменил д-р Наджибулла, который с 1980 по 1985 г. стоял во главе тайной полиции режима. 13 ноября 1986 г. Политбюро КПСС приняло решение вывести советские войска в течение двух лет. Наджибулле посоветовали принять меры по расширению основ режима путем «национального примирения», но раны, нанесенные войной, были слишком глубоки и, как сказал один аналитик, работа в тайной полиции «сама по себе дисквалифицировала его как архитектора национального примирения»²². С поставками из Советского Союза Наджибулле удалось пережить вывод советских войск в 1989 г., но, как впоследствии стало очевидно, его существование зависело от ресурсов, поставляемых СССР, используя которые, он покупал лояльность основных действующих лиц в различных частях страны. И как только источник таких ресурсов иссяк, почти сразу же его режим начал разваливаться, поскольку основные акторы изменили свою позицию; в апреле 1992 г. режим полностью рухнул²³.

Последствия войны были для Афганистана поистине ужасными. В период между 1978 и 1987 г. ежедневно в течение десяти лет погибали около 240 афганцев, число жертв среди гражданского населения в 50 раз превышало число жертв в 2010 г.²⁴ Этот высокий уровень смертности спрово-

21 Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. Москва, Издательство политической литературы, 1986. С. 69.

22 Ким Цаголов и Селиг С. Хэррисон. Афганская война: взгляд из сегодняшнего дня // журнал Восток. 1991. № 3. С. 53.

23 См.: Phillip Corwin, *Doomed in Afghanistan: A UN Officer's Memoir of the Fall of Kabul and Najibullah's Failed Escape*, 1992, Rutgers University Press, New Brunswick, NJ, 2003.

24 Noor Ahmad Khalidi, 'Afghanistan: demographic consequences of war, 1978—1987', in *Central Asian Survey*, Vol. 10, 1991, pp. 101—126.

ждался страшными и широкомасштабными военными преступлениями и нарушениями прав человека²⁵. Кроме того, наблюдалось серьезное и длительное перемещение населения и насильственная миграция, что вызвало стойкую социальную разруху²⁶. Из предвоенного оседлого населения, численность которого оценивалась в 13,05 млн человек, к началу 1990 г. около 6,2 млн человек жили за границей как беженцы, в основном в Пакистане и Иране. Лагеря беженцев в Пакистане выполняли двойную роль: они предоставляли защиту уязвимым беженцам, но в них также получали подготовку комбатанты²⁷, и в конце концов эти лагеря стали инкубатором для движения «Талибан», ядовитой и все же трагической силы, которая отражала не столько «традиции» афганского общества, сколько результаты разрушения жизненных устоев простых афганцев, происходившего десятилетиями. Афганистан получил очень глубокие раны в результате событий 1980-х гг., и ему предстоит пройти длинный путь, прежде чем появится хоть какая-то надежда на полное выздоровление.

Постсоветский хаос: моджахеды и «Талибан»

Крушение режима Наджибуллы привело к тому, что Кабул был захвачен подразделениями афганских моджахедов. Однако они столкнулись с двумя проблемами. Первая заключалась в том, что они унаследовали символы государства (а именно столицу), но государственные механизмы не функционировали: бюрократы разбежались, армия раскололась по этническим и религиозным принципам, и не было никаких учреждений, которые могли бы управлять добычей и перераспределением ресурсов. Мало какие движения сопротивления получали такое негодное наследство.

Соперничество в рядах моджахедов

Столь же серьезным было усиление соперничества между самими моджахедами. Хотя большинство лидеров моджахедов, принадлежащих к мусульманам-суннитам, подписали 24 апреля 1992 г. соглашение о формировании Руководящего совета (Шура-и-Кияди) под председательством

25 См.: Jeri Laber and Barnett R. Rubin, *'A Nation is Dying': Afghanistan under the Soviets 1979—87*, Northwestern University Press, Evanston, 1988; The Afghanistan Justice Project, *Casting Shadows: War Crimes and Crimes against Humanity 1978—2001*, Afghanistan Justice Project, Kabul, 2005; William Maley, 'Human rights in Afghanistan', in Shahram Akbarzadeh and Benjamin MacQueen (eds), *Islam and Human Rights in Practice: Perspectives Across the Ummah*, Routledge, New York, 2008, pp. 89—107.

26 См.: Susanne Schmeidl and William Maley, 'The case of the Afghan refugee population: finding durable solutions in contested transitions', in Howard Adelman (ed.), *Protracted Displacement in Asia: No Place to Call Home*, Ashgate, Aldershot, 2008, pp. 131—179.

27 Fiona Terry, *Condemned to Repeat? The Paradox of Humanitarian Action*, Cornell University Press, Ithaca, 2002, pp. 55—82; Sarah Kenyon Lischer, *Dangerous Sanctuaries? Refugee Camps, Civil War, and the Dilemmas of Humanitarian Aid*, Cornell University Press, Ithaca, 2005, pp. 44—72.

профессора Моджадидди, Гульбедин Хекматияр отказался участвовать в нем; его представитель ранее заявил, что «Хекматияр не может согласиться на участие в том, куда входит Ахмад-шах Масуд»²⁸. Несмотря на несколько последующих попыток урегулировать эти разногласия, они остались источником серьезной напряженности²⁹, и когда в конце концов Хекматияр вернулся в Кабул в качестве «премьер-министра» в июне 1996 г., его присутствие лишь испортило репутацию правительства, которое к тому времени возглавлял Бурхануддин Раббани.

Одна из главных причин этого заключалась в том, что соперничество среди моджахедов привело к жестокому вооруженному конфликту, в результате которого сильно пострадала и сама столица. И хотя в Афганистане в целом уровень смертности сильно снизился в это время, в Кабуле все было наоборот. Разные районы города попали под контроль различных сил. На западе это была шиитская Партия единства — Хезб-е-Вахдат; силы, верные Масуду, — на севере; ополчение, связанное с бывшим коммунистическим командиром Абдул Рашидом Дустумом — в районе Бала-Хиссар; а сторонники Абдул Раб эль-Расул Сайяфа — в Пагмане. Бои между партией Хезб-е-Вахдат и силами Сайяфа впервые начались в июне 1992 г.³⁰ Кроме того, ракетные удары были нанесены по городу силами Хезб-е-Ислами, расположенными к югу, у которых было оружие, собранное в 1980-е гг. Они пытались не допустить того, чтобы кто-то правил страной, если сам Хекматияр не мог этого сделать. Раббани отозвался о Хекматияре как об «опасном террористе, которого следует изгнать из Афганистана»³¹. Для жителей последствия этого периода были чудовищными, совершались широкомасштабные военные преступления различными силами, которые участвовали в конфликте³². Только в марте 1995 г. Масуду удалось удерживать город и его пригороды. Однако наступившее затишье оказалось кратковременным.

Появление «Талибана»

Именно в таких обстоятельствах в 1994 г. на сцену выходит движение «Талибан», захватив сначала Кандагар, затем Герат в 1995 г. и, наконец, Кабул в сентябре 1996 г.³³ «Талибан» — это просто множественное число

28 In *International Herald Tribune*, 22 April 1992, p. 2.

29 См.: William Maley, 'The future of Islamic Afghanistan', in *Security Dialogue*, Vol. 24, December 1993, pp. 388–390.

30 Kristian Berg Harpviken, *Political Mobilization among the Hazara of Afghanistan: 1978–1992*, Report No. 9, Department of Sociology, University of Oslo, Oslo, p. 113.

31 BBC, *Summary of World Broadcasts*, FE/1461/B/1, 17 August 1992.

32 См.: Human Rights Watch, *Blood-stained Hands: Past Atrocities in Kabul and Afghanistan's Legacy of Impunity*, Human Rights Watch, New York, 2005.

33 Более подробно о восхождении «Талибана» см.: Anthony Davis, 'How the Taliban became a military force', in William Maley (ed.), *Fundamentalism Reborn? Afghanistan and the Taliban*, Hurst & Co., London, 1998, pp. 43–71; Neamatollah Nojumi, *The Rise of the Taliban: Mass Mobilization, Civil War, and the*

арабского слова «студент», произнесенного на персидский манер, и различные «фронты талибов» существовали в Афганистане с начала 1980-х гг. Однако это движение было другим. Это были, скорее, обычные войска. Их появление в сущности отражало желание Пакистана видеть какую-то силу, которая могла бы оккупировать и удерживать значительные части территории, которые не сумела удержать Хезб-е-Ислами Хекматияра. Министр внутренних дел Пакистана, генерал-майор в отставке Насрулла Бабар, называл талибов «наши ребята», что приводило в ярость министра иностранных дел Пакистана³⁴. Пакистан сыграл главную роль в оказании поддержки движению «Талибан» — как указывает «Хьюман Райтс Уотч»:

«Из всех иностранных держав, предпринимающих попытки, направленные на продолжение боев и манипулирование ими, Пакистан можно выделить особо в силу как масштаба его задач, так и значимости усилий, имея в виду организацию сбора средств для «Талибана», финансирование его операций, предоставление дипломатической поддержки в качестве настоящего эмиссара «Талибана» за границей, организацию подготовки боевиков «Талибана», вербовку опытных и необученных бойцов для службы в армии «Талибана», планирование наступательных операций и руководство ими с обеспечением поставок военного снаряжения и топлива, а в нескольких случаях, видимо, непосредственное предоставление оперативного обеспечения³⁵.

Следствие беспощадности «Талибана»

К огорчению для Пакистана действия «Талибана» быстро заставили всех отвернуться от него. Министр иностранных дел Пакистана Абдул Саттар отметил: «Исламабад не предвидел, что на мировой арене «Талибан» будет считаться созданием Пакистана... Пакистан, как единственный друг «Талибана», считался виновником проводимой этим движением политики»³⁶. Его политика в отношении женщин была осуждена мировым сообществом³⁷, а его обращение с меньшинствами было часто чудовищ-

Future of the Region, Palgrave, New York, 2002, pp. 117—124; Michael Griffin, *Reaping the Whirlwind: Afghanistan, Al Qa'ida and the Holy War*, Pluto Press, London, 2004, pp. 30—47; Steve Coll, *Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan and Bin Laden, from the Soviet Invasion to September 10, 2001*, Penguin, London, 2005, pp. 280—300; Roy Gutman, *How We Missed the Story: Osama Bin Laden, the Taliban, and the Hijacking of Afghanistan*, United States Institute of Peace Press, Washington, DC, 2008, pp. 61—79; Robert D. Crews and Amin Tarzi (eds), *The Taliban and the Crisis of Afghanistan*, Harvard University Press, Cambridge, MA, 2008; Ahmed Rashid, *Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia*, Yale University Press, New Haven, 2010, pp. 17—30.

34 См.: S. Iftikhar Murshed, *Afghanistan: The Taliban Years*, Bennett & Bloom, London, 2006, p. 45.

35 Human Rights Watch, *Afghanistan — Crisis of Impunity: The Role of Pakistan, Russia and Iran in Fuelling the Civil War*, Human Rights Watch, New York, 2001, p. 23.

36 Abdul Sattar, *Pakistan's Foreign Policy 1947—2005*, Oxford University Press, Karachi, 2007, p. 227.

37 См. известную публикацию: Physicians for Human Rights, *The Taliban's War on Women: A Health and Human Rights Crisis in Afghanistan*, Physicians for Human Rights, Boston, 1998.

ным, в августе 1998 г. в Мазари-Шарифе более 2 тыс. этнических хазарейцев были убиты в течение всего трех дней самым ужасным образом, как это описано сотрудником Управления верховного комиссара по делам беженцев ООН:

«Некоторых застрелили на улицах. Многие были казнены в своих домах, после того, как районы города, заселенные жителями из этой этнической группы, были систематически блокированы и подвергались обыскам. Некоторые умирали от жары или удушья, когда их оставляли в запечатанных металлических ящиках под августовским солнцем. По крайней мере в одной больнице 30 беспомощных пациентов были убиты в постели. Тела многих жертв были оставлены на улицах или в домах, как четкое предупреждение оставшимся жителям города. Охваченные ужасом свидетели видели собак, рвущих трупы, но через громкоговорители или по радио жителям было приказано не убирать и не хоронить их»³⁸.

Кроме таких зверств были и акты вандализма, например, уничтожение знаменитых Бамианских Будд в марте 2001 г. Поскольку под руководством Ахмад-шах Масуда сопротивление «Талибану» продолжалось, движение не смогло сохранить за собой место Афганистана в ООН, и дипломатическое признание режим получил только со стороны Пакистана, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов.

Конец режиму «Талибана» пришел достаточно быстро. Хотя террористической организации Усамы бен Ладена «Аль-Каида» удалось совершить убийство Масуда 9 сентября 2001 г., ее нападения на США двумя днями позже привели к непосредственному вторжению США в октябре 2001 г. (операция «Несокрушимая свобода»), которому «Талибан» был абсолютно не в состоянии противостоять. К середине ноября Кабул пал под натиском антиталибских сил, и к середине декабря большинство лидеров «Талибана» бежали в Пакистан. Легко забылось, как быстро режим «Талибана» рухнул, когда появилась более мощная сила; урок заключается в том, что в таких конфликтах, как в Афганистане, жизненно важно действовать быстро и сохранять темп.

Афганистан после 2001 г.

Период после свержения режима талибов в ноябре—декабре 2001 г. принес как достижения, так и разочарования. Результаты исследований показывают, что 54% афганских респондентов чувствуют, «что их семьи сегодня живут лучше, чем во время режима «Талибана», а 78% согласны с

38 Rupert C. Colville, 'One massacre that didn't grab the world's attention', in *International Herald Tribune*, 7 August 1999.

тем, что «у демократии, может, и есть проблемы, но она лучше, чем любая другая форма правления»³⁹. Однако страна очень неоднородна: местные политические условия разнообразны, словно узоры калейдоскопа. Более того, любая случайная дискуссия в Афганистане сразу же превращается в поток жалоб, и многие из них обусловлены конкретными ошибками, допущенными в переходный период после 2001 г. Можно выделить пять конкретных проблем.

Слабое правительство

Во-первых, Афганистан наделил собственными слабостями свои новые политические учреждения. Боннское соглашение декабря 2001 г. предусматривало до 29 правительственных учреждений, хотя достаточно было бы иметь от шести до восьми, и это создало условия для соперничества между учреждениями, контролируемые различными политическими фракциями. Более того, Конституция Афганистана 2004 г., установив сильную президентскую систему, создавала перегруженное ведомство в центре исполнительной власти и обеспечивала такое положение, при котором основные вопросы не рассматриваются до тех пор, пока президент не обратит на них внимание. Кроме того, решение США не распространять присутствие Международных сил содействия безопасности (ISAF) за пределы Кабула в 2002 г. более или менее заставило нового афганского лидера Хамида Карзая предложить властные полномочия в провинциях и районах вооруженным акторам, которые иначе могли бы помешать ему укрепить свое положение. Это привело к маргинализации законных местных руководителей, особенно в племенных структурах Пуштунов, в конечном итоге испортило репутацию нового государства, а также вызвало серьезные проблемы, связанные с семейственностью и плохим управлением⁴⁰.

Коррупция

Во-вторых, плохое управление и коррупция были эндемическими проблемами, усугубляемыми возрождением производства опиума и неудачами в восстановлении судебной системы, способной обеспечить соблюдение законности. С законностью дело обстоит крайне плохо, в результате чего для большинства афганцев внушительные гарантии прав, изложенные в конституции и различных законах, существуют только на бумаге⁴¹. Среди

39 Ruth Rennie, Sudhindra Sharma, and Pawan Sen, *Afghanistan in 2009: A Survey of the Afghan People*, The Asia Foundation, Kabul, 2009, pp. 43, 100.

40 William Maley, *Rescuing Afghanistan*, Hurst & Co., London, 2006, p. 128; Sarah Chayes, *The Punishment of Virtue: Inside Afghanistan after the Taliban*, Penguin Press, New York, 2006; Antonio Giustozzi, *Koran, Kalashnikov and Laptop: The Neo-Taliban Insurgency in Afghanistan*, Hurst & Co., London, 2007, p. 16.

41 Более подробно см.: Whit Mason (ed.), *The Rule of Law in Afghanistan: Missing in Inaction*, Cambridge University Press, Cambridge, 2010.

основных факторов, порождающих проблему, взяточничество: судей можно легко купить⁴². По мнению организации Integrity Watch Afghanistan:

«Один взрослый из семи, то есть приблизительно 1 677 тыс. человек сталкивались в 2009 г. со взяточничеством самым непосредственным образом. 28% афганских семей давали взятки для того, чтобы воспользоваться какой-либо коммунальной услугой... В 2009 г. средний размер взятки, которую приходилось платить, составлял 7 769 афгани (156 долларов США). Это огромная сумма в стране, где доход на человека в год равняется 502 долларам⁴³.

Доходы, получаемые от торговли опиумом⁴⁴, были не только источником финансирования деятельности противников правительства, но частично шли на взятки и подкуп, так же как и щедрые контракты, предоставляемые афганцам, которые рассматривались как лица, имеющие полезные связи. Верхи в Афганистане не имеют серьезного намерения искать решение этих проблем. Как ни печально, это стало очевидным, когда президент Карзай постарался защитить своего помощника, арестованного в июле 2010 г. за вымогательство взятки. Президент гневно обрушился на афганские и международные учреждения, которые попытались привлечь обвиняемого к ответственности; по словам руководителя администрации г-на Карзая, президент хотел, чтобы эти учреждения действовали «в рамках афганской системы»⁴⁵.

Покровительство и альянсы

Это указывает на третью проблему: политическому руководству Афганистана было не под силу принять на себя управление страной. Взгляды президента Карзая сформировались в 1980-е гг. в Пешаваре, в условиях отсутствия государственной власти, и его понятие о политике, по сути, предполагает не выработку политической линии и ее проведение в жизнь, но выстраивание отношений покровительства и родственных связей. В конце 2009 г. посол США в Афганистане, Карл У. Эйкенберри, отметил в своей телеграмме в Вашингтон:

42 Paul Watson, 'In Afghanistan, money tips the scales of justice', in *Los Angeles Times*, 18 December 2006; Keith B. Richburg, 'In Afghanistan, U.S. seeks to fix a tattered system of justice', in *Washington Post*, 28 February 2011.

43 Integrity Watch Afghanistan, *Afghan Perceptions and Experiences of Corruption: A National Survey 2010*, Integrity Watch Afghanistan, Kabul, July 2010, p. 10. См. Также: United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), *Corruption in Afghanistan: Bribery as Reported by the Victims*, UNODC, Vienna, January 2010; Manija Gardizi, Karen Hussmann, and Yama Torabi, *Corrupting the State or State-crafted Corruption? Exploring the Nexus between Corruption and Subnational Governance*, Afghanistan Research and Evaluation Unit, Kabul, June 2010.

44 Gretchen Peters, *Seeds of Terror: How Heroin is Bankrolling the Taliban and Al Qaeda*, Thomas Dunne Books, New York, 2009.

45 Rajiv Chandrasekaran, 'Karzai seeks to limit role of U.S. corruption investigators', in *Washington Post*, 9 September 2010.

«Президент Карзай не является настоящим стратегическим партнером... Карзай продолжает избегать ответственности за осуществление любых полномочий, связанных с суверенной властью, будь то в области обороны, управления или развития... Было бы слишком легковерно ожидать, что Карзай серьезно изменится на этой стадии развития наших отношений, будучи уже сформировавшимся человеком»⁴⁶.

Трагизм положения Карзая заключался в том, что со временем его сильные стороны играли все менее важную роль, а его слабые стороны становились все более ощутимой помехой. Проблема усугублялась тем, что его окружали корыстные и склонные к заговорам и интригам сторонники⁴⁷, и в конце концов это привело к катастрофе во время президентских выборов в августе 2009 г., когда серьезная подтасовка голосов с целью обеспечить еще один срок для Карзая подорвала его легитимность как в стране, так и в глазах западной общественности⁴⁸.

Ирак: фатальный выбор приоритетов

Проблема четвертая заключалась в том, что США, перенеся внимание на Ирак с конца 2002 г., в жизненно важный момент лишили Афганистан кислорода, и это способствовало возобновлению активной поддержки «Талибана» со стороны Пакистана. Основную ответственность за это несут бывший президент США Буш, вице-президент Чейни и министр обороны Рамсфельд, поскольку они опрометчиво предполагали, что в такой стране, как Афганистан, где десятилетиями царил хаос, стабильности можно добиться в течение нескольких месяцев. Последствия того, что внимание было перенесено на Ирак, оказались серьезными и долговременными. В 2007 г. адмирал Майкл Г. Муллен, председатель Комитета начальников штабов вооруженных сил США заявил, что «в Афганистане мы делаем то, что можем. В Ираке мы делаем то, что должны»⁴⁹. Трудно представить себе более ошибочное распределение приоритетов в Вашингтоне.

Все расширяющиеся действия мятежников

И наконец, что наиболее важно, Афганистан столкнулся с расширением непрекращающихся мятежных действий со стороны «Талибана». Огромное

46 Ambassador Karl W. Eikenberry, 'COIN strategy: civilian concerns', US Department of State Cable No. Kabul 03572, Kabul, November 2009.

47 Elizabeth Rubin, 'Karzai in his labyrinth', in *New York Times*, 9 August 2009.

48 О мошенничестве во время выборов 2009 г. см.: Martine van Biljert, *Polling Day Fraud in the Afghan Elections*, AAN Briefing Paper 03/2009, The Afghanistan Analysts Network, Kabul, 2009, доступно по адресу: <http://aan-afghanistan.com/uploads/20090903pollingfraud.pdf> (последнее посещение 15 марта 2011 г.); и Thomas Ruttig, *Afghanistans Wahlkrise: Die gefälschte Präsidentschaftswahl und Strategien für 'danach'*, Stiftung Wissenschaft und Politik, Berlin, 2009.

49 Robert Burns, 'Mullen: Afghanistan isn't top priority', in *Washington Post*, 11 December 2007.

число афганцев живут в страхе, понимая, что они не защищены от грабежа со стороны мятежников и что государственные органы не могут или не хотят им помочь. Причиной того, что многие афганцы перестали поддерживать правительство Карзая, послужили коррупция и плохое управление, а жертвы среди гражданского населения вызвали напряженность в отношениях с НАТО⁵⁰. Но повстанческие действия возобновились еще до того, как эти проблемы стали очевидными. Действительно, одним из первых сигналов возрождения «Талибана» стало убийство 27 марта 2003 г., уже через неделю после начала вторжения США в Ирак, сотрудника Красного Креста Рикардо Мунгия недалеко от Кандагара⁵¹. Действия мятежников явным образом отражали намерение Пакистана вмешаться в события переходного периода в Афганистане самым деструктивным образом⁵². В августе 2007 г. президент Пакистана Первез Мушарраф публично признал во время визита в Кабул: «Нет никакого сомнения в том, что афганские боевики получают поддержку с пакистанской земли. Проблема, с которой вы сталкиваетесь в вашем регионе, заключается в том, что поддержка оказывается с нашей стороны»⁵³. Больше нечего добавить: как суверенное государство Пакистан, несомненно, обязан не допустить использования своей территории таким образом. К сожалению, он не сделал этого, и свидетельства, которых становится все больше, говорят о его двуличности, поскольку афганские талибы продолжали получать активную поддержку военных кругов⁵⁴. Это, что совершенно понятно, приводит в ярость Соединенные Штаты и Афганистан: в сообщении от мая 2010 г. говорится, что «в соответствии с последними данными разведки, границу пересекли грузовики, полные боевиков «Талибана» и самого различного оружия Через КПП, контролируемые пакистанцами, их легко пропустили в Афганистан, для того чтобы они убивали американцев»⁵⁵. Значение этого двуличного поведения нельзя недооценивать, потому что, как сказал Барфильд, «если Пакистан когда-либо изменит свою политику оказания поддержки, как он сделал это в отношении Муллы Омара в 2001 г., мятежникам в Афганистане будет нанесен

50 См.: Human Rights Watch, *'Troops in Contact': Airstrikes and Civilian Deaths in Afghanistan*, Human Rights Watch, New York, 2008.

51 См.: William Maley, 'The "war against terrorism" in South Asia', in *Contemporary South Asia*, Vol. 12, June 2003, p. 214.

52 См.: William Maley, 'Pakistan—Afghanistan relations', in Michael Clarke and Ashutosh Misra (eds), *Pakistan's Stability Paradox*, Routledge, New York, 2011.

53 Taimoor Shah and Carlotta Gall, 'Afghan Rebels Find Aid in Pakistan, Musharraf Admits', in *The New York Times*, 13 August 2007.

54 См., например: Daniel Byman, *Deadly Connections: States that Sponsor Terrorism*, Cambridge University Press, Cambridge, 2005, p. 195; Ahmed Rashid, *Descent into Chaos: The United States and the Failure of Nation Building in Pakistan, Afghanistan, and Central Asia*, Viking Press, New York, 2008, pp. 249—250; Seth G. Jones, *In the Graveyard of Empires: America's War in Afghanistan*, W.W. Norton, New York, 2009, pp. 256—273; Matt Waldman, *The Sun in the Sky: The Relationship between Pakistan's ISI and Afghan Insurgents*, Discussion Paper No. 18, Crisis States Research Unit, London School of Economics and Political Science, London, June 2010.

55 Bob Woodward, *Obama's War*, Simon & Schuster, New York, 2010, p. 367.

смертельный удар»⁵⁶. Афганистаном дурно управляли с 2001 г., но ему приходилось справляться с ползующим вторжением со стороны своего восточного соседа.

Выводы

Множество различных уроков может быть извлечено из опыта Афганистана за последние три десятилетия, но не многие из них являются обнадеживающими с точки зрения простых афганцев. Слишком часто их интересами пренебрегали в ходе политической борьбы внутри их страны. Писательница Дорис Лессинг как-то процитировала горькое замечание одного из своих афганских знакомых: «Мы кричим, обращаясь к вам за помощью, но ветер уносит наши слова»⁵⁷. Многие международные деятели были готовы использовать страдания афганцев, не сопереживая им сколько-нибудь серьезно; в конечном итоге это может лишь вызвать сильные сомнения относительно мотивов Запада, когда он посылает войска и поставляет ресурсы на афганский театр военных действий⁵⁸. Реально оценивая ситуацию, следует признать существование угроз для Афганистана, но рассматривать их надо в свете принципов, заложенных в положениях Устава ООН, в международном праве и нормах, принятых международным сообществом. Опасность заключается в том, что вместо этого судьба Афганистана будет определяться грубой формой «realpolitik», в которой основное внимание сосредоточено на краткосрочном решении проблем.

Поскольку западное общество все слабее поддерживает идею выполнения обязательств по отношению к Афганистану, представляется, что желание натовских столиц заключить какую-нибудь сделку с афганским руководством «Талибана» становится все сильнее. Однако опасность, связанную с любыми такими попытками следует оценить должным образом⁵⁹. Сам разговор о переговорах с «Талибаном» крайне тревожен для таких групп в Афганистане, как женщины и этнические и религиозные меньшинства, которые пострадали при талибах в прошлом⁶⁰, и может вызвать все возрастающий поток беженцев из страны. Сами талибы не проявили серьезного намерения вести переговоры, и, будучи сильно идеологизированным

56 Thomas Barfield, *Afghanistan: A Cultural and Political History*, Princeton University Press, Princeton, 2010, p. 328.

57 Doris Lessing, *The Wind Blows Away Our Words*, Pan, London, 1987.

58 В своей пропагандистской деятельности талибы стремились представить присутствие иностранных войск в Афганистане как основную проблему, см.: *Taliban Propaganda: Winning the War of Words?*, International Crisis Group, Kabul and Brussels, 2008. Однако очень мало свидетельств того, что большинство афганцев в настоящее время хотели бы вывода войск НАТО и ISAF из их страны.

59 Ashley J. Tellis, *Reconciling with the Taliban? Toward an Alternative Grand Strategy in Afghanistan*, Carnegie Endowment for International Peace, Washington, DC, 2009.

60 См., например: Human Rights Watch, *The 'Ten Dollar' Talib and Women's Rights*, Human Rights Watch, New York, 2010.

движением⁶¹, они вряд ли откажутся от каких-либо из своих фундаментальных положений, хотя в силу тактических причин они могли бы постараться выглядеть менее экстремистски. Любая договоренность с «Талибаном» о разделении власти проживет, возможно, только до тех пор, пока они не соберутся с силами, чтобы захватить всю власть. Не следует недооценивать тот вред, который это может принести, в том числе и расширение рядов экстремистов, поскольку радикальные силы, конечно, будут трубить о том, что сверхдержава потерпела еще одно поражение от рук истинно верующих. И возвращение «Талибана» на центральную сцену в результате недалековидной «сделки» совсем не принесет мира в Афганистан, а напротив, может вновь превратить его в театр напряженного вооруженного соперничества между афганскими актерами, получающими поддержку от таких стран, как Пакистан, Иран, США и Россия, и послужить причиной волнений уже в более широком регионе Южной и Юго-Западной Азии.

Самая большая опасность для порядка в Афганистане исходит из укрытий и баз талибов в Пакистане. Нежелание западных правительств открыто говорить об этой проблеме сокрушило надежды афганских политиков и простых граждан⁶² и может привести к раздуванию теорий заговора (которые уже существуют) в отношении целей Запада в Афганистане. Проблема Пакистана очень не проста: Соединенные Штаты зависят от доступа к территории Пакистана для того, чтобы вести снабжение своих войск в Афганистане; в теории переговоров можно услышать предупреждение, что нельзя загонять партии в тупик, из которого они не могут выйти с достоинством; и позитивные стимулы часто приводят не только к угрозам⁶³. Однако в случае с Пакистаном позитивные стимулы имели довольно высокую цену, а реальных результатов не было⁶⁴. Если более широкий мир и дальше постарается не замечать того, что происходит, отрицательные последствия для Афганистана, Пакистана и для регионального и мирового порядка в более общем плане могут быть серьезными и, возможно, непредсказуемыми⁶⁵.

61 Идеологический аспект «Талибана» часто недооценивается. А его очень важно учитывать, поскольку это объясняет, почему отношение к «Талибану», как к «представителю» пуштунов Афганистана, является крайне упрощенным. См.: Thomas Ruttig, *How Tribal are the Taleban? Afghanistan's Largest Insurgent Movement Between its Tribal Roots and Islamist Ideology*, AAN Thematic Report 04/2010, The Afghanistan Analysts Network, Kabul, June 2010, доступно по адресу://aan-afghanistan.com/uploads/20100624TR-HowTribalAretheTaleban-FINAL.pdf (последнее посещение 15 марта 2011 г.).

62 См., например: Rangin Dadfar Spanta, 'Pakistan is the Afghan war's real aggressor', in *Washington Post*, 23 August 2010, p. A13.

63 См.: Miroslav Nincic, 'Getting what you want: positive inducements in international relations', in *International Security*, Vol. 35, Summer 2010, pp. 138–183.

64 См.: Craig Cohen and Derek Chollet, 'When \$10 billion is not enough: rethinking U.S. strategy toward Pakistan', in *Washington Quarterly*, Vol. 30, April 2007, pp. 7–19.

65 См.: Bruce Riedel, 'Armageddon in Islamabad', in *The National Interest*, No. 102, July–August 2009, pp. 9–18; Michael E. O'Hanlon and Hassina Sherjan, *Toughing It Out in Afghanistan*, Brookings Institution Press, Washington, DC, 2010, pp. 4–8; см. также: Seth G. Jones and C. Christine Fair, *Counterinsurgency in Pakistan*, RAND National Security Research Division, Santa Monica, 2010.

Динамичное взаимодействие между религией и вооруженным конфликтом в Афганистане

Кен Гест

Кен Гест, ранее боец диверсионно-десантных войск, получивший подготовку для ведения военных действий в горах и арктических зонах. Уйдя из армии, начал работать независимым журналистом, специализирующимся на репортажах о партизанской войне. Он освещал советско-афганскую войну с 1980 по 1989 г., более тридцати раз совершал переходы вместе с моджахедами. Продолжает регулярно писать об Афганистане до сегодняшнего дня, проведя недавно в Афганистане три года. Этот журналист является членом комитета Фонда имени Рори Пека, членом-основателем клуба Frontline, он получил награду Королевского общества телевидения за лучший документальный фильм-расследование (об Афганистане).

Краткое содержание

При рассмотрении этой темы важнее всего понять, как сами афганцы воспринимают ситуацию. Следует также учитывать факторы, касающиеся окружающей среды, верований и характера, это более всего формирует их реакцию. Особенности окружающей среды легко определить и описать, но характер афганцев, их взаимоотношения с исламом и то, как эти два фактора сочетаются, обуславливая их методы ведения войны, это более сложные вопросы — поистине гордиев узел. Однако если прошлое аккуратно наложить на настоящее, возникает понимание контекста, что является ключом к решению загадки.

• • • • •

В начале XXI века в результате террористического нападения на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 г. и последующих событий во всех дискуссиях, касающихся Афганистана, доминируют две темы: война и ислам. Допуская некоторое расхождение во мнениях даже у единомышленников, можно сказать, что участники дебатов разделяются на два лагеря: одни придерживаются западной интерпретации, а другие склоняются к тому, чтобы учитывать восприятие ситуации на местах. У сторонников обоих лагерей одни и те же вопросы, требующие толкования, и неправильное понимание позиций друг друга и событий на местах. Причиной тому в основном служит ошибочное представление о прошлом и настоящем и некоторое манипулирование и тем и другим для того, чтобы обосновать точку зрения или политическую программу, связанную с современным восприятием потребностей. Различные конкурирующие толкования осложняют рассмотрение как вопросов религии, так и войны в Афганистане. Настоящая статья является попыткой объяснить «динамическое взаимодействие между религией и вооруженным конфликтом в Афганистане» на основании конкретной реальности, а не умозрительных толкований.

И когда есть такая объемная и интересная тема, очень соблазнительно, хотя и неблагоразумно попытаться раскрыть ее в изоляции от сложившихся на данный момент обстоятельств. Совершенно неизбежно, что ландшафт, климат и существующие социальные условия оставляют свой отпечаток на характере людей, которые должны выносить множество испытаний, связанных с условиями их жизни. Все это имеет глубинное воздействие на их подход к жизни, их веру и те методы ведения войны, которые кажутся им предпочтительными. Поэтому, пытаясь понять взаимодействие между верой и вооруженным конфликтом в Афганистане, целесообразно, прежде всего, произвести разведку местности и характера окружения, в котором эти факторы действуют. Чтобы сдуть пыль, мешающую четко увидеть поле сражения, я выделил самые важные факторы, которые наиболее сильно повлияли на религию и ведение военных действий в Афганистане, и щедро воспользовался материалами наблюдателей XIX века, тесно общавшихся с афганцами в течение длительного времени, что теперь редко случается. Кроме того, прежде чем делать какие-либо выводы, я взгляну на землю, на которой живут афганцы, на афганцев, населяющих эту землю, на их веру и на характер вооруженного конфликта в Афганистане.

Земля, на которой живут афганцы

Афганистан описывали, как «Швейцарию Южной Азии»¹. Как и Швейцария, он не имеет выхода к морю, там берут начало крупные реки и проживают вместе несколько говорящих на разных языках националь-

1 Percy Sykes, *A History of Afghanistan*, Macmillan & Co. Ltd, London, 1940, Vol. 1, p. 2.

ных групп. Однако он значительно больше Швейцарии, как бы вырезан из северо-восточной оконечности Иранского плато и имеет площадь в 647 500 кв. км (то есть несколько больше Франции).

На территории Афганистана есть неприступные горы, которые один из первых европейских путешественников в эти края описывал как «дикое скопление холмов»². Многие из холмов, упоминаемых в этом точном описании, уходя вдаль, поднимаются еще выше, становясь величественными предгорьями Гималаев. Но Афганистан это не только горы, там есть и пустыни, протянувшиеся по его южной и западной границам. Шагая по его горам, по пустыням (где ноги по щиколотку утопают в мелкой всепроникающей пыли), я могу с уверенностью сказать читателю, что афганские пустыни по-своему не менее впечатляющи, когда просто идешь по ним, чем афганские горы. Голая земля, которую населяют афганцы, везде безводна и сурова, за исключением нескольких узких полосок плодородной почвы, которые плотно прилегают к извилистым речкам. Большую часть года речки представляют собой тонюсенькие ручейки или вовсе исчезают во время летней жары, наполняясь только зимой и выходя из берегов во время весеннего таяния снегов.

Писатель, живший в середине XIX века, описывал реальность существования афганцев следующим образом: «Они живут там, где сухой, солнечный, здоровый климат, однако колебания от жары к холоду весьма значительны»³. Ну, это очень сдержанная оценка. Испытав на себе больше, чем хотелось бы, этот «здоровый климат» во все времена года, поскольку находился с моджахедами во время советско-афганской войны⁴, — я бы описал климат этой суровой земли гор и пустынь как просто безжалостный: обжигающий зной летом и ледяной холод зимой.

Живете вы тут или просто путешествуете, знайте: Афганистан — это такое место, к которому надо относиться серьезно. Если вы недооцените, на что способны земля, климат и люди, последствия могут оказаться смертельно опасными. Жизнь в таких условиях, чаще всего без каких-либо удобств, предоставляемых XX или XXI веком (если говорить об условиях проживания и продуктах питания), да еще во время войны, учила смирению, особенно когда я находился рядом с людьми, которым было еще хуже — мало у кого были крепкая обувь или соответствующая зимняя одежда.

Афганцы, населяющие эту землю

Ведется научный спор о том, является ли афганское общество, даже среди пуштунов (или пуштумов, патанов, пахтунов и т. д.), племенным по своему характеру, но здесь не место участвовать в этом споре. Основу афганского

2 Mountstuart Elphinstone, *An Account of the Kingdom of Caubul*, London, 1815, p. 149.

3 John W. Kaye, *The War in Afghanistan*, 3rd edition, 3 vols, William H. Allen, London, 1874, Vol. 1, p. 11.

4 Советское вторжение началось в декабре 1979 г. и закончилось в феврале 1989 г.

общества, племенного или нет, независимо от этнических групп и географического положения составляют в основном сельские жители, у которых схожие социальные структуры, потребности и опыт. У них больше общего, чем различий — хотя афганец, близко к сердцу принимающий этот вопрос, не обязательно с подобным суждением согласится.

Ричард Тэппер определяет афганское общество как состоящее из слабо объединенных «локальных групп, в которых родство является определяющим элементом организации и члены которого считают, что они отличаются от других в культурном отношении (по обычаям, диалекту или языку и происхождению)»⁵. По словам одного из авторов начала XIX века, социальный порядок афганцев представлял собой «свободу, которая была их великим отличием от других народов Востока» и «смесью анархии и деспотичной власти»⁶. Тот же автор далее замечал, что западный путешественник, прибывающий из Индии,

«будет удивлен подвижностью и нестабильностью гражданских установлений. Ему будет трудно понять, как народ может существовать при таком отсутствии порядка; и пожалеет тех, кому приходится провести свои дни в подобных обстоятельствах и чей разум был сформирован их плачевной ситуацией, в которой процветали мошенничество и насилие, грабежи, обман и месть. И все же он вряд ли не восхитится их воинственным и возвышенным духом, их гостеприимством, их смелыми и простыми манерами»⁷.

В отношении большинства афганцев начала XXI века было бы правильным утверждать, что их повседневная жизнь немногим отличается от жизни их предков. Афганистан — это общество «взаимности», в котором обмен услугами и практика товарообмена являются нормой отношений между общинами, которые должны конкурировать и сотрудничать друг с другом. Им приходится управляться с этим, несмотря на размах социальной дезорганизации, вызванной постоянно развивающимся конфликтом, который ведется уже более 30 лет. Их защищают, как и прежде, прочные общественные установления, опирающиеся на семейные связи и связи внутри каждой общины. Эта социальная структура приспособлена к тому, чтобы защитить определенную группу одновременно как от внешней угрозы, так и от разного рода давления и раздоров внутри группы, которые случаются во всех доведенных до нищеты обществах.

По численности населения Афганистан приблизительно равен Техасу, и не удивительно, что суровое сочетание камня и песка, среди которых приходится жить коренному населению, в большой степени сформировало их характер — решительный, по мнению тех, кто знает их хорошо. На Западе афганцев исторически считали людьми, отличавшимися грубым прене-

5 Richard Tapper (ed.), *The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan*, Croom Helm, London, 1983, p. 9.

6 M. Elphinstone, примечание 2 выше, p. 148.

7 Ibid., p. 149.

брежением к другим; г-н Темпл, секретарь Главного комиссара Пенджаба в 1855 г., описывал их так: «...дикари, возможно благородные дикари, и не без некоторого налета добродетели и щедрости, но все же абсолютные варвары»⁸.

В 1881 г. после второй англо-афганской войны Дензил Иббетсон⁹ заметил:

«Настоящие патаны являются, вероятно, самым диким из всех племен, с которыми нам приходится иметь дело в Пенджабе... Они в высшей степени кровожадны, жестоки и мстительны: они не знают, что такое истина или вера, поэтому выражение «у афганца нет совести» стало поговоркой среди его соседей»¹⁰.

Холдич утверждал, что патан «застрелит собственных родственников так же легко, как родственников своего врага — а может, и с большей готовностью — и стрелять будет в спину. И все же отдельному патану можно доверять, когда речь идет о преданности хозяину или о его обязательствах»¹¹. В середине XIX века Джон У. Кэй писал:

«Люди относились к племени или группе племен закаленных, энергичных горцев. Суровая природа страны оставила свой отпечаток на характере ее жителей. Смелые, независимые, но буйные и мстительные, само их существование, казалось, зависело от постоянной череды внутренних междоусобиц»¹².

Такие суждения — дань времени, обстоятельствам века. Их можно воспринять как одну из перестрелок никогда не прекращающейся почти настоящей или настоящей войны между Востоком и Западом. Однако сквозь пыль и дым этих сражений можно разглядеть, как появляется невольное уважение между противоположными системами власти. В работе, опубликованной в 1890 г., Эдвард Оливер писал:

«Когда вы встречаете патана, вы встречаете человека, подобного себе... Он никогда не разрешит вам оскорблять его, но это компенсируется тем, что он никогда не сделает так, чтобы вам захотелось этого... Он как само собой разумеющееся принимает свою независимость и редко демонстрирует ее грубо»¹³.

Наиболее критические замечания — это суждения, которые люди выносят, не вполне понимая реальность жизни афганцев. Жизнь простого

8 Н.С. Wylly, *The Borderland: The Country of the Pathans*, Safdar Mehdi, Karachi, 1998 (впервые издано в 1912 г.), p. 5.

9 Дензил Чарльз Джельф Иббетсон (Denzil Charles Jelf Ibbetson) (1847—1908), этнограф и сотрудник Министерства по делам колоний Великобритании в Индии; Старший инспектор переписи в 1881 г. и автор хорошо принятого Доклада о переписи в Пенджабе, 1881 г., (*The Panjab Census Report, 1881*); позже (1898 г.) — Главный комиссар Пенджаба и заместитель губернатора Пенджаба в 1905—1908 гг. В 1903 г. он стал кавалером Ордена Звезды Индии.

10 Как цитирует Х. С. Уилли, примечание 8 выше, pp. 6—7.

11 *Ibid.*, p. 8.

12 J. W. Kaye, примечание 3 выше, Vol. 1, p. 11.

13 Edward E. Oliver, *Across the Border or Pathan and Biluch*, Chapman & Hall Ltd., London, 1890, p. 224.

афганца сурова и не прощает ошибок, он ежедневно ходит по краю пропасти, грозящей гибелью. Те, кто знал афганцев лучше всего и потому понимал контекст, отмечали, что, несмотря на шероховатости их характера, в них есть многое, достойное восхищения. По словам одного из авторов,

«даже если афганец покидает родной очаг, он остается самим собой. Он приходит, нестигаемый, мужественный, держится искренне и свободно... Он, конечно, будет грязен и, возможно, одет в тряпье, но он медленно войдет в вице-королевский зал для торжественных приемов, гордый, как Люцифер, с таким независимым видом, что дипломаты ему только позавидуют»¹⁴.

Прагматизм афганцев — это линия поведения, которая позволяет им выжить. Природа сурова и безжалостна, но афганцы стойко переносят все, что преподносит им мир. Именно такой решительный и жесткий подход к жизни дает им возможность справляться со всеми испытаниями, выпадающими на их долю. Не пытаюсь воспользоваться каждым случаем, дающим преимущество, или удобной возможностью, как бы мала она ни была, афганцы потерпели бы поражение от окружающей среды, не дождавшись поражения от врагов.

Мое мнение о характере афганцев было сформировано самым обыкновенным образом — я жил среди афганцев в их сельских общинах и исходил с ними вместе не один километр, не имея никакой дополнительной поддержки. Я жил непосредственно с этими людьми, разделяя с ними не только постоянные трудности и бедствия, но и простые радости, которые дает повседневное общение с теми, кто обитает на краю пропасти.

Живя в основном в нищенских условиях, они изо всех сил будут защищать то небольшое, что имеют, а иначе, если отдать это, последствия окажутся смертельными. В то же самое время большинство афганцев, независимо от степени своей бедности, рады, когда могут проявить некоторое гостеприимство. Но они могут и освободить путешественника от того, что они считают по праву своим — просто потому, что они сильнее. В 1989 г. у меня при неприятных обстоятельствах был опасный спор с бадмашем (бандитом) в долине Шомали именно по этому вопросу. Свое мнение он высказал предельно ясно, с угрозой применения силы — все, что оказывалось на территории, находящейся под его контролем, по праву принадлежало ему. Он выиграл спор благодаря своим громким аргументам и (по окончании стрельбы) очень близкому расстоянию от ствола его штурмовой винтовки АК-47 до моей груди.

В результате этой победы бадмаш завладел теми предметами, которые, по его мнению, свидетельствовали о чрезмерности моего богатства — моими часами и моими брюками! Когда мы расставались, что с моей точки зрения произошло не очень скоро, он казался весьма довольным своими трофеями, а я, в свою очередь, был абсолютно удовлетворен моей частью сделки — тем, что остался жив. Уходя как можно скорее и стараясь уве-

14 Н. С. Wylly, примечание 8 выше, р. 10.

личить расстояние между собой и бадмашем, я очень остро чувствовал разницу между ценностями афганцев и западных людей и понимал причины этого. Передо мной неожиданно встала трудная задача — уцелеть при встрече с человеком, живущим на грани жизни и смерти во враждебном окружении. Перед бадмашем стояла еще более трудная задача — ему приходилось выживать в таких условиях каждодневно. Воздействие такого образа жизни весьма ощутимо: средняя продолжительность жизни афганского мужчины в момент моей встречи с шомалийским бадмашем была немногим больше 41 года¹⁵ (к 2010 г. она возросла до 44—45¹⁶).

Чтобы оценить трудности, с которыми приходится сталкиваться афганцам, следует учитывать не только ландшафт и климат, социальный порядок и условия, существующие в рамках этого порядка; необходимо взглянуть и на историю. Представляется, что факты несколько отличаются от тех, которые сформировали широко принятое представление о том, что Афганистан никогда не был завоеван и покорен. На самом деле, история завоеваний Афганистана рассказывает нам о протоиндоевропейцах и цивилизации Оксус¹⁷, индоскифах, Персидской империи, Александре Македонском, селевкидах, Маурийской империи, Индобактрианской империи, кушанах, сасанидах, эфталитах (белых гуннах), хазнавидах и гуридах, исламском завоевании (которое началось в VII веке и продолжалось до завоеваний Абдур Рахманом последних язычников в конце XIX века в Нуристане), монголах, Тимуридской империи Хорасана и Бабур-Тигре из Центральной Азии. Когда Ахмад-шах Дуррани пришел к власти в 1747 г., Афганистан впервые получил свое имя. Началась быстрая экспансия, был захвачен Лахор (1752 г.), Герат (1753 г.) и Дели (1762 г.)¹⁸.

Неоднократные революционные перевороты такого масштаба оставляют психологические шрамы на обществе. Все осложняется, если это общество в большой степени обнищало и проживает в засушливом, изолированном горном регионе. Неудивительно, что такая история и такое географическое положение сделали афганцев подозрительными по отношению к иностранцам, прагматичными, когда дело идет о выживании (они делают то, что надо) и закаленными (надо быть в форме, чтобы выжить).

15 Public Data, доступно по адресу: http://www.google.com/publicdata?ds=wbwidi&met=sp_dyn_le00_in&idim=country:AFG&dl=en&hl=en&q=afghan+life+expectancy (последнее посещение 26 ноября 2010 г.).

16 Index Mundi, доступно по адресу: http://www.indexmundi.com/afghanistan/life_expectancy_at_birth.html (последнее посещение 26 ноября 2010 г.). Известно, что данные, касающиеся Афганистана, часто меняются, и поэтому трудно сказать что-то определенное. Следует отметить, что данные об ожидаемой продолжительности жизни опираются на оценки, основанные на исследованиях, проведенных среди городского населения, а не более репрезентативного сельского населения, ожидаемая продолжительность жизни которого может быть меньше.

17 Цивилизация Оксус была почти утеряна для истории, пока русские не начали вести раскопки в 1970-е гг.

18 Благодаря стремительному расширению была установлена западная граница, которая включала Мешхед (современный Иран) и плодородные долины Пенджаба к востоку. Дуррани присвоил себе блестящий титул Дурр-и-Дуррани (Жемчужина жемчужин), но после его смерти в 1772 г. Афганистан пришел в упадок и уже не оправился.

Вера

Картина жизни Афганистана не будет полной, если не рассказать об их верованиях, которые все прошли жестокие испытания насилем в своей истории. В наше время Афганистан является исламским государством. Как и большинство мусульман, афганцы — приверженцы суннитской ветви ислама. Если говорить более точно, то они придерживаются учения Ханафи, одного из четырех устоявшихся течений (которое терпимо относится к другим трем¹⁹), которое признает первых четырех халифов в качестве истинных последователей Мухаммада. Те, кто придерживается шиитского направления в исламе, кто признает власть, унаследованную зятем Мухаммада, Али, являются сторонниками джафаритской ветви шиитов.

Ислам и его предшественники

На Западе многие считают, что религиозные убеждения афганцев чрезвычайно сильны и ничто не может и не могло когда-либо их изменить. Это справедливо, только если мы рассматриваем под микроскопом очень ограниченный период времени и избегаем сложностей, возникающих при более широком изучении предмета. Фактически такое более широкое рассмотрение показывает, что верования Афганистана неоднократно подвергались тотальному пересмотру под влиянием пришельцев, которые навязывали свой образ жизни.

Самыми ранними верованиями в Афганистане были анимистические, затем языческие самых различных оттенков, которые сплавлялись с более старыми анимистическими. Греки привезли собственных богов, и произошло дальнейшее обращение в другую веру и слияние с ней, пока не наступила очередь индуизма. Это вероисповедание было вытеснено буддизмом, затем появились зороастрийцы и вытеснили буддизм со сцены. В VII веке по Афганистану покатилась волна ислама, последней из длинного списка религий, на которые афганцы возлагали свои надежды. В XX веке можно было наблюдать за тихим и медленным потоком, который пытался обратить массы в коммунизм. Некоторые были обращены или, по крайней мере, были готовы публично заявить об обращении для того, чтобы обеспечить себе более быстрый карьерный рост.

Благодаря паломничеству китайского буддиста Сюань Цзана, который в 627—643 г. пересек Афганистан на пути к священным для буддистов местам незадолго до появления ислама, отдельные детали афганского культа Жун сохранились для потомков. Говорили, что афганцы, исповадовавшие культ Жун, молились золотому идолу с рубиновыми глазами. Когда волна ислама смывала открытое поклонение идолам, приверженцы этого культа не захотели полностью отказаться от прежнего образа жизни.

19 Три другие — это маликитское, шафиитское и ханбалитское.

Вместо этого они предпочли отчасти адаптировать прежнее верование и вновь его использовать, чтобы оградить себя от неопределенности будущего. В результате такого осторожного подхода дух культа Жун остался жив, претерпев некоторые изменения, необходимые для того, чтобы приспособиться к исламу. Те, кто прежде поклонялся рубиноглазому золотому идолу Жун, стали поклоняться дракону (что, возможно, и лежало в основе культа с самого начала, поскольку не сильно отличалось от добуддистских верований Тибета, где почитался дракон). Поскольку это был дракон, а не идол, существовала возможность некоторой ассоциации с новой исламской верой, распространявшейся по Афганистану, так как в своей собственной стране мусульманский халиф Али прославляется как «победитель дракона». При пересказе в афганском контексте Али описывался как победитель доисламского бога-дракона в доказательство того, что ислам обладал большей силой, чем старые верования. Некоторые геологические формации афганцы все еще считают окаменевшими останками дракона, убитого Али²⁰.

Волны истории смыли большую часть свидетельств доисламских верований в Афганистане. Талибы постарались стереть с лица земли как можно больше зримых доказательств, особенно широко известно уничтожение ими огромных каменных Будд в Бамиане, которые в течение веков спокойно взирали на то, как Афганистан медленно продвигается к своему будущему.

Городские жители и крестьяне

Размышляя о реакции Афганистана на ислам, стоит процитировать слова французского ученого Оливье Роя:

«Есть два Афганистана — во-первых, место нововведений (bi'at); это естественная среда для государственного служащего, учителя, солдата... всех «интеллектуалов» и «обнаженногоголовых» (sarluchak), которые считались неверующими и надменными; и, во-вторых, провинция (ashraf), место религиозной традиции (sunnat) и ценностей, прошедших испытание временем»²¹.

И городские жители, и крестьяне склонны смотреть друг на друга с некоторым презрением. Крестьянину не нравится своеволие города, откуда руководство стремится распространить централизованную власть, которая не согласуется с его миром традиционных социальных ценностей и соответствующим порядком. С другой стороны, более образованные горожане свысока смотрят на крестьянина за то, что, по их мнению, он позорно избегает современных перемен. И те, и другие объявляют себя

20 Аждар — самые знаменитые из них. Они находятся недалеко от Бамиана, где когда-то стояли гигантские Будды.

21 Olivier Roy, *Islam and Resistance in Afghanistan*, Cambridge University Press, Cambridge, 1988, p. 10.

преданными мусульманами, но ни те, ни другие не верят в искренность противоположной стороны. На самом деле обе стороны принимают афганский вариант ислама, который, как оказалось, может прекрасно ассимилировать более старые устоявшиеся доисламские верования. Эта гибкость религиозных убеждений отражает готовность ислама несколько приспособиться к местным системам верований для того, чтобы установить более тесную связь с населением.

Большинство населения Афганистана — это пуштуны, которые считают себя потомками общего предка, Кайса. Чтобы укрепить свой статус мусульман, они заявляют, что Кайс был современником пророка Мухаммада, который лично обратил его в ислам. Это воздействует на восприимчивую пуштунскую аудиторию, которая таким образом укрепляет свое превосходство над всеми остальными этническими группами в Афганистане, поскольку они, по праву своего толкования прошлого, рассматривают себя как первых мусульман, а не просто вновь обращенных.

Еще одно установление, с которым все афганцы согласны — право придерживаться различных мнений относительно почти всего другого, а притом, что споры носят эмоциональный характер, все становится крайне запутанным. Многие проблемы проистекают из расколов внутри самого ислама, то есть между суннитами и шиитами и далее в результате межрелигиозного разделения этих лагерей на конкурирующие отколовшиеся группы (такие, например, школы, как имамиты и исмаилиты у шиитов и суфийское братство тарика у суннитов и т. д.).

Несмотря на эти проблемы, если речь идет о мусульманской вере в Афганистане, все афганцы заявляют о том, что являются правоверными мусульманами, и относятся к этому очень серьезно. Степень чувствительности связана с тем ухабистым путем, которым ислам идет в Афганистане — сражаясь с обломками предыдущих систем верований и населением, которое сопротивляется полному соблюдению правил, сохраняя приверженность идентичности, определяемой региональными, этническими и культурными различиями.

Ислам и обычное право Афганистана

Кроме того, что существуют противоречия в связи с толкованием в исламе правильного пути, исламу в Афганистане пришлось бороться и с конкурирующими нормами обычного права афганского общества. Эта линия разлома касается вопросов власти, как религиозной, так и общественной по своему характеру. Свидетельством тому служат многочисленные титулы, такие как ахунзада, малик, мир, маланг, мулла, маулави, маулана, пир, сайед-хан и т. д. и постоянно изменяющийся уровень ранга, важности и общественного влияния, которое они имели.

Из всех действующих обычных законов самым влиятельным является закон Пуштунвали, который применяется по отношению к пуштунам, которые составляют большинство населения. Пуштунвали — это

неписаный кодекс поведения пуштунов, в соответствии с которым строится порядок в их обществе и распределяется влияние. Я говорю «порядок и влияние», а не контроль и командование, поскольку Пуштунвали представляет собой идеал, а не абсолют — нечто напоминающее западное понимание рыцарства. Так же, как и рыцарство, он может толковаться на индивидуальном уровне (порой бывает весьма творческое толкование) и может всеми нарушаться. Тримя основными столпами Пуштунвали являются нанг (честь — социальная концепция, разделяемая непуштунами); мелмаestia (гостеприимство, несмотря на бедность; это качество также почти универсально для всех афганцев); и строжайшее обязательство — бадал (месть, что также характерно для всех афганцев, хотя и не так строго формулируется, понимается в соответствии с библейским понятием «око за око»). Многие непуштуны говорят, что пуштуны «используют наполовину Коран, а наполовину Пуштунвали» в качестве своих руководящих принципов.

По деликатному и возбуждающему эмоции вопросу о подчинении исламской вере афганец не нуждается в замечаниях посторонних и не стремится узнать их мнение, поскольку, правильно это или нет, он считает себя более сведущим в этом отношении, нежели любой посторонний человек. В своей оценке друг друга афганцы могут оказаться самыми строгими критиками.

Афганский воин-поэт XVII века Хушхаль-хан Хаттак²², во многом являющийся воплощением всех черт пуштуна, писал, что афганец, разделяющий взгляды суфийских «мистиков», был «заодно» с неверующими²³. Он не менее пренебрежительно отзывался о белуджах и хазарейцах, называя их «грязными и омерзительными... У них нет ни скромности, ни веры»²⁴. И хотя он призывал к единству среди племен для того, чтобы оказать сопротивление моголам, он не верил, что они могут достичь этого единства, и нотки отчаяния звучат в его поэме, озаглавленной «Патан»:

Из патанов, которые известны в земле Рох²⁵,
Сейчас есть моманды, бангаши, оракзай и афридии.
Собаки момандов лучше, чем бангаши,
Хотя сами моманды в тысячу раз хуже, чем собаки,
Оракзай питаются падалью у афридиев,
Хотя афридии, как один, и сами падальщики²⁶.

22 Хушхаль-хан Хаттак (Khushal Khan Khattak) (1613–1690) был, как показывает его имя, ханом племени Хаттак, славным воином и поэтом, который написал более 45 тыс. стихотворений. См.: С. Biddulph, *Afghan Poetry of the Seventeenth Century: Being Selections from the Poems of Khushal Khan Khattak*, Kegan Paul & Co., London, 1890.

23 Henry George Raverty, *Selections from the Poetry of the Afghan: From the Sixteenth to the Nineteenth Century*, Williams and Norgate, London, 1867, p. 213.

24 Ibid., p. 187.

25 Прежнее название народа Рохилканда, 'земля рохиллов', сейчас известна как Сулеймановы горы, где живут племена юсуфзаев.

26 Translated in С. Biddulph, *Afghan Poetry*, доступно по адресу: <http://www.afghan-network.net/>

Как бы ни был строг Хушхаль-хан Хаттак в своих суждениях о других афганцах и об их верности принципам исламской доктрины, он, как и многие афганцы, излагая свои взгляды, использует два уровня: один уровень — для оценки других, второй — для оценки самого себя. Если речь заходила о его собственных делах, он щедро разрешал себе отступления от норм, со страстью описывая свою любовь к пьянящим винам и женщинам. В те времена доисламское прошлое все еще напоминало о себе, и употребление вина было обычным явлением в сообществе афганцев, а Герат и Кабул славились качеством своих вин.

Тогда, как и сейчас, «внутреннее разнообразие подходов, толкований и интересов в афганском обществе»²⁷ приводило к значительным противоречиям и в том, как афганцы рассматривали себя и толковали ислам и свои отношения с верой, и в том, как они объясняли все это при наличии требований, налагаемых нормами морали и образом жизни в соответствии с обычным правом, которое существовало задолго до прихода ислама. Поскольку эта проблема касается вопросов чести, она очень деликатна и вызывает эмоциональное толкование, как на уровне отдельного человека, так и на уровне общества.

Характер вооруженного конфликта в Афганистане

Традиционный афганский метод ведения войны до и после установления ислама был ясным, простым, жестоким и эффективным, в основе его лежало одно абсолютное правило: победы или погибни. Такой выбор идеально подходил прагматичному характеру афганцев, которые привыкли действовать решительно. Однако он противоречил тому, что можно назвать цивилизующими требованиями новой формы ведения военных действий, предписываемыми принципами ислама. При попытках понять это следует помнить, что не все нормы, новые или старые, выполняются точно в соответствии с буквой закона или даже с его духом, по крайней мере, когда речь идет о войне.

Исламские нормы ведения войны

Новый способ ведения войны, который устанавливал ислам, нелегко давался афганцам, и не только потому, что был для них новым, но и потому, что он был более сложным и временами противоречил существующим правилам применения силы. Новые нормы регулировали такие вопросы, как «побочный ущерб», наносимый гражданским лицам. Это была серая зона в соответствии со старой системой, но по исламским нор-

biographies/khattak.html (последнее посещение 15 января 2011 г.).

27 Bo Huld and Erland Janson (eds), *The Tragedy of Afghanistan: The Social, Cultural and Political Impact of the Soviet Invasion*, Croom Helm (in co-operation with the Swedish Institute of International Affairs), London, 1988, p. 12.

мам ведения войны некомбатанты находились под защитой, и им нельзя было причинять вреда. Новые правила включали и ограничения на нападения на раненого противника — в соответствии со старой системой это была идеальная возможность для нанесения смертельного удара и достижения победы, но по исламским правилам раненым нельзя было причинять вреда²⁸. Даже пленные, самые настоящие военные трофеи, оказывались под защитой: по нормам ислама им также нельзя было причинять вреда²⁹. Это, действительно, было горькой пилюлей в условиях, где бадал (кровная месть) традиционно составлял неотъемлемую часть войны. Для афганцев эти новые правила регулировали мельчайшие подробности, дело доходило даже до запрета на повреждения деревьев³⁰ — задолго до того, как появление «зеленых» в политике бросило вызов всем правительствам в конце XX и начале XXI веков!

И что было делать закаленному афганскому воину под напором новых исламских правил применения силы, от которых голова шла кругом? С самого начала он делал то, что умел делать хорошо, то, что считал нужным и что он делал всегда. Он пренебрег мельчайшими деталями, более склонный видеть всю картину в целом, и начал пробираться по лабиринту исламских правил так же, как он пробирался по извилистому лабиринту своих гор — часто требовалось двигаться зигзагообразным путем, чтобы обойти естественные преграды и барьеры в виде гор и рек. Такой подход дал афганцам возможность охватить общую концепцию, но из деталей выделить наиболее пригодные элементы.

Ни население в целом, ни фактически муллы, избранные для того, чтобы руководить ими в лабиринте ислама, не знали Коран хорошо. Большинство афганцев были не только неграмотны — даже если бы они умели читать, они бы встретились еще с одним препятствием для четкого понимания новой религии — Коран был написан на арабском, а не на их родных языках. Поэтому для толкований оставалось обширное поле, некоторые при этом исходили из добрых побуждений, а некоторые подходили к делу произвольно, с тем чтобы их толкование соответствовало реализации их собственных устремлений. В ходе этого процесса появлялись широкие возможности для такой интерпретации, которая была удобна

28 «Не убивай раненых, не преследуй отступающих и щади всех, кто сложил оружие». Hadith, al-Zuhri, from Imam 'Ali ibn al-Hussein, as quoted in Imam Muhammad Shirazi, *War, Peace and Non-violence: An Islamic Perspective*, London, 2003, p. 45, доступно по адресу: <http://www.scribd.com/doc/4084892/Imam-Muhammad-Shirazi-War-Peace-and-NonViolence-an-Islamic-Perspective> (последнее посещение 26 ноября 2010 г.).

29 «Пленных держите в крепких оковах; а затем — или свобода им, или выкуп за них, тогда уже, когда война кончит свои тяжелые подвиги. Так!» (Коран, 47: 4) . Перевод Г.С. Саблукова.

30 В 632 г., после смерти Пророка Мухаммада, Абу Бакр (первый халиф) принял на себя руководство и давал указания Усаме бен Зайяду, 18-летнему предводителю карательной экспедиции на сирийскую границу. Среди прочего был приказ «не срубать фруктовые деревья». Maliks Muwatta, Book 021, Hadith Number 010, цит. по: Sami Zaatari, *The Prophet Muhammad Said Don't Kill Women and Children*, доступно по адресу: http://muslim-responses.com/No_killing_women_and_children_/No_killing_women_children_ (последнее посещение 26 ноября 2010 г.).

для афганцев; интерпретации, которая незаметно подталкивала новые исламские нормы войны поближе к старым методам ее ведения. И возникал некий адаптированный свод норм, которые удовлетворяли афганское понятие чести, уступая понемногу требованию изменений, — люди прошли очень суровую школу жизни и знали, что всякое изменение чрезвычайно непредсказуемыми последствиями. Это был подход, который позволял афганцам сохранить свои сильные стороны и верность своей религии и одновременно не утратить сопротивляемость, гибкость и прагматизм, которые уже давно помогли им выживать в непредсказуемом и не прощающем ошибок мире. Это можно назвать политикой выживания. Пеннел описывал такое попури мотиваций как «странную смесь противоречащих друг другу качеств, когда мужество объединяется с хитростью, самое подлое предательство — с трогательной верностью, пылкий религиозный фанатизм — с алчностью, которая заставляет его (афганца) предавать свою веру»³¹.

Эта очень афганская установка заставила конкурирующие и часто противоположные нормы ислама и афганского обычного права вместе толкаться на ухабистой дороге, двигаясь в одну сторону. Темперамент афганцев заставлял их концентрироваться не на бессмысленном теоретизировании, а на том, что действительно было важным — нужно было жить, приспособившись к последствиям всего этого, и искать решения, которые сработают. Поэтому когда надо было принимать решение, они почти всегда выбирали то, которое наилучшим образом подходило для достижения ближайшей цели. Таким образом, они могли быть религиозными и благочестивыми или прагматически безжалостными; фанатиками и в то же время проявлять достаточно гибкости, чтобы оставить себе место для маневра. Это идеально подходило афганцам, как в повседневной жизни, так и на полях сражений.

Сосуществуя со старыми верованиями и нормами поведения и сплавляясь с ними, хотя технически они были не в ладах, ислам занял доминирующее положение в афганском обществе. В рамках такой системы он стал общим знаменем, объединяющим более старые, неписанные и существующие ныне нормы, которые сплывают афганцев в их подходе к ведению войны.

Афганская война XIX века

Посторонних наблюдателей уже давно ставят в тупик противоречия в толковании ислама афганцами и их правила применения силы во время военных действий. Когда британцы встречались с афганцами в XIX веке во время вторжения или приграничных перестрелок на северо-западной границе Британской Индии, они обнаруживали, что афганцы «испове-

31 Theodore Leighton Pennell, *Among the Wild Tribes of the Afghan Frontier: A Record of Sixteen Years' Close Intercourse with the Natives of the Indian Marches*, 2nd edition, Seeley and Co. Ltd., London, 1909, p. 17.

дуют магометанство³² и строго придерживаются предписаний Корана», но на самом деле у них «мало какой-либо религиозности» и «немного почтения к муллам»³³.

После Тирахской³⁴ кампании 1897—1898 гг. на старой северо-западной границе Индии британцы были обескуражены, обнаружив, что вербовка на военную службу мужчин из тех племен, которые совсем недавно участвовали в кровопролитных сражениях с ними, проходила «очень оживленно»³⁵. С точки зрения афганцев это было вполне разумно и просто отражало гибкость, с которой они подходили к решению проблем существования в двух конкурирующих системах организации их общества. Афганцев не волнует, как к ним относятся иностранцы, для них важно, как они сами себя оценивают.

На самом деле Восток и Запад не так уж сильно различались, разница была особенно заметной в том, какими методами они предпочитали вести войну: британцы использовали традиционно жесткую систему, а афганцы — менее консервативную, более гибкую систему, лучше подходящую к их окружению. Со временем британцы узнали больше от афганцев, нежели афганцы узнали от них, и приняли такой стиль военных действий на северо-западной границе Индии, который очень напоминал афганский подход к войне — прагматичный, гибкий, с использованием всех возможностей для достижения победы.

В XIX веке военные действия на границе между Британской Индией и афганскими племенами можно было характеризовать выражением «око за око»: за авантюрными налетами племен следовали марши карательных колонн британских колониальных сил. Цель заключалась в том, чтобы заставить нападавших должным образом расплатиться, что должно было послужить сдерживающей мерой и предотвратить набег в будущем. Политика эта получила название «ударь и беги» — быстро напасть, произвести как можно больше разрушений и благоразумно отойти как можно скорее. Как и большинство военных действий, в которых участвовали племена, подобный конфликт следовал определенной схеме, предусматривавшей сезон кампаний, когда и осуществлялась в основном военная деятельность.

И когда в ткань афганского общества был вплетен ислам, муллы стали играть важную роль в этих нескончаемых конфликтах. Они часто использовали свое положение, чтобы в ходе споров подтолкнуть племена к боевым действиям, которые якобы освящались исламом. Это мало отличалось, если вообще отличалось, от риторики, которую мы слышим в раз-

32 Термин «магометанство» некоторые мусульмане считают оскорбительным, потому что им кажется, что он означает поклонение Мухаммаду, а не Аллаху (Богу). Он сохранен здесь в цитате, так как, будучи взят из свидетельства того времени, отражает некоторую путаницу, присущую толкованию ислама сторонними наблюдателями в XIX веке.

33 E. E. Oliver, примечание 14 выше, p. 184.

34 Тирах был изначально в границах Афганистана, сейчас находится на территории Пакистана в силу исторических изменений границ.

35 H. C. Wylly, примечание 8 выше, p. 10.

ных частях Афганистана сегодня. Иногда муллы могли воспользоваться какими-то обстоятельствами на местах, а некоторые использовали собственную репутацию (заработанную благочестивым поведением, шаманским искусством врачевания или предоставлением амулетов для отворачивания несчастий или физического увечья) для того, чтобы добиться политического влияния или возможности руководить конфликтом. Это была война очень жестокая, в которой ни одна из сторон не была склонна брать противников в плен, а раненые, оставшиеся на поле боя, не могли рассчитывать на пощаду. Такая жестокость не одобряется ни исламом, ни христианством, но она была нормой, которой придерживались обе стороны, хотя и в различной степени и с разными обоснованиями.

Разгром британских сил, отходящих из Кабула в январе 1842 г. (первая англо-афганская война, 1839—1842 гг.), рассматривался афганцами как правильная мера, предотвращающая новое вторжение. Афганцы эффективно уничтожили своего врага, но неправильно оценили последствия, не предвидев, что придут другие войска, чтобы взыскать расплату. В этом отношении британцы не допускали ошибок. И направив после этого свои силы в Афганистан, они назвали их «Армия возмездия». В терминологии афганцев это был бадал — они понимали такое очень хорошо.

Британские армейские подразделения (оказавшиеся в ловушке в Кабуле) сначала пытались отойти, заключив какое-то соглашение. Главный британский представитель в Кабуле, Уильям Ней МакНагтен, встретился с сыном афганского эмира, Мохаммадом Акбар-ханом, чтобы обсудить условия. Это был тактический дипломатический ход, который явным образом давал ему право на защиту в соответствии с обычными нормами афганского гостеприимства — нормами, которые налагали на Акбар-хана обязательство защищать своего гостя. Но все произошло иначе. МакНагтена схватили и убили во время встречи; как говорят, убивал сам Акбар-хан из пистолета, которой был ему подарен МакНагтеном в знак дружбы. Позже Акбар-хан отрицал этот факт, заявляя, что он не участвовал в захвате МакНагтена, а пытался вывести его в безопасное место. Ну, участвовал он в захвате или выводил, случилось то, что случилось: МакНагтен был мертв и его голову на пике выставили на обозрение на кабульском базаре.

Когда полевые войска начали выход из Кабула, оказались нарушены все гарантии безопасного прохода, которые были даны афганцами. Современные британские исследователи сосредоточивают внимание на двуличности афганцев, а не на глупости собственного командира. Ужасная судьба МакНагтена должна была бы послужить достаточным предостережением — не все пойдет гладко, и следует принять необходимые меры предосторожности для обеспечения планируемого отхода. Вместо этого армейские подразделения отдали себя в заложники фортуны и в результате потерпели унижительное поражение.

Неудивительно, что британцам очень не понравилась жестокая резня, в результате которой они потеряли почти всю армию. Афганцы видели все в

совершенно другом свете. То, что британцы сочли предательством, поскольку все соглашения о безопасном проходе были нарушены, в глазах афганцев было просто эффективным способом заставить своего противника, армию Великобритании, занять наименее благоприятную для себя позицию, что увеличило шансы на победу афганцев, полностью уничтоживших противника. Несмотря на пренебрежение и своими обычными законами гостеприимства во время переговоров и затем исламскими законами об обращении с ранеными и пленными, они считали, что подобный ход событий прежде всего демонстрировал эффективность их методов ведения войны — безжалостный удар сбоку, сочетающий вероломство и силу. Это были методы, приспособленные именно к партизанской войне, а не массовым динамичным столкновениям во время обычных военных действий. Партизанские войны чаще всего кровавые и затяжные — это изнурение сил противника, а не выводящие из строя решительные столкновения. В конце концов британцы и афганцы остались при своем мнении, и британцы отошли назад в Индию, предоставив Афганистан его собственным внутренним конфликтам, сдвигаясь к пограничным столкновениям.

Вторую англо-афганскую войну (1878—1880) британцы объясняли как политическую необходимость, а афганцы как джихад, или священную войну. На самом же деле обе стороны лицемерили. Вновь начать поход через границу англичан побудило вовсе не беспокойство о том, что Афганистан вторгнется в Индию, а опасение, что Россия может получить политическое влияние над Афганистаном. Реакция афганцев вызывалась необходимостью защитить не ислам, но свою территорию, где набор в вооруженные силы можно было лучше всего провести, призвав к джихаду. Такой обман своего народа со стороны правительства, которому надо выдвинуть повод для начала войны, порицается в наш XXI век, но явление это вовсе не новое.

Победа в Афганистане обуславливается как умонастроениями, так и реальностью. Понятие афганцев о чести неразрывно связано с чувством независимости в рамках своего собственного пространства. Поэтому уход британских сил во второй раз в 1880 г. афганцы праздновали как победу. Однако это была странная победа: были смещены подряд два афганских эмира (Шир-Али и его сын Якуб-хан), не допущен к власти следующий за ними наследник (Аюб-хан, брат Якуб-хана), введен в должность ставленник Британии (Абдур Рахман) и Афганистан утратил самостоятельность в своей внешней политике (которую Британия контролировала в течение последующих 39 лет).

Одержав «победу», афганские племена рассчитывали на то, что все будет, как раньше. Но этого не произошло. Вместо того, чтобы получить автономию на своем собственном пространстве, на что племена надеялись, они столкнулись с требованием нового эмира Абдур Рахмана подчиниться все расширяющемуся контролю со стороны центрального правительства. Однако эмир разумно умерил свои требования, учитывая характер афганского общества и его религиозную сверхчувствительность,

создавая альянсы, там, где это соответствовало его целям, и применяя давление в других случаях. Надо отдать должное Абдур Рахману — в качестве эмира Афганистана он оказался очень умелым политиком, сохраняя ненадежное равновесие, которого требовала его роль. В целом его воспринимали как правителя, поддерживающего и ислам, и обычные законы, а он в то же время пытался отвлечь внимание широких слоев населения от тех проблем, которые могли поставить под вопрос его полномочия. Во многих отношениях обладание исламским знаменем рассматривалось всеми сторонами в качестве ключевого фактора. В последовавшей затем борьбе за власть ислам использовался для поддержки как старого образа жизни, так и нового. Можно поспорить с утверждением будто «у афганцев нет совести»; но абсолютная истина заключается в том, что ее нет у политической целесообразности.

После того, как осела пыль второй англо-афганской войны, Абдур Рахман начал закладывать фундамент новой версии Афганистана как исламского государства, продвигающегося в сторону современности. Между тем сама страна сползала, насколько это было возможно, назад, к сезонным нормам фракционных внутренних и пограничных распрей. Часто они вспыхивали в силу традиционных причин афганских конфликтов — пуштуны называли их зар, зан, замин (богатство, женщины, земля). Возможно, что с учетом засушливости большинства земель и нищенского существования ее обитателей, более точным выражением было бы «богатство, земля, вода». И шла нескончаемая борьба за контроль над этими тремя элементами, но о защите «чести» неизбежно вспоминали, когда один из них оказывался под угрозой.

По мере того, как государство стремилось расширить свое влияние и добиться доминирующего положения при толковании исламских и обычных законов, стало неизбежным его столкновение с населением различных регионов в разные периоды времени в связи с теми или иными местными ревностно охраняемыми установлениями. В этом отношении сам ислам по-прежнему противоречил обычному образу действий — включая афганский метод ведения войны, вся история которого учила, что для достижения успеха не существует полумер и что ценой поражения оказывается уничтожение.

Афганская война XX века

В соответствии с исламом джихад можно определить двумя способами: более серьезная борьба — это повседневное внутреннее сражение, которое каждый человек должен вести, чтобы придерживаться истинного пути исламской веры. Менее важная форма джихада — борьба, которая ведется в защиту самого ислама. Чтобы борьба определялась как джихад в исламском контексте, эта последняя его форма должна быть ответом на нападение на сам ислам. На такое нападение правоверные могут законным образом ответить, применив силу, которая может потребоваться для

уничтожения агрессора. И еще до конца XX века этот вид джихада накрыл густой тенью весь Афганистан — по иронии судьбы это происходило в ходе войн, которые велись не против британцев, но против России, той самой страны, которую сюда пыталась не допустить Британия, начав две войны с Афганистаном³⁶. В применяемых методах войны сказывалось динамичное взаимодействие между конфликтом, исламом и государством, взаимодействие, которое история уже давно приготовила для афганцев и стала безжалостно его реализовывать.

После советского вторжения в декабре 1979 г., когда противник стал видимым, и враги воспринимались как безбожные язычники, полные решимости свергнуть ислам в Афганистане, уже не было сомнений в законности джихада. Чем шире распространялись повстанческие действия, тем больше силы применяли советские войска для их сдерживания. И обычные законы, и исламские были преданы мечу и подверглись жестокому испытанию. Сопутствующий ущерб, причиненный гражданскому населению, сыграл роль катализатора, и конфликт начал распространяться, как лесной пожар — разгораясь вдоль видимой линии фронта и достигая таких высоких температур, что в непредсказуемых местах вспыхивали новые очаги. Бушующий пожар распространялся быстрее, чем могли его сдерживать советские и афганские вооруженные силы вместе. Если проводить эту аналогию дальше, то можно сказать, что афганская армия, которая участвовала в усилиях по сдерживанию, была похожа на дырявый пожарный шланг, поскольку многие солдаты дезертировали и перебежали на другую сторону.

Традиционно муллы отвечали исключительно за духовное состояние общины — роль, которая автоматически не предполагала какой-либо власти, кроме духовного руководства. Хотя они часто действовали в качестве беспристрастных посредников в целях смятения конфликта в рамках своих общин и со своими ближайшими соседями, они, за редким исключением, не были значительными фигурами в неофициальной иерархии афганского общества. Религиозный мандат обеспечивал им определенное уважение, но не настолько, чтобы сильно их возвысить.

Однако с началом джихада обстановка неопределенности обусловила необходимость в большей духовной поддержке, и муллы, будучи духовными руководителями общин, получили прекрасную возможность укрепить свое влияние. Те, кто имел репутацию особенно благочестивых или мог заявить о своем происхождении от потомков Мухаммада, начали пользоваться значительным влиянием. И все-таки, хотя ислам был у всех на устах, на первой стадии конфликта муллы были просто частью эгалитарного общества, испытывающего все усиливающееся давление. Когда нужно было выбирать лидеров, афганцы больше ценили умение применять силу, а не умение говорить речи. Если сначала потребность в лидерах

36 Третья англо-афганская война 1919 г. велась по другим причинам.

удовлетворялась племенными старейшинами (малики и ханы выступали на первый план), то в местных ополчениях командование поручалось, чаще всего при единодушной поддержке, людям на основании их действий и силы личности, а не из-за титулов, и решения эти могли пересматриваться.

Конечно, когда крестьянское афганское общество столкнулось с мощью современной супердержавы и началась война, афганцы несли ужасные потери. Многие из первых лидеров были быстро убиты, что дало другим, включая мулл, новые возможности для продвижения. Постепенно принадлежность к исламскому духовенству стала иметь больше значения в борьбе за лидерство в ополчениях, созданных местными общинами, и ополчения стали определенно считаться моджахедами (воинами джихада), а не обычными лашкарами (временные добровольные отряды, создаваемые племенами для самообороны или поддержки союзников).

Новый тип войны отличался от сезонной схемы военных действий, типичной для конфликтов, которые велись в доиндустриальных обществах и с которыми афганцы до этих пор были знакомы. В этой новой войне никто не «клял камень на гору» — традиционный способ обозначить окончание конфликта текущего сезона для того, чтобы дать возможность обеим сторонам заняться сбором урожая или пахотой и севом зерновых для получения урожая в следующем году. Однако граница между старым и новым была размыта, потому что конфликт велся между неравными сторонами — советская армия сражалась по-новому, а афганцы пытались воевать по-старому. В результате, на полях сражений можно было увидеть как вьючных животных, так и боевые вертолеты; армейские ботинки и босые ноги; незамедлительную медицинскую эвакуацию и смерть на склонах гор от гангрены; вызов огневой поддержки по радио и молитву о помощи, обращенную к Богу. На острие копья эти две системы сражались и истекали кровью на одной и той же земле, но очень по-разному чувствовали, что же такое взаимодействие между религией и вооруженным конфликтом в афганском контексте.

По мере расширения масштабов войны и тайной поддержки, оказываемой Западом и Саудовской Аравией, медленный карьерный рост для большинства мулл превратился в скоростной. В значительной степени это объяснялось тем, как Запад позволил Пакистану структурировать сопротивление моджахедов — наиболее фундаменталистские фракции получали самую значительную поддержку. В таких обстоятельствах чем радикальнее был мулла, тем с большей вероятностью он мог заручиться поддержкой одной из политических партий в изгнании, через которые поступала помощь, организуемая Пакистаном. Пакистан ограничил признание групп моджахедов семью партиями, входящими в политический альянс, где каждая из них соперничала с другими. Все тайные поставки оружия и денег, осуществляемые другими странами, проходили по этому узкому бутылочному горлышку. Чтобы получить оружие или средства в Афганистане, моджахеды должны были присоединиться к одной из этих партий. Моджахеды,

смотрящие в глаза смерти в Афганистане, презрительно называли эти партии «спак духана» («шесть магазинов»³⁷), где материальная поддержка продавалась за обязательство сохранять верность.

Это не было системой, предназначенной для поощрения объединенного сопротивления советской угрозе. Даже связывающий их клей ислама не мог заставить партии сотрудничать. В результате ситуация идеально служила провозглашенной пакистанским президентом Зия-уль-Хаком цели — «держат войну кипящей на медленном огне, но не дать ей убежать через край». Следование пакистанским интересам имело свою цену — продление страданий для афганцев и увеличивающиеся финансовые затраты для доноров, оказывающих поддержку, таких как Соединенные Штаты и Саудовская Аравия — и создавало идеальную среду для эксплуатации со стороны политически мотивированных фундаменталистов, ведущих джихад.

Нельзя удивляться тому, что не все является черно-белым в стране противоречий с набожными афганцами, с одной стороны, и коммунистами — с другой. Несмотря на силу ислама в Афганистане, афганское коммунистическое правительство оставалось у власти. Большинство людей из образованной элиты не были готовы выносить трудности и подвергаться опасностям, которыми полна жизнь в горах с моджахедами, ведущими джихад. Они в основном либо сидели на заборе и надеялись, что все станет лучше, либо вставали на сторону коммунистов, чтобы постараться повернуть будущее в свою пользу, либо активно убегали за границу³⁸ — и все ж ухитрялись считать себя хорошими мусульманами. Кроме того, многие простые афганцы, которые остались в стране, были призваны в ряды Афганской армии и использовались в качестве щита из пушечного мяса Советской армией или служили у полевых командиров ополчения, поддерживавшего коммунистическое правительство.

С уходом русских 15 февраля 1989 г. Америка объявила о победе, охарактеризовав ситуацию как поражение СССР на поле боя, а не вывод войск в связи с опасениями, касающимися более масштабных экономических проблем. Никто не обратил особо пристального внимания на афганцев, которые кровью заплатили за достигнутые результаты. Они победили не благодаря поставкам нескольких ракет «стингер» к концу конфликта или более хорошей подготовке (которой не было почти ни у кого), не было у них и разумно составленного генерального плана (чему мешали противоречия в рамках движения сопротивления). Они победили, поступая по-старому — они продержались дольше интервентов, и после тяжелых испытаний, выпавших на их долю, ислам был их единственным посто-

37 Под руководством Пакистана по тайной системе снабжения поступали средства и оружие для семи политических партий, а не шести, но не все из них можно было принимать всерьез.

38 По некоторым оценкам 3,3 млн человек бежали в Пакистан и почти два миллиона — в Иран. Для образованных и состоятельных это был первый шаг на пути в более отдаленные страны в Северной Америке, Европе, Австралии и т. д. Очень немногие из образованных людей остались воевать с СССР, предоставив бороться и погибать самым обездоленным группам населения.

янным утешением. В результате ужасов войны земля была изуродована, люди разбросаны или сломлены, но две вещи оставались неизменными: способность афганцев выносить невыносимое и их преданность мусульманской вере.

Однако несмотря на эту преданность вере, некоторые ее толкования начали меняться. Религиозная власть мулл не только усилилась, но многие моджахеды и муллы, которые руководили ими, теперь столкнулись с более радикальной интерпретацией ислама. Изменения были вызваны влиянием со стороны более строгого и сурового течения ислама, который процветал в Саудовской Аравии и был известен как ваххабизм³⁹. В этом ответвлении ислама лежали семена радикального фундаментализма, которого сегодня на международной арене придерживаются такие экстремистские группы, как «Аль-Каида».

Афганцы умеют учиться и учиться хорошо, они с осторожностью относятся к иноземцам, которые заявляют о том, что представляют их интересы. Им снова и снова приходится делать очень трудный выбор, и они предпочитают делать его сами, особенно если речь идет о том, как им строить свое общество и следовать своей вере. Как таковые их убеждения и решимость никогда не бывают тверже, чем тогда, когда они чувствуют давление, прижатые спиной к стене. Сельские жители не воспринимают автоматически центральное правительство как силу, гарантирующую большую стабильность на местах. С их точки зрения чаще всего правительство полно решимости лишить их того малого, что они имеют, путем сбора налогов или выжимая их всех, что можно, коррупционными методами, которые используют назначенные управленцы в условиях, когда процветают отношения покровительства или покупки должностей.

Это очень далеко от стабильности их собственной традиционной системы, какой бы шероховатой она ни была, которая опирается на авторитет собрания общины (которое называется «джирга» на языке пушту) и решения, принятые консенсусом. Джирга представляет собой примитивную форму демократии, несколько напоминающую политическое устройство древних Афин, известное как *dēmos kratos* (власть народа), отсюда появился термин «*dēmokratia*» (демократия).

Заключение

Запад сейчас требует поддержать очень отличающийся от джирги тип демократии — демократии современного западного образца, которую почти невозможно реализовать в Афганистане после более 30 лет кон-

39 Название «ваххабизм» ведет свое происхождение от имени богослова XVIII века Мухаммеда ибн Абд-аль-Ваххаба, уроженца тех мест, где сейчас находится Саудовская Аравия. Он проповедовал очень суровое толкование ислама, которое, по его мнению, больше соответствовало учению Пророка Мухаммада.

фликта, политического, социального и религиозного. Попытка осуществить это делается на фоне продолжающегося и расширяющегося конфликта, все более разрывающего ткань афганского общества и втискивающего исламскую веру афганцев во все более фундаменталистскую форму. Афганцы снова очутились в тисках, принуждаемые пришельцами изменить свой образ жизни, подталкиваемые центральным правительством к тому, чтобы уступить контроль над своим пространством, и вынужденные иметь дело с динамичным взаимодействием ислама и вооруженного конфликта в рамках своего развивающегося общества.

В Афганистане, в силу особенностей его ландшафта и истории общества и народа, конфликт может с легкостью приобрести латентный характер из-за «тумана войны», о котором говорил Клаузевиц⁴⁰. Чтобы избавиться от дымовой завесы риторики, маскирующей в современной войне пространство, где идет сражения, следует сказать, что здесь и в религиозном, и в вооруженном конфликте борьба ведется за умы людей, которые живут в земле Рох, этой древней земле, которую мы называем теперь Афганистаном.

Доказательством тому служит математика конфликта. После 2003 г. сторона, которая была слабее, у которой было гораздо меньше оружия и возможностей, стала набирать силу. Для Запада суть стратегии не заключается в синхронизации действий с характером конфликта, который им приходится вести. Тем временем силы «Талибана» жестко придерживаются того, что им хорошо известно — *как события воспринимаются*, — и используют это преимущество очень эффективно для того, чтобы не только сдерживать более мощные силы, но и готовиться к тому, чтобы нанести им поражение. Если Запад хочет найти решение, применяя оружие, он пойдет ко дну, поскольку этот путь не позволяет ему правильно понять истинный характер конфликта — сражение за овладение умами и контроль над ними.

Если внешние силы хотят только хорошего, но воспринимаются как неправые и причиняют побочный ущерб по мере своего продвижения (оскорбляя веру и нарушая границы пространства коренного населения), ситуация ухудшается экспоненциально по мере усиления их попыток. Надо отметить, что хотя Запад и является «пришельцем», ошибочно было бы считать «Талибан» полностью «своим» для афганцев. По сути своей современный джихад, ведущийся «Талибаном», афганцам не менее чужд, чем Запад, просто он лучше замаскирован и более созвучен местной динамике. Эти отличия дают талибам преимущество на ранней стадии борьбы за умы. Запад можно сравнить с осой, запутавшейся в паутине, — чем энергичнее

40 «И наконец, все данные во время войны настолько неточны, что это представляет собой особую трудность, поскольку все планирование действий происходит до определенной степени в сумерках, что, кроме всего прочего, часто придает вещам преувеличенные размеры и неестественный вид, как это бывает из-за тумана или лунного света».) (перевод МККК) Carl von Clausewitz, *On War*, Project Gutenberg, Chapter II, Section 24, доступно по адресу: <http://www.gutenberg.org/files/1946/1946-h/1946-h.htm> (последнее посещение 26 ноября 2010 г.).

он пытается высвободиться, тем более запутывается, и его шансы на нанесение решительного последнего удара все тают. Спасение зависит от того, будет ли понята динамика паутины и будет ли это понимание использовано должным образом. Традиционная сила афганцев заключается в основном в их способности выносить трудности дольше, чем их враги, — поэтому их стратегия направлена на то, чтобы заставить осу трепыхаться и истощить свои силы. Талибы не планируют одержать победу, штурмуя бастионы; они собираются победить, когда их истощенный противник потеряет желание продолжать войну или просто самоуничтожится.

Проведя много времени с афганцами в условиях конфликта, я посоветовал бы послушать их, если речь идет о войне с ними. В начале XIX века генерал Элфинстоун спросил афганского старейшину, не будет ли афганцам лучше жить в условиях системы централизованного управления. Афганец был кристально честен, отвечая на этот вопрос: «Мы согласны мириться с разногласиями, мириться с опасностями и с кровопролитием, но мы никогда не согласимся с тем, чтобы над нами стоял какой-то хозяин»⁴¹.

Это так и сегодня. Выход из афганской трясины возможен при изменении сознания — путем создания дружественных союзов на местном уровне, поскольку именно восприятие на местном уровне имеет основное значение. Это требует большей региональной автономии, чем допускает существующая структура управления в Афганистане. И тогда местные альянсы будут поддерживать правительство, действующее в качестве административного центра, а не монолитного чудовища, склонного к коррупции и полагающегося на создание и применение значительной силы для подавления населения и осуществления командования. Если население будет оказывать сопротивление, у противостоящей стороны появятся возможности повлиять на сознание людей более эффективно и тем самым обеспечить себе поддержку.

Чтобы добиться лучших результатов в афганских горах, Запад должен изменить свои методы ведения войны — начиная с попыток понять динамичное взаимодействие между религией и вооруженным конфликтом в Афганистане. В конце концов победит тот, кто поймет истинную динамику на местах и сумеет должным образом воспользоваться этим. В сущности, Запад должен усвоить старый урок: чтобы нормально чувствовать себя в афганском пространстве ведения войны, необходимо больше походить на афганцев и быть выносливым, быстрым, прагматичным и гибким.

41 М. Elphinstone, примечание 2 выше, с. 174.

Транснациональные исламистские сети

Имтиаз Гуль

Имтиаз Гуль, исполнительный директор Центра исследований и изучения вопросов безопасности в Исламабаде, более 20 лет пишет о проблемах безопасности и терроризма в Южной и Центральной Азии.

Краткое содержание

События, последовавшие после нападения террористов на Соединенные Штаты 11 сентября, не только вызвали всплеск террористической деятельности, но и бросили миру новый вызов: появились транснациональные исламистские сети, находящиеся под влиянием преимущественно таких организаций, как Ихван аль-Муслимин («Братья-мусульмане») и «Аль-Каида», которые стремятся распространить по всему миру особую религиозную идеологию и имеют определенное воздействие на уже существующие группы в Афганистане и Пакистане. В настоящей статье рассматривается роль исламистских сетей и влияния, которое через них оказывается «Аль-Каидой» и «Братьями-мусульманами» в Южной и Юго-Западной Азии и особенно в регионе Афганистана и Пакистана. В ней также объясняется, как местные придерживающиеся тех же убеждений группы использовали антизападную риторику «Аль-Каиды» для вербовки солдат и получения поддержки в рамках своего общества. Кроме всего прочего, они являются финансовыми спонсорами радикальных реформистов ваххабитского/салафитского толка.



Традиционный ислам в Южной и Юго-Западной Азии

Ислам пришел на Индийский субконтинент в VIII веке с арабским завоеванием Синда (сейчас четвертой провинции Пакистана на юге). Однако в последующие десятилетия, кроме борьбы и сражений за политическое

превосходство между королями и султанами региона, основное влияние на традиционный ислам в Южной (и Западной) Азии оказывали суфии и праведники. Гробницы суфийских праведников стали местами паломничества, что способствовало распространению ислама и служило основным средством его приспособления к местным традициям в очень неоднородном в культурном отношении обществе, которое существовало в Индии.

Несколько выдающихся личностей — как суфиев, так и праведников — распространяли ислам, вдыхая в него новую жизнь, на Индийском субконтиненте (а также в Афганистане и Центральной Азии) своими мирными и вдохновляющими учениями. Ученые и реформаторы, такие как Шах Валиулла Мухаддис Делви (1703—1762) и Альф Саини (1564—1624), оказали очень сильное воздействие на разные стороны мусульманского общества. Говорят, что Саини, индийский исламский богослов из Пенджаба, которого называли «источником живой воды для второго тысячелетия» за его работу по обновлению и омоложению ислама и противодействию еретическим доктринам, получившим распространение во времена могольского императора Акбара¹, придал «индийскому исламу строгий и консервативный вид, который он сохраняет по сей день»².

Раскол между традиционалистами и реформистами

Однако раскол между традиционалистами и реформистами оставался заметным на протяжении веков. Традиционалистский шариат по сути является легалистическим и казуистическим; иногда он сочетается с популярными формами суфизма (школа Барелви в Пакистане³). С другой стороны, как говорит Оливер Рой, реформистский фундаментализм критикует традицию, комментарии, популярную религиозную практику, отступления и предрассудки. Его цель заключается в возврате к основополагающим текстам (Шах Валиулла в Индии и Абд аль-Вахаб на Аравийском полуострове) и в целом он сформировался как реакция на внешнюю угрозу (влияние индуизма на ислам)⁴.

До начала XX века эти различные движения в основном носили мирный характер, но трудности, возникшие для мусульман Индии (межрелигиозные столкновения между индуистами и мусульманами), совпали с религиозным восстанием на Ближнем востоке, во главе которого стояли

1 Cyril Glasse, *The New Encyclopedia of Islam*, Altamira Press, Walnut Creek, CA, 2001, p. 432.

2 Aziz Ahmad, *Studies in Islamic Culture in the Indian Environment*, Oxford University Press, Oxford, 1964, p. 189.

3 Барелви — движение суннитского ислама, зародившееся на Индийском субконтиненте. Движение возникло в 1880 г. с целью защитить современные традиционные исламские верования и практику от критики таких реформистских движений, как Деобанди и Аль-е-Хадис. Это движение в Британской Индии было сформировано под влиянием работ Ахмеда Раза-хана Барелви (1856—1921).

4 Olivier Roy, *The Failure of Political Islam*, I. B. Tauris & Co Ltd., London, 1994, p. 31.

Сайид Кутуб и Хасан аль-Банна в Египте⁵, а также отменой исламского халифата в Турции Кемалем Ататюрком в 1930 г. Эти наднациональные факторы — Первая мировая война, британское правление в Индии, светское движение в Турции и политическая борьба в Египте — по сути, определили эволюцию исламской мысли за последнее столетие.

Салафизм и ваххабизм

Происхождение современных салафитских политических партий и движений (возрождение салафизма) можно проследить от Общества мусульманского братства («Братья-мусульмане»), созданного школьным учителем Хасаном аль-Банна в Египте в 1928 г.⁶, и Джамаат-е-Ислами (Исламской партии) Пакистана, созданной Сайидом Абдул-ала Маудуди в 1941 г.⁷ Рой утверждает, что

«хотя эти два течения развивались независимо друг от друга, совпадение их основных положений впечатляет. И вскоре были установлены контакты: именно ученик Маудуди, индиец Абдул Хасан али-Надви, перевел работы Маудуди на арабский язык и встретился с Сайидом Кутубом»⁸.

Египетский идеолог «Братьев-мусульман», Кутуб, который был казнен режимом президента Гамаль Абдель Насера в 1966 г., настаивал на ведении джихада (вооруженной борьбы) для установления истинно мусульманского государства, поскольку дуа (молитва) сама по себе не могла привести к господству Бога на земле⁹.

5 Хасан аль-Банна (Hassan al-Banna) (1906—1949) — египетский политический и религиозный лидер. Он был основателем организации «Братья-мусульмане» и одним из инициаторов сегодняшнего исламского возрождения.

6 Термин «салафиты» обычно используется для обозначения первых трех поколений мусульман: сахабов (сподвижников Мухаммада), табиунов (последователей) и таби аль-табиунов (тех, кто следует за последователями). Салафиты рассматривают эти три поколения в качестве примера того, как следует практиковать ислам. Основной принцип салафизма заключается в том, что ислам был совершенным и полным в дни Мухаммада и его сахабов, но с течением веков добавились нежелательные инновации в силу материалистических и культурных влияний. Термин «салафизм» иногда используется взаимозаменяемо с термином «ваххабизм».

7 Основными источниками для изучения движений «Братья-мусульмане» и «Джамаат» являются: Richard P. Mitchell, *The Society of the Muslim Brothers*, Oxford University Press, Oxford, 1963; and Kalim Bahadur, *The Jamaat-i-Islami of Pakistan: Political Thought and Political Action*, Chetana Publications, New Delhi, 1977. Маудуди (1903—1979) — суннитский журналист, богослов, лидер мусульманского возрождения, политический философ и крупный исламский мыслитель. Кроме того, в Пакистане он был заметной политической фигурой.

8 О. Рой, примечание 4 выше, р. 35. Сайид Кутуб (1906—1966) — египетский писатель, просветитель и религиозный лидер. Его работы об исламе и особенно его призыв к революции для установления исламского государства и общества оказали очень сильное влияние на возрожденческие исламские движения XX века.

9 Aneela Salman, 'Religious ideology and lethality: does religious sect have an effect on the lethality of a terrorist organization?', in *Criterion*, Vol. 5, no. 3, July–September 2010, доступно по адресу: <http://criterionpk.com/2011/02/religious-ideology-and-lethality-does-religious-sect-have-an-effect-on-thelethality-of-a-terrorist-organization/> (последнее посещение 9 марта 2011 г.).

Рой разделяет современное транснациональное исламистское движение, которому сейчас уже около 60 лет, на три географических и культурных направления: суннитский арабский Ближний Восток, суннитский Индийский субконтинент и ирано-арабский шиизм:

«Эти группы в политическом отношении так же различаются, как и в географическом, и поэтому правильнее говорить об исламской сфере влияния, а не о международном союзе. Самые большие организации принадлежат к Арабскому всемирному объединению «Братьев-мусульман» (БМ), которое не очень жестко подчиняется своему египетскому руководству... Потом идут организации Индийского субконтинента (различные Джаммат-е-Ислами Пакистана, Индии и Бангладеш), афганские моджахеды (Хезб-е-Ислами, Джамаат-е Ислами), и, совсем недавно к ним присоединились исламисты Северной Африки... Что же касается революционного шиитского движения, это единственное из них, которое захватило власть в ходе истинно исламской революции...»¹⁰.

Общие цели

Объединяет эти группы следующее: i) призыв к фундаментализму: очистить общество и принудительно осуществлять шариат, ii) антиколониализм, iii) анти-империализм (что равнозначно антизападничеству), и iv) антиамериканские настроения. Их очевидными мишенями поэтому являются иностранные банки (напр., City Bank, American Express), иностранные предприятия общественного питания (напр., KFC, McDonalds, Pepsi), Всемирный банк и МВФ (которые называют американскими инструментами для выкручивания рук мусульманским странам) и даже правительства, сотрудничающие с США или другими странами НАТО (Ирак, Афганистан и Пакистан, например). Общим знаменателем для всех этих групп являются оппозиция как Израилю, так и США (за их политику по отношению к палестинцам) и осуждение этих стран. Кроме того, можно упомянуть и их недовольство вторжением США в Ирак и продолжающееся присутствие в Афганистане. В этом суннитские группы (включая «Аль-Каиду» и «Братьев-мусульман») едины с палестинской радикальной суннитской группой ХАМАС, которая вышла из недр «Братьев-мусульман», а также с основными шиитскими группами, такими как Хезболла; все они оказывают поддержку друг другу.

Оппозиция по отношению к Индии в связи со спором, касающимся гималайского штата Кашмир, характерна для пакистанских военнизированных группировок — Лашкар-е-Тайба (Армия правоверных), Харкт-уль-Муджахедин (Орден священных воинов) и Джаиш-е-Мухаммад

10 О. Roy, примечание 4 выше, р. 2

(Армия Мухаммада). Между делом все эти группировки стали фактором повышения боевой эффективности для транснациональной «Аль-Каиды».

Афганская война

Война против Советского Союза стала поворотным пунктом в воинствующем мусульманском возрожденческом движении и на этой новой платформе сплотились воинствующие исламисты всего мусульманского мира. Шейх Абдулла Аззам был одним из первых арабов, которые присоединились к джихаду в Афганистане. Он выступал за традиционный джихад, нацеленный на вытеснение христианства из всех мусульманских земель. Усама бен Ладен (Аззам был его наставником) создал образ общего врага, против которого должны быть направлены все усилия джихада. Таким образом, войска США в Саудовской Аравии, а затем в Сомали оказались олицетворением этого общего врага, изменив тем самым направленность салафитского джихада, мишенью которого стал «далекий враг» (Соединенные Штаты и Запад в целом)¹¹.

Американское ЦРУ и Служба разведки Пакистана (ISI) использовали мусульманских боевиков со всего мира для борьбы с Советским Союзом. После вывода советских войск в феврале 1989 г. социалистический режим Афганистана пал в борьбе против моджахедов в апреле 1992 г. Последовавший хаос и борьба между группировками после резкого свержения президента Наджибуллы превратили Афганистан в раздробленные укрепленные территории, что дало возможность арабским ваххабитам-салафитам и пакистанским деобанди¹² (и те, и другие принадлежат к суннитам) и проиранским шиитским группам выйти на сцену и оказать влияние на ход событий в стране.

Роль Саудовской Аравии в создании транснациональных сетей

Во время джихада против Советского Союза саудовцы не только тратили доллары наравне с Америкой, но и финансировали строительство новых мечетей и семинарий в регионе Афганистана и Пакистана, а также создавали собственные «доверенные силы» — Сипах-е-Сахаба Пакистан (SSP), Лашкар-е-Джанги и несколько других группировок — для отражения наступлений шиитов в суннитском регионе¹³. В Афганистане они взяли под свое покровительство профессора Абдулу Расула Сайяфа, лидера

11 Marc Sageman, *Understanding Terror Networks*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 2004, p. 19.

12 Деобанди — это последователь методов исламского движения Деобанд. Движение зародилось в Дарул Улум Деобанд (медресе, или семинария) в Деобанде (Индия), днем его зарождения считается 30 мая 1866 г.

13 Imtiaz Gul, *The Most Dangerous Place: Pakistan's Lawless Frontier*, Penguin, London, June 2010.

сопротивления и проповедника ваххабизма, и, видимо, продолжают ему покровительствовать до настоящего времени.

Вопрос о финансировании воинствующих политических организаций возник во время иранской революции января 1979 г. Советское вторжение в Афганистан в декабре того же года предоставило саудовцам прекрасную возможность для финансовой поддержки религиозно-политических партий с одной стороны, а с другой — для содействия созданию таких политических партий, которые упоминались выше, чтобы противодействовать распространяющемуся иранскому шиитскому влиянию. Действительно, саудовские монархи боялись, что революция в Иране может подорвать их собственное влияние в соседних странах. В то время как бушевали сражения фракций в Афганистане, когда туда прибыли все лидеры моджахедов в апреле 1992 г., усиливалось и саудовско-иранское соперничество. Саудовцы и пакистанцы объединили усилия, чтобы остановить распространение иранского влияния как в Афганистане, так и в самом Пакистане, разрешив и финансируя быстрое строительство суннитских религиозных семинарий по всей стране. Не ослабевает стремление Саудовской Аравии осуществлять влияние над группировками, которым она «доверяет» вести борьбу в таких странах, как Пакистан, где две трети 175-миллионного населения являются мусульманами-суннитами.

Финансируя создание суннитских семинарий в Пакистане, саудовцы спровоцировали и ожесточенный межрелигиозный конфликт, продолжавшийся на протяжении всех 1990-х гг. Центром его стал пакистанский Пенджаб, где находятся штаб-квартиры радикальных суннитских¹⁴ и шиитских¹⁵ организаций. У большинства суннитских организаций, от Карачи на юге до Южного Пенджаба и Вазиристана на северо-западе, общие цели, они связаны единой для всех идеологией «Аль-Каиды». Пакистанская служба разведки, желающая занять стратегические позиции в глубине Афганистана, преследовала там собственные цели. В середине 1990-х гг. она увидела в «Талибанах» силу, которая сможет расширить ее собственные возможности и противостоять российскому, индийскому и иранскому влиянию. Таким образом, появились различные военизированные группировки, деятельностью которых руководила либо Саудовская Аравия, либо Пакистан. Позже война с терроризмом, возглавляемая США в Афганистане, и вторжение в Ирак еще больше облегчили для таких транснациональных движений, как «Аль-Каида», вербовку кадров для организации сопротивления «западному империализму под руководством США».

Таким образом, возникло объединение, или сращивание интересов и целей, традиционалистского духовенства и радикальных реформистов — в основном руководимых «Аль-Каидой» и находящихся под ее

14 Такие как SSP, Лашкар-е-Джангви, Джаиш-е-Мухаммад, Лашкар-е-Тайба и Джамаат-уд-Дава.

15 Включая прекратившую существование Терике Джафрия Пакистан.

влиянием — в Южной и Юго-Западной Азии. Это некий синтез исламистских боевиков и традиционных мулл, которые ранее процветали благодаря американской щедрости, а теперь служат в качестве непосредственных сторонников или апологетов (не оказывающих прямой поддержки) панисламистских миссионеров.

Наличие такой задачи — заключающейся, в основном, в распространении идеологии «Аль-Каиды» — чувствовалось и в видеообращении одного из лидеров египетской группировки Аймана аз-Завахири, сделанном в связи с конфликтом между Хезболлой и Израилем летом 2006 г.: «Весь мир является для нас открытым полем. Поскольку они совершают свои нападения на нас повсюду, мы также будем нападать на них везде. Поскольку их армии объединились для войны с нами, наша нация объединится для борьбы с ними... Снаряды и ракеты, разрывающие тела мусульман в Газе и Ливане, принадлежат не только Израилю. Они снаряжаются и производятся на деньги всех стран Альянса крестоносцев»¹⁶.

Крупные транснациональные сети

Сети арабского мира

«Братья-мусульмане»

Заявленная цель «Братъев-мусульман» заключается в том, чтобы Коран и Сунна стали «единственным ориентиром для ... устройства жизни мусульманской семьи, отдельного человека, общины ... и государства»¹⁷. Движение официально выступает против насильственных методов достижения своих целей, исключения составляют израильско-палестинский конфликт и его попытки свергнуть правление партии Баас в Сирии. Шарон Оттерман описывает его недавнюю историю:

«В Египте «Братья-мусульмане» официально запрещены с 1954 г., но в действительности египетское правительство разрешает этой организации действовать в определенных рамках с 1970-х гг., держа ее под контролем с помощью частых арестов и других репрессивных мер. Большая политическая открытость в 2005 г., наступившая благодаря как внутреннему, так и международному давлению, привела к тому, что правительство во время выборов в парламент в 2010 г. предоставило «Братьям-мусульманам» беспрецедентную свободу для проведения

16 Ayman al-Zawahiri, запись BBC, 'Excerpts: Al-Zawahiri video comments', 27 July 2006, доступно по адресу: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/5220204.stm (последнее посещение 14 января 2011 г.).

17 Ikhwanweb, официальный сайт «Братъев-мусульман» на английском языке: <http://www.ikhwanweb.com/article.php?id=813&ref=search.php> (последнее посещение 9 марта 2011 г.). См. также: Robert S. Leiken and Steven Brooke, 'The moderate Muslim Brotherhood', in *Foreign Affairs*, Vol. 86, No. 2.

предвыборной кампании. И хотя 150 кандидатов из этой группы официально считались независимыми, ни для кого не было секретом, что они связаны с братством. Кандидаты проводили массовые митинги, размещали плакаты с названием своей организации и использовали девиз «Решением является ислам»¹⁸.

«Братья-мусульмане» не участвовали активно в событиях января-февраля 2011 г., требования изменений высказывались светскими средствами массовой информации и гражданским обществом. Действительно, многие наблюдатели считают, что эта ситуация была новым стратегическим вызовом как для Братства, так и для «Аль-Каиды»: требование демократических прав, а не шариата (исламского права) было равнозначно оскорблению «Аль-Каиды» и отрицанию ее тезиса о том, что мусульманский народ мечтает об обществе, где установлен шариат. События в Тунисе, Бахрейне и Иордании свидетельствуют, что «Братья-мусульмане» и «Аль-Каида» потерпели неудачу и в этих странах.

Основная миссия «Братьев-мусульман» заключается в том, чтобы обращать людей в свою веру путем проповедей и предоставления социальных услуг. Сеть организации охватывает территории Египта, Иордании, Палестины, Кувейта, Судана, Йемена, Сирии и Туниса, то есть она базируется преимущественно в арабских странах, а отделения «Братьев-мусульман» в этих странах практически подчиняются центру, находящемуся в Египте. «Братья-мусульмане» являются спонсорами национальных организаций, таких как Движение исламской направленности в Тунисе, «Справедливость и милосердие» в Марокко, ХАМАС в Алжире и Движение арабской молодежи в Малайзии, группы, близкой как к «Братьям-мусульманам», так и к малазийской Джаммаат-е-Ислами в 1971 г.¹⁹ Из литературы, посвященной этой теме, можно понять, что афганский лидер моджахедов Бурхануддин Раббани воспринял идеи «Братьев-мусульман» во время своего студенчества в университете Аль-Азхар в 1950-х гг.²⁰

«Братья-мусульмане» и «Аль-Каида» выражали свое мнение относительно исламских движений сопротивления в регионе в связи с той проблемой и возможностями, которые они создавали для политического ислама. Однако есть разница между двумя организациями, как об этом пишет Марван Бишара, арабский палестинский политический обозреватель и ученый:

«Братья-мусульмане» поддерживали различные движения сопротивления иностранной оккупации, в том числе палестинский ХАМАС (ответвление «Братьев-мусульман» Палестины), ливанский Хезболла

18 Sharon Otterman, *Muslim Brotherhood and Egypt's Parliamentary Elections*, Council on Foreign Relations Backgrounder, 1 December 2005, доступно по адресу: <http://www.cfr.org/egypt/muslim-brotherhoodegypt-parliamentary-elections/p9319> (последнее посещение 9 марта 2011 г.).

19 O. Roy, примечание 4 выше, p. 111.

20 Jason Burke, *Al-Qaeda: The True Story Of Radical Islam*, I. B. Tauris, London, 2004, pp. 66–67.

и иракские исламистские группы сопротивления. Тем не менее организация поддерживала их попытки присоединиться к политическим процессам в своих странах. С другой стороны, «Аль-Каида» поддерживала выступления этих групп только, когда они действовали с применением насилия, а когда они обращались к политике, «Аль-Каида» отвергала все эти попытки как уступки врагам ислама»²¹.

«Аль-Каида»

В последнее десятилетие ни одна организация не имела такого влияния на политические устремления во всем мусульманском мире, как «Аль-Каида». Она является авангардом глобального движения салафитов, которое включает многие родственные группы, разделяющие одну идеологию. В соответствии с салафитской идеологией джихада правительство Саудовской Аравии, например, является неисламским режимом, который следует очистить от его настоящих руководителей»²².

Объявляя джихад, Усама бен Ладен использовал образ исторического исламского сопротивления европейским крестовым походам, описывая противника как «альянс иудеев, христиан и их агентов» и обвиняя их в «резне в Таджикистане, Бирме, Кашмире, Ассаме, на Филиппинах, Фатани [транслитерация], в Огадене, Сомали, Эритрее, Чечне, Боснии и Герцеговине»²³. В фетве провозглашалось:

«Решение убивать американцев и их союзников — как гражданских лиц, так и военнослужащих — является обязательным для каждого мусульманина, который может сделать это в любой стране, в которой это возможно, для того чтобы освободить мечеть Аль-Акса и святые мечети из их рук, и для того, чтобы их армии ушли из всех земель ислама, побежденные и не способные более угрожать ни одному мусульманину. Это соответствует словам Всемогущего Господа: «Сражайтесь все с многобожниками, как они все сражаются с вами» и «Сражайтесь с ними, пока не будет искушения и религия вся будет принадлежать Аллаху»²⁴.

21 Marwan Bishara, 'Islam can not always be blamed: it appears Islam is not an appropriate scapegoat after all', Ikhwanweb, 19 January 2010, доступно по адресу: <http://www.ikhwanweb.com/article.php?id=22699> (последнее посещение 14 января 2011 г.).

22 См.: M. Sageman, примечание 11 выше.

23 Christopher M. Blanchard, *Al Qaeda: Statements and Evolving Ideology*, CRS Report for Congress, 16 November 2004, p. 3, доступно по адресу: <http://www.fas.org/sgp/crs/terror/RL32759.pdf> (последнее посещение 9 марта 2011 г.). Кроме бен Ладена и аз-Завахири иракский клирик Абу Мусаб аль-Заркави был третьим из наиболее почитаемых фигур в «Аль-Каиде». Названный бен Ладеном «принц «Аль-Каиды» в Ираке» он был позже убит недалеко от Багдада во время воздушного налета США в 2006 г. См.: Jayshree Bajoria, 'al-Qaeda (a.k.a. al-Qaida, al-Qa'ida)', Council on Foreign Relations, updated on 30 December 2009, доступно по адресу: <http://www.cfr.org/terroristorganizations/al-qaeda-k-al-qaida-al-qaida/p9126> (последнее посещение 9 марта 2011 г.).

24 Фетва Усамы бен Ладена и других в «Аль-Каиде», опубликована в *al-Quds al-Arabi*, 23 февраля 1998 г., цит. по: Quintan Wiktorowicz, 'The new global threat: transnational Salafis and jihad', in *Middle East Policy*, Vol. 8, No. 4, December 2001, p. 18.

Интересно, что «Аль-Каида» выдвигает концепцию, которая не базируется на основных доктринах исламского богословия, но создает новую идеологическую отправную точку, применив исламские принципы к социально-политическим изменениям. Бен Ладен представляет джихад как личную обязанность всех мусульман воздать отмщение за кровь невинных мусульман, особенно мусульманских детей в Ираке и Палестине²⁵.

Что отличает «Аль-Каиду» от «Братьев-мусульман», так это идеологическая сплоченность, которая просто пересекает границы, объединяя культуры, этносы и людей. «Братья-мусульмане» демонстрируют свой политический прагматизм, принимая реформистский подход в странах, где они действуют. Организация не противопоставляет себя демократическому процессу и не запрещает своим членам участвовать в выборах, считая, что выполняя свою основную миссию, она признает и мирную борьбу за политическую власть. Это, возможно, также является причиной региональных разногласий и конфликтов внутри сети «Братьев-мусульман». В связи с этим Оливер Рой выдвигает очень убедительный аргумент, а именно:

«...прежде всего, существует несколько центров: египетские БМ [«Братья-мусульмане»], пакистанский Джаммаат и Лига исламского мира, находящаяся в Саудовской Аравии. Оттуда устанавливаются связи и осуществляется сотрудничество в рамках сети личных взаимоотношений, характеризующихся противоречиями и различиями; их общим знаменателем является не идеология БМ, но простое желание реисламизировать общество. Эти сети периодически оказываются разорваны конфликтами, в которых государства Ближнего Востока противостоят друг другу...»²⁶.

В отличие от этого, те группы, которые придерживаются основной идеологии «Аль-Каиды», редко демонстрируют разногласия и единодушны в вопросе достижения своих политических целей путем открытого насилия, такого как взрывы смертников. Они игнорируют, например, прагматизм «Братьев-мусульман» (участие в парламентских выборах) и убеждены, что сила — это единственное средство исламизации общества и прекращения иностранной оккупации мусульманских земель (Саудовской Аравии, Кувейта, Ирака, Афганистана и Палестины).

«Аль-Каида» действует в десятках стран, включая Соединенные Штаты, Великобританию, Испанию, Германию, Йемен и Сомали. Перенеся ставку своего главного командования в Афганистан во время правления «Талибана», организация ввела метод использования террористов-смертников как в афганский, так и в пакистанский «Талибан», а также в связанные с ними группы в Ираке, Йемене и Северной Африке.

25 A. Salman, примечание 9 выше, p. 73.

26 O. Roy, примечание 4 выше, p. 112.

Даниел Бенджамин из американского Института мира, находящегося в Вашингтоне «мозгового центра», отмечает, что «терроризм, приходящий из Йемена, является главной причиной обеспокоенности Соединенных Штатов. Но ядро «Аль-Каиды» в Пакистане остается крайне угрожающей и опасной организацией, которая по-прежнему основной своей мишенью считает Соединенные Штаты»²⁷.

Когда далее в этом разделе мы будем говорить о Джамаат-е-Ислами, то попытаемся объяснить, как местные партии служат прикрытием или обеспечивают обоснование для глобальной миссии «Аль-Каиды», несмотря на тот факт, что только ограниченная часть населения поддерживает «Аль-Каиду» и симпатизирует ей. В феврале 2008 г. опрос, проведенный Вашингтонской некоммерческой группой «Terror Free Tomorrow» (Завтра без террора), показал, что только 24% пакистанцев положительно отнеслись к бен Ладену по сравнению с 46% в августе 2007 г. Аналогичным образом популярность «Аль-Каиды» упала с 33% до 18%.

Хезболла

Идеология Хезболлы основывается на концепции джихада и мученичества. Это часто демонстрируется действиями ее террористов-смертников. 11 ноября 1982 г. первый смертник Хезболлы, Ахмад Казир, подорвал себя в израильском военном штабе в Тире, убив 76 офицеров (на сайте Хезболлы говорится о 75). Эта дата и сейчас отмечается Хезболлой в честь Казира как День мученика²⁸.

Хезболла также позиционирует себя как панарабское и панисламское движение и проводит практическую политику под религиозной маской. Ее взаимоотношения с Ираном имеют политико-идеологические и политико-стратегические основы (панисламизм), а с Сирией базируются на этно-национальной идентичности (панарабизм)²⁹.

Подготовка даже суннитских и неисламских группировок, таких как «Тамильские тигры», являлась частью стратегии Хезболлы по распространению идеи мученичества на другие территории. Обращаясь к военным подразделениям организации в декабре 2002 г., лидер Хезболлы Сайед Хасан Насралла сказал: «Операции мучеников — взрывы смертников — должны экспортироваться за пределы Палестины. Я призываю палестинцев распространить действия смертников по всему миру. Не бойтесь делать это»³⁰.

27 Daniel Benjamin, Coordinator for Counterterrorism/Ambassador-at-Large, *US Counterterrorism Strategy in Yemen*, US Institute of Peace, Washington, DC, 8 September 2010, доступно по адресу: <http://www.state.gov/s/ct/rls/rm/2010/147296.htm> (последнее посещение 14 января 2011 г.).

28 A. Salman, примечание 9 выше, цитируется Joseph Alagha, *The Shifts in Hizbullah's Ideology: Religious Ideology, Political Ideology, and Political Program*, Amsterdam University Press, Amsterdam, 2006.

29 Alagha, примечание 28 выше.

30 Council on Foreign Relations, backgrounder on Hamas, 27 August 2009, доступно по адресу: <http://www.cfr.org/israel/hamas/p8968> (последнее посещение 22 февраля 2011 г.).

Организации Южной и Юго-Западной Азии

Джамаат-е-Ислами (ДИ)

Со времени своего основания в 1941 г. Джамаат-е-Ислами Пакистана сопротивлялась разделению Индии. Позже, после появления Пакистана в качестве нового государства на карте мира, она изменила свою позицию и решила привлечь себе сторонников в новом государстве. В отличие от других исламских движений она демонстрирует более масштабный и прагматичный исламский подход, он выражается в привлечении большого числа чаще всего образованных политических активистов, преподавателей, профессуры, научных сотрудников и интеллигенции из низшего и среднего классов. Организация сосредоточивает свое внимание на политической борьбе за установление исламского государства, не тратя энергию на отдельных лиц с целью сделать из них совершенных мусульман.

Джамаат-е-Ислами Пакистана открыто руководит национальным движением за исламизацию государства. Однако она разделяет исламскую политическую идеологию и программу с другими политическими партиями (такими как Джамаат-е-Ислами Бангладеш или Хезб-и-Ислами Афганистана). В то же самое время она поддерживает идеологическую связь с «Аль-Каидой» и, в частности, с теми лицами и группами, которые когда-то были частью «Братьев-мусульман», но сейчас являются преданными активистами «Аль-Каиды». Эта связь придает Джамаат-е-Ислами транснациональный характер, дающий ей возможность проникать через границы отдельных стран или регионов. Тот факт, что несколько человек, связанных с «Аль-Каидой», например Халид Шейх Мохаммед, один из тех, кто спланировал события 11 сентября, были арестованы в домах лидеров Джамаат-е-Ислами в различных частях Пакистана, также подтверждает наличие связи, которая существовала между «Аль-Каидой» и Джамаат-е-Ислами в Пакистане.

Будучи прагматичной суннитской исламистской партией, Джамаат-е-Ислами поддерживает и хорошие рабочие отношения с шиитами в Иране. Несмотря на то, что это чисто суннитское движение, оно рассматривается как единственная суннитская партия, которая не верит в сектантство и не имеет противоречий с мусульманами-шиитами. Говорят даже, что Гульбеддин Хекматияр, глава Хезб-е-Ислами, который был традиционно близок к Джамаат-е-Ислами, не раз укрывался в Иране в 1990-х гг. и даже после того, как Соединенные Штаты начали «глобальную войну с терроризмом» в Афганистане после событий 11 сентября. В своем последнем послании мусульманам после Рамадана, накануне праздника Ид-аль-фитр, Хекматияр, например, советовал, в частности, пакистанскому и иранскому правительствам не поддерживать Соединенные Штаты в ущерб афганскому народу. Не подвергайте опасности ваши интересы, продолжая поддержи-

вать войну в Афганистане, убеждал он оба правительства³¹. Когда я посещал Афганистан в начале 1990-х гг. и в начале XXI века, боевики Хезб-е-Ислами часто рассказывали о своих контактах и приключениях в Боснии и Герцеговине, в Чечне и особенно в Кашмире. Они упоминали аз-Завахири, потому что эти неарабские мусульмане связаны с египетским доктором исходной идеологией «Братьев-мусульман».

Более десяти организаций работают непосредственно или опосредованно под эгидой пакистанской Джамаат-е-Ислами. Две из них являются политическими, четыре — джихадистские и одна представляет собой союз богословов. Есть также четыре молодежных и студенческих организации, которые ассоциируют себя с ДИ или вдохновляются ее идеологией³². Фонд Аль-Кидмат, заметная организация, находящаяся под контролем Джамаат-е-Ислами Пакистана, например, действует как благотворительная неправительственная организация (НПО), которая старается предоставить услуги жертвам войны или любого стихийного бедствия или катастрофы, которые происходят в стране. В последние годы Фонд быстро расширил сферу своей деятельности, охватив территорию всей страны: «Согласно докладу Джамаат-е-Ислами за 2001 г., Фонд Аль-Кидмат истратил на различные программы в предыдущем году приблизительно 40 млн рупий»³³. Во время августовских наводнений в 2010 г. Фонд снова участвовал в борьбе со стихией, мобилизовав несколько миллионов рупий и тысячи добровольцев для оказания помощи при спасении миллионов людей, изгнанных из своих домов разбушевавшимися водами Инда, и доставки им необходимых продуктов.

Связь Джамаат-е-Ислами с Кашмиром

Джамаат-е-Ислами Джамму и Кашмира (ДИДК) была основана как независимая политическая организация в 1952 г. Она позиционировала себя в качестве организации, поставившей перед собой цель создать в Кашмире исламское государство, основанное на шариате, используя при этом для достижения своих целей демократические методы мирного убеждения³⁴. Однако в конце 1980-х гг. ДИДК начала вооруженную борьбу против индийского правления. В 1989 г. она дала указание своим членам ассамблеи подать в отставку и присоединиться к борьбе. Лидеры ДИДК, включая Сайеда Али Джилани, главного идеолога, утверждают, что силы неверных, таких как Израиль, западный мир и Индия, объединились, чтобы

31 Maverick Report, 'Hekmatyar advises Pakistan, Iran not to befriend US at cost of Afghan nation', 11 September 2010, доступно по адресу: <http://www.maverickpakistanis.com/?p=8513> (последнее посещение 22 февраля 2011 г.).

32 Mohammad Amir Rana, *A to Z of Jihadi Organizations in Pakistan*, Mashal Books, Lahore, 2004.

33 *Ibid.*

34 См.: Yoginder Sikand, 'Changing course of Kashmiri struggle: from national liberation to Islamist jihad?', in *Economic and Political Weekly*, Vol. 36, No. 3, 2001, p. 219.

противостоять мусульманскому миру путем заговоров и силовых методов. Джилани заявляет, что «всегда, когда мусульмане пренебрегали принципами ислама, для которого не существует границ, они теряли свою силу и становились похожими на любую другую общину». Территориальный национализм, пишет он, оказался губительным для мусульман, поскольку он разделил их по различным государствам и тем самым заставил их уклониться от выполнения задачи по «изменению условий всего человечества»³⁵.

Кроме групп, ассоциируемых с Джамаат-е-Ислами в Кашмире, находящемся под управлением Индии, такие группы, как Лашкар-е-тайба, Техрик-уль-Муджахеддин и Харкат-уль-Муджахеддин также действуют в сотрудничестве друг с другом; это подчеркивает транснациональный характер исламистских реформистов, которые считают применение силы законным орудием для достижения своих целей.

Таблиги Джамаат

Таблиги Джамаат — наиболее влиятельная религиозная организация в Пакистане. У нее есть центры в каждом районе, где ее члены собираются для изучения ислама; кроме того, время от времени она организует специальные собрания для привлечения людей из различных частей страны. Ежегодно она устраивает трехдневные встречи в Райвинде, недалеко от Лахора (Пакистан), и в Танджи (Бангладеш), куда приезжают, как правило, почти два миллиона мусульман со всего мира. Это второе по численности собрание мусульман после ежегодного хаджа (паломничества) в Мекку.

Таблиги Джамаат появилась на севере Индии в 1920-х гг., став наследницей нескольких поколений улемов [исламских богословов и религиозных лидеров], ассоциирующихся с Деобандом. Маулана Мухаммад Ильяс (умер в 1944 г.) считается основателем Таблиги Джамаат³⁶. После разделения субконтинента в 1947 г. движение получило новый заряд энергии, что более всего чувствовалось в Мевате, районе, где оно зародилось и где индусы начали безжалостную «этническую чистку»³⁷. У Таблиги Джамаат нет официальной бюрократической структуры, это сильно децентрализованное добровольное движение, не имеющее официального названия. Во главе стоит нехаризматичное руководство, и, в принципе, не имеется склонности к культу личностей. Название «Таблиги Джамаат» является общепринятым, но не используется официально. У организации нет офисов и архивов, и не имеют места заседания за закрытыми дверями³⁸.

35 См.: Yoginder Sikand, 'Changing course of Kashmiri struggle: from national liberation to Islamist jihad?', in *Economic and Political Weekly*, Vol. 36, No. 3, 2001, p. 219.

36 Barbara Metcalf, 'Travelers' tales in the Tablighi Jamaat', in *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, Vol. 588, July 2003, pp. 136—148.

37 *Ibid.*, с. 137.

38 *Ibid.*, p. 138. Можно оценить влияние и притягательность Таблиги Джамаат на основании

Несмотря на свою пацифистскую позицию Таблиги Джамаат появилась на периферии многочисленных расследований террористической деятельности. Она оказалась в центре внимания общественности и средств массовой информации, особенно в Великобритании, когда объявила о своем намерении построить там самую большую мечеть в Европе. Имея свою международную штаб-квартиру в Низамуддине (Дели), организация располагает несколькими национальными центрами для координации своей деятельности более чем в 80 странах, она осуществляет присутствие в Северной Америке, Европе, Африке и Центральной Азии.

В политическом отношении Таблиги Джамаат имеет разногласия с другими исламскими организациями:

«ТД часто становилась объектом критики со стороны других исламских фракций Деобанда, особенно тех, которые ведут джихад; они считают, что эта несопротивленческая и последовательно расширяющаяся гуманитарная организация должна также присоединиться к джихаду, что является одним из принципов ислама. Старейшины партии обычно стараются избегать ответов на критику со стороны, хотя они с готовностью отвечают на вопросы в рамках самой партии»³⁹.

Как в Пакистане, так и в Бангладеш Таблиги Джамаат использует определенные средства взаимодействия с политической структурой. Линия разделения проходит не между политическими и аполитичными движениями, но между двумя способами понимания политики. Если исламисты действуют через национальное государство, то другие группы не замечают границ; «ставя политику чаще всего в скобки, они прежде всего создают отдельных лиц и институты, которые с течением времени могут оказывать более продолжительное политическое влияние»⁴⁰.

того факта, что несмотря на свою умеренность и либеральность, мусульманин Фарук Легари, бывший президент Пакистана, присутствовал на ежегодных собраниях Таблиги Джамаат в середине 1990-х гг., все еще находясь у власти. Другим ярким примером может послужить генерал Мехмуд Ахмед, бывший глава разведывательной службы, который присоединился к Таблиги Джамаат после своей вынужденной отставки в октябре 1999 г. и каждый год посвящает неделю распространению информации об организации и ее задачах. Целый ряд игроков национальной сборной по крикету, включая бывшего капитана Инзамулу Хака, Муштাকা Ахмеда и Юсуфа Йоханна, также являются в настоящее время активными членами Таблиги Джамаат; Йоханна, на самом деле, обратился из христианства в ислам благодаря Таблиги Джамаат и сейчас носит мусульманское имя Мухаммад Юсуф. Популярные певцы Джунаид Джамшед, Али Хайдер и Наджам Шираз — вот еще несколько примеров того, как Таблиги Джамаат может воздействовать на отдельных лиц, которые обычно считаются нерелигиозными; на вершине своей певческой карьеры эти три известных артиста попали под влияние Таблиги Джамаат и теперь, кроме исполнения религиозных песнопений и гимнов либо, в случае с Джамшедом, занятий таким бизнесом, как производство качественной мужской одежды, они проповедуют ислам. Джамшед ведет также телевизионные программы, представляя точку зрения Таблиги.

39 Waqar Gillani, 'Revolution, not quite', in *News International*, 1 November 2009, доступно по адресу: <http://jang.com.pk/thenews/nov2009-weekly/nos-01-11-2009/dia.htm#2> (последнее посещение 27 октября 2010 г.).

40 Shail Mayaram, 'Hindu and Islamic transnational religious movements', in *Economic and Political*

Таблиги Джамаат не имеет видимых источников финансирования. Она полностью зависит от благотворительности и пожертвований своих членов и других лиц. Донорам строжайшим образом запрещается обнародовать свое финансовое участие. По словам одного из членов Таблиги, хвастаясь финансовой поддержкой, которую вы оказываете на пути Господа, можно испортить и исказить вашу цель и, таким образом, будет утрачен смысл практики ислама⁴¹.

Между тем критики клеймят Таблиги Джамаат как самую крупную организацию апологетов радикальных исламистов ваххабитского/ салафитского толка. На самом деле она предоставляет безопасное укрытие для воинствующих исламистов всех оттенков. Во время своего посещения бурного и приведенного в боевую готовность пакистанского региона Южный Вазиристан я, например, натолкнулся на дневник, который, возможно, был оставлен кем-то из посетителей на территории семинарии, которую боевики использовали для политического промывания мозгов активистам со всего Пакистана. Написанный на урду, национальном языке Пакистана, дневник содержал комментарии и воспоминания о многих боевиках, которые прошли через этот лагерь. По крайней мере дюжина записей касалась посещения автором этой статьи Райванда, штабквартиры Таблиги Джамаат в Пакистане на окраинах Лахора, второго по величине города страны. Почти во всех записях говорилось, что «пребывание [в Райванде] — это наполненный духовностью и замечательный эмоциональный опыт». Это явное свидетельство того, что мусульмане везде относятся к данному месту с огромным почтением и, таким образом, оно становится почти неприступным убежищем для тех, кто является противником общественно-политической системы и существующих в Пакистане условий и хотел бы на какое-то время укрыться от закона и допросов. Здесь фанатики погружаются в медитацию, продолжающуюся неделями, отрезая себя от внешнего мира, в уверенности, что тем самым они поднимаются ближе к Богу.

Даават-е-Ислами

Даават-е-Ислами — еще одна школа учения Таблиги, основанная в 1984 г. Мауланом Ильясом Кадри, суннитским богословом барелви. Очевидно, она замысливалась для разбавления все возрастающего влияния Таблиги Джамаат, особенно в Пенджабе. Даават-е-Ислами также обычно направляет свои делегации на молитвенные собрания, но у нее нет той глобальной притягательности, которой обладает Таблиги Джамаат. В основном область ее распространения ограничивается центральным Пенджабом Пакистана и южной провинцией Синд. Значение, придаваемое работе

Weekly, Vol. 39, No. 1, 3—9 January 2004, p. 85.

41 Интервью с активистами Таблиги, Исламабад, июль 2010 г.

Маулана Ильяса Кадри «Faizan-e-Sunnat» в Даават-е-Ислами, равнозначному значению, придаваемому книге Мауланы Закариа «Fazail-i-Amaal» в Таблиги Джамаат⁴². Хотя сфера влияния Даават-е-Ислами ограничена, послание ее носит глобальный характер. Она в основном получает средства от местных бизнесменов, торговцев, землевладельцев и т. д. Однако значительную финансовую поддержку ей оказывает диаспора барельвийцев в США, Великобритании и других частях Европы и Ближнего Востока.

Аль-е-Хадис и Джамаат-уд-Дава (Лашкар-е-Тайба)

Джамаат-уд-Дава представляет школу Аль-е-Хадис, черпая идеологическую, политическую и финансовую поддержку из источников в Саудовской Аравии. Последователи Аль-е-Хадис практически отвергают фикх (исламскую юриспруденцию), и это единственный пункт, который отличает их от деобандистов. Школа Аль-е-Хадис примыкает к салафитскому исламу, известному своей яростной оппозицией суфизму⁴³ и устоявшимся школам исламской юриспруденции. Ее отличает твердая уверенность в том, что мусульмане должны вернуться к изначальным источникам вдохновения: Корану и Хадису (высказывания и описания поступков Пророка Мухаммада). Значительное влияние эти взгляды по-прежнему имеют среди большинства арабов в Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах, Йемене, Катаре, Египте, Палестине, Иордании и Кувейте. У них, например, одна и та же философия джихада, вот почему они почитают Усаму бен Ладена и «Аль-Каиду»⁴⁴. Кроме того, Джамаат-уд-Дава распространяет по всему миру идеи, согласующиеся с заявленной миссией и задачами «Аль-Каиды».

Ее предшественника, Марказ Даават-уль Иршад (Центр проповеди и руководства), ушедшего своими социальными и доктринальными корнями в школу Аль-е-Хадис, основали в Муридке, недалеко от Лахора, в 1986 г. два пакистанских университетских профессора, Хафиз Мухаммад Саид и Зафар Икбал. Эта организация, благодаря своей яростной воинственной кампании в Кашмире, находящемся под контролем Индии, стала ключевым игроком на сцене джихада, особенно в 1990-е гг. Комплекс Марказ Даават-уль Иршада, где расположен центр Джамаат-уд-Дава, занимает несколько кварталов, предназначенных для религиозного образования. Джамаат-уд-Дава имеет также несколько сотен школ в Пенджабе и некоторых частях провинции Синд.

42 М. А. Рана, примечание 32 выше, р. 371.

43 Суфизм — это мистико-аскетическое направление в исламе, его приверженцы стремятся к божественной любви и знанию через непосредственный опыт общения с Богом. Суфизм и исламский закон обычно считаются взаимодополняющими, хотя суфизм критиковался салафитами за то, что они видят как неоправданное религиозное новаторство. Еще одно название суфия — дервиш.

44 Основным источником сведений данного раздела является работы: Imtiaz Gul, *The Unholy Nexus: Pakistan—Afghan Relations under the Taliban*, Vanguard, Lahore, 2002, p. 128; и Imtiaz Gul, *The Most Dangerous Place*, Penguin, London, 2010.

После правительственного запрета на деятельность шести военизированных организаций в январе 2002 г., включая Лашкар-е-Тайба, Марказ Даават-уль Иршад переименовал себя и стал называться Джамаат-уд-Дава; основные игроки остались теми же. Вот почему Джамаат-уд-Дава и Лашкар-е-Тайба считаются двумя сторонами одной и той же медали⁴⁵.

Джамаат-уд-Дава через различные местные организации в Европе и Америке создала обширную сеть и использует свой призыв к джихаду, а также уважение к делу «Аль-Каиды» для мобилизации средств. Ее сотрудничество с разными сетями джихада в Пакистане, Афганистане и Кашмире также придает ей транснациональный характер. Хотя она базируется в центральном Пакистане, у нее очень хорошие связи с афганскими военизированными группировками, такими как Хаккани, которая действует в районах между пакистанским Вазиристаном и западным Афганистаном.

Все возрастает обеспокоенность пакистанских служб безопасности в связи с этими связями. «Хотя они, может быть, и слушают нас и воздерживаются от насилия в Кашмире, их крепнущие отношения с арабскими, афганскими и другими группировками превратились в угрожающую проблему», — сказал мне высокопоставленный чиновник из службы безопасности⁴⁶. Это похоже на беспомощность перед лицом организации, которая считалась легко управляемой пешкой в политике Пакистана в Кашмире, но сейчас из-за ее контактов с транснациональными группами, кажется, вышла из-под контроля⁴⁷.

45 Штаб-квартира организации расположена в Муридке, небольшом городке в 30 км от Лахора, и представляет собой занимающий более чем 160 акров комплекс с жилыми кварталами, двумя образцовыми школами — одна для мальчиков и одна для девочек — и университетом Аль-Даават-аль-Иршад. Студенты университета обучаются также верховой езде. Каждый год университет заканчивают сотни человек, но еще больше вливается в ряды студентов, в основном тех, кого вдохновляет идеология Лашкар-е-Тайба «ухода и жизни для Бога».

46 Встреча автора в Исламабаде с сотрудником, не пожелавшим назвать свое имя, август 2010 г.

47 Особенно с конца 1990-х гг. Джамаат-уд-Дава (и бывшая Лашкар-е-Тайба) была основным раздражающим фактором в отношениях Индии с Пакистаном. Индия называет группы ваххабитов «первой линией обороны армии Пакистана», утверждая, что они осуществляли террористические акты не только в Кашмире, но и в других частях Индии. Уже в 1998 г. Лашкар-е-Тайба разработала и начала осуществлять концепцию нападения федаинов (отряд смертников). Несколько таких нападений, включая то, что было нанесено по Парламенту Индии в декабре 2001 г., и почти одновременные многочисленные кровавые преступления в Мумбае 26 ноября 2008 г. имели характерные признаки ударов федаинов. Действительно, нападения ноября 2008 г., включая те, которые были осуществлены на отели «Тадж» и «Оберой Тридент» в Мумбае — всего их было 11 — снова потрясли весь регион. Эта трехдневная резня, как утверждалось, была делом рук нескольких нападавших, которые приехали из портового города Карачи в Пакистане. Эти террористические акты дали индийским официальным лицам и средствам массовой информации еще одну возможность указать пальцем на ISI. Электронные СМИ в Индии способствовали возникновению опасений еще одной войны — между теперь уже двумя владеющими атомным оружием странами. 10 декабря Индия официально обратилась с просьбой в Совет Безопасности Организации Объединенных Наций включить Джамаат-уд-Дава в список террористических организаций. На следующий день Совет Безопасности наложил санкции на Джамаат-уд-Дава, провозгласив ее международной террористической группой. Хафиз Мухаммад Саид, глава Джамаат-уд-Дава, заявил, что его группа будет оспаривать санкции, наложенные на нее, на всех форумах. Правительство Пакистана также запретило Джамаат-уд-Дава в тот же день и издало

«Техрик-е Талибан-е Пакистан» (ТТП)

«Техрик-е Талибан-е Пакистан», или «Движение талибов Пакистана», возникло как мощная новая организация в 2007 г. в условиях целого ряда военных операций — ракетных ударов США, с одной стороны, и вторжения пакистанской армии в район Мехсуда южного Вазиристана — с другой. До того времени большая часть составляющих его группировок была очень свободно организована и имела связи с афганским «Талибаном». Его лидер, Байтулла Мехсуд, был убит во время удара, нанесенного беспилотным самолетом США 5 августа 2009 г., и Хакимулла Мехсуд стал его преемником в том же месяце. Изначально во главе организации стояла центральная Шура (ассамблея), состоящая из 40 членов, которые были представителями всех семи органов ТПФУ — то есть Территории племен федерального управления со значительной автономией на северо-западе Пакистана. Ее лидеры регулярно встречались до смерти Байтуллы Мехсуда, но нападения беспилотников США, а также пакистанская военная операция на юге Вазиристана разрушили командную структуру организации, заставив ее членов рассредоточиться в различных направлениях в поисках убежища.

«Техрик-е Талибан-е Пакистан» использует современную, более смертоносную технику и действует с помощью целого ряда групп талибов на большинстве пакистанских племенных территорий, где царит беззаконие и которые находятся на границе с Афганистаном. Эти группы «Талибана» по большей части характеризуются антиамериканскими настроениями и решимостью ввести шариат. Создание «Техрик-е Талибан-е Пакистан» знаменовало собой новое и более угрожающее событие, ставшее результатом того, что большинство местных и иностранных боевиков осознали необходимость главного командующего, который мог бы преодолеть племенные разногласия. В Байтулле Мехсуде, а затем в Хакимулле Мехсуде они нашли эту объединяющую силу. Вдохновленные «Аль-Каидой» Усамы бен Ладена большинство воинственных группировок в племенных регионах имеют одну и ту же идеологию и противостоят международной коалиции, направленной против терроризма. Их общей целью является изгнание иностранных сил из Афганистана и насильственное введение шариата везде, где это возможно. Они также хотят, чтобы Пакистан прекратил сотрудничество с США и силами НАТО, базирующимися в Афганистане, и требуют, чтобы шариат заменил существующую

приказ опечатать офисы Джамаат-уд-Дава во всех четырех провинциях, а также в Кашмире, находящемся под контролем Пакистана. Соединенные Штаты также объявили Джамаат-уд-Дава иностранной террористической группой, представляющей собой угрозу для их безопасности. В январе 2009 г. представитель Джамаат-уд-Дава, Абдулла Мунтазир, подчеркнул, что у группы нет глобальных джихадистских устремлений и они приветствовали бы мирное решение кашмирской проблемы. Он также публично отрекся от командиров Лашкар-е-Тайба Заки-ур-Рехмана Лахви и Заррара Шаха, которых обвинили в планировании нападений в Мумбае в ноябре 2008 г.

правовую систему, которую эти боевики осуждают как «безнравственную и репрессивную»⁴⁸.

Бенджамин замечает связи между «Техрик-е Талибан-е Пакистан» и «Аль-Каидой»:

«У ТТП и «Аль-Каиды» симбиотические отношения. ТТП полагается на идеологическое руководство со стороны «Аль-Каиды», а «Аль-Каида» — на ТТП в том, что касается безопасного укрытия в пуштунских районах вдоль афгано-пакистанской границы. Это взаимовыгодное сотрудничество дает ТТП доступ как к глобальной террористической сети «Аль-Каиды», так и к оперативному опыту ее членов. Принимая во внимание близость этих двух групп и характер их взаимоотношений, можно сказать, что ТТП является фактором повышения боевой эффективности для «Аль-Каиды»⁴⁹.

В поле зрения законодателей США «Техрик-е Талибан-е Пакистан» попал после того, как Файзал Шахзад, которому не удалось осуществить взрыв на Таймс-сквер, признавая свою вину, сказал, что у него есть связь с этой организацией⁵⁰. Признание Шахзада подтвердило транснациональный характер «Техрик-е Талибан-е Пакистан». Это подтвердило и пред-

48 Доказательство того, что «Техрик-е Талибан-е Пакистан» участвует в событиях в Афганистане и имеет тесные связи с афганским «Талибаном», стало очевидным в начале июня 2008 г., когда 18 боевиков из пакистанского «Техрик-е Талибан» погибли во время воздушного налета сил коалиции на позиции боевиков в афганской провинции Гильменд. Все 18 были из деревни Макин в Вазиристане. Безжалостные нападения на правительственные и военные объекты Пакистана — явные свидетельства того, что, заявляя публично о желании противостоять гегемонии США, «Техрик-е Талибан» хочет также держать в напряжении и войска Пакистана. Более того, он объединился с «Аль-Каидой», чтобы организовать страшные взрывы силами смертников с середины 2007 г., убивая правительственных чиновников, военнослужащих и сотрудников разведки, женщин и детей по другую сторону границы. Это превратило пакистанский «Техрик-е Талибан» в серьезный источник нестабильности наравне с шиитской радикальной организацией Лашкар Джангви. Пакистанские службы безопасности считают «Техрик-е Талибан» своим врагом номер один за ряд жестоких нападений по всему Пакистану. Соединенные Штаты также официально признали его иностранной террористической организацией. Даниел Бенджамин, посол с широкими полномочиями по вопросам борьбы с терроризмом, официально заявил об этом на брифинге для прессы, что добавило «Техрик-е Талибан-е Пакистан» в список из 47 таких организаций, запрещенных в соответствии с Приказом президента США 13224. См.: Daniel Benjamin, Coordinator for Counterterrorism/Ambassador-at-Large, Briefing on U.S. Government's Continued Efforts to Disrupt and Dismantle Tehrik-e Taliban Pakistan, Washington, DC, 1 September 2010, доступно по адресу: <http://www.state.gov/s/ct/rls/rm/2010/146597.htm> (последнее посещение 3 января 2011 г.).

49 *Ibid.* Бенджамин описывает также дуэт Хакимуллы Мехсуда и Валиура Рехмана — двух высших руководителей «Техрик-е Талибан-е Пакистан» — как «ярких террористов, которые пытаются расширить сферу своей кровавой деятельности, охватив родину американцев».

50 Приблизительно через неделю после нападения террориста-смертника на передовую оперативную базу ЦРУ «Чэпмэн» на востоке Афганистана 30 декабря, было показано видео, запечатлевшее Хакимуллу Мехсуда сидящим слева от Халила Абу-Мулала аль Бавали, иорданского врача, который убил семерых сотрудников ЦРУ, включая начальника базы — мать троих малолетних детей, пятерых мужчин и молодую женщину. Появление этого видео сразу же превратило Хакимуллу Мехсуда в основную цель ЦРУ, если он уже не был ею, потому что его группа, видимо, сначала приютила аль Бавали, а затем помогла ему продолжить его поездку в Афганистан с целью наладить контакт с ЦРУ.

варительные выводы о том, что организация стала частью сети, которая перешла границы Вазиристана и Афганистана и начала сотрудничать с «Аль-Каидой», афганской сетью Хаккани (Вазиристан и восточный Афганистан) и Исламским движением Узбекистана (ИДУ), а также с пакистанскими группами, являющимися вспомогательными организациями «Аль-Каиды» — Лашкар-е-Тайба и Лашкар-е-Джангви.

Хезб ут-Тахрир аль-Ислами (Исламская партия освобождения)

С точки зрения жителей Южной Азии Хезб ут-Тахрир начала распространяться из западного космополитического города Лондона и только позже дошла до региона Пакистана—Афганистана. Ее истоки можно проследить до Палестинского исламистского движения в 1953 г. Основанная в Восточном Иерусалиме Такиуддином аль-Наббани, исламским богословом и судьей апелляционного суда из Палестины, организация, согласно имеющимся сведениям, действует приблизительно в 40 странах Африки, Азии, Европы, а также в России. Хотя официально она не призывает к насилию, ее идеи крайне радикальны, особенно потому, что она выступала за немедленное восстановление халифата⁵¹.

Сегодня Хезб ут-Тахрир осуществляет свою деятельность в западной Европе и Соединенных Штатах, но запрещена в большинстве мусульманских стран. Она считает, что исламская умма (мусульманский народ) является единым целым для ее деятельности, и отрицает национализм. Хезб ут-Тахрир имеет план действий, состоящий из трех этапов: 1) воспитание отдельных лиц; 2) взаимодействие с уммой; и 3) установление исламского государства и всеобщее исполнение исламских законов. В более широком контексте транснациональной исламской мобилизации она попадает, довольно двусмысленно, в категорию нео-фундаменталистского лагеря в отличие от исламистского лагеря. Она не согласна с тем, что надо захватить государство, а затем заставить общество принять ислам, предпочитая убедить общество принять ее идеи, которые, как она утверждает, приведут затем неизбежно к изменению режима⁵².

После октября 2001 г. Хезб ут-Тахрир быстро развернула свою сеть в Пакистане и использует ее теперь для того, чтобы направлять ежедневно СМС сообщения, электронные послания и факсы со своими заявлениями в газеты, журналистам, ведущим колонки в печатных изданиях, писателям и телевизионным журналистам, призывая их «исправить свой путь, отказаться от дружбы с США и следовать Корану». Она использует такие даты, как мусульманские традиционные праздники Рамадан и Ид

51 Mariam Abou Zahab and Olivier Roy, *Islamist Networks: The Afghan–Pakistan Connection*, Hurst & Co, London, 2004, p. 9.

52 Emmanuel Karagiannis, 'Political Islam in Uzbekistan: Hizb ut-Tahrir al-Islami', in *Europe-Asia Studies*, Vol. 58, No. 2, 2006, p. 266.

уль-фитр и годовщины со дня событий 11 сентября для распространения своих заявлений и комментариев, подобных тем, что распространяют другие исламские сети, например, «Аль-Каида» и «Братья-мусульмане».

По некоторым сведениям, в тех странах, где Хезб ут-Тахрир объявлена вне закона, организация партии крайне централизована, а ее центральное руководство находится в Палестине. Уровень ниже представлен национальными организациями, или вилайа, обычно возглавляемыми группой из 12 человек, которые контролируют сеть местных комитетов и ячеек. Она по-прежнему действует в Великобритании, хотя и продолжают жаркие споры относительно того, не следует ли ее запретить из-за ее радикальных взглядов⁵³.

Вряд ли в Пакистане или Афганистане можно найти открытые офисы Хезб ут-Тахрир, потому что США определили ее как иностранную террористическую организацию. Тем не менее благодаря своим электронным посланиям она, кажется, повсеместно присутствует в Пакистане. Серьезную проблему Хезб ут-Тахрир представляет из-за своих радикальных взглядов и риторики, которая у нее общая с транснациональными организациями. Может быть, она и не прибегает к насилию, но ее заявления легко подпитывают недовольство простых и неграмотных пакистанцев.

Хотя влияние Хезб ут-Тахрир в Пакистане и Афганистане ограничено, организация проникла и в Центральную Азию. Она стала действовать в Узбекистане в середине 1990-х гг., где ее первые ячейки, как представляется, были созданы иорданскими миссионерами, которые приезжали проповедовать ислам в Центральную Азию: «К концу 1990-х гг. Узбекистан стал центром деятельности Хезб ут-Тахрир в Центральной Азии, и ислам там пустил корни глубже, чем, например, в соседнем Казахстане»⁵⁴.

Роль благотворительных организаций/вспомогательных транснациональных сетей

Джихад против Советского Союза не только познакомил Южную и Юго-Западную Азию с воинствующим исламом, но и провозгласил новую эру в регионе. Десятки НПО хлынули туда, имея в качестве заявленной цели помощь афганским беженцам и предоставление лечения раненым моджахедам. Арабские исламистские сети также поощряли местных сторонни-

53 Например, после взрывов, происшедших в Лондоне 7 июля 2005 г., британское правительство объявило о своем намерении запретить эту организацию, но затем отказалось от этой мысли. По мнению ежедневной британской газеты «The Independent» Тони Блэр остановил процедуру запрещения «после предупреждений, поступивших от полиции, руководства служб разведки и групп за гражданские свободы», о том, что это группа не призывает к насилию, и что действия, которые заставят ее уйти в подполье, могут вызвать нежелательную ответную реакцию. См.: Nigel Morris, 'PM forced to shelve Islamist group ban', in *The Independent*, 18 July 2006.

54 E. Karagiannis, примечание 52 выше, p. 264.

ков или симпатизирующих им создавать собственные благотворительные организации и (или) помогли им в этом, а затем организации эти обслуживали финансовые потоки сначала для «Братьев-мусульман», а потом и для «Аль-Каиды».

То, каким образом появились эти организации, ставшие важными пропагандистами дела «Аль-Каиды», не оставляет сомнений — без них Усама бен Ладен и его группа не смогли бы так укрепиться в Афганистане и Пакистане. Предположительно их также можно назвать вспомогательными транснациональными сетями, включая аналогичные пакистанские благотворительные организации, тесно связанные с «Братьями-мусульманами», «Аль-Каидой» и афганским «Талибаном».

Современная радикализация и оказание поддержки терроризму начались уже два десятилетия назад благодаря организационным урокам советско-афганской войны. В то время целый ряд симпатизирующих НПО предоставляли помощь различного вида, которая оказалась бесценной в длительной борьбе. Скрывая свою боевую деятельность под покрывалом благотворительных идеалов, радикальные активисты поняли, что они в состоянии поддерживать уровень своей эффективности, работая с очень небольшими ограничениями на международном уровне⁵⁵.

Вывески этих организаций можно было увидеть по всему Пешавару, который большинство из них использовали в качестве религиозного центра, их трудно было не заметить при поездке в город Торкхам на пакистанско-афганской границе. Арабские и арабо-европейские благотворительные организации размещали свои офисы в основном в таких жилых кварталах, как Техкаль Бала, Университетский городок или Хайятабад — все они расположены вдоль дороги Пешавар — Торкхам. В Докладе Комиссии Конгресса США по расследованию обстоятельств событий 11 сентября также сделан вывод, что «все благотворительные организации», находящиеся под контролем «агентов «Аль-Каиды»... возможно, сознательно участвовали в перекачивании денег для «Аль-Каиды»⁵⁶. Они играли

55 Кольман выразительно описывает, как благотворительные организации вырастали в тени афганского джихада и становились жизненно важными связующими звеньями для перекачивания средств в сети джихадистов в регионе. Evan F. Kohlmann, *The role of Islamic charities in international terrorist recruitment and financing*, Working Paper No. 2006/7, Danish Institute for International Studies, доступно по адресу: http://www.wepapers.com/Papers/109824/The_Role_of_Islamic_Charities_in_International_Terrorist_Recruitment_and_Financing (последнее посещение 9 марта 2011 г.).

56 См.: National Commission on Terrorist Attacks upon the United States (The 9/11 Commission), *The 9/11 Commission Report*, 22 July 2004, p. 170, доступно по адресу: <http://govinfo.library.unt.edu/911/report/index.htm> (последнее посещение 9 марта 2011 г.). Согласно записке по данному делу, составленной Департаментом юстиции США, Аль-Фадль «понял из разговоров с бен Ладеном и другими в «Аль-Каиде», что благотворительные организации будут получать фонды, которые можно будет обналичить, и часть денег будет использоваться для законных целей оказания гуманитарной помощи, а другая часть направлена на осуществление операций «Аль-Каиды». Деньги для операций «Аль-Каиды» тем не менее будут внесены в бухгалтерские книги благотворительных организаций как расходы на строительство мечетей или школ и на продукты для бедных и нуждающихся». United States District Court Northern District of Illinois, Eastern Division, *United States of America v. Enaam M. Arnaout*, Government's Evidentiary Proffer

очень важную роль в арабо-афганской террористической инфраструктуре, отмывая деньги, поступающие с банковских счетов, принадлежащих бен Ладену и симпатизирующим ему покровителям в Персидском заливе, предоставляя работу и проездные документы членам «Аль-Каиды» по всему миру и помогая «перемещать средства в районы, где «Аль-Каида» проводила свои операции»⁵⁷.

В Европе и Северной Америке мусульманские НПО стали играть и еще одну роль, внушая идеи международного джихада новым поколениям. Как говорится в документе французской разведки от 1996 г., «эти благотворительные организации — прикрытия для исламских групп, подобных... египетской Аль-Гамаат аль-Исламия — сделали возможным вербовку очень многих молодых добровольцев; с идеями джихада они предоставляли «гуманитарную» поддержку, позволявшую столь успешно внушать соответствующие идеи молодежи [и это работало], что многочисленные французы, принявшие ислам, вступили в ряды исламских экстремистов»⁵⁸.

Первая из известных арабо-афганских экстремистов на территории США, возглавляемая американскими гражданами, частично финансировалась суданской благотворительной организацией «Агентство третьего мира по оказанию гуманитарной помощи» (Third World Relief Agency)⁵⁹. Однако много средств, направленных на финансирование международных мусульманских благотворительных организаций, поступало с Аравийского полуострова и, в частности, из Королевства Саудовской Аравии. Хорошо информированный суданец хвалился перед журналистом газеты «Вашингтон пост»:

«Никто не может проконтролировать потоки денег из Саудовской Аравии... Это не один человек — это тысячи. Мы здесь, мы ведем частные переговоры с бизнесменами. Иногда напрямую, иногда опосредованно. Но деньги поступают»⁶⁰.

Supporting the Admissibility of Co-Conspirator Statements, Case No. 02 CR 892, 31 January 2003 p. 25. Бен Ладен издал постоянно действующий приказ проводить только с использованием наличных денег все сделки, для которых поступают средства от благотворительных групп; таким образом, эти НПО тайно служили для отмывания денег, что делало финансовую сеть «Аль-Каиды» практически невидимой. А благотворительные организации создавали фальшивые документы для предъявления излишне доверчивым донорам, демонстрируя, что деньги на самом деле были истрачены на сирот и голодающих беженцев. По признанию некоторых бывших сотрудников этих организаций более 50 % их средств тайно направлялись в «Аль-Каиду» и Усаме бен Ладену. 9/11 Commission Report, p. 171.

57 *United States of America v. Enaam M. Arnaout*, примечание 56 выше, pp. 28—29.

58 'La formation des volontaires pour le djihad en camps d'entraînement', confidential memorandum issued by UCLAT (French Central Anti-Terrorism Unit), 27 December 1996.

59 Доклад ЦРУ от января 1996 г. 'International Islamic NGOs and links to terrorism' («Международные исламские НПО и связи с терроризмом»), p. 13. См. также: *United States District Court for the Eastern District of Virginia, Alexandria Division, United States of America v. Soliman S. Biheiri*, Affidavit by Senior Special Agent David Kane (Bureau of Immigration and Customs Enforcement, Department of Homeland Security), Case No. 03-365-A, 14 August 2003, p. 2.

60 Steve Coll and Steve LeVine, 'Global network provides money, haven', in *Washington Post*, 3 August 1993, p. A1.

Докладная записка от 23 января 2002 г., опубликованная в «Лос-Анджелес Таймс», также позволяет понять, как «Аль-Каида» использовала различные каналы для своих финансовых вливаний в Афганистан и другие места для своей пропагандистской деятельности, подготовки и исполнения угроз, направленных против США и западных интересов. В газете говорится:

«До 11 сентября террористы Усамы бен Ладена в Афганистане использовали перекрестки стран Персидского залива в Объединенных Арабских Эмиратах как свою жизненно важную линию связи с внешним миром. Слабый контроль в этой свободной федерации семи крохотных эмиратов позволил сети «Аль-Каиды» бен Ладена и агентам «Талибана» проводить тайные операции по закупке оружия и отмыванию денег, как сообщают источники в Америке, Организации Объединенных Наций, Афганистане и ОАЭ»⁶¹.

Основанная главным образом на данных Федерального бюро расследований США (ФБР) докладная записка упоминала даже связь между российскими, африканскими и афганскими бизнесменами, финансистами и филантропами при совершении финансовых сделок, связанных с Афганистаном. Террористы использовали финансовые структуры сомалийских боевиков, Исламский банк, который когда-то возглавлялся министром финансов Эмиратов, и валютные дома, которые зазывали клиентов, заявляя о возможности переправить миллион американских долларов за границу в течение одной ночи. В ходе проводившегося США расследования нападений 11 сентября на Всемирный торговый центр и Пентагон были обнаружены следы, ведущие опять же в ОАЭ; эти нападения, наконец, заставили ОАЭ подвергнуть запрету «Аль-Каиду» и ее фальшивые коммерческие предприятия. Некоторые НПО подозреваются в том, что они служили для передачи арабских денег, предназначенных «Аль-Каиде» и «Талибану». Большинство этих НПО руководили граждане Кувейта, Саудовской Аравии и Иордании, многие из них осели в Пешаваре. Среди них был бывший соратник Усамы бен Ладена, Абдулла Езам, иорданец, который был убит взрывом бомбы в ноябре 1989 г.

Когда силы коалиции начали наносить бомбовые удары по сети «Талибана» и «Аль-Каиды» в октябре 2001 г., пакистанские политико-религиозные организации вышли на улицы, чтобы выразить солидарность со своими друзьями в Афганистане, и почти всех сотрудников арабских НПО попросили переехать в Исламабад по соображениям безопасности. Многих власти даже попросили уехать из страны. Однако к январю 2002 г. большинство этих людей вернулись на свои базы в Пешаваре и возобновили свою деятельность, стараясь не привлекать внимания. Интересно отметить, что

61 Judy Pasternak and Stephen Braun, 'Emirates looked other way while al Qaeda funds flowed', in *Los Angeles Times*, 20 January 2002.

пакистанские и американские власти до тех пор не устанавливали никаких связей между этими организациями и сетью «Аль-Каиды».

Наконец, менялы денег на пешаварском бурлящем жизнью базаре Кисса Хани также играли важную роль в финансовых сделках по переводу денег из Пакистана и с Ближнего Востока в Афганистан, используя традиционную финансово-расчетную систему худж (или хавала) — систему, в которой ключевую роль играют устные указания и взаимное доверие.

Начиная с 2010 г. многие эти организации словно исчезли, и большинство их руководителей либо покинули Пакистан, либо старались совсем не привлекать внимания и практически скрывались у местных жителей, которые или поддерживали их, или им симпатизировали.

Благотворительные организации, работающие в Пакистане⁶²

После того, как началась война с терроризмом в октябре 2001 г., Доверительный фонд ар-Рашида, Умма Тамир-е-Нау (УТН) и Лашкар-е-Тайба стали особыми мишенями, не только из-за их антиамериканских, антииндийских и проталибских целей, но и из-за их частых контактов с посольством «Талибана» в Исламабаде. Мулла Абдул Салам Заиф, талибский посол, и его заместители обхаживали десятки таких добровольцев, включая сотрудников организации «Исламская гуманитарная помощь» и доктора Башира-уд-Дин Махмуда, ведущего пакистанского ученого-ядерщика из Умма Тамир-е-Нау.

Всего к 20 декабря 2001 г. правительство США определило 158 отдельных лиц и организаций в качестве террористических, включая упомянутые выше. Что же касается средств, замороженных в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН 1373 от сентября 2001 г., то Фрэнсис Тейлор, тогдашний координатор Государственного департамента США по борьбе с терроризмом, рассказал на симпозиуме, организованном Чикагским клубом (Executives' Club, Chicago) 14 марта 2002 г., что приблизительно 34 млн долларов США были заморожены на счетах террористов в Соединенных Штатах, а еще 70 млн долларов США — в других странах мира.

«Доверительный фонд ар-Рашида»

«Доверительный фонд ар-Рашида» был первой пакистанской НПО, которая стала участвовать в работе по оказанию гуманитарной помощи за пределами страны. Этот фонд был учрежден еще в феврале 1996 г. Рашидом Ахмедом, Муфтием-е-Азамом (Великий муфтий, мусульманский религиозный ученый, который обладает полномочиями издавать фетвы по социально-политическим и экономическим вопросам, касающимся мусуль-

62 Большая часть информации взята из работы: Gul, *Unholy Nexus*, примечание 44 выше, глава 'Financial conduits for al Qaeda'.

манского общества). Но его деятельность стала особенно заметной, когда он начал организовывать пекарни в Афганистане после того, как Мировая продовольственная программа (МПП) решила остановить собственную деятельность по строительству пекарен в июне 2001 г. — учреждение ООН кормило большое число обездоленных людей и вдов в Кабуле и других крупных городах. МПП предприняла этот шаг в ответ на отказ режима «Талибана» разрешить найм женщин-контролеров для проверки получаемой субсидируемого хлеба по старым продовольственным карточкам. Организация Объединенных Наций уже пыталась в июле 2000 г. нанять около 600 женщин-контролеров для этой цели, но Министерство планирования Талибана после этого категорически запретило нанимать женщин на работу в учреждения Организации Объединенных Наций⁶³.

К концу июня 2001 г. МПП возобновила свою программу пекарен для предоставления дешевого хлеба, но проблемы с «Талибаном» дали между тем возможность Фонду ар-Рашида расширить свое влияние по всему Афганистану. С 1996 г., по словам одного из сотрудников Фонда, организация осуществляла операции по предоставлению гуманитарной помощи в Афганистане, Кашмире (как в индийской, так и пакистанской частях долины), Чечне и Палестине. Гуманитарные операции проводились на пожертвования мусульман из разных концов мира, особенно из арабских стран⁶⁴.

Фонд открыл свой центральный офис в кабульском районе Вазир Акбар-хан, где официальные лица «Талибана» и духовные лица собирались, чтобы обсуждать стратегию распределения продовольствия и проведение операций по оказанию помощи. «Центральный офис Комитета Улема [богословов] Афганистана», как сказал сотрудник Фонда, стал символом помощи, которая поступала в находящийся под контролем «Талибана» Афганистан из Пакистана и с Ближнего Востока. Во время своих посещений Кабула я видел молодых арабов и африканцев, входивших в этот офис и выходящих оттуда, они приезжали либо на велосипедах, либо на пикапах, которые стали самыми распространенными автомобилями для ведения боевых операций со времен войны против советских сил, происходившей в 1980-х гг.

Кроме пекарен Фонд создал 15 медицинских клиник и выкопал 38 колодцев в Джелалабаде, Кандагаре и Кабуле. В журнале «Аршад» говорилось, что помощь оказывалась афганцам независимо от их религии или этнической принадлежности, и что «...мы помогаем приблизительно 35 тыс. вдов, чьи мужья были связаны с Северным альянсом. «Талибан» считает их своими врагами, а мы — нет». Этот журнал начал издаваться за год до учреждения Фонда, затем стала выходить ежедневная газета «Ислам». Оба печатных издания были совершенно очевидно проталибскими, в них высоко оценивались бен Ладен и его группировка, они были настроены антиамерикански и имели антисемитский характер. В них печат-

63 *Ibid.*

64 *Ibid.*

тались статьи таких людей, как Маулана Масуд Ажар, лидер запрещенной сейчас пакистанской военизированной группировки Джайш-е-Мухаммед.

В 2000 г., например, Фонд направил 750 тыс. долларов США наличными только в Чечню, заявив, что помощь, направляемая туда через Организацию Объединенных Наций (которая описывалась как противник), никогда не доходила до чеченских мусульман. Средства передавались главе одной из религиозных партий Чечни, возглавляемой шейхом Омером бен Исмаилом Даудом и Зелимханом Яндарбиевым, бывшим президентом Чечни⁶⁵.

После запрещения в 2002 г. нескольких воинствующих организаций и их филиалов в Пакистане «Доверительный фонд ар-Рашида» прекратил на некоторое время свою деятельность, но работа возобновилась, как и публикация газет, приблизительно через год под названием «Доверительный фонд Аль-Амин».

Заключение

Если считать, что всеобъемлющий Итоговый доклад Комиссии по расследованию событий 11 сентября, а также документ, представленный Кольманом из Датского института международных исследований, а также тот факт, что продолжается деятельность исламских группировок, упоминаемых в предыдущем разделе — благотворительных организаций и вспомогательных транснациональных сетей — являются определенным показателем, то можно предположить, что семена, посеянные в ходе возглавляемого США джихада против Советского Союза, проросли и что война с терроризмом в 2001 г. послужила новым вдохновляющим фактором и усилила глобальную исламистскую сеть, простирающуюся из Азии до Африки, Европы и Америки.

Как говорится в докладе ЦРУ 1996 г., несмотря на

«то, что роль исламских благотворительных групп в финансировании терроризма и вербовки в его ряды была в фокусе внимания общественности после 11 сентября, совершенно очевидно, что этими самыми организациями тем не менее продолжает манипулировать Усама бен Ладен и его союзники-экстремисты во всем мире. Принимая во внимание сложное хитросплетение существующих финансовых и личных взаимоотношений, можно понять, что очень трудно изъять все деньги у таких маневренных, служащих фасадом группировок или просто закрыть их. Это вызов, который был брошен попыткам решить эту проблему, предпринимаемым ранее, в том числе столь превозносимым «центральным налоговым органам», созданным, предположительно, Саудовской Аравией и ее соседями по Персидскому заливу»⁶⁶.

65 Большая часть информации взята из работы: Gul, *Unholy Nexus*, примечание 44 выше, глава 'Financial conduits for al Qaeda'.

66 Доклад ЦРУ 'International Islamic NGOs and links to terrorism' (Международные исламистские

Несмотря на множество инициатив ЦРУ по сдерживанию, направленных против этих благотворительных организаций, не был разработан системный подход, и внимание вместо этого сосредоточилось на аресте отдельных их членов, обвинявшихся в террористической деятельности или других незаконных акциях.

Исламистские сети подпитываются за счет таких взглядов, которые, например, были выражены Тони Блэром в связи с его безусловной поддержкой государства Израиль или политики НАТО во главе с США, касающейся Ирака или Афганистана, подобные взгляды служат оправданием методов, которые применяют такие сети (взрывы террористов-смертников или другие насильственные акции). Идеология, лежащая в основе их заявлений о целях и задачах, и действия исламских благотворительных организаций (вспомогательных транснациональных сетей) также по своей природе переплетаются с восприятием в мире ведущих транснациональных исламских сетей. По сути, они живут за счет друг друга и, если оказываются вне закона, всегда находят способ возвратиться в другом виде. С политической точки зрения эта комбинация транснациональных политических сетей и благотворительных организаций в значительной степени содействовала тому, что традиционный ислам вышел на авансцену в Южной Азии. Несмотря на то, что эти группировки очевидно представляют меньшинство в пакистанском, индийском или афганском обществе, они вселяют ужас в сердца и умы большинства суннитского, так же, как и шиитского населения в этих странах, что может иметь страшные последствия для тех, кого воспринимают как находящихся «по другую сторону». В частности, в случае с Афганистаном, где в государстве не хватает сплоченности, возможности этих групп участвовать в любых формах незаконной деятельности, которая обеспечивает непрерывность их операций, гораздо шире, и они значительно меньше подвергаются контролю. Совсем недавно очень сходная тенденция наблюдалась в пакистанских ТПФУ и на территории долины реки Сват, но пакистанская армия положила конец доминированию религиозных экстремистов, пытавшихся создать Исламский Эмират Вазиристан.

Ситуация требует всестороннего мониторинга и введения строжайших механизмов для отслеживания финансовых потоков с тем, чтобы если и не предотвратить совсем, то хотя бы минимизировать использование некоммерческих НПО радикальными исламистами и террористическими группами. В то же время эти механизмы должны сопровождаться и бюрократическим контролем над религиозными сетями, маскирующимися под НПО. Однако такой контроль должен осуществляться очень продуманно, исключать провоцирование и быть как можно менее интрузивным, чтобы не вызывать возмущения в общине, с которой связана соответствующая НПО.

НПО и их связь с терроризмом), January 1996, p. 4. См. также: United States District Court for the Eastern District of Virginia, Alexandria Division, примечание 59 выше, p. 2.

Тем не менее этого недостаточно, чтобы уничтожить возможности транснациональных сетей разрастаться в обществе и паразитировать на нем, используя свою идеологию, или восстанавливать свои вспомогательные организации под другими названиями в той или иной форме. Серьезной мерой противодействия должна стать работа, направленная на то, чтобы у основного большинства мусульман, которые, в общем и целом, не являются сторонниками насилия и твердо верят в основополагающие идеи ислама о мирном сосуществовании, сформировалось правильное понимание ситуации. Необходимость наладить отношения с мусульманами и таким образом не допустить, чтобы они стали жертвой риторики «Аль-Каиды» и ее вспомогательных организаций, требует согласованных коллективных усилий ведущих государств. Только сотрудничество с мусульманами и спокойный, непредубежденный разговор о сложных и деликатных проблемах, которые являются насущными для большинства мусульман и влияя на их жизнь, могут быть противопоставлены политической привлекательности транснациональных сетей, прикрывающихся религиозным одеянием.

Если Соединенные Штаты и другие государства НАТО, особенно в центральной Европе, будут и дальше настаивать на все более строгих административных мерах, они так и останутся отстающими в борьбе, направленной на перекрытие этих потенциально благоприятных путей для вербовки в международные террористические организации и их финансирования. Более того — и это гораздо более серьезный вызов для всех нас, — западным странам будет все труднее остановить или даже сдержать разгневанных мусульман, особенно молодежь второго и третьего поколений, чтобы они не попали в ловушку, которую расставили транснациональные исламские сети, используя вызывающий крайне сильные эмоции вопрос о Палестине, а также внутреннее социально-экономическое неравенство мусульманского сообщества. В этом отношении инициатива ЯМЯБ (я мусульманин, я британец) британского правительства может послужить хорошим примером, когда правительство проактивно обращается к мусульманской общине и, в частности, фокусирует внимание на британской мусульманской молодежи. В отличие от открытого общества, которое существует в Великобритании, французский запрет на ношение хиджаба или запрет на строительство минаретов при мечетях в Швейцарии, конечно, не помогут, а будут способствовать дальнейшей радикализации мусульманской молодежи, которая рассматривает эти действия как посягательство правительства на мусульманский образ жизни. Мусульманам всего мира Соединенные Штаты в основном представляются инициатором последних социальных и политических тенденций, направленных против них, начиная от обысков до отдельной, более тщательной, проверки обладателей мусульманских паспортов, которую многие мусульмане считают унижительной. Правительства и государства могли бы продемонстрировать большее включение, а не исключение мусульманского населения. Взаимодействие с мусульманскими общинами окажет здесь помощь. Остракизм — нет.



© Photothèque CICR (DR)

Афганская кампания 1880 г. Отступление британских войск.



© CICR/CONNÉ, Jean-Louis

Моджахеды, солдаты священной войны.



© CICR/KOKIC, Marko

В окрестностях Кабула. Танки и бронемшины. После тридцати лет боев на афганской территории осталось огромное количество брошенной военной техники и иного военного имущества, что до сих пор во многих случаях представляет смертельную опасность для местных жителей. В земле Афганистана скрываются противопехотные мины и иные взрывные устройства (считается, что ими засорено 800 кв. км территории этой страны).



© CICR/MAYER, Till

Кабул. Следы боев между полевыми командирами после вывода советских войск.



© REUTERS/Mian Kursheed

Члены правящего движения «Талибан» в традиционной одежде участвуют в военном параде, проходящем в рамках празднования 72-й годовщины отвоеванной у англичан независимости, Кабул, 2001 г.



© REUTERS/Wolfgang Rattay

Члены афганской делегации за столом переговоров в конференц-зале «Ротонда» бывшего дома приемов германского правительства «Петерсберг» в окрестностях Бонна, 27 ноября 2001 г. Дипломаты надеются, что в ходе этих переговоров будут созданы совет афганских лидеров в составе из 15 человек (что-то вроде кабинета министров) и более представительная группа, в которую войдут более 100 человек и которая будет действовать в качестве парламента до проведения выборов.



© REUTERS/Mark Serota

Военная полиция в лагере «Икс-Рей» на военно-морской базе в Гуантанамо, Куба, доставляет заключенного на допрос, 6 февраля 2002 г.



© CICR/VOETEN, Teun Anthony

Провинция Забуль, район Как. Люди сотнями приходят в центральное село, чтобы получить регистрационную карточку избирателя. Талибы предпринимают активные попытки отговорить афганцев голосовать.



© CICR/VOETEN, Teun Anthony

Провинция Забуль, Калат. Военный патруль в населенном пункте.



Карта Афганистана.

Государственное строительство в Афганистане: случай, свидетельствующий о наличии ограничений?

Люси Морган Эдвардс

Люси Морган Эдвардс — бывший политический советник Специального представителя ЕС в Кабуле, она завершила книгу об альтернативе войне, которую предложил командир Абдул Хак в Афганистане в 2001 г. Работа опубликована в 2011 г.

Краткое содержание

После 1990 г. концепция «государственного строительства» стала средством, которое стороны, осуществляющие вмешательство, пытались использовать для решения вопроса «несостоятельности/слабости государства». «Идеалом», на который ссылались при попытках сделать это — как на теоретическом, так и на практическом уровне — было классическое «национальное государство», понятие которого разработано Максом Вебером. Для ответа на вопрос, поставленный в заглавии, в статье прежде всего рассматривается в общем плане эволюция современной парадигмы государственного строительства и глобальный дискурс о власти. Во-вторых, описывается историческая обстановка, на фоне которой осуществлялись попытки построения государства в Афганистане. В-третьих, предлагается оценка подхода международного сообщества к Афганистану после 2001 г. И наконец, рассматривается вопрос о соответствии предложенной Вебером модели государственного строительства таким более традиционным обществам, как в Афганистане, где методы управления и осуществления власти часто являются неформальными, сложными и характеризуются наличием

исторических и харизматических источников легитимности. До сих пор такие контексты редко признавались, еще менее понимались теми, кто осуществляет вмешательство. Однако сегодня некоторые исследователи начинают излагать альтернативные варианты действий в случае слабости государств, признавая более традиционные источники легитимности и гибридность политического устройства.



Представляется, что к 2010 г., через девять лет после событий 11 сентября 2001 г. (9/11), афганское государство характеризуется централизацией власти. Ситуация очень сходна с той, с которой столкнулся СССР в 1987 г.: государство финансово несостоятельно и правительство может функционировать только в городах¹. Более того, государство управляется политической элитой, чьи цели, кажется, диаметрально противоположны целям международного сообщества — динамика, аналогичная динамике, выявленной в Сомали². Подобно Советскому Союзу в середине его десятилетней войны в 1980-е гг., международное сообщество пытается выпутаться из своего почти десятилетнего вмешательства в Афганистан и, столкнувшись со все ухудшающимся положением в области обеспечения безопасности после 2005—2006 г., начинает сосредоточивать усилия на дорогостоящих военных мерах «затыкания дыр». Киппинг охарактеризовал их как «нечто сходное с тем, что происходило в 1980-х гг.»³. Кроме того, эти меры представляют собой отчаянную попытку поддержать аппарат государственной безопасности и включают создание ополченческих формирований, чья лояльность весьма сомнительна⁴. Афганские национальные вспомогательные полицейские силы, например, рассматривались как «средство быстрого решения проблем»⁵ для стабилизации обстановки на юге страны, но на самом деле их возглавляли бывшие командиры ополчения — они часто преследовали в некоторой степени криминальные цели. В 2008 г. были созданы Афганские силы общественной защиты, которые, как надеялись Силы специального назначения Армии США, будут действовать подобно суннитскому ополчению «Сыновья Ирака»⁶. Но их, как

1 Martin Kipping, *Two Interventions: Comparing Soviet and US-led State-building in Afghanistan*, The Afghanistan Analysts Network (AAN), Thematic Report, January 2010, доступно по адресу: http://aanafghanistan.com/uploads/AAN_Two_Interventions.pdf (последнее посещение 8 февраля 2011 г.).

2 В Сомали продолжающаяся нестабильность обеспечивает правительству постоянный поток поступлений и дает ему возможность сохранять видимость «значимости», как это описывается в работе: Ken Menkhaus, 'Governance without government in Somalia: spoilers, state building, and the politics of coping', in *International Security*, Vol. 31, No. 3, pp. 74—106.

3 M. Kipping, примечание 1 выше, с. 13.

4 *Ibid.*

5 Robert M. Perito, *Afghanistan's Police: The Weak Link in Security Sector Reform*, United States Institute of Peace (USIP), Special Report No. 227, August 2009, p. 9, доступно по адресу: http://www.usip.org/files/afghanistan_police.pdf (последнее посещение 8 февраля 2011 г.).

6 Fred W. Baker III, 'Petraeus parallels Iraq, Afghanistan strategies', in *American Forces Press Service*,

и другие нерегулярные силы безопасности, также критиковали за потенциальное разжигание этнических проблем — они вооружали общины, конфликтующие с другими. Существовала также и проблема дальнейшего ослабления государственной монополии на применение силы⁷. В 2009 г. предпринимались дальнейшие инициативы по созданию ополчений, включая инициативу Министерства внутренних дел по созданию Сил гражданской обороны.

Поскольку война по-прежнему оправдывалась необходимостью «разоружить, дезорганизовать [террористическую сеть «Аль-Каиды»] и нанести [ей] поражение», укрепление и поддержка афганского правительства не были в ряду приоритетных задач, оставаясь в этом отношении далеко позади военных операций⁸. Хотя и довольно поздно, но разговор сейчас ведется о проблеме «неуправляемого пространства» и «управления». Однако после девяти лет войны в этом отношении остается много неопределенности. Организация «Центр американского прогресса» заявляет, что

«создание легитимных, быстро реагирующих на изменения обстановки и самофинансирующихся институтов афганского правительства крайне важно для того, чтобы страна не была ввергнута в гражданскую войну и бои в регионе не стали бы вестись чужими руками, если Соединенные Штаты и их натовские союзники по Международным силам содействия безопасности выведут свои войска из Афганистана и не будут вводить их туда в течение долгого времени. Чтобы добиться этого, Конгресс, администрация Обамы и американский народ должны четко понимать все аспекты управления в Афганистане и знать тех многих международных акторов и те программы, деятельность которых будет влиять на это»⁹.

Перспективы не очень хороши: некоторые исследования указывают на низкий за последние десятилетия процент успешности проектов государственного строительства, которыми руководят извне. Дойль и Самбанис, например, исследовали 121 процесс постконфликтного построения мира в период с 1945 по 1999 г. и обнаружили, что менее половины из них привели к прекращению войны и насилия. Достижение более трудных целей, таких как элементарный уровень политической открытости, было еще более проблематичным. Весьма существенно, что деятельность внешних сил по под-

28 April 2009, доступно по адресу: <http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=54107> (последнее посещение 8 февраля 2011 г.).

7 Waheedullah Mohammad, 'Can Afghanistan's new "Guardian" militia restore security in the provinces?', in *Terrorism Monitor*, Vol. 7, No. 20, p. 5.

8 Colin Cookman and Caroline Wadhams, *Governance in Afghanistan: Looking Ahead to What We Leave Behind*, Center for American Progress, May 2010, p. 1, доступно по адресу: <http://www.americanprogress.org/issues/2010/05/pdf/afhangovernance.pdf> (последнее посещение 8 февраля 2011 г.).

9 *Ibid.*, pp. 1–2.

держанию мира очень незначительно влияла на вероятность успеха, хотя достижение долговременного мира было немного более вероятным в тех странах, где вмешательства осуществляли силы с мандатом ООН¹⁰. Между тем Пэрис провел сравнительный анализ одиннадцати миссий ООН по миростроительству с 1989 по 1999 г. Он пришел к выводу, что только две из них завершились успехом (Намибия и Хорватия), две провалились (Ангола и Руанда), а результат остальных семи был довольно неоднозначным¹¹.

Чтобы понять, является ли Афганистан «случаем, свидетельствующим о наличии ограничений» в деле государственного строительства, прежде всего необходимо определить концепции государственного строительства и его историческую роль в Афганистане.

Концепции

Различные традиции «государства» и государственных «функций»: теории

Исторически философы от Макиавелли до Томаса Гоббса, Джона Локка, Макса Вебера, Джона Стюарта Милля и Джона Дьюи (среди прочих) придерживались различных взглядов относительно государства и его функций. Однако модель, которая сложилась как основа сегодняшнего миропорядка, это модель «национального государства» как ее выдвинул Макс Вебер во время Баварской [Ноябрьской] революции 1918 г. и Первой мировой войны. Он определил государство как человеческое сообщество, которое заявляет о своем исключительном праве на законное применение силы в пределах определенной территории, и отметил тесную связь между государством и насилием¹². Локхарт и Гани (бывшие сотрудники Всемирного банка, которые много писали о Боннском соглашении 2001 г., которое предусматривало проект государственного строительства в Афганистане) утверждают, что Вебер формулирует «четкий функциональный взгляд на государство и описывает его «основные функции» как законодательную власть, полицию, судебную систему и различные отрасли гражданской и военной администрации»¹³. Однако в такой модели государственные институты существуют отдельно от гражданского общества, имея «собственные интересы, предпочтения и возможности»¹⁴.

10 Michael W. Doyle and Nicholas Sambanis, *Making War and Building Peace: United Nations Peace Operations*, Princeton University Press, Princeton and Oxford, 2006.

11 Roland Paris, *At War's End: Building Peace after Civil Conflict*, Cambridge University Press, Cambridge, 2004.

12 См. например: Max Weber, *Economy and Society*, edited by Guenther Roth and Claus Wittich, Bedminster Press, New York, 1968.

13 Ashraf Ghani and Clare Lockhart, *Fixing Failed States: A Framework for Rebuilding a Fractured World*, Oxford University Press, Oxford, 2008, pp. 116–117.

14 Achim Wennmann, *Grasping the Strengths of Fragile States: Aid Effectiveness between 'Top-down' and*

Эволюция парадигмы государственного строительства

Стратегии государственного строительства

За последнее десятилетие вопрос слабости государства — и государственного строительства в качестве ответа на эту проблему — в первую очередь приковывает заинтересованное внимание сообщества доноров, миротворцев и сил безопасности. Это означает, что поколебалась уверенность 1980-х гг. в том, что «рынок» (а тогда употреблялся неопределенный термин «структурные преобразования») может решить эти проблемы. Различного рода вмешательства со стороны международного сообщества происходили в Афганистане, Боснии, Либерии, Сьерра-Леоне, Гаити и Ираке, и «государственное строительство» воспринималось как основное «решение» для мест, которые считались несостоятельными¹⁵. Существует целый ряд различных определений — это и «несостоятельные», и «слабые», и «государства-банкроты»¹⁶, но остается неопределенность и иногда размытость различий между ними¹⁷.

Бёге и другие утверждают, что если речь идет об обеспечении безопасности и развитии, внимание сосредоточено на «отсутствии желаний или возможности [государственных институтов] выполнять основные функции в области безопасности, осуществления представительной власти и социального обеспечения»¹⁸. Авторы признают существование консенсуса относительно того, что можно выделить различные степени государственной слабости или различные стадии несостоятельности государства, что явление это расширяется и что обычно рекомендуемое решение заключается в «государственном строительстве»¹⁹. Это означает «прочное укрепление государственных институтов в дополнение к расширению возможностей государственных акторов по осуществлению контроля, регулирования и имплементации, особенно в основных сферах государственности, а именно: внутренней безопасности, основных социальных служб, обеспечения законности и легитимности правительства»²⁰.

'Bottom-up' Statebuilding, Swiss Agency for Development and Cooperation (SDC) and the Centre on Conflict, Development and Peacebuilding (CCDP) at the Graduate Institute, Geneva, CCDP Working Paper No. 6, 2010, p. 16, доступно по адресу: http://graduateinstitute.ch/webdav/site/ccdp/shared/6305/Working%20paper_6_BD.pdf (последнее посещение 8 февраля 2011 г.).

15 *Ibid.*, p. 2.

16 Tobias Debiel, and Axel Klein (eds), *Fragile Peace: State Failure, Violence and Development in Crisis Regions*, Zed Books, London, 2002.

17 См.: Tobias Debiel and Daniel Lambach, *Global Governance Meets Local Politics: On Western Statebuilding and the Resilience of Hybrid Political Orders*, paper presented at the Global Conference of the International Peace Research Association (IPRA) 2010, Sydney, Australia, 6–10 July 2010.

18 Volker Boege, Anne Brown, Kevin Clements, and Anna Nolan, *On Hybrid Political Orders and Emerging States: State Formation in the Context of 'Fragility'*, Berghof Research Centre for Constructive Conflict Management, Berlin, 2008, p. 3.

19 *Ibid.*

20 *Ibid.*

Боас и Дженкинс²¹ считают, что «слабые государства рассматриваются в основном через призму западных интересов безопасности» и что в этом контексте они являют собой не более чем плодородную почву для экспорта терроризма или надежное убежище для террористов²². Как таковые они становятся угрозой для «национальной безопасности США» и «международной безопасности». Поэтому «восстановление государств» рассматривается как вызов, который политика США должна принять.

«Внимание в процессе государственного строительства обычно в большой степени сосредоточено на аспекте безопасности, при этом расширяются возможности служб безопасности (полиции, вооруженных сил, таможенной и пограничной служб), что является приоритетной задачей при оказании внешней помощи. Это позволяет органам службы безопасности заниматься вопросами развития, подчинять их интересам обеспечения безопасности и таким образом способствовать легитимизации структур вооруженных сил и других служб безопасности, которые расширяют сферы своей деятельности»²³.

В Афганистане в результате этого они не стали после 2001 г. эффективным средством обеспечения безопасности на «неуправляемом пространстве».

Дискурс о «глобальном управлении» 1990-х гг.

Современная парадигма государственного строительства возникла в основном из дискурса о «глобальном управлении» середины 1990-х гг., в соответствии с которым быстрое упразднение границ, глобализация и нестабильность сформировали основу для нового понятия. Розенау говорил о «бифуркации» мировой политики, в результате чего приобрели относительное влияние негосударственные акторы, «действуя для достижения своих собственных целей, используя свои инструменты, методы сотрудничества и модели легитимности»²⁴. Исходя из этих предположений, глобальное правление было определено как «система правил на всех уровнях деятельности человека — от семьи до международных организаций. В такой системе стремление к достижению целей путем осуществления контроля имеет последствия на транснациональном уровне»²⁵.

21 Morton Boàs and Kathleen M. Jennings, 'Insecurity and development: the rhetoric of the "failed state" ; in *European Journal of Development Research*, Vol. 17, No. 3, p. 388.

22 V. Boege *et al.*, примечание 18 выше, p. 3.

23 *Ibid.*, p. 4.

24 James N. Rosenau, *The United Nations in a Turbulent World*, Lynne Rienner, Boulder, CO, 1992, p. 20.

25 James N. Rosenau, 'Governance in the twenty-first century', in *Global Governance*, 1995, No. 1, p. 13.

Концепция «глобального управления», включая «право на предоставление защиты» и «право на восстановительную деятельность»

Дебиель и Ламбах описывают, как идеи глобального управления нашли вскоре отражение в нормативных рамках системы ООН (Комиссия по глобальному управлению, 1995 г.), что привело к новым дебатам относительно идей национального суверенитета и, в конечном итоге, «обязанности защищать». Эта обязанность была сформулирована Международной комиссией по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (ICISS) в 2001 г. Она совместила два мнения: «государственный суверенитет является не только правом на предотвращение вмешательства извне; упомянутая обязанность является также обязательством государства перед своими гражданами»²⁶. Авторы предположили, что «обязанность защищать» может перейти с национального на глобальный уровень, если грубые нарушения прав человека имеют место и не прекращаются.

Эта концепция означала, что «пространство, в котором государство либо не хочет, либо не может (или и то, и другое вместе) обеспечить безопасность своих граждан, должно и может управляться на глобальном уровне»²⁷. Следствием стало то, что концепция «обязанности по восстановлению» была отражена в докладе ICISS²⁸. Другими словами, международное сообщество поручило себе обязанность/дало себе право рассматривать проблему «неуправляемого пространства». Но после десяти лет присутствия в Афганистане ему еще не удалось добиться успехов в этой области.

Венман, говоря о «сообществах» сил безопасности, доноров и развития, добавляет: «Несмотря на различные институциональные точки зрения, дебаты вокруг проблем слабых государств отражают существующий в этих сообществах имплицитный консенсус относительно того, что сильное и функционирующее государство является инструментом для решения проблем нищеты, вооруженного насилия и устойчивого развития»²⁹. Как таковая модель национального государства Вебера/Вестфалиана стала восприниматься как решение проблемы несостоятельности государств, и случаи вмешательства в конце 1990-х гг. характеризовались централизованной вертикалью, построенной сверху вниз, где особое внимание уделялось контролю над применением силы. К обычным задачам относились обеспечение инфраструктуры, подготовка гражданских служащих и начало организационных реформ³⁰. Однако хотя такие

26 T. Debiel and D. Lambach, примечание 17 выше, p. 2.

27 *Ibid.*

28 *Ibid.*

29 A. Wennmann, примечание 14 выше, p. 2.

30 Ulrich Schneckener, *Fragile Staatlichkeit: 'States at Risk' zwischen Stabilität und Scheitern*, Nomos, Baden-Baden, 2006.

подходы давали быстрые результаты, недооценивалась «роль, которую играли неформальные акторы и институты, культура и идентичность»³¹. Между тем «политические аспекты кажущихся аполитичными реформ очень сильно недооценивались»³².

Взгляд на государство в Афганистане с точки зрения истории

Монархическое правление

До 1747 г., когда Ахмад-шах Дуррани создал конфедерацию в Кандагаре под общим названием Афганистан («Земля афганцев»), Афганистан был известен как Сарзамин-е-бей — «Земля без законов». Авторитарное правление продолжалось при Дуррани, который сумел объединить племена. В конце XIX века единство стало более очевидным при правлении сильного «Железного эмира», Абдур Рахман-хана, который прибегал к силе, хитрости и коварству для того, чтобы сcementировать племена. Первая афганская конституция была принята в 1923 г. при короле Хабибулле. Противоречия между теми, кто выступал за модернизацию, и традиционалистами (напряженность между ними сохраняется в Афганистане и сейчас) стали более очевидными летом 1928 г., когда сын Хабибуллы, король Аманулла — по примеру Кемаля Ататюрка в Турции — попытался ввести реформы по модернизации. Они включали создание конституционной монархии по западному образцу и отмену чадры. Однако Лойа Джирга, которая сама по себе является вариантом прямой демократии, подобной традиционному *Landesgemeinde* или кантональной ассамблее в ранних швейцарских кантонах, отвергла большинство предложений. Последовало восстание, начатое племенем Шинвари, люди которого сожгли дворец короля (и консульство Великобритании) в Джелалабаде. Все это закончилось изгнанием Амануллы из страны, что открыло дорогу для генерала Надир-шаха, который нанес поражение силам мятежников и занял Кабул³³.

Надир-шах стал королем в 1930 г. после его легитимизации Лойа Джиргой. Его конституция 1931 г., по сути, вводила «авторитарную монархию, соединенную с религиозным консерватизмом»³⁴. Так Надир-шах пытался консолидировать власть, успокоив мулл, которые способствовали падению его предшественника. Поэтому первая статья новой конституции официально провозглашала, что религиозный закон школы Ханафи суннитского ислама будет основой права в Афганистане.

31 Т. Debiel and D. Lambach, примечание 17 выше, p. 3.

32 *Ibid.*

33 Angelo Rasanayagam, *Afghanistan: A Modern History*, IB Tauris, London, 2004.

34 *Ibid.*, p. 23.

Правление Надир-шаха закончилось в 1933 г., когда он был убит студентом в Кабуле³⁵.

На троне его сменил сын, Мохаммад Закир-шах (1933—1973), чье правление продолжалось в течение 40 относительно мирных лет. В 1964 г. третья Конституция Афганистана учредила конституционную монархию с органом законодательной власти. Хотя в ней делались ссылки на шариат (исламские нормы поведения), основой права стала светская правовая система, потому что конституция создавала независимую судебную власть. Однако основная власть оставалась в руках короля³⁶. В 1965 г. состоялись выборы, и была создана нижняя палата парламента, Волеси Джирга, которая была широко репрезентативной и в состав которой входили антироялисты. Король разрешил создать Народно-демократическую партию Афганистана (НДПА), у которой было два крыла, Хальк и Парчам, входили в них, соответственно, сельские жители пуштуны и урбанисты левого уклона (которые часто говорили на дари).

Советский период

Советское влияние усиливалось на протяжении 1970-х гг., а в декабре 1979 г. произошло вторжение и оккупация Афганистана. Временная конституция была принята в 1980 г., хотя различные группы сопротивления начали организовываться на базе в Пешаваре. Это были разные группировки — от традиционалистов, выступающих за реставрацию монархии, до групп шиитского меньшинства и исламистов-фундаменталистов во главе с такими сильными личностями, как Гульбеддин Хекматияр и Абдур Раб Сайяф. Целью большинства этих группировок было не демократическое правление, но восстановление ислама в афганском обществе.

Эра моджахедов и «Талибана»

Запад предоставил помощь группам сопротивления и к тому времени, когда Советский Союз потерпел поражение в 1989 г., Афганистан столкнулся с новым кризисом: в основе экономики теперь была торговля наркотиками, страна была наводнена оружием, и афганское гражданское общество оказалось практически уничтожено. Такая ситуация дала возможность «Талибану», который занялся восстановлением порядка, добиться поддержки населения на большей части страны. Хотя в городах Кабул, Мазари-Шариф и Герат талибов рассматривали как «оккупантов», они легко получили контроль над большей частью Афганистана и, несмотря на санкции ООН, отказывались выдать Усаму бен Ладена, считая, что смогут завоевать оставшуюся территорию на северо-востоке, которую занимал Северный альянс.

35 Angelo Rasanayagam, примечание 33 выше.

36 *Ibid.*

Попытки добиться более широкого признания концепции «государственности» со стороны традиционных структур

Уже в 1973 г. американский антрополог Луис Дюпре понял, что в афганском обществе существует напряженность между теми, кто выступает за установление «национального государства», и теми, кто предпочитает более традиционное общество, основанное на «родстве». Дюпре следующим образом определил «национальное государство»: «В западном смысле это скорее набор установок, функционирующий набор прав и обязанностей правительства и тех, кем оно управляет, основанный на взаимности, где в центре внимания стоит отдельный человек, а не группа»³⁷. В противоположность этому, писал он, «стремление к племенному обособлению» имеет место «в неграмотных обществах... где родство заменяет правительство и гарантирует мужчинам и женщинам, рожденным в конкретном окружении, функционирующий набор социальных, экономических и политических прав и обязанностей»³⁸.

Эта напряженность все еще существует в Афганистане сегодня и отражает различия между сельской и городской традициями, между молодежью и более старшими людьми, между теми, кто стоит за модернизацию, и традиционалистами, между диаспорой афганцев и теми, кто остался в стране. Интересно, что Дюпре относит к афганской диаспоре тех, кто стремится достичь идеала национального государства.

Шахрани вторит Дюпре, когда говорит, что предыдущие попытки осуществить политические реформы в Афганистане в XX веке не были успешными и не привели широкому признанию концепции государственности со стороны клановых или племенных структур³⁹. Хотя он добавляет, что большая часть трудностей исторически обусловлена недостаточной грамотностью и проблемами в области коммуникаций и транспортных сетей, нехватка средств также тормозила попытки государства легитимизировать власть, поэтому лидеры вынуждены были, используя политические и финансовые стимулы, привлекать на свою сторону различные группы, сталкивая их между собой. С его точки зрения с течением времени центральная власть вынуждена была все больше обращаться к региональным лидерам за финансовой и военной помощью, давая таким образом племенным и традиционным структурам возможность укрепиться. Некоторые исследователи считают, что это явление лишь усилило тенденцию к превращению религиозного и этнического плюрализма в социальную раздробленность⁴⁰. Другие утверждают, что в Афганистане

37 Louis Dupree, *Afghanistan*, Rama Press, New Delhi, 1980, p. 659.

38 *Ibid.*

39 M. Nazif Shahrani, 'Afghanistan: state and society in retrospect', in Ewan W. Anderson and Nancy Hatch Dupree (eds), *The Cultural Basis of Afghan Nationalism*, Pinter Publishers, London, 1990, pp. 41—49.

40 Barnett Rubin, *The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse in the International System*, Yale University Press, New Haven and London, 1995.

всегда было так, и сейчас это происходит потому, что способность Хамида Карзая удержать власть в большой степени определяется покровительством (в данном случае иностранной помощью и распределением sine-cur, то есть постов «шефов полиции»).

В течение XIX и в начале XX веков британцы были основным источником поступлений в Афганистан для процесса государственного строительства. С 1950-х гг. поддержка предоставлялась как США, так и СССР, а в 1980-е гг. СССР, оккупировав Афганистан, сделал массивные финансовые инвестиции. Затем финансовая помощь оказывалась США и другими западными странами (во время правления моджахедов), а после 11 сентября Запад обеспечивает большую часть поступлений, чтобы поддержать государство.

Вмешательство после 11 сентября

Вмешательство после 9/11 включало в себя три элемента: военный, политический и реформу сектора безопасности

Военный элемент: операция «Несокрушимая свобода» и НАТО

Военная деятельность в Афганистане осуществлялась как в виде операции «Несокрушимая свобода» (ОНС), так и Международными силами содействия безопасности (ISAF) с мандатом ООН под командованием НАТО после того, как действия распространились за пределы Кабула в 2003 г.

Нападения 11 сентября 2001 г. послужили причиной беспрецедентного применения статьи 5 Североатлантического договора, в соответствии с которой вооруженное нападение на одно государство-участника рассматривается как нападение на всех. Таким образом, НАТО приняло на себя обязательство — впервые в истории — осуществить операцию за пределами своих непосредственных границ. Хотя в рамках НАТО существовала политическая воля предоставить свои войска, генерал США Томми Фрэнкс, командовавший тогда операцией «Несокрушимая свобода», четко дал понять, что хотел иметь исключительный контроль над театром военных действий за пределами Кабула⁴¹. Силы же ISAF ограничивались Кабулом. 11 августа 2003 г. НАТО возглавила операцию ISAF, завершив шестимесячную ротацию государств.

Ключевая составляющая стратегии ОНС — использование ополчения Северного альянса в качестве наземных сил для вытеснения «Талибана» — рассматривалась как средство избежать необходимости вво-

41 Lucy Morgan Edwards and Shambhu Simkhada, *Defence, Diplomacy and Development (3Ds): A New Approach to International Relations?*, report commissioned by and written for the Swiss Agency for International Development and Cooperation (SDC), 2008.

дить значительные по численности сухопутные силы США. Вместо этого было решено оказать поддержку отчаявшейся группе полевых командиров, в основном таджикского происхождения, базирующихся на севере и востоке. Помощь в виде наличных средств и оружия составляла более миллиарда долларов США⁴². Закрывались глаза на тот факт, что Северный альянс участвовал в ведущейся гражданской войне с «Талибаном», состоящим в основном из пуштунов, и на то, что другие афганцы критиковали такую поддержку, которая неизбежно приводила к однобокому политическому урегулированию. Такой ход событий получил ускорение, когда США подвергли бомбардировке линии фронта талибов в октябре 2001 г., что дало возможность Северному альянсу захватить Кабул и, конечно, ключевые силовые министерства — обороны, внутренних дел и иностранных дел.

Рамки Боннского соглашения, 2001—2005 гг.

Политический аспект был распланирован международным сообществом, ООН и некоторыми афганскими группами в декабре 2001 г. в Бонне. Представители Афганистана из различных группировок в изгнании — но только не «Талибана», хотя несколько известных лидеров пуштунских племен присутствовали — подписали Соглашение о временных механизмах в Афганистане до восстановления постоянно действующих правительственных институтов.

Цель Боннского соглашения заключалась в том, чтобы «начать процесс государственного строительства»⁴³. В нем предусматривалось создание Временного органа, а затем созыв чрезвычайного заседания Лойа Джирги, которое должно было состояться в 2002 г. Предстояло учредить и легитимизировать Администрацию переходного периода, которая должна была действовать до президентских и парламентских выборов в 2004 г.⁴⁴

При Администрации переходного периода был создан конституционный редакционный комитет для подготовки Учредительной Лойа Джирги. Конституция должна была основать Афганистан как государство с исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти. Судебной комиссии надлежало выстроить заново систему правосудия в соответствии с исламскими принципами, международными стандартами, верховенством права и афганскими правовыми традициями. Предстояло учредить и Верховный суд.

42 Gary C. Schroen, *First In: An Insider's Account of How the CIA Spearheaded the War on Terror in Afghanistan*, Ballantine Books, New York, 2004.

43 Joint Electoral Management Body Secretariat (JEMBS) background document, 2005.

44 *Ibid.*

Реформа сектора безопасности (РСБ)

Одновременно с Боннским процессом и операцией «Несокрушимая свобода» Большая восьмерка стран-доноров решила в 2002 г. принять подход «ведущего государства» к РСБ. Сектор безопасности был разделен на пять участков: Германия должна была стать ведущим государством в реформировании полиции, США — в области военной реформы, Италия — в реформе судебной системы, Великобритания — в сфере борьбы с наркоторговлей и Японии поручалось разоружение, демобилизация и реинтеграция (РДР) бывших комбатантов⁴⁵. Этот подход знаменовал собой начало того, что станет основным пунктом задуманной Западом «стратегии выхода» из Афганистана через создание афганских сил безопасности.

Результаты принятого подхода

Военный элемент

Хотя режим «Талибана» был вскоре свергнут, оказалось, что движение не так легко уничтожить, оно просто отступило в отдаленные районы Афганистана и укрытия в Пакистане, откуда после 2004 г. начало осуществлять все более успешные повстанческие действия.

Афганистан стал олицетворением «быстро выигранной» войны, но неудавшегося мира. Решение США доверить Северному альянсу разгром «Талибана» подверглось серьезной критике, потому что

«[ч]ем яснее становилось, что это [вознаграждение со стороны коалиции]... осуществлялось во имя поимки их главной добычи, Усамы бен Ладена, тем больше американцы подрывали временную администрацию и разрушали надежды на создание жизнеспособной центральной власти для Афганистана»⁴⁶.

Более того, возвращение некоторых полевых командиров (часто после нескольких лет пребывания за границей) на то положение, которое они занимали до прихода «Талибана», дало им возможность «использовать полученные деньги и оружие для того, чтобы заняться производством наркотиков, а также участвовать в захвате земель, грабежах, политическом запугивании и этнических чистках — что всегда грозило безопасности афганцев»⁴⁷.

45 Cyrus Hodes and Mark Sedra, *The Search for Security in Post-Taliban Afghanistan*, International Institute for Strategic Studies (IISS), London, August 2007.

46 John Kampfner, *Blair's Wars*, Free Press, London, 2003, p. 146.

47 Barnett R. Rubin, *Afghanistan's Uncertain Transition from Turmoil to Normalcy*, Council Special Report No. 12, Council on Foreign Relations Press, March 2006, pp. 5–6.

Это создало условия для анархии в провинциях и привело к тому, что многие афганцы почувствовали свое отчуждение от государства, которое не воспринималось как стоящее на страже их интересов. К 2005 г. безопасность отсутствовала и за пределами пуштунского пояса и юга, и на многих территориях севера и востока, что дало возможность талибам сделать все более ощутимым свое присутствие.

Боннский процесс

Тот факт, что многие известные пуштунские лидеры (а также, конечно, «Талибан») не были приглашены на встречу в Бонне и не участвовали в политическом урегулировании, усилило чувство отчуждения (пуштунов) от центрального правительства.

В последнюю минуту было организовано участие 50 неизбранных губернаторов (а на самом деле «полевых командиров») в работе чрезвычайной Лойа Джирги в 2002 г. Председательствующий — посол США, Залмай Халилзад — назвал это подходом «большого шатра». Между тем представитель ООН Лахдар-и-Брахими сказал журналистам, что это было необходимо для того, чтобы «мир» мог превосходить по важности «справедливость». Некоторые не согласились с таким подходом, считая, что это временным решением, похожим на «мир, взятый в аренду», который вскоре сменится анархией⁴⁸. Как утверждают Дебиель и Ламбах, такой подход к государственному строительству характеризовался взглядом сверху вниз, что обещало быстрые результаты, но этом при недооценивалась роль неформальных акторов и очень сильно недооценивались «политические аспекты кажущейся аполитичной реформы»⁴⁹.

Предоставленная полевым командирам возможность сформировать результаты чрезвычайной Лойа Джирги 2002 г. имела долговременные и пагубные последствия для процесса государственного строительства. Это позволило им добиться политической легитимизации со стороны международного сообщества (и вместо того чтобы понести ответственность за часто темную историю правонарушений, в которых они обвинялись, они теперь получили министерские должности с одобрения международных дипломатов). Кроме того, это дало им возможность влиять на основные назначения как на региональном, так и центральном уровнях правительства⁵⁰ и на состав и результаты работы конституцион-

48 Автор присутствовала на заседании чрезвычайной Лойа Джирги в июне 2002 г. и написала о том, что там происходило в книге. *The Afghan Solution: The Untold Story of Abdul Haq, the CIA and how Western Hubris Lost Afghanistan*, Bactria Press, 2011.

49 T. Debiel and D. Lambach, примечание 17 выше, p. 3.

50 Sarah Lister, *Understanding State-building and Local Government in Afghanistan*, Crisis States Research Centre, LSE, Working Paper No. 14, London, 2007, доступно по адресу: <http://www2.lse.ac.uk/internationalDevelopment/research/crisisStates/Publications/phase2papers.aspx> (последнее посещение 8 февраля 2011 г.).

ного редакционного комитета и, следовательно, на содержание конституции. Вследствие этого создано крайне централизованное правительство, которое защищает интересы той элиты, с которой Карзая связывают обязательства верности. Также это замедлило реформу судебной системы⁵¹ и помешало реформированию органов безопасности как на местном, так и на центральном уровнях⁵².

Несмотря на энтузиазм международного сообщества в связи с завершением президентских и парламентских выборов, которые последовали быстро одни за другими (как считают некоторые, подталкиваемые требованиями внутренней политики США и Великобритании, желавшей продемонстрировать «успех» демократии в Афганистане), право, порядок и безопасность продолжили рассыпаться в сельской местности. Сейчас известно, что лица самого высокого уровня в правительстве Афганистана замешаны в торговле наркотиками и коррупции, как об этом свидетельствуют коррупционный скандал в Банке Кабула, вмешательство самого президента Карзая в деятельность Анти-коррупционного комитета и тот факт, что вице-президент Афганистана, Зия Массуд, был задержан в Дубае, имея при себе 52 млн долларов США⁵³.

Реформа сектора безопасности

В 2005 г. одна из «флагманских» программ по РСБ — та, которая была направлена на разоружение, демобилизацию и реинтеграцию (РДР) десятков тысяч комбатантов и называлась Афганская программа новых начинаний (АПНЧ), была громко провозглашена международным сообществом как успешная⁵⁴. Хотя изначально планировалось охватить 140 тыс. комбатантов, цифра эта была снижена сначала до 40 тыс., а затем до 10 тыс.⁵⁵ Важно, что АПНЧ касалась демобилизации только так называемых официальных подразделений афганской армии, то есть тех ополчений Северного альянса, которые в конце 2001 г. оказались под командованием одного из лидеров Северного альянса, Мохаммада Фахима, возглавившего подразделения, оставленные отступающим «Талибаном»⁵⁶. Как таковая АПНЧ ничего не предприняла для решения более серьезной проблемы «неофициальных» ополчений, принадлежащих полевым командирам, контролирующим сельскую местность. Они стали называться «незаконные вооруженные группировки», и по некоторым оценкам в 2005 г. по всей стране насчиты-

51 C. Hodes and M. Sedra, примечание 45 выше.

52 S. Lister, примечание 50 выше.

53 Различные статьи, напечатанные в *New York Times*, включая статью о Банке Кабула Декстера Филкинса, и ставшие известными телеграммы, опубликованные в WikiLeaks в ноябре 2010 г.

54 S. Lister, примечание 50 выше.

55 *Ibid.*, p. 13.

56 *Ibid.*

валось около 1800 таких групп⁵⁷. Хотя Программа расформирования незаконных вооруженных групп (РНВГ) была поставлена на обсуждение ООН в 2005 г., фактически ни НАТО, ни коалиция не имели политической воли предпринять осуществление такой программы, потому что ополчения имели связи с полевыми командирами, которые — после 2001 г. — вступили в союз с коалицией. Действительно, многие из этих личностей были теперь в правительстве или собирались избираться в члены парламента⁵⁸ в 2005 г. Серьезно критиковался и этнический дисбаланс Афганской национальной армии, которая остается в основном таджикской и находится под командованием генералов Северного альянса⁵⁹.

Между тем реформа судебной системы была очень слаба. Кроме того, что она не выполнялась по графику, ей мешали те лидеры, которые сами имели склонность к фундаментализму и чей послужной список был крайне неоднозначным. Например, Абдур Рашид Сайаф, как считают, обладал неправомерным тайным влиянием, в результате которого мулла Шахрани был назначен в 2002 г. председателем Верховного суда (и быстро восстановил ненавидимую религиозную полицию). В целом, решение Запада оказать поддержку полевым командирам, которых, как считают многие, следовало бы отдать под суд за совершенные ими ранее правонарушения⁶⁰, имело крайне негативные последствия для проекта государственного строительства в Афганистане после событий 9/11.

В своей оценке государственного строительства в Афганистане на местном уровне Сара Листер приходит к следующему выводу:

«Разоружение, реформа полиции и судебной системы и пристальное внимание к качеству назначений на высокие посты — все это меры, которые способствовали бы изменениям в «правилах игры» в Афганистане и заменили бы систему, основанную на неформальном покровительстве, более деперсонализированным, формальным и рациональным осуществлением властных полномочий через государство. А пренебрежение этими мерами в критический период дало возможность лицам, захватившим власть на местах, и впредь использовать государство как инструмент своей власти, оказывая противодействие попыткам создать новые структуры и ввести формальные правила или использовать их в своих целях⁶¹.

57 С. Hodes and M. Sedra, примечание 45 выше.

58 Из наблюдений автора за встречами между международным сообществом и афганским правительством по вопросу о РНВГ в Кабуле, 2005 г. См. также; Andrew Wilder, *A House Divided? Analysing the 2005 Afghan Elections*, Afghan Research and Evaluation Unit (AREU), 2005, доступно по адресу: http://www.areu.org.af/index.php?option=com_docman&Itemid=&task=doc_download&gid=254 (последнее посещение 7 января 2011 г.).

59 'Afghanistan's troubled National Army: fixing the unfixable', in *The Economist*, 19 August 2010, pp. 39—40.

60 Patricia Gossman, *Casting Shadows: War Crimes and Crimes against Humanity: 1978—2001*, Afghan Justice Project, 2005, доступно по адресу: <http://www.afghanistanjusticeproject.org/warcrimesandcrimesagainsthumanity19782001.pdf> (последнее посещение 8 февраля 2011 г.).

61 S. Lister, примечание 50 выше, pp. 15—16.

Что ограничивает возможности Запада успешно осуществлять государственное строительство в Афганистане после 9/11

Историческая перспектива государственного строительства

Бёге и другие напоминают нам, что хотя процесс формирования государств в западном мире занял несколько веков и часто был связан со значительным насилием, начиная с эпохи деколонизации формы западного государства были сравнительно быстро «перенесены» на многие части Юга планеты. В ходе этого «перенесения» ощущалась тенденция к «повторению европейских политических моделей»⁶². Поэтому после завоевания независимости эти вновь созданные «государства»

«не имели корней в существовавших в них обществах, особенно там, где не было единой формы правления, которая бы функционировала до колониального правительства. Глобальное принятие веберовских систем не сопровождалось развитием экономических, политических, социальных и культурных структур и возможностей, которые создавали основу и систему координат для эффективно функционирующего политического устройства в ходе эволюции государства в европейской истории. ... Идея осознания себя в качестве «гражданина» и «понятие государства» не встречают отклика в таких обществах, поскольку люди существуют довольно изолированно от государства, не ожидая многого от государственных институтов и не желая выполнять обязанности перед государством (и часто мало понимая, что же они по праву могут требовать от государственных учреждений и что государство по праву может ожидать от них)»⁶³.

Поэтому те, кто осуществлял вмешательство, часто не понимали, каков же на самом деле «политический строй» в регионах, характеризующихся слабостью. Это нашло отражение и в недавних попытках перенести «идеал» европейского национального государства на Юг. Чтобы понять истинное «политическое устройство» в таких регионах, Бёге и другие рекомендуют выйти за пределы узкого дискурса, в центре которого стоит государство, и постараться осознать важность «легитимности» и гибридного политического устройства⁶⁴.

В точности так же, как Дюпре заметил в 1973 г., Кевин Клементс в 2009 г. выделил важнейшие элементы туземного или племенного общества, в котором

«[б]ольшая часть традиционных источников легитимности основана на нормах доверия и взаимности. Главными ценностями, кото-

62 V. Voege *et al.*, примечание 18 выше, р. 6.

63 *Ibid.*

64 *Ibid.*, pp. 6–13.

рые лежат в основе традиционной легитимности, являются ценности, позволяющие группам, объединенным родственными связями, племенам и общинам существовать, удовлетворять основные потребности и вообще выживать. Традиционная легитимность опирается на сложные модели власти, ответственности и обязанностей, которые дают возможность социальным группам существовать и сосуществовать»⁶⁵.

Связь между «легитимностью» и «возможностями»

Причина того, что Запад не может оказать помощь бывшим колониям, получившим независимость, заключается в недооценке запутанной связи между возможностями и легитимностью. Получив независимость, многие такие государства столкнулись с трудностями при установлении своей легитимности и эффективности⁶⁶. Клементс говорит, что та же самая проблема существует у слабых государств, и определяет легитимность как «сложный набор верований, ценностей и институтов (внутренних и внешне обусловленных), касающихся социального договора, регулирующего отношения между государством и обществом»⁶⁷. Он утверждает, что легитимность

«помогает создать общественное и политическое доверие и предсказуемость, признание со стороны общества преобладающих властных отношений и понимание взаимных прав и обязанностей. Если всего этого нет, возможность государственных систем действовать эффективно или претендовать на законность очень мала»⁶⁸.

По мнению Клементса, недооценка связи между возможностями и легитимностью может объясняться тем, что концепции легитимности, на которые чаще всего ссылаются доноры, «рассматриваются почти исключительно с точки зрения западного просвещения и в качестве одного из вариантов веберовского идеального типа рационально-правовой легитимности»⁶⁹. Поэтому такой анализ сосредоточен только на легитимности «процесса и результата» или на легитимности институциональных источников «рационально-правового типа легитимности (то есть безопасности государства, законности, обеспечении общественных интересов и т. д.)». Очень мало внимания уделяется традиционным общинным и общественным институ-

65 Kevin P. Clements, 'Note on building effective, legitimate and resilient state institutions', *Headline Seminar on Deteriorating Governance*, presented at the World Bank, Washington DC, April 2009, p. 4, доступно по адресу: http://siteresources.worldbank.org/EXTLICUS/Resources/511777-1224016350914/5474500-1257529177557/Notes_Clements_Institution_Building_HS_Apr8_09.pdf (последнее посещение 25 января 2011 г.).

66 Поль Колье анализирует эти факторы в работе: *The Bottom Billion*, Oxford University Press, Oxford, 2008.

67 К. P. Clements, примечание 65 выше, p. 1.

68 *Ibid.*

69 *Ibid.*, p. 2.

там или «взаимодействию» между «двумя различными источниками легитимности, а именно теми, которые находятся в государственной сфере, и теми, которые находятся на уровне общества и общин»⁷⁰.

Клементс подчеркивает, что «рационально-правовая легитимность... как она существует в государствах ОЭСР, является лишь одним типом легитимности в слабых государствах». Донорам, говорит он, «придется иметь дело с другими типами легитимности, если они хотят помочь в построении эффективных, жизнеспособных и легитимных государств в нестабильных ситуациях»⁷¹.

Неумение тех, кто осуществляет вмешательство, провести различие между режимом «ограниченного доступа» и «открытого доступа»

Норт и другие предполагают, что различная динамика в рамках государства (в том, что касается политических и экономических возможностей) может характеризоваться либо как «режим ограниченного доступа», либо «режим открытого доступа»⁷². В последнем случае правительства предоставляют доступ к политическим и экономическим возможностям на конкурентной основе через рынки, личные качества и выборы. В первом случае доступ к политическим и экономическим возможностям ограничен и предоставляется элите, члены которой, очевидно, не имеют склонности вести борьбу между собой, поскольку им лучше «быть частью патримонциальной сети, а не бросать вызов властям насильственным образом»⁷³.

Ошибка международного сообщества (в Афганистане) состояла в том, что оно не сумело увидеть разницу между режимами «ограниченного» и «открытого доступа». Это, по мнению Норта и других, привело к неудаче политики в области развития:

70 К. Р. Clements, примечание 65 выше, р. 3.

71 *Ibid.* Клементс указывает, что его аргументация основывается на трех «идеальных типах легитимности», как они определяются Максом Вебером, т. е. «легитимности, опирающейся на 1) рациональные основания — «на веру в «законность» моделей нормативных правил и права тех, у кого есть власть в соответствии с такими правилами, отдавать приказы (законная власть), 2) традиционные основания — устоявшуюся веру в непогрешимость древних традиций и законность статуса тех, кто находится у власти в соответствии с ними (традиционная власть); и наконец 3) на харизматические основания — поклонение конкретной и исключительной святости, героизму и образцовому поведению отдельной личности и принятие нормативных моделей или порядка, установленных или predeterminedных ею (харизматическая власть)». *Ibid.*, примечание 5, р. 3, где цитируется М. Вебер, примечание 12 выше, р. 46. Клементс объясняет, как Вебер таким образом «прочно связал вопрос о легитимности с конкретными способами производства, особыми типами принятия решений и законотворческих процессов и более широкими теориями социальных изменений» (*Ibid.*).

72 Douglass C. North, John Joseph Wallis, Steven B. Webb, and Barry R. Weingast, 'Limited access orders in the developing world: a new approach to the problem of development', The World Bank, Policy Research Working Paper No. 4359, Washington DC, 2007, доступно по адресу: http://www-wds.worldbank.org/servlet/WDSContentServer/WDSP/IB/2007/09/19/000158349_20070919115851/Rendered/PDF/WPS4359.pdf (последнее посещение 8 февраля 2011 г.).

73 A. Wennmann, примечание 14 выше, р. 26.

«...они пытаются перенести элементы режима открытого доступа — такие как конкуренция, рынки и демократия — непосредственно на режим ограниченного доступа. Эти реформы угрожают созданию ренты, что обеспечивает единство общества и во многих случаях бросает вызов самой логике, лежащей в основе организации общества. Не удивительно, что и элита, и многие из тех, кто к ней не принадлежит, сопротивляются таким реформам, саботируют их или ведут против них подрывную деятельность в обществах ограниченного доступа, которые еще не готовы к таким реформам»⁷⁴.

Другими словами, Афганистан продолжает оставаться воплощением системы, основанной по преимуществу на родстве и отношениях покровительства, что характерно для отношений в племенах. Это не та рационально-правовая система, которую можно обнаружить в веберовском государстве. Проблема заключается в следующем: те, кто осуществляет вмешательство, исходят из того, что рационально-правовой тип политического устройства может существовать в племенном обществе, которое до этого функционировало на основе отношений покровительства и «традиционной» власти.

Иногда те, кто осуществляет вмешательство (или доноры), допускают, «что существует какая-то естественная траектория, по которой местные «традиционные» источники легитимности развиваются в сторону рационально-правового политического устройства»⁷⁵. Кроме того, опасно полагаться на «местных сторонников рационально-правового подхода к реформам» при попытках ввести западную модель государства, в то время как более реалистичным может стать привлечение широкого круга заинтересованных лиц⁷⁶.

После 2001 г. Запад имел дело в Афганистане в основном с «родовой сетью», ограниченной полевыми командирами из верхушки Северного альянса (где Карзай является номинальным пуштунским руководителем). Однако эта главная элита не сумела выстроить отношения с более широкими массами — особенно с большинством пуштунского населения, не предоставив им защиту, социальное обеспечение, рабочие места и систему правосудия. Поэтому «Талибан» заполнил этот вакуум, обеспечив рабочие места и правосудие, особенно на юге, где пуштунское большинство чувствовало себя отвергнутым.

Все вышесказанное указывает на проблему, описанную д-ром Кеном Менкхаусом, когда цели международного сообщества — по построению сильного государства — могут часто не совпадать с целями местной правящей элиты, которую международное сообщество, по сути, «подпирает» (в

74 D. C. North *et al.* примечание 72 выше, p. 5.

75 Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD), *The State's Legitimacy in Fragile Situations: Unpacking Complexity*, Conflict and Fragility Series, OECD, Paris, 2010, p. 54.

76 *Ibid.*

слабых государствах)⁷⁷. Для этой элиты продолжающаяся нестабильность означает продолжающееся финансирование (в случае с Афганистаном — для так называемых «схем примирения с «Талибаном», создания Афганской национальной армии, в виде средств для оказания гуманитарной помощи и т. д.)

Слабость акторов международного уровня в ситуациях на местах

Большая часть проблемы для тех, кто осуществляет вмешательство (или для «акторов глобального уровня»), заключается в том, что несмотря на часто имеющиеся преимущества в виде наличия ресурсов, в маневренности их все же превосходят местные игроки. Часто это связано с тем фактом, что политика определяется очень далеко, в столицах тех, кто осуществляет вмешательство, и к тому времени, когда решения доходят до персонала, представляющего эти столицы в базовых лагерях (или в «буше»), политика эта мало соответствует реальному положению: «Сотрудники штабов в метрополии и в базовых лагерях не обладают знаниями о местных властных структурах и в результате воспринимают пространство вмешательства как абсолютно лишённое этих структур»⁷⁸.

Киппинг сравнил вторжение СССР в Афганистан в 1980-х гг. с интервенцией настоящего времени. Он приходит к выводу, что подобно СССР Запад сейчас «военизирует» свое вмешательство в ответ на свою неудачу, обусловленную неспособностью понять ситуацию за пределами крупных городских центров в сельской местности⁷⁹.

Связь между «дефицитом легитимности» и ухудшающимся управлением

Навязанные извне проекты по государственному строительству характеризуются непониманием местных условий и особенностей легитимности на местном уровне. Поэтому

«[е]сли нет тесной связи с глубокими источниками индивидуальной и коллективной (родственной, клановой, общинной) идентичности и принадлежности к этому коллективу, системы, навязанные или получающие поддержку извне, никогда не вызовут того «само собой разумеющегося» доверия и легитимности, которые существуют между государством и народом на Западе»⁸⁰.

77 К. Menkhaus, примечание 2 выше.

78 Klaus Schlichte and Alex Veit, *Coupled Arenas: Why State-building is so Difficult*, Junior Research Group 'Micropolitics for Armed Groups', Humboldt University, Berlin, Working Papers Micropolitics No. 3, 2007, p. 26.

79 М. Kipping, примечание 1 выше.

80 К. Р. Clements, примечание 65 выше, p. 3.

Результатом является нарушение взаимоотношений и — в слабых государствах — ухудшающееся управление. К заметным показателям ухудшающегося управления относятся злоупотребление властью, снижающийся уровень безопасности, коррупция, дискриминация и пренебрежение нуждами своего народа. Клементс выявил и другие показатели ухудшающегося правления:

- a) поляризация между эндогенными, обычными (традиционными) институтами и акторами и экзогенными навязанными (привнесенными) институтами и акторами в том, что касается доступности и значимости государства;
- b) опора политических лидеров на внешние источники легитимности (помощь, организации, оказывающие помощь в области развития, соседние государства и т. д.), а не на внутренние источники легитимности;
- c) противоречия (относительно традиционного и нетрадиционного), касающиеся правил принятия решений, то есть когда представители общин, а не государства предоставляют услуги в области социального обеспечения и образования более эффективно, чем государство, или когда традиционные лидеры обращаются к традиционным верованиям для противопоставления понятий общественного/общинного блага и хищничества государства;
- d) отказ внешних акторов в легитимизации государств и режимов;
- e) противостояние религиозных лидеров государствам и мобилизация верующих для противостояния государству;
- f) существование открытого спора относительно того, какая «правовая система» должна преобладать, например, в отношении внутреннего или внешнего урегулирования «споров о земле»;
- g) ситуации, когда государственной власти бросается вызов и у нее не хватает легитимности для осуществления руководства мирными средствами;
- h) ситуации, когда налоги низки или их вообще не существует, и государства полагаются на «незаработанный доход», например от продажи нефти и алмазов, оказания помощи, лесозаготовок, таможенных пошлин⁸¹.

Многие из перечисленных выше показателей ухудшающегося управления можно сейчас обнаружить в Афганистане.

Некоторые исследователи, говоря о Сомали, высказываются в пользу «третьего пути» «упорядоченной анархии» за пределами центра. С их точки зрения внешние акторы должны сосредоточить внимание только на основных функциях — например, минимальной безопасности и защите торговых путей, а помощь должна направляться непосредственно в регионы на основании регламентированных отношений с полевыми команди-

81 *Ibid.*, pp. 4–5.

рами при посредничестве центрального правительства⁸². Однако такой подход, возможно, недооценивает сложности моделей легитимности на местном уровне. Поскольку в Афганистане полевые командиры часто не являются исторически легитимными — особенно на юге и востоке, хотя внешние силы изменили модели власти за последние десятилетия, наделив таких командиров «силой».

Перед теми, кто осуществляет вмешательство, стоит трудная задача — понять, что же составляет традиционную/основанную на обычае легитимность в слабых государствах — ее элементы постоянно изменяются и должны непрерывно получать новое толкование, чтобы соответствовать местным условиям. «Источники традиционной легитимности очень много значат в ситуациях нестабильности, и внешние акторы должны наладить как можно более широкое сотрудничество со своими сторонниками, чтобы способствовать формированию прогрессивного государства, установлению прочного мира и процессу развития»⁸³. Учитывая эту трудность, разработка стратегии вмешательства, «способной создать политическую легитимность более высокого уровня в таких обстоятельствах», может быть крайне сложным делом. Кроме того, часто существует путаница в отношении разных типов легитимности, включая вопрос о том, какой тип принадлежит государству, представленному законодательными, исполнительными и судебными институтами, какой относится к правительствам и режимам, а какой находится на уровне общин и общественных институтов. Особая проблема заключается в понимании внутренней динамики этих различных областей. Поэтому необходимо провести дополнительные исследования.

Клементс сосредоточивает внимание на взаимодействии между государством и негосударственными акторами, пользующимися «обоснованной легитимностью», то есть взаимодействии, которое коренится в «основах обычной традиции и ценностей, из которых люди черпают свое общественную значимость»⁸⁴. Это можно даже назвать «обычным правлением». Он говорит, что Вебер сегодня удивился бы, обнаружив, что распространение западных ценностей изменило «популярное понимание культуры и обычая», но не сумело разрушить большинство главных «интегративных элементов». У людей,

«живущих в обществах с ярко выраженной местной национальной культурой, есть выбор: пользоваться обычными положениями или опираться на государственные установления. Если государство не хочет или не может обеспечить сколько-нибудь значимую безопас-

82 Marina Ottaway and Anatol Lieven, *Rebuilding Afghanistan: Fantasy versus Reality*, Carnegie Endowment for International Peace, Policy Brief No. 12, 2002, доступно по адресу: <http://carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=883> (последнее посещение 8 февраля 2011 г.).

83 К. Р. Клементс, примечание 65 выше, р. 3.

84 *Ibid.*, р. 4.

ность или наличие других общественных услуг, возникает сильное желание обратиться к обычным источникам»⁸⁵.

«Талибан» после 2001 г. понял это и заполнил вакуум, оставленный международным сообществом и правительством Карзая, параллельной системой администрации во многих провинциях, куда входили теневые губернаторы и система правосудия⁸⁶.

Пути вперед

Необходимость мыслить по-новому и принять альтернативные (или «обычные») механизмы правления

За последние десятилетия в дискурсе о слабости государства и о связанной с этим политикой государственного строительства наблюдалась тенденция к повторению веберовского/вестфалианского государства западного образца, несмотря на тот факт, что эта форма государственности вряд ли существует где-то за пределами мира Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Признавая эту проблему, некоторые авторы предлагают подумать о концепции устройства «постмодернистского национального государства».

В Афганистане, например, тем, кто осуществляет вмешательство, необходимо уделять больше внимания традиционной легитимности:

«Однако очевидно, что легитимность сама по себе требует гораздо больше систематического внимания и должна быть в центре дискурса об эффективности государства. Государства могут управлять авторитетно с минимальным принуждением, если их граждане/народы признают их легитимность»⁸⁷.

Следствием традиционной легитимности является необходимость признать «гибридные механизмы правления» и работать с ними; эти механизмы иногда называются «обычное правление» или «опосредованные государства». Например, в своих работах о Сомали Менкхаус говорит:

«Правительство полагается на партнерские отношения (или, по крайней мере, сосуществование) с самыми различными местными посредниками и конкурирующими источниками власти для того, чтобы выполнить основные функции по обеспечению общественной безопасности, правосудия и управлению конфликтом... Опосредованные

85 К. Р. Clements, примечание 65 выше, р. 4.

86 Ken Guest, RAM Seeger, and Lucy Morgan Edwards, 'The tribal path: commanding the prime battle space: a more hopeful strategy for Afghanistan', in *Small Wars Journal*, March 2010, доступно по адресу: <http://www.the-beacon.info/images/Tribal%20path%20May%202027.pdf> (последнее посещение 11 января 2011 г.).

87 К. Р. Clements, примечание 65 выше, р. 1.

государства по своей природе беспорядочны, полны противоречий, нелиберальны и постоянно [вступают] в сделки, которые вновь и вновь пересматриваются — это не идеальный выбор для правительств, но часто наилучший из плохих вариантов для слабых государств»⁸⁸.

Понятие «гибридного политического устройства» приобретает все большую популярность, его сторонники утверждают, что оно открывает новые возможности для предотвращения конфликтов и развития, а также для новых типов государственного строительства. Оно также предлагает другое понимание процесса управления в слабых государствах, конкретные примеры ограничений при государственном строительстве, возглавляемом внешними акторами, и в конце концов новое понимание того, являются ли «слабость государства» и «системы покровительства» (в отличие от рационально-правовых систем) такими плохими вещами⁸⁹.

Мысль о понимании «гибридного политического устройства» и о работе с ним обсуждается и в последующих разделах, в частности — потенциал такого устройства в качестве средства улучшения «эффективности государства».

Необходимость понимания «контекста» «обычного способа управления» в слабых государствах для улучшения эффективности государства

Донорам и тем, кто осуществляет вмешательство, нужно лучше понимать «контекст» слабых обществ/государств, прежде чем начинать там свою деятельность. Первым шагом является признание того, что такие страны часто обнаруживают черты, посредством которых

«различные и конкурирующие претензии на власть и алгоритмы государственного устройства сосуществуют, накладываются друг на друга и переплетаются, то есть логика «формального» государства, традиционного «неформального» общественного порядка и глобализации и связанной с этим социальной фрагментации... В таких условиях у государства нет привилегированного положения в качестве политической основы, которая отвечает за безопасность, социальное обеспечение и представительство; ему приходится делиться властью, легитимностью и возможностями с другими структурами»⁹⁰.

Когда такая обычная организация работает хорошо (будь то экономическая, социальная или политическая), она может быть эффективным средством формирования единства, обеспечения безопасности, представительства и социального обеспечения для народа. Во многих отдаленных

88 K. Menkhaus, примечание 2 выше, pp. 74—106.

89 V. Voegelé *et al.*, примечание 18 выше.

90 *Ibid.*, p. 10.

регионах Афганистана, например, эти обычные структуры управления являются единственным источником таких благ.

Поскольку подобная организация власти (или обычное правление) может играть положительную роль в расширении сферы деятельности, власти и эффективности государства, тем, кто осуществляет вмешательство, разумнее не отвергать их как «слишком сложные» для работы или как пережитки устаревшей системы правления, которыми следует пренебречь. К сожалению, так обстоили дела в Афганистане после 2001 г. Таким образом, элементы этих обычных «систем» иногда находились в оппозиции к проекту государственного строительства в период после 9/11, в то время как «Талибан» — который понимал их значение — использовал их лучше, что в конечном итоге дало ему стратегическое преимущество⁹¹.

Наведение мостов между формальными и неформальными институтами

Другими словами, вместо того чтобы просто идти к веберовской модели, нам нужно признать гибридность политического устройства, которая часто существует в слабых государствах и бывших колониях. Венман, выступая за подход к проблеме государственного строительства «снизу вверх», говорит, что «гибридный политический порядок», «опосредованные государства» и «островки власти» в слабых государствах должны быть использованы в качестве рычагов для достижения целей организациями, оказывающими помощь в развитии. Это обусловлено тем, что

«они являются формами власти, которые часто оказываются непризнанными, однако они показывают, что что-то может работать и в слабых государствах, и что они соответствуют конкретной политической или экономической логике или порядку, которые, увы, не всегда совпадают с западным пониманием того, как государство или общество должны функционировать. Для осуществления политики в области развития может быть очень полезным использование этих существующих систем управления и признание их для достижения целей своей политики. Вместо того чтобы строить параллельные государственные структуры, которые будут маргинализировать функционирующие структуры, уже предоставляющие защиту, социальное обеспечение и правосудие местному населению, доноры должны изучить возможности их интеграции в долгосрочный переходный процесс. Отправным пунктом для государственного строительства должно поэтому послужить то, что уже *существует*, а не то, что *должно существовать*, или то, чего *нет*; вот почему важно оценить сильные стороны, а не слабые»⁹².

91 К. Guest, RAM Seeger and L. Morgan Edwards, примечание 86 выше.

92 А. Wennmann, примечание 14 выше, р. 27 (*курсив автора*).

Нужно также рассмотреть вопрос о легитимности традиционных властей и харизматических лидеров в качестве ресурса, который составляет основу управления и правопорядка на местном уровне и «в качестве потенциального ресурса, который может использовать государственная система, развивая взаимодействие и сотрудничество с местными общинами и их лидерами»⁹³. Тем, кто осуществляет вмешательство, нужно использовать «объединяющие институты», чтобы суметь воспользоваться этим потенциальным ресурсом для целей формирования государства. В Афганистане Отдел межплеменных связей попытался предложить пути объединения неофициальных и официальных систем правления и правосудия, чтобы концепции (и преимущества) государственности могли быть выгодно использованы в качестве средства достижения целей местными акторами (и наоборот)⁹⁴. Такая работа только недавно стала цениться донорами (и теми, кто осуществляет вмешательство).

ОЭСР⁹⁵ предлагает полезные рекомендации для внешних акторов относительно того, как усовершенствовать методы своей деятельности и, в частности, относительно необходимости очень тщательного анализа акторов и существующих проблем до осуществления вмешательства. Клементс, который также является одним из основных сотрудников рабочей группы ОЭСР, добавляет, что необходимо понять, что

«[о]сновной проблемой является не слабость государственных учреждений, как таковых, но отсутствие конструктивных связей между учреждениями государства и обществом... Если внимание сосредоточено только на государствах, это часто ведет к внешней легитимизации внутренней легитимности»⁹⁶.

Те, кто осуществляет вмешательство, должны также понимать, как традиционные формы управления и харизматические движения отстаивают свои права (например, во время социальных и экономических перемен) и как традиционные институты взаимодействуют с государственными (и другими общественными организациями) для того, чтобы вызвать к жизни позитивные изменения или помешать им; к таким изменениям относятся, например, льготы и более благоприятное положение для маргинализированных групп общества.

Многосторонние организации по развитию также должны изменить свою позицию касательно отношений «лицом к лицу» и ценить их так же,

93 См.: К. Р. Clements, примечание 65 выше, p. 5.

94 Masood Karokhail and Susanne Schmeidl, 'Integration of traditional structures into the state-building process: lessons from the Tribal Liaison Office in Loya Paktia', in Heinrich Böll Foundation (ed.), *Issue 1: Afghanistan*, Publication Series on Promoting Democracy in Fragile States under Conditions of State Fragility, Berlin, 2006, pp. 59–78, доступно по адресу: <http://www.tlo-afghanistan.org/sites/default/files/About-TLO/Boell-Afghanistan-en-Integration-of-Traditional-Structures-into-the-State-building-Process.pdf> (последнее посещение 10 января 2011 г.).

95 OECD, примечание 75 выше.

96 К. Р. Clements, примечание 65 выше, p. 5.

как они ранее ценили бюрократические формы организации. Кроме того, они должны изменить свое отношение к «временным рамкам», потому что «[п]риобретение знаний о местной повседневной жизни и ее понимание требуют долговременного присутствия. Доверие, построенное на личных отношениях, может быть более важным, нежели процедуры бюрократической отчетности»⁹⁷. Необходимо принимать во внимание

«традиционные формы подотчетности, которые идут дальше обычного понимания доноров об отчетности. Можно опираться на понятие нравственного долга и межличностных обязательств в контексте родства и других традиционных отношений; они не просто источники клиентов и коррупции (что обычно замечают доноры), но могут быть и источниками общественного благополучия и безопасности»⁹⁸.

Предложения о проведении дальнейших исследований

ОЭСР признала эти вопросы и пытается заставить доноров сделать то же самое. Ее Международная сеть по вопросам конфликтов и слабых государств (INCAF) призвана улучшить понимание процессов государственного строительства. Недавний доклад этой группы объясняет, почему усилия по содействию становлению «рационально-правовых» институтов как средства расширения возможностей государства и укрепления его легитимности в условиях нестабильности в основном потерпели неудачу. В докладе предлагается целый ряд рекомендаций, в том числе о важности понимания «условий в стране», а не «продвижения конкретного плана донора» в качестве отправной точки для тех, кто осуществляет вмешательство⁹⁹.

Однако в докладе ОЭСР иногда не проводится различия между легитимными источниками местного управления и управления, «навязанного» полевыми командирами, которые предъявляют чрезмерные претензии, пользуясь покровительством извне в последние три десятилетия и — после 2001 г. — тем, что международное сообщество не исключило известных правонарушителей из политической жизни. В этом смысле международное сообщество было соучастником процесса, который привел к кризису безнаказанности в Афганистане и который будет трудно повернуть вспять, учитывая все более «глобализованные» отношения (например, незаконную деятельность мафии) и источники дохода, которыми пользуются полевые командиры¹⁰⁰.

Дальнейшие исследования могли бы быть полезными для того, чтобы прояснить, например, каким образом работают традиционные

97 К. Р. Clements, примечание 65 выше, р. 6.

98 *Ibid.*, р. 7.

99 OECD, примечание 75 выше.

100 Alex de Waal, 'Dollarised', in *London Review of Books*, Vol. 32, No. 12, 24 June 2010.

модели честности, открытости и отчетности; как функционирует гибридное политическое устройство на различных уровнях (например, провинции, района), как легитимность возникает на этом уровне; и где проходят границы традиционной и харизматической легитимности, если речь идет о молодежи, урбанизации, теневой экономике и организованной преступности. Было бы также полезно узнать, отвечает ли традиционная легитимность устремлениям молодых людей; как общины достигают консенсуса по вопросу о том, кто является легитимным или харизматическим лидером; и как они добиваются того, чтобы такие лидеры играли положительную роль в деле развития, управления, решения проблем в общине, урегулировании споров и т. д. Более того, существует вопрос о том, какое влияние имеет выборный процесс на легитимность лидеров и как подобные процессы связаны с легитимностью таких харизматических и традиционных лидеров¹⁰¹.

Общий вывод доклада ОЭСР таков: те, кто осуществляет вмешательство, должны сосредоточить внимание на «легитимности», а не на расширении возможностей и формировании институтов — как это делалось в Афганистане после 2001 г. Отдельные выводы отражают способы ограничения «показателей ухудшающегося управления», выявленные ранее:

«Легитимность имеет значение, потому что она трансформирует силу во власть, давая возможность управлять, не прибегая к принудительным мерам. В нестабильных ситуациях отсутствие легитимности подрывает конструктивное взаимодействие между государством и обществом, что ослабляет силы государства и, таким образом, способствует нестабильности. Многие источники легитимности часто конкурируют и вступают в конфликт. Конфликты между внешними источниками легитимности и внутренними источниками ведут к нестабильности. Значительная разница в восприятии легитимности в различных регионах и различных общинах приводит к тому, что правительства (и доноры) сталкиваются с разными суждениями относительно того, когда вести переговоры с конкурирующими негосударственными акторами и примирять их, а когда не принимать их во внимание или пресекать их деятельность. Конфликты между существовавшей ранее обычной практикой и «введенными» законами и институтами также могут подорвать легитимность государственных институтов. Вызовы со стороны лидеров, обладающих властью в результате харизматической легитимности, представляют собой угрозу для тех, чья власть проистекает как из рационально-правового, так и «традиционного» источника легитимности.

Все это способствует нестабильности, поскольку мешает конструктивным отношениям между государством и обществом и остав-

101 К. Р. Clements, примечание 65 выше.

ляет государство неспособным установить правила игры и обеспечить общую социальную и культурную основу, в рамках которой люди думают и действуют»¹⁰².

В конечном итоге ОЭСР рекомендует, чтобы «доноры, работающие в нестабильных ситуациях, прилагали гораздо больше усилий к тому, чтобы добиться полного эмпирического понимания местных источников легитимности — как государственных, так и негосударственных акторов и институтов, — и следили за тем, какое воздействие имеет их собственное участие»¹⁰³.

Заключение

После 2001 г. пример Афганистана заставил тех, кто осуществляет вмешательство, понять, что у веберовской модели государства существуют ограничения, если речь идет о стабилизации слабого общества с племенной структурой, в котором никогда не было сильного центра. Однако даже при этом западное вмешательство не сумело найти решение существенных вопросов, которые в конечном итоге повлияли на легитимность (как ее видят афганцы) их государства. К таким вопросам относится и политическое урегулирование в Бонне, которое многие афганцы воспринимают как несправедливое, и провал стратегии «мир или правосудие» (и связанное с этим включение в правительство «элитных» полевых командиров, которых многие афганцы считают правонарушителями), и неспособность обеспечить предоставление услуг и правосудие на местном уровне, и военная стратегия, которая, как представляется, осуществлялась абсолютно отдельно от политической ситуации.

Кроме того, те, кто осуществляет вмешательство, зачастую сопротивляются разработке более долговременных планов и не предпринимают более серьезные усилия для понимания афганского контекста и работы в нем. Вот один пример: продолжается (и иногда намеренно) соединение таких терминов, как «полевой командир» и «племенной» или «племенная легитимность», продолжается общее пренебрежение идеей работы в племенном контексте как «слишком сложной». Возможно, это обусловлено политическими причинами — например, желанием найти «быстрые» решения, чтобы продемонстрировать «успехи» своему электорату в государстве, осуществляющем вмешательство. И все же, как показывает работа нескольких авторов и ОЭСР, требуется, чтобы те, кто осуществляет вмешательство (военные, организации, работающие в области развития, или доноры), изменили конфигурацию своих целей в области государствен-

102 OECD, примечание 75 выше, р. 59.

103 *Ibid.*

ного строительства и своих подходов к этой проблеме в таких условиях нестабильности, которые существуют в Афганистане. Необходимы более длительные сроки и лучшее понимание сложных местных условий. Только тогда, вероятно, появится возможность сказать, представляет ли собой в действительности Афганистан «случай, свидетельствующий о наличии ограничений». Поскольку, говорят Честерман и др.,

«невозможно заставить государство функционировать, действуя извне. Международная помощь может быть необходимой, но ее никогда не достаточно для создания институтов, которые будут легитимными и устойчивыми... международную деятельность следует прежде всего и в основном рассматривать как содействующую местным процессам, предоставляя ресурсы и создавая пространство для того, чтобы действующие лица на местах начали разговор, который определит и сможет консолидировать их государственное устройство, воплотив их представления о хорошей жизни в легко управляемые, надежные и умело приспособляющиеся к условиям институты»¹⁰⁴.

104 Simon Chesterman, Michael Ignatieff, and Ramesh Thakur (eds), *Making States Work: State Failure and the Crisis of Governance*, United Nations University Press, Tokyo, p. 384.

Будущее Афганистана — в руках афганцев

Тайба Рахим

Тайба Рахим, гражданка Афганистана, по образованию — учитель. Она является президентом Ассоциации Най Кала. В марте 2010 г. ей была присуждена премия города Женевы за работу в Афганистане.

Краткое содержание

Плохие новости из Афганистана поступают каждый день. Война опустошала страну непрерывно в течение трех десятилетий. Афганским женщинам и мужчинам приходится в ужасных условиях сражаться за выживание. Большинство из них не видели ничего, кроме войны. Серьезная ответственность лежит и на плечах самих афганцев, которые навлекли тяжелейшие страдания на своих соотечественников. Однако в этой статье утверждается, что будущее Афганистана — в руках самих афганцев. Решение его сегодняшних проблем не может прийти и не придет извне. Афганцам пора самим взглянуть в лицо своим проблемам, заняться урегулированием собственных разногласий и выработать решения, подходящие к их условиям.

: : : : : :

Ни одного дня не проходит без плохих новостей из моей страны — Афганистана. Радио, телевидение и интернет снова и снова повторяют репортажи о насилии, разрушениях, разладе, коррупции и отчаянии.

Я родилась в провинции Гильменд в 1968 г. и мирную жизнь в Афганистане застала только в течение первых нескольких лет своей жизни. А за последние три десятилетия война шла, не давая нам передышки. Афганцы в жестокой борьбе обеспечивают свое существование, пытаясь достать хотя бы самое необходимое для своих детей и родствен-

ников, получить медицинское обслуживание или работу и избежать опасности.

Каждый день погибают или получают ранения мирные жители — при взрывах машин, начиненных взрывчаткой, при нападениях смертников, во время воздушных налетов и боевых действий на суше. Афганистан усыпан минами, которые и годы спустя после их установки вызывают ужасные увечья и делают обширные земли сельскохозяйственного назначения абсолютно непригодными для использования. Простые афганцы, которых притесняют различные вооруженные группировки, действующие в стране, подвергаются невиданным унижениям и живут в постоянном страхе.

Нищета и длительный вооруженный конфликт стали причиной мрачной социально-экономической ситуации. Ожидаемая, например, продолжительность жизни женщин в Афганистане, равняется 43 годам по сравнению с 82 годами в Швейцарии (средняя продолжительность жизни в 43 года женщин в Швейцарии зафиксирована в 1880 г.). Цифры не лучше и для мужчин¹. По существующим оценкам показатель материнской смертности — 1700 на 100 тыс. живорожденных детей в Афганистане по сравнению с 5 на 100 тыс. в Швейцарии. Уровень смертности детей первого года жизни оценивается показателем между 160 и 180 на 1000 рождений (в Швейцарии эта цифра равняется 5 на 1000 рождений). Показатель смертности среди детей до пяти лет равен 257 на 1000 живорожденных детей. Другими словами, 25 % афганских детей не доживают до пяти лет². Показатели в области образования не менее огорчительны. Уровень грамотности — один из самых низких в мире. По имеющимся оценкам от 72 до 75 % афганцев не умеют читать и писать³.

Все это имело катастрофические последствия для миллионов афганцев, большинство из которых не знают жизни без войны. Тем не менее следует также сказать, что афганцы сами в значительной степени несут ответственность за подобное положение дел, поскольку именно они причиняли такие ужасные страдания своим соотечественникам.

За последние несколько лет я начала понимать, что кроме того, что Афганистану пришлось пережить многочисленные мучения, он страдает и от неспособности говорить от своего имени, и написать или сформировать свою собственную историю. Каждый день мнения и убеждения иностранных наблюдателей наводняют мою страну и транслируются средствами массовой информации по всему миру. И каждый день международные СМИ, группы ученых и представители международного сообщества говорят о нас и пишут о нас, о том, кто мы есть, о причинах нашего

1 См.: World Health Organization, 'Country profile: Afghanistan', доступно по адресу: <http://www.who.int/countries/afg/en/> (последнее посещение 21 декабря 2010 г.).

2 См.: United Nations Children Fund (UNICEF), 'Afghanistan', доступно по адресу: http://www.unicef.org/infobycountry/afghanistan_statistics.html (последнее посещение 21 декабря 2010 г.).

3 *Ibid.*

сегодняшнего положения и о том, что мы должны делать для того, чтобы вытащить себя из этого плачевного положения.

Годы войны подорвали способность Афганистана определить свою собственную идентичность и сформировать, таким образом, свое будущее. На следующих страницах я докажу, что будущее Афганистана находится в руках афганцев. Решение наших сегодняшних проблем не может прийти извне. Солидарность и поддержка из-за границы всегда останутся важным фактором, но афганским мужчинам и женщинам пора взглянуть в глаза своим проблемам, постараться урегулировать свои разногласия и выработать решения, соответствующие нашим условиям. Я представлю несколько выбранных мною ключевых проблем, которые предстоит решить, и вопросов, которые требуют рассмотрения.

В поисках души Афганистана

Идея *управления* пользуется большим вниманием при анализе конфликта и в исследованиях, посвященных развитию. Идет ли речь о Либерии, Сомали или Афганистане, непременно звучат многочисленные заявления о важности хорошо организованного и четко структурированного распределения власти, законности и наличия открытых и подотчетных учреждений.

Дискуссии относительно методов управления (кроме того, что они подчас ведутся с позиции технократов) создают впечатление, что «хорошее управление» является универсальным средством, таким, которое разрешит все самые насущные проблемы. В действительности вопрос гораздо сложнее: пристальное внимание к вопросам управления в Афганистане сродни путешествию в поисках души страны.

В Афганистане властные полномочия традиционно осуществлялись на местном уровне: старейшинами кланов или вождями племен. Эта децентрализация власти обусловила трудность с объединением страны. Только в середине XVIII века королевство Афганистан было объединено его правителем Ахмад-шахом Дуррани; в 1776 г. его сын Тимур перевел столицу из Кандагара в Кабул. С тех пор Афганистан живет в «неравном браке» между децентрализованной душой и централизованным управлением из столицы. В течение более 250 лет королям, премьер-министрам и президентам — и иностранным оккупантам — не удавалось осуществлять власть таким образом, чтобы страна стала единым целым и имела общую цель.

Трудно избежать впечатления, что кто бы ни правил в Кабуле, он продолжает применять принципы местной политики. Для афганцев власть в Кабуле была просто еще одним способом обеспечить свои интересы и интересы своей семьи и своего клана. Есть старая афганская поговорка, в которой это точно выражено: «Каждый афганец мечтает в один прекрасный день захватить Кабул. Но как только ему это удастся, он теряет всю остальную страну». С иностранцами случалось то же самое. Хотя цели у

советского вторжения и у операции, возглавляемой США, были разные, и то, и другое потерпело неудачу, потому что задача ставилась одна и та же: удержать столицу и еще несколько городских центров и предоставить поддержку им.

Я на себе испытала эти отношения любви-ненависти между столицей и остальным Афганистаном, когда моя семья переехала из провинции Гильменд в Кабул. Я была тогда подростком, и мой отец был полон решимости отправить своих сыновей и дочерей в университет. И Кабул многое тогда сулил таким людям, как мы, но нельзя было не почувствовать пропасть между городом и его жителями и остальной частью страны.

Кабул был тем местом, которое привлекало инвестиции, где была выстроена инфраструктура и существовали возможности. Людей из провинций считали отсталыми и необразованными, к ним относились почти как к иностранцам. Хотя такое положение встречается и в других странах, в Афганистане эта разъединенность подкреплялась отсутствием явно выраженной воли к объединению всего населения во всем его многообразии в рамках истинно национального проекта. Более пристальный взгляд на историю страны позволяет заметить, что некоторые из ее правителей «открывали» для себя понятие единства только тогда, когда их власти бросался вызов или когда существовала опасность быть свергнутым. Афганцам не удалось на протяжении всей своей истории создать образ единой страны и не удалось заставить столицу посмотреть за пределы города и послужить интересам всего народа.

Создать общую идентичность

Каждый народ и каждое общество, да и каждый человек обладает идентичностью, в основе которой лежит все пережитое или же мифы, общие ценности и устремления. Давайте посмотрим, что это может быть для Афганистана. Если бы спросили мужчин или женщин в моей стране, что делает нас афганцами, я думаю, большинство сначала бы сказали, что это мусульманская вера. Есть, конечно, афганцы, исповедующие и другие религии, но в течение веков суть афганской идентичности формировалась и питалась исламом. Несмотря на последние события, практика ислама в Афганистане характеризовалась умеренностью, сдержанностью и доброжелательностью.

Я выросла в семье, которая была верна принципам ислама. Мой отец, глубоко религиозный человек, считал, что он обязан дать своим детям образование в рамках национальной системы, хотя они жили, следуя учению Корана. Годы войны, значение традиционных племенных кодексов и иностранное влияние привели к более радикальному, а временами и жесткому толкованию ислама. Тем не менее нет никакого сомнения в том, что ислам останется прочным элементом построения идентичности Афганистана.

Если посмотреть за пределы религии и веры, ситуация становится более сложной. Многие афганцы, скорее всего, скажут, что идентичность была сформирована теми многочисленными событиями, когда народ сплачивался для того, чтобы отразить наступление иноземных армий. Сторонние наблюдатели называли Афганистан «кладбищем империй»⁴, и эта стальная решимость сохранить свою независимость является, в общем, источником гордости для большинства афганцев. В конце концов не так много стран в мире, которые могут сказать, что они никогда не были чьей-либо колонией. И все же более пристальный взгляд позволяет увидеть, что поражение британской и советской армий совсем недостаточно для создания общей национальной идентичности. Кто захочет жить на кладбище?

Афганцам, действительно, пришлось пережить множество попыток со стороны иностранцев вторгнуться и править ими. Правда и то, что мы успешно сопротивлялись многим из этих попыток и что мы можем гордиться желанием самим управлять собой. Однако нам никогда не удавалось решить, как же мы хотим использовать нашу с трудом завоеванную независимость. Как только нас оставляют в покое, нас начинают разрывать противоречия и разногласия; у афганцев нет общей цели. Если вы сядете поговорить со средней афганской семьей или попить чаю с группой деревенских старейшин, они ответят на ваш вопрос об идентичности Афганистана, вспомнив сражения, которые вел Афганистан, а не что-либо, связанное с развитием страны. Никто не вспомнит о чем-либо похожем на национальную кампанию по уничтожению безграмотности или серьезный ирригационный проект.

Чтобы добиться некоторой стабильности в своей стране, афганцы должны прежде всего создать позитивный образ самих себя и национальную программу действий, в которой будут учтены чаяния каждого афганца. Это потребует решения некоторых срочных вопросов.

Наведение мостов между городом и сельской местностью

Я уже говорила о пропасти между столицей и остальной страной, но еще более глубокая эмоциональная пропасть и разобщенность, порожденная чувством социальной вины, разделяют городские центры и сельскую местность. Поколения национальных лидеров сменяли друг друга, но никто не проводил политики, которая бы интегрировала сельское население в национальный проект.

Мне часто приходилось слышать за границей об иррациональности насилия и разорения, которым подвергали афганские группировки

4 См.: Seth G. Jones, *In the Graveyard of Empires: America's War in Afghanistan*, W. W. Norton & Company, New York and London, 2009.

свои города во время этой нескончаемой войны. Когда моджахеды захватили Кабул в 1992 г., а затем начали воевать друг с другом за контроль над городом, большая часть разрушений была обусловлена частично тем, что бойцы из сельской местности сводили счеты со столицей. Нет никакого оправдания зверствам, которые стали причиной столь многочисленных жертв среди гражданского населения. Однако надо проанализировать корни этого насилия — частично оно было вызвано чувством унижения, которое накапливалось в течение десятилетий и веков.

Люди спрашивали меня, почему боевики просто не поселялись в домах и дворцах, а разрушали их. Важно обратить внимание на такой факт: афганцы из сельских поселений никогда не чувствовали себя желанными гостями в столице своей собственной страны. Их вклад в национальную экономику и в создание богатства страны не признавался, и поэтому они обратили свою обиду против городов и их жителей. Само собой разумеется, что я не одобряю их жестокость. На самом деле моя семья и я сама вместе с тысячами других жителей Кабула того времени были свидетелями и жертвами этого разорения и последствий, которое оно имело для жизни людей и репутации Афганистана за границей.

После 2001 г. обстоятельства начали несколько изменяться, и афганский парламент в результате выборов, состоявшихся 18 декабря 2005 г., стал немного больше похож на орган, представляющий региональное разнообразие страны. Тем не менее, если говорить об управлении, мы еще очень далеки от того, чтобы найти правильный подход. Действительно, очень много внимания снова уделяется учреждениям в Кабуле. Другими словами, в Кабуле снова сосредоточены законодатели и органы, принимающие решения, они увековечивают долготлетние тенденции страны к централизации. Никто не отрицает, что хорошие люди нужны в столице, но цель должна быть выше, нежели просто привлечение инвестиций для столицы и обеспечение для нее успешного развития.

Вместо этого надлежит сформировать новое афганское политическое сознание и стремиться перераспределить законодательную власть и наделить провинции правом принятия решений. В Афганистане нужно найти общенациональный консенсус относительно того, что же является ответственностью центральных органов, а что должно оставаться под контролем и властью различных регионов. Инвестиции и усилия в области развития — смелые планы сельского развития, микроэкономические инициативы и планы в области образования, например, — будут тогда лучше распределены по всей стране. Города Кабул, Герат, Мазар, Кандагар и Джелалабад не могут быть единственными местами, куда люди стремятся в поисках благоприятных возможностей. Создание экономических и социальных перспектив для людей в тех местах, где они сейчас живут, сделает возможным более безопасный Афганистан.

Как ни печально, это можно проиллюстрировать на примере афганских беженцев, которые вернулись домой или были насильственно высланы из стран, где они проживали в течение многих лет, в основном

из Пакистана и Ирана: большинство из них обитает сейчас в перенаселенном Кабуле. Это только частично объясняется тем, что их родные места стали крайне опасными для жизни; кроме того, в силу экономических причин (обычно связанных с сельским хозяйством) им просто некуда возвращаться. Аналогичным образом некоторые из самых ранних ошибок, сделанных в ходе вмешательства под командованием США, состоят в отказе заняться государственным строительством и обеспечить контроль над страной за пределами Кабула и, что наиболее важно, в неспособности обеспечить сельским районам возможность воспользоваться преимуществами международного присутствия.

Стабильности в Афганистане нельзя добиться в центре или из центра. Настоящий политический процесс должен развиваться правительством в Кабуле, но он станет эффективным и устойчивым только в том случае, если сельский Афганистан будет чувствовать себя и являться частью общего целого.

Афганистан как сумма всех его этнических групп

В Конституции Афганистана определяется, что:

«Народ Афганистана состоит из следующих этнических групп: пуштуны, таджики, хазарейцы, узбеки, туркмены, белуджи, пашаи, нуристанцы, аймаки, арабы, киргизы, кызылбаши, гуджур, брахуи и другие.

Наименование «афганец» относится к каждому гражданину Афганистана»⁵.

Это, конечно, можно только приветствовать, но мало кто из афганцев сказал бы, что это «нация афганцев», когда-либо существовала или существует сегодня в каком-либо имеющем значение смысле. В течение очень долгого времени многие люди ставили знак равенства между афганцем и пуштуном. Пуштуны были основателями Афганистана, и из их среды вышли семьи или кланы, которые правили страной более двух столетий, пока не началась война в 1980 г.

Война несет с собой опустошение и огромные страдания, но она может иногда и трансформировать общество самым неожиданным образом, особенно в результате развития и зрелости ранее маргинализованных и подавляемых групп населения и общин. Однако сегодняшние условия не отражают положений, нашедших выражение в Конституции. Если бы война закончилась завтра, то одним из самых серьезных вызовов Афганистану стала бы необходимость научиться думать и действовать, преодолевая этнические границы. Мало какие политические партии выступают с такой платформой, которая бы включала все этнические

5 The Constitution of Afghanistan, Chapter 1, Art. 4, доступно по адресу: http://www.afghan-web.com/politics/current_constitution.html (последнее посещение 21 декабря 2010 г.).

сообщества; история и конфликты Афганистана способствовали созданию мощного бренда этнической политики.

Напряженность между различными общинами распространена повсеместно, что явилось результатом долгих страданий и укоренившегося недоверия ко всем. Люди не знают, как жить вместе, и это является серьезной помехой на пути построения объединенной страны. Уровень доверия между различными общинами достиг почти самого низкого уровня. Действительно, если Афганистан хочет иметь стабильное будущее, мало что будет более важным, нежели истинная открытость и готовность установить отношения сотрудничества между этническими сообществами страны в поисках решений наиболее неотложных проблем.

Разрешив различиям, которые разделяют афганцев, диктовать линию поведения и не определив, что является общим для различных групп населения, Афганистан почти не знает, что такое быть единой нацией. Не говоря уже об идеях, нашедших выражение в Конституции, основной вопрос для афганцев заключается в том, сможем ли мы в будущем сформировать общее понимание истории, культуры и цели — ведь это является неотъемлемой составляющей понятия «народ».

Достоинство для женщин и для мужчин

Проблемой, которая часто привлекает к себе серьезное внимание международной общественности, является положение женщин в Афганистане. Я писала и часто говорила об этом, и сама проблема очень мне близка⁶.

В афганском обществе правит традиция, и оно крайне консервативно. У мужчин была огромная власть в обществе и в политике с самого начала. Женщины же, напротив, маргинализированы и угнетены. Им приходится выносить на своих плечах ужасные трудности, особенно в сельской местности, и война только ухудшила ситуацию. Женщины подвергались чудовищным актам насилия и унижения, им приходится испытывать еще большие унижения, нищету и социальное отвержение.

Несмотря на гнев и неприятие, которые все это вызывает у меня, как и у многих других людей в Афганистане и за границей, я глубоко убеждена в том, что следует воздерживаться от настойчивого описания афганских женщин как жертв. Первым шагом в сохранении их достоинства — нашего достоинства — будет признание той силы, которой обладают афганские женщины. Мы хотим быть и фактически являемся действующей силой нашего собственного развития. Мы не простые статисты, иллюстрирующие статьи о нашем положении, написанные из добрых побуждений. Мы не хотим, чтобы люди думали о нас как об объектах

6 Taiba Rahim, 'An identity of strength: personal thoughts on women in Afghanistan', in *International Review of the Red Cross*, No. 847, September 2002, pp. 627—641.

добродетельной жалости, мы не хотим выглядеть так на обложках международных журналов и оправдывать приверженность неэффективным военным стратегиям.

Мы хотим, чтобы о нас меньше говорили и больше нас слушали. Но для этого афганские женщины должны брать на себя ответственность, излагать свои мысли и действовать, обратившись в будущее. Ничего нам не дадут просто так. Нам предстоит долгая и трудная борьба, которую мы должны вести сами. Нельзя забывать, что несмотря на периоды повышенного международного интереса и поддержки в течение последних тридцати лет, были и длительные периоды затишья и бездействия, если не сказать больше.

Понимание этого должно заставить афганских женщин взять на себя инициативу по формированию и распределению ролей и обязанностей мужчин и женщин таким образом, чтобы это было более сбалансировано и справедливо. Многие женщины уже активно делают это, иногда подвергаясь серьезной опасности. Некоторые женщины сегодня являются политиками, работают учителями или медсестрами в больницах. Несмотря на существующую опасность, они полны решимости взять на себя такие обязанности и внести свой вклад в перемены.

Причинив огромные страдания, война привела и к изменениям в афганском обществе. Афганистан является страной с очень большим числом вдов. Хотя традиционные ценности гарантируют, что некоторые из них все еще могут быть приняты в более широком кругу своих семей, многим все-таки приходится самим заботиться о себе, находя пропитание для своих детей и начиная выполнять новые и более активные роли и обязанности. Число афганских женщин в парламенте, хотя, конечно, в результате международного давления, также является доказательством изменяющейся обстановки.

Улучшение перспектив для афганских женщин должно быть частью более масштабных усилий, направленных на улучшение положения афганских мужчин. Никто не должен отрицать или преуменьшать выпавшие на долю женщин и до войны, и после нее ужасное угнетение и жестокость как от отдельных мужчин, так и от сторон в конфликте. Однако любой честный взгляд на то, что пришлось пережить мужчинам за последние три десятилетия, приведет нас к тем же самым мрачным выводам: очень многих из них убивали, пытали, жестоко с ними обращались и унижали.

Сегодня в городах и деревнях по всей стране честные афганские мужчины ищут работу, средства к существованию и пытаются сохранить свое достоинство. В большинстве случаев их поиски напрасны. Было бы неправильным недооценивать этот факт и его отрицательное воздействие на перспективы более радужного будущего для Афганистана. Я уже говорила, что мы должны преодолеть границы разобщенности между городом и селом и между этническими группами. Я также твердо уверена в том, что политика улучшения положения женщин в моей стране должна включать планы и по улучшению положения мужчин.

Необходимость образования

Война к настоящему моменту продолжается уже так долго, что все меньше и меньше афганцев помнят об Афганистане мирного времени. Для многих афганцев мир кажется очень отдаленной перспективой, они думают, что достичь его практически невозможно. Во время некоторых моих выступлений о ситуации в Афганистане или о положении женщин аудитория реагирует с недоверием, когда я говорю тех или иных мерах по обеспечению лучшего будущего для афганского народа — таких как местные инициативы по улучшению образовательных стандартов, что я считаю необходимым и возможным.

Мне трудно винить иностранцев, думающих, что для моей страны нет никакой надежды. Новости, которые они слышат, всегда плохие. Образ афганцев у них ассоциируется с войной, жестокостью, экстремизмом и угнетением женщин. Для многих афганцев ситуация — нападения смертников, воздушные налеты, похищения, вымогательство, нищета — действительно очень мрачная. Есть, однако, один основополагающий факт, который неизбежно определяет то, как мои соотечественники и я видим будущее нашей страны: мы живем в Афганистане; это наша земля. Поэтому, невзирая на то, насколько безнадежной ситуация может выглядеть или быть, мы должны искать решения и сохранять надежду. Это не наивность, это просто реальный взгляд на вещи.

Каждый афганец должен понять, что у него есть в этом отношении некая обязанность. Пессимизм и отчаяние не приведут никуда. Что касается меня, я черпаю силу из примера моего отца: он уехал из деревни в центре Афганистана, потому что хотел, чтобы его дети получили образование. В 2007 г. я создала Ассоциацию⁷ с намерением вернуться в тот регион и построить там школу, отдавая дань уважения мужеству моего отца. С тех пор я завершила три проекта по строительству школ и сейчас начинаю осуществлять проект в области здравоохранения.

По-моему, образование крайне важно для того, чтобы люди могли вытащить себя из нищеты, чтобы покончить с социальной отверженностью, отсталостью и написать свою историю. Результаты моих проектов превосходили мои ожидания. Прежде всего, я очень горжусь тем, что эти проекты осуществлялись афганцами и для афганцев. То, что они были задуманы и осуществлены дочерью региона, не осталось незамеченным. Я рассматриваю это как вклад в дело изменений в культуре. Кроме того, когда в 2010 г. я приезжала в общины, я поняла, что теперь, когда существуют приемлемые условия для учебы, многие семьи стали посылать детей в школу. Другими словами, родители увидели альтернативу работе своих детей на полях. Это относилось и к их сыновьям, и к их дочерям.

7 The Nai Qala Association, доступно по адресу: <http://www.nai-qala.org> (последнее посещение 31 января 2011 г.).

Я хочу подчеркнуть это, потому что один из вопросов, который мне наиболее часто задают, таков: нацелены ли мои проекты на школы для девочек? Чтобы условия в моей стране изменились к лучшему, жизненно важно, чтобы девочки могли получить образование; но не менее важно, чтобы образование получали и мальчики. Большая часть насилия, направленного против женщин в Афганистане, обусловлена традицией и необразованностью. Важно понять, что если больше девочек пойдут в школу, а мальчики не пойдут, многие проблемы Афганистана останутся. Поэтому школы, которые я строю, это улучшение условий для девочек и мальчиков.

Подход, который выбрала я, заключается в том, чтобы проводить работу с центральными и провинциальными органами власти. Мои проекты были официально одобрены министерствами образования и здравоохранения. Они не скрывали того факта, что отдаленные общины, с которыми я собиралась работать, не являлись для них приоритетными. Поэтому они не выделили никаких фондов для этих районов. Тем не менее они предоставили мне необходимые разрешения и поддержку. Я хотела убедиться в том, что мои проекты соответствовали задачам и программам, выдвинутым на национальном уровне. Я также убедилась в том, что местные власти в деревнях вносили свой вклад в осуществление проектов: они выделяли землю и брали на себя обязательство покрывать эксплуатационные расходы в будущем. Я буду настаивать на том, чтобы они выполнили свои обязательства. Я хотела показать им, что не надо всегда ждать, когда другие решат за вас ваши проблемы.

И наконец, мне хотелось сделать хотя бы что-нибудь, чтобы изменить образ Афганистана за границей. Я хотела показать, что афганцы могут выступать с инициативой и могут добиваться поставленных целей. Большинство средств, которые мне удалось собрать, поступили из Швейцарии и нескольких других стран. К сегодняшнему дню более 700 человек и учреждений помогли осуществлению моих проектов. Мне представляется это замечательным, если принять во внимание те многие причины, которые можно было выдвинуть для того, чтобы не вкладывать деньги в Афганистан. Мне кажется, они сделали это потому, что начали слышать другие истории об Афганистане, о том, что это такая же страна, как и другие, где мужчины, женщины и дети хотят жить в безопасности, пользоваться уважением и сохранять свое достоинство.

Повлиял ли вооруженный конфликт в Афганистане на нормы ведения военных действий?

Робин Гайс и Михель Зигрист*

Робин Гайс является профессором факультета права в Университете Потсдама (Германия). Михель Зигрист — ассистент в редакции Международного журнала Красного Креста, он имеет степень магистра права Женевской академии международного гуманитарного права и прав человека.

Краткое содержание

Вооруженный конфликт в Афганистане поставил после 2001 г. множество вопросов, касающихся норм гуманитарного права, регулирующих ведение военных действий. В Афганистане, как часто бывает в ситуациях так называемых асимметричных конфликтов, географические и временные границы поля сражений, а также различие между гражданскими лицами и боевиками становятся все более размытыми. Поэтому опасности, грозящие как гражданским лицам, так и солдатам в Афганистане, весьма серьезны. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы определить, повлиял ли, и если да, то в какой степени, вооруженный конфликт в Афганистане на применение и толкование принципов проведения различия, соразмерности и принятия мер предосторожности, которые составляют суть правовых норм, касающихся ведения военных действий.

⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮

* Часть материала, содержащегося в данной статье, была ранее опубликована в работе: Robin Geiß, 'The conduct of hostilities in asymmetric conflicts: reciprocity, distinction, proportionality, precautions', in *Humanitäres Völkerrecht — Informationsschriften (Journal of International Law of Peace and Armed Conflicts)*, Vol. 23, No. 3, 2010, pp. 122—132. Содержание настоящей статьи отражает взгляды авторов и не обязательно взгляды организаций, в которых они работают или работали.

Почти в течение десяти лет вооруженный конфликт в Афганистане ставил много трудных вопросов перед военными, юристами-международниками и гуманитарными организациями. Даже сегодня не проходит и дня без сообщений о потерях среди гражданского населения или персонала Международных сил содействия безопасности (ISAF) и операции «Несокрушимая свобода» (НС), а также сил оппозиции¹. Хотя это естественно, что во время вооруженного конфликта солдаты и боевики получают ранения и оказываются убиты, этого не должно случаться с гражданскими лицами. Одним из факторов, которые в большой степени повлияли на военные действия в Афганистане, является огромная разница в технологической мощи и военной силе между сторонами в конфликте. Военная мощь Соединенных Штатов и их союзников заставила вооруженную оппозицию перейти к партизанской войне, в которой применяется стратегия выносливости и изнурения². Осуществляя такую стратегию, вооруженная оппозиция старается избежать классического поля сражения, перемещая военные действия из одной местности в другую. Часто это происходит вблизи мест проживания гражданских лиц, что размывает линии различия между теми, кто сражается, и лицами, не принимающими активного участия в военных действиях. В то же самое время важнейшей частью современной стратегии действий против партизан является сосредоточение внимания на гражданском населении и как можно более близкое к нему присутствие³. Размываются различия, все увеличиваются трудности при определении сторонами в конфликте военных объектов и применении принципов соразмерности и принятии мер предосторожности. Все это временами побуждает либо расширить некоторые понятия международного гуманитарного права (МГП), такие как определение непосредственного участия в военных

- 1 Вооруженная оппозиция, действующая против правительства Исламской Республики Афганистан и международного военного присутствия, обычно называется «Талибан», однако сама она называет себя «Исламский Эмират Афганистан». Это краткое название раздробленного альянса, состоящего из различных групп, таких как Кетта Шура Талибан на юге Афганистана, Хезб-и-Ислами Гульбеддин (ХИГ) и Хезб-е-Ислами на востоке и сеть Хаккани. О негосударственных вооруженных группировках, действующих на территории Афганистана, см. в документе: the Human Security Report Project (HSRP), Afghanistan Conflict Monitor, доступно по адресу: <http://www.afghanconflictmonitor.org/armedgroups.html> (последнее посещение 22 марта 2011 г.).
- 2 Patrick Quinn, 'Taliban leader: insurgents waging war of attrition', in *The Seattle Times*, 15 November 2010, доступно по адресу: http://seattletimes.nwsourc.com/html/nationworld/2013436796_apasafghan_talibanmessage.html (последнее посещение 15 марта 2011 г.). См. также: Ehsan Mehmood Khan, 'A strategic perspective on Taliban warfare', in *Small Wars Journal*, 22 March 2010, доступно по адресу: <http://smallwarsjournal.com/blog/2010/03/a-strategic-perspective-on-tal/> (последнее посещение 15 марта 2011 г.).
- 3 См., например: Canadian Army, 'Troops get close to Afghans', 15 February 2011, доступно по адресу: <http://www.army.forces.gc.ca/land-terre/news-nouvelles/story-reportage-eng.asp?id=5024> (последнее посещение 15 марта 2011 г.); David Axe, 'US-led alliance concentrates on Afghan population centers', in *Voice of America*, 9 May 2011, доступно по адресу: <http://www.voanews.com/english/news/asia/US-led-Alliance-in-Concentrateson-Afghan-Population-Centers-121518749.html> (последнее посещение 27 июня 2011 г.).

действиях⁴, либо, напротив, ограничить его защитную сферу действия⁵. Однако по мере того, как возрастало число жертв среди гражданского населения, оказалось, что тенденция к ограничению защитной сферы действия МГП противоречила достижению долговременных стратегических целей. В результате политика и оперативные соображения привели к принятию правил применения силы, которые в отдельных своих аспектах являются более ограничительными, нежели этого требует МГП⁶.

Статья построена следующим образом. Во-первых, классифицируются различные этапы вооруженного конфликта, происходящего в Афганистане с 2001 г. Этот раздел важен для определения правовой основы, регулирующей военные действия. Во-вторых, делается попытка понять, повлиял ли асимметричный характер вооруженного конфликта в Афганистане на МГП, в частности на толкование и применение норм, касающихся ведения военных действий. Этот анализ сосредоточен на понятиях проведения различия, соразмерности и мер предосторожности, и в нем в качестве практических примеров используются проблемы, с которыми сталкиваются международные вооруженные силы. В-третьих, настоящая статья проливает некоторый свет на подчас трудное различие между парадигмой правоприменительной деятельности и парадигмой военных действий в определенных операциях. Одним примером того, как эти две парадигмы могут пересекаться, служат контрольно-пропускные пункты, которые являются важной мерой по обеспечению безопасности в Афганистане. И наконец, в статье рассматриваются возможные трудности и преимущества, которые новые технологии могут представлять в условиях военных действий. Особенно в последние годы беспилотные летательные аппараты (БЛА) использовались в Афганистане для целей разведки, но все чаще и для собственно самих военных действий, например для так называемых точечных ликвидаций.

4 См.: Kenneth Watkin, 'Opportunity lost: organized armed groups and the ICRC "Direct participation in hostilities" interpretative guidance', in *New York University Journal of International Law and Politics*, Vol. 42, No. 3, 2010, pp. 641–695; Michael N. Schmitt, 'Deconstructing direct participation in hostilities: the constitutive elements', in *ibid.*, pp. 697–739; Bill Boothby, "And for such time as": the time dimension to direct participation in hostilities, in *ibid.*, pp. 741–768.

5 В отношении статуса комбатантов боевиков «Талибана» и «Аль-Каиды» см, например: W. Hays Park, 'Combatants', in Michael N. Schmitt (ed.), *The War in Afghanistan: A Legal Analysis*, US Naval War College International Law Studies, Vol. 85, Naval War College Press, Newport, RI, 2009, pp. 269–275. Критику коллективного отказа в статусе военнопленного и анализ правовых оснований задержания см. в работе: Stéphane Ojeda, 'US detention of Taliban fighters: some legal considerations', in *ibid.*, pp. 360–369.

6 Например: «До начала обстрела командир, принимающий решение о нанесении удара, должен определить, что в зоне обстрела нет гражданских лиц. Если нет возможности определить присутствие гражданских лиц, обстрел запрещается, за исключением тех случаев, когда имеется (одно) из следующих условий (конкретные условия не указываются с целью обеспечения оперативной безопасности; однако они связаны с опасностью для персонала ISAF и сил Афганистана)». См.: ISAF, *General Petraeus issues updated tactical directive: emphasizes 'disciplined use of force'*, News Release, 2010-08-CA-004, Kabul, 4 August 2010, доступно по адресу: <http://www.isaf.nato.int/article/isaf-releases/general-petraeus-issues-updated-tacticaldirective-emphasizes-disciplined-use-of-force.html> (последнее посещение 15 марта 2011 г.).

Юридическая квалификация афганского конфликта 2001—2011 гг.

Ситуация в Афганистане является сложной не только с фактической, но и с юридической точки зрения. После 2001 г. в конфликте участвовало несколько сторон, и сегодня принято считать, что этот конфликт можно разделить на этап международного вооруженного конфликта между возглавляемой США коалицией (НС) и «Талибаном», правящим в Афганистане, который продолжался с 7 октября 2001 г. до 18 июня 2002 г.⁷ и за которым последовал «интернационализированный» немеждународный вооруженный конфликт⁸, начавшийся 19 июня 2002 г., в котором новое афганское правительство, поддерживаемое силами ISAF и ОНС, сражается с вооруженной оппозицией⁹. Эта фаза конфликта продолжается и сегодня.

Международный вооруженный конфликт до 19 июня 2002 г.

Активные военные действия в Афганистане начались с ударов с воздуха, нанесенных по «Талибану» 7 октября 2001 г., что было частью операции «Несокрушимая свобода». Эта военная кампания, возглавляемая США и направленная против «Талибана» и «Аль-Каиды» в Афганистане, началась в ответ на террористические акты, совершенные 11 сентября 2001 г. в Соединенных Штатах¹⁰. Хотя только несколько государств признавали

7 См.: S. Ojeda, примечание 5 выше, pp. 358—359. В соответствии с судебной практикой Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) международный вооруженный конфликт имеет место всегда, «когда в отношениях между государствами используется вооруженная сила». См.: ICTY, *Prosecutor v. Dusko Tadić*, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction (Appeals Chamber), 2 October 1995, para. 70. В соответствии с комментарием к Женевским конвенциям 1949 г. международный вооруженный конфликт имеет место всегда, когда «любое разногласие, возникающее между двумя государствами, приводит к использованию вооруженных сил». Jean S. Pictet (ed.), *The Geneva Conventions of 12 August 1949, Commentary, Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field*, Geneva, ICRC, 1952, p. 32.

8 Заметьте, что это выражение не описывает «третий» тип вооруженного конфликта, но говорит о немеждународных вооруженных конфликтах с «международным» измерением. Это выражение используется в ситуациях, где государство (или многонациональные силы) становится стороной в уже существующем немеждународном вооруженном конфликте. Такое вмешательство может быть результатом в трех случаях: 1) существующий вооруженный конфликт остается немеждународным вооруженным конфликтом, если государство или многонациональные силы поддерживают другое государство в борьбе против вооруженной оппозиции; 2) вооруженный конфликт трансформируется в международный вооруженный конфликт, если действия вооруженной оппозиции можно присвоить вмешивающемуся государству или многонациональным силам; и 3) он переходит в «конфликт смешанного характера», в котором отношения между сторонами регулируются частично нормами международного вооруженного конфликта, а частично нормами немеждународного вооруженного конфликта.

9 S. Ojeda, примечание 5 выше, pp. 359—360.

10 Операция «Несокрушимая свобода» основывалась на резолюции 1368 Совета Безопасности ООН от 12 сентября 2001 г., в которой признавалось индивидуальное и коллективное право на самооборону в соответствии с Уставом ООН, осуждались «террористические нападения» в Соединенных Штатах, которые определялись как угроза международному миру и безопасности.

в то время «Талибан» в качестве законного правительства Афганистана, общепризнано, что фактически он представлял собой правительство Афганистана¹¹, потому что контролировал большую часть территории Афганистана, принимал законы и обеспечивал их соблюдение и некоторую (хотя и сомнительную) степень «безопасности» в контролируемых им зонах¹². Падение Мазари-Шарифа 9 ноября 2001 г. стало началом падения правления «Талибана», а когда силы Северного альянса вошли в Кабул 13 ноября¹³, после чего последовало падение Кандагара 7 декабря¹⁴, считалось, что большая часть талибов разбежалась¹⁵. Это падение «Талибана» расчистило путь для создания нового переходного правительства. Юридическая дискуссия во время этой фазы конфликта была в основном сосредоточена на вопросах, касающихся статуса боевиков противника и статуса задержанных, а также обращения с ними¹⁶.

Немеждународный вооруженный конфликт после 19 июня 2002 г.

В соответствии с Боннским соглашением от 5 декабря 2001 г. чрезвычайная Лойа Джирга создала Афганскую администрацию переходного периода 19 июня 2002 г. и избрала Хамида Карзая новым главой правительства, признанного международным сообществом¹⁷. В этот момент между-

Кроме того, НАТО применило статью 5 Североатлантического договора, в которой нападение на одну или несколько сторон договора рассматривается как нападение на них всех. Article 5 of the North-Atlantic Treaty of 4 April 1949; NATO Update, 'Invocation of Article 5 confirmed', 2 October 2001, доступно по адресу: <http://www.nato.int/docu/update/2001/1001/e1002a.htm> (последнее посещение 14 марта 2011 г.). См. также: '7 October 2001: US launches air strikes against Taleban', in BBC, 'On this day', 7 October 2001, доступно по адресу: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/october/7/newsid_2519000/2519353.stm (последнее посещение 22 марта 2011 г.).

- 11 Только Пакистан, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты признавали «Талибан» как правительство de jure. Об этом признании см.: Rüdiger Wolfrum and Christine E. Phillip, 'The status of the Taliban: their obligations and rights under international law', in J. A. Frowein and R. Wolfrum (eds), *Max Planck Yearbook of United Nations Law*, Vol. 6, 2002, pp. 571–577 and 584–586.
- 12 *Ibid.*, p. 566; см. также Доклад Генерального секретаря, *Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности*, 17 августа 2001 г., UN Doc. S/2001/789.
- 13 John Simpson, 'Eyewitness: the liberation of Kabul', in BBC News, доступно по адресу: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/1654353.stm (последнее посещение 10 марта 2011 г.).
- 14 '7 December 2001: Taleban surrender Kandahar', in BBC 'On this day', доступно по адресу: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/december/7/newsid_4031000/4031711.stm (последнее посещение 22 марта 2011 г.).
- 15 См.: Barbie Dutter and Stephen Robinson, 'Reign of the Taliban is over', in *The Telegraph*, 7 December 2001, доступно по адресу: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/afghanistan/1364622/Reign-of-the-Taliban-is-over.html> (последнее посещение 22 марта 2011 г.).
- 16 Об этой дискуссии см., inter alia: Jelena Pejic, "'Unlawful/enemy combatants": interpretation and consequences', in Michael N. Schmitt and Jelena Pejic (eds), *International Law and Armed Conflict: Exploring the Faultlines — Essays in Honour of Yoram Dinstein*, Martinus Nijhoff Publishers, Leiden, 2007, pp. 335–336; Gabor Rona, 'Legal issues in the "war on terrorism": reflecting on the conversation between Silja N.U. Voneky and John Bellinger', in *German Law Journal*, Vol. 9, No. 5, 2008, pp. 711–736.
- 17 См.: Резолюция Совета Безопасности 1419 (2002), от 26 июня 2002, в которой приветствуется избрание Хамида Карзая. См. также: Доклад Генерального секретаря, *Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности*, 11 июля 2002 г., UN Doc. S/2002/737. Международная конференция по Афганистану, состоявшаяся в декабре 2001 г., закончилась

народный вооруженный конфликт завершился, поскольку далее не было противостояния двух или более государств¹⁸. Однако военные действия вскоре возобновились, так как вооруженная оппозиция приспособилась к новой ситуации¹⁹. Они велись в разных местах и с разной степенью напряженности между новым афганским правительством, которому оказывали поддержку силы ISAF²⁰ и ОНС, и вооруженной оппозицией. Организация вооруженной оппозиции и военные действия такого уровня, что можно с уверенностью говорить о существовании немеждународного вооруженного конфликта, к которому применяется статья 3, общая для четырех Женевских конвенций 1949 г. (общая статья 3), и обычное МГП (соответствующее этому порогу)²¹.

Поскольку Афганистан ратифицировал Протокол II 10 ноября 2009 г., военные действия между Афганской национальной армией и вооруженной оппозицией могли бы регулироваться и этим Протоколом. Для этого вооруженная оппозиция должна была бы, по меньшей мере, таким образом контролировать часть Афганистана, чтобы быть в состоянии «осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять [Дополнительный протокол II]»²². Представляется, что вооруженной оппозиции удалось создать «теневое правительство» в Афганистане, где оно осуществляет контроль над частью афганского населения и руководит судами²³. Эта фактическая обстановка говорит

принятием Соглашения о временных механизмах в Афганистане до восстановления постоянно действующих правительственных институтов («Боннское соглашение»), S/2001/1154, 5 декабря 2001 г., учреждающего временную администрацию и призывающего к созыву чрезвычайного заседания Лояя Джирги. См. выше: Эдвардс, Л.-М. Построение государства в Афганистане: дело, свидетельствующее о наличии пределов? С. 95—125; Norah Niland, 'Impunity and insurgency: a deadly combination in Afghanistan', in *International Review of the Red Cross*, Vol. 92 No 880 pp. 931—950.

18 В 2009 г. было высказано мнение о том, что характер конфликта между государствами Коалиции и вооруженной оппозицией не изменился, т. е., что конфликт остается международным вооруженным конфликтом. См., например: Yoram Dinstein, 'Terrorism and Afghanistan', in M. N. Schmitt, примечание 5 выше, pp. 51—53.

19 См.: Доклад Генерального секретаря, *Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности*, 18 марта 2002 г., UN Doc. S/2002/278, ч. 45—54.

20 О мандате ISAF см., в частности, резолюции Совета Безопасности ООН: 1386 от 20 декабря 2001 г.; 1510 от 13 октября 2003 г.; и 1890 от 8 октября 2009 г.

21 Четкого и единого определения того, что является немеждународным вооруженным конфликтом, не существует в международном праве. Однако общепринято, что наличие такого конфликта определяется объективными критериями, а именно: интенсивностью насилия и организацией сторон. Критерии достижения порога излагаются в документе: International Committee of the Red Cross (ICRC), *How is the Term 'Armed Conflict' Defined in International Humanitarian Law?*, ICRC Opinion Paper, March 2008, доступно по адресу: <http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/opinion-paper-armed-conflict.pdf> (последнее посещение 22 марта 2011 г.).

22 Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) от 8 июня 1977 г., статья 1, п. 1.

23 См.: David Kilcullen, *The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One*, Oxford University Press, Oxford, 2009, pp. 47—48 and 49—50. См. также: Griff Witte, 'Taliban shadow officials offer concrete alternative', in *The Washington Post*, 8 December 2009; Anand Gopal, 'Some Afghans live under Taliban rule — and prefer it', in *The Christian Science Monitor*, 15 October 2008, доступно по

в пользу применимости Дополнительного протокола II в отношениях между вооруженной оппозицией и афганскими правительственными вооруженными силами. Но вопрос о том, связаны ли другие государства положениями Протокола II в связи с конфликтом в Афганистане, является спорным. Конечно, Протокол не может непосредственным образом связывать государства, которые, подобно США, не ратифицировали его²⁴. Далее, формулировки статьи 1 (1) Дополнительного протокола II предусматривают, что он применяется только к вооруженным конфликтам между договаривающимся государством и противостоящими ему негосударственными образованиями, которые контролируют часть территории государства²⁵. Таким образом, представляется, что государства, иные нежели Афганистан, которые являются стороной в вооруженном конфликте, непосредственным образом также не связаны Дополнительным протоколом II, даже если они его ратифицировали. Тем не менее каждая сторона в конфликте должна соблюдать те нормы, которые достигли статуса обычного права²⁶.

Поэтому правовую основу, применимую ко всем сторонам в вооруженном конфликте в Афганистане, составляет общая статья 3, а также обычное МГП, применимое во время немеждународных вооруженных конфликтов. Кроме того, вооруженный конфликт между правительством Афганистана и вооруженной оппозицией регулируется нормами Дополнительного протокола II. Однако противоречие, которое вытекает из применимости Дополнительного протокола II только к отношениям между вооруженной оппозицией и Афганистаном, является относительно несущественным. Большинство положений Дополнительного протокола II приобрели статус обычного права и поэтому применяются и к другим государствам — сторонам в вооруженном конфликте в Афганистане. Что же касается географической сферы применения МГП, важно подчеркнуть, что применимость этих норм не ограничена зоной, где ведутся активные военные действия, они применяются на всей территории Афганистана²⁷.

адресу: <http://www.csmonitor.com/World/Asia-South-Central/2008/1015/p01s01-wosc.html> (последнее посещение 22 марта 2011).

24 См.: Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., статья 34, где сформулировано общее правило: «Договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия».

25 См.: Дополнительный протокол II, статья 1(1), постановляющая, что «Настоящий Протокол... применяется ко всем вооруженным конфликтам ... происходящим на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и ... организованными вооруженными группами, которые ... осуществляют ... контроль над частью ее территории ...» (курсив автора).

26 См.: Венская конвенция о праве международных договоров, статья 38.

27 См., например: ICTY, *Prosecutor v. Dusko Tadić*, примечание 7 выше, paras. 86 and 89; International Criminal Tribunal for Rwanda (ICTR), *The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu*, Case No. ICTR-96-4-T, Decision of 2 September 1998, paras. 635 and 636.

Афганистан: асимметричный вооруженный конфликт

Одной из основных проблем вооруженного конфликта в Афганистане является значительная разница в военной силе и технической мощности между международными военными/ISAF силами, с одной стороны, и вооруженной оппозиции — с другой. Афганистан, таким образом, стал ярким примером асимметричного вооруженного конфликта²⁸.

Конечно, «асимметричная война» — понятие многостороннее. Не существует какого-то общего понимания, тем более четкого определения того, что же такое «асимметричная война». Кто-то даже утверждал, что понятие асимметрии было «так искажено, что стало непригодным для использования»²⁹. Но как бы то ни было в правовой доктрине выражение «асимметричная война» обычно употребляется для краткого описания изменяющейся структуры современных вооруженных конфликтов и для обозначения соответствующих вызовов, которые бросает такое развитие событий применимости МГП. В таком контексте термин «асимметричная война» используется для описания неравенства и отсутствия равновесия между воюющими сторонами, участвующими в современных вооруженных конфликтах, которые могут охватывать весь спектр военных действий³⁰. Чаще всего имеется в виду неравное распределение военной мощи и технологических возможностей³¹. Дисбаланс в силах между сторонами может быть столь велик, что с самого начала более слабая сторона лишена сколько-нибудь реальных перспектив одержать победу в конфликте военными методами. Военная победа в классическом смысле может даже и не быть целью соответствующих сторон³².

Ситуация в Афганистане является ярким примером того, что существует очевидная причинно-следственная связь между таким отсутствием равновесия в силе и тем, что называется партизанской войной³³.

28 См.: Claus Kress and Georg Nolte, 'Im ungleichen Krieg', in *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, доступно по адресу: <http://www.faz.net/s/RubD5CB2DA481C04D05AA471FA88471AEF0/Doc~E0AAA1FCF923947BEV8C20C7D45EFA2DC~ATr1~Ecommon~Scontent.html> (последнее посещение 22 марта 2011 г.); Паулюс, А., *Вашиакмадзе, М.* Асимметричная война и понятие вооруженного конфликта — попытка разработать концептуальную модель // *Международный журнал Красного Креста*. 2009. № 873. С. 146. См., в общем: Herfried Münkler, 'The wars of the 21st century', in *International Review of the Red Cross*, Vol. 85, No. 849, 2003, p. 7.

29 Stephen J. Blank, *Rethinking Asymmetric Threats*, U.S. Army War College, Strategic Studies Institutes, September 2003, доступно по адресу: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=103> (последнее посещение 22 марта 2011 г.).

30 См.: Michael N. Schmitt, 'Asymmetrical warfare and international humanitarian law', in Wolff Heintschel von Heinegg and Volker Epping (eds), *International Humanitarian Law Facing New Challenges*, Springer Science and Business Media, Berlin and Heidelberg, 2007, pp. 11—48.

31 Robin Geiß, 'Asymmetric conflict structures', in *International Review of the Red Cross*, Vol. 88, No. 864, 2006, pp. 757—777; Пфаннер, Т. Асимметричная война с точки зрения гуманитарного права и гуманитарной деятельности // *Международный журнал Красного Креста*. 2005. № 857. С. 195—227.

32 William C. Martel, *Victory in War: Foundations of Modern Military Policy*, Cambridge University Press, Cambridge, 2007.

33 См. например: D. Kilcullen, примечание 23 выше, p. 39 и далее. Традиционно, особенно в военной

Военный потенциал многонациональных сил в Афганистане заставляет вооруженную оппозицию применять так называемую партизанскую тактику, чтобы избежать непосредственной военной конфронтации с превосходящими силами противника и компенсировать тем самым свою относительную слабость. Некоторые авторы предполагают также, что вооруженная оппозиция в Афганистане использует стратегию изнурения прежде всего для того, чтобы получить контроль над пуштунскими регионами, а не в попытках добиться прямого свержения афганского правительства³⁴. Эта простая логика не нова, у нее давняя история в практике ведения войны³⁵. В XX веке войны за национальное освобождение и значительное большинство немеждународных вооруженных конфликтов — все в этом смысле были асимметричными по своей природе. Несмотря на свои ограниченные военные средства, вооруженная оппозиция продемонстрировала, что она способна помешать в достижении стратегических целей превосходящему ее по силе противнику и добиваться осуществления собственных целей³⁶. Продолжительность немеждународного конфликта в Афганистане это подтверждает. К сегодняшнему дню конфликт продолжается почти десять лет³⁷. Конфликт в Афганистане характеризуется высокой динамичностью. Можно наблюдать тенденцию к размыванию четко определяемых пространственных или временных границ. Уровень насилия постоянно изменяется; военные действия вспыхивают в любое время и могут развернуться в любом месте. Таким образом, пространство боя никак не ограничено, и традиционные понятия четкого «поля сражения» часто кажутся довольно устаревшими в таких обстоятельствах³⁸. «Талибан» Афганистана, кажется, состоит из ядра боевиков, которые передвигаются из одной долины в другую (особенно когда есть угроза их безопасности), устраивают засады, закладывают мины или самодельные взрывные устройства (СВУ — взрывающиеся при приближении человека или автомобиля или с дистанционным управлением), используют снайперов и даже совершают нападения силами смертников³⁹. Этих переме-

теории, асимметричная война часто приравнивалась к партизанской войне. См.: Stephen Metz and Douglas V. Johnson II, *Asymmetry and U.S. Military Strategy: Definition, Background, and Strategic Concepts*, US Army War College, Strategic Studies Institute, January 2001, доступно по адресу: <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/ssi/asymmetry.pdf> (последнее посещение 3 января 2011).

34 См., например: D. Kilcullen, примечание 23 выше, pp. 50, 52.

35 Andrew J. R. Mack, "Why big nations lose small wars: the politics of asymmetric conflict", in *World Politics*, Vol. 27, No. 2, 1975, pp. 175–200.

36 Ivan Arreguín-Toft, *How the Weak Win Wars: A Theory of Asymmetric Conflict*, Cambridge University Press, Cambridge, 2005.

37 'Is the Afghan War really the longest in U.S. history?' in *The Week*, 10 June 2010, доступно по адресу: <http://theweek.com/article/index/203842/is-the-afghan-war-really-the-longest-in-us-history> (последнее посещение 22 марта 2011 г.).

38 Н. Мунклер, примечание 28 выше, pp. 7–22; Herfried Münkler, *Der Wandel des Krieges: Von der Symmetrie zur Asymmetrie*, 2nd edn, Velbrück Wissenschaft, Weilerswist, 2006.

39 D. Kilcullen, примечание 23 выше, p. 55. Заметьте, что вооруженная оппозиция использует выражение «нападения мучеников за веру». См. неофициальный перевод МККК в настоящем номере журнала: «Исламский Эмират Афганистан. Лайха [кодекс поведения] для моджахедов», версия

щающихся боевиков часто поддерживают местные партизаны «неполной занятости» и деревенские ячейки (действующие в качестве координирующих и разведывательных механизмов)⁴⁰.

Структуры асимметричного конфликта поднимают множество различных (правовых) проблем⁴¹. Что же касается самого ведения военных действий, то дискуссии ведутся вокруг последствий все возрастающей размытости линий проведения различия, а также применения и адекватности соответствующих норм гуманитарного права. Постоянное избегание прямых военных столкновений, преднамеренное перемещение военных действий из одного места в другое, опора на поддержку населения — такие стратегии часто приводят к тому, что военные действия ведутся вблизи городов и гражданских объектов. Все это затрудняет проведение различия между теми, кто сражается, и покровительствуемыми гражданскими лицами. На практике все труднее определить, на кого и на какие объекты можно нападать. В результате возрастает опасность для гражданского населения. В то же самое время солдаты, действующие на местах, также подвергаются большей опасности, поскольку не могут всегда увидеть разницу между теми, кто участвует и кто не участвует в военных действиях. Эта достойная сожалений тенденция хорошо известна⁴². Вновь и вновь на международных форумах выражается обеспокоенность в связи с тем, что гражданскому населению приходится выносить основную тяжесть современных вооруженных конфликтов⁴³. Однако меньше внимания уделялось различным вопросам о «последующих действиях», которые поднимаются в связи с размытыми

от 29 мая 2010 г., правило 57. Примеры недавних нападений смертников и других нападений см., среди прочего, в работе: Heidi Vogt and Mirwais Khan, 'Afghanistan suicide bomber kills 6 NATO troops', in *The Huffington Post*, 12 December 2010, доступно по адресу: http://www.huffingtonpost.com/2010/12/12/afghanistan-suicide-bomber_n_795588.html (последнее посещение 22 марта 2011 г.); Alissa J. Rubin, '31 killed in suicide attack on Afghan census office' in *The New York Times*, 21 February 2011, доступно по адресу: <http://www.nytimes.com/2011/02/22/world/asia/22afghanistan.html> (последнее посещение 22 марта 2011 г.); и 'Taliban attack Afghanistan Nato bases', in RFI, 28 August 2010, доступно по адресу: <http://www.english.rfi.fr/asia-pacific/20100828-taliban-attack-afghanistan-nato-bases> (последнее посещение 22 марта 2011 г.). Согласно докладу Генерального секретаря ООН в 2010 г. совершались около трех нападений смертников в неделю, в основном направленных на международные силы. См. Доклад Генерального секретаря. *Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности*, 10 декабря 2010 г. UN Doc. S/2010/630, ч. 15.

40 D. Kilcullen, примечание 23 выше, pp. 83—86.

41 Понятию и определению вооруженного конфликта в соответствии с международным гуманитарным правом уделяется поэтому значительное внимание в публикациях последних лет. См.: Паулюс, А., Вашиакмадзе, М., примечание 28 выше, с. 127—170.

42 *International Humanitarian Law and the Challenges of Contemporary Armed Conflicts*, документ, подготовленный Международным Комитетом Красного Креста к XXX Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца, 30IC/07/8.4, октябрь 2007 г., доступно по адресу: <http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/ihl-challenges-30th-international-conference-eng.pdf> (последнее посещение 22 марта 2011 г.).

43 См.: *ibid.*; Совет Безопасности ООН, «Несмотря на успехи, гражданское население продолжает выносить основную тяжесть конфликта, как говорит заместитель Генерального секретаря на брифинге в Совете Безопасности», пресс-релиз от 26 июня 2009 г., SC/9692, доступно по адресу: <http://www.un.org/News/Press/docs/2009/sc9692.doc.htm> (последнее посещение 22 марта 2011 г.).

линиями различия, когда речь идет об идентификации законных военных объектов, применении принципа соразмерности и принятии мер предосторожности, предписываемых в силу статьи 57 Дополнительного протокола I и обычного права. Асимметричные конфликты, как представляется, выводят на первый план целый ряд застаревших вопросов и двусмысленностей, касающихся норм гуманитарного права, регулирующих ведение военных действий. В настоящей статье анализируются эти вопросы на фоне длительного конфликта в Афганистане и в качестве практического примера используются главным образом проблемы, с которыми приходится сталкиваться международным вооруженным силам.

Ведение военных действий в асимметричных конфликтах

Усилия, направленные на то, чтобы избежать прямых столкновений и сохранить собственные силы, становятся приоритетными задачами, особенно для воюющей стороны с более низким военным потенциалом. Такое положение может бросить особенно серьезный вызов основополагающему принципу проведения различия. Непосредственных нападений можно легко избежать, приняв вид гражданского лица. Притвориться лицом, имеющим право на покровительство, смешавшись с гражданским населением и осуществляя нападения с объектов, которые пользуются особой защитой, — вот наиболее прискорбные, но, кажется, неизбежные последствия такой логики. Использование «живых щитов» для защиты военных объектов, которые нельзя с легкостью замаскировать, становится средством манипуляции возможностями противника оценить соразмерность нападения. Кроме того, нарушается принцип, требующий принятия мер предосторожности, изложенный в статье 58 Дополнительного протокола I и в части обычного МГП, применимого во время как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов⁴⁴.

Взаимность и другие стимулы для соблюдения права

Повторяющиеся нарушения норм гуманитарного права одной стороной могут повлиять и на поведение другой стороны. Теоретически самым худшим сценарием будет динамика негативной взаимности, то есть эффект спирали, что в конечном итоге приведет к взаимному пренебрежению нормами МГП. Если одна из воюющих сторон постоянно нарушает гуманитарное право и если такое поведение дает ей ощутимое военное преимущество, другая сторона может, в конце концов, также пренебрегать нормами, чтобы расширить свое пространство для маневра и тем самым, предпо-

44 См.: Хенкертс, Ж.-М., Досвальд-Бек, Л. Обычное международное гуманитарное право, т. I: Нормы. Москва, МККК. 2005. Норма 15. С. 65.

ложительно, повысить эффективность своей стратегии противодействия.

Однако порочный круг явного взаимного пренебрежения гуманитарными нормами остается в основном в теории⁴⁵. Опыт, особенно афганский, показал, что строгое соблюдение основополагающих гуманитарных принципов ведет к достижению долговременных стратегических целей. И наоборот, повторяющиеся нарушения гуманитарного права, даже если они, как кажется, обещают кратковременные военные преимущества, в конечном итоге могут подорвать доверие к стороне в конфликте и ее репутацию. А это может иметь пагубные последствия для ее способности проводить дипломатическую и гуманитарную политику, осуществлять стратегию в области развития и других областях, что крайне важно для достижения долговременных стратегических целей⁴⁶. Даже кратковременные военные преимущества, которые, как ожидается, могут быть получены путем нарушения гуманитарных норм, часто бывают очень незначительными. Излишние повреждения и ненужные страдания всегда только излишние и ненужные. Они вряд ли способствуют выполнению поставленных (военных) задач⁴⁷. К настоящему времени урок, полученный в Афганистане, заключается в том, что победу в конфликте невозможно одержать исключительно военной силой или даже преимущественно используя этот стратегический инструмент. Стратегическим приоритетом стала задача победить в борьбе за «умы и сердца» афганцев. Поэтому после 2009 г. ISAF действует, исходя из того, что необходимо свести к минимуму потери среди гражданского населения и разрушения гражданских объектов⁴⁸. Эта доктрина, кажется, привела к таким правилам применения силы, которые частично выходят за рамки ограничений, налагаемых МПП⁴⁹. Таким образом, многонациональные силы часто действуют в рамках, которые налагают на них более строгие ограничения. Это представляется необходимым в условиях, где потери и разрушения, даже не превосходящие рамок МПП, могут угрожать делу достижения основных стратегических целей⁵⁰. Поэтому кажется оправданным вывод о том, что в

45 МТБЮ должным образом отметил, что «после Первой мировой войны применение законов войны более не опирается на взаимность между воюющими сторонами... в результате нормы по большей части стали все чаще соблюдаться каждой воюющей стороной, несмотря на возможные нарушения со стороны противника. В основе такого изменения лежало понимание государствами того, что нормы международного гуманитарного права предназначены не для защиты интересов государств; они главным образом разработаны в интересах отдельных лиц, т. е. людей». ICTY, *Prosecutor v. Kupreskic*, Case No. IT-95-16-T, Judgment, 14 January 2000, para. 518.

46 Robert D. Sloane, 'Prologue to a voluntarist war convention', in *Michigan Law Review*, Vol. 106, December 2007, p. 481.

47 *Ibid.*

48 Gregor Peter Schmitz and Gabor Steingart, 'Generäle gegen Obama', in *Der Spiegel*, 26 September 2009, pp. 107–109.

49 Незасекреченные выдержки из новой Тактической директивы от 1 августа 2010 г. (заменяющей версию от 1 июля 2009 г.), см.: ISAF, примечание 6 выше. Именно из этих выдержек можно сделать некоторые выводы относительно действовавших правил применения силы.

50 *Ibid.*

Афганистане частое несоблюдение норм гуманитарного права не привело к стремительному падению на дно, если говорить о соблюдении гуманитарных норм. Преобладает понимание того, что уважение МГП и далее служит жизненно важным (государственным) интересам, даже при отсутствии традиционных концепций взаимности⁵¹.

Принцип проведения различия

Другие виды стратегии, часто осуществляемые в ситуациях асимметричной войны, могут стать причиной гораздо более разнообразных и коварных проблем для МГП, чем явное несоблюдение этого права в ответ на ранее допущенные нарушения. Эти асимметричные ситуации могут привести к размыванию различия между гражданскими лицами и боевиками и между гражданскими объектами и военными объектами. В условиях Афганистана это видно на следующих двух примерах: во-первых, Кодекс поведения моджахедов 2010 г. рекомендует, среди прочего: «Моджахеды должны следить за тем, чтобы их внешний вид — прическа, одежда и обувь — соответствовали шариату и внешнему виду простых людей в данной местности. С одной стороны, моджахеды и местное население получают от этого пользу с точки зрения безопасности, а с другой — это даст возможность моджахедам легко перемещаться в различных направлениях»⁵². Во-вторых, при осуществлении стратегии «завоевания умов и сердец» и контртеррористических действий (COIN — ППД), в ходе которых учитываются нужды населения⁵³, предпринимаются усилия по обеспечению присутствия рядом с этим населением, используется работа бригад по восстановлению провинций, при этом размещаются вместе гражданские и военные компоненты — для оказания гуманитарной помощи⁵⁴ — и солдаты одеваются в гражданскую одежду⁵⁵. Хотя ни одна норма МГП, касающаяся немеждународных вооруженных конфликтов, явным образом не запрещает такую практику *per se*, это вызывает большую обеспокоенность в том, что касается уважения принципа проведения различия. Противник, зачастую непостижимый и невидимый, приводил в замеша-

51 См. также: R. D. Sloane, примечание 46 выше, p. 481.

52 См.: «Исламский Эмират Афганистан. Лайха [кодекс поведения] для моджахедов», примечание 39 выше, правило 81.

53 См.: US Department of the Army, FM 3-24.2: *tactics in counterinsurgency*, Washington, DC, 21 April 2009, in particular on clear-hold-build operations, para. 3-106 et seq.

54 См., например, Save the Children, *Provincial Reconstruction Teams and Humanitarian: Military Relations in Afghanistan*, London, 2004. Кроме того, по меньшей мере в течение периода с 11 сентября 2001 г. по 1 мая 2003 г. служащие США и коалиции иногда использовали «одежду коренного населения, чтобы слиться с силами, которым они оказывали поддержку», или «гражданскую одежду при осуществлении гуманитарной деятельности». Center for Law and Military Operations, *The Judge Advocate General's Legal Center and School, Legal Lessons Learned from Afghanistan and Iraq, Volume I: Major Combat Operations (11 September 2001–1 May 2003)*, United States Army, 2004, pp. 64–69.

55 См., например: ISAFMEDIA, 'Meet a Marine Sergeant who blends in with the Afghan people to do his job', 02 May 2011, доступно по адресу: http://www.youtube.com/watch?v=VoTH5tFTHIQ&feature=youtuube_gdata (последнее посещение 5 мая 2011 г.).

тельство, что вызывало дебаты относительно того, где же проводить линию между покровительствуемыми и непокровительствуемыми лицами и гражданскими и военными объектами, и является ли эта двоичная категоризация, присущая принципу проведения различия, все еще актуальной на современном поле боя и в крайне динамичной боевой обстановке.

Отличие лиц, пользующихся защитой от прямых нападений, от лиц, которые могут становиться объектами нападений

Размытые линии различия иногда побуждали некоторых авторов выступить в пользу довольно свободного толкования тех правовых критериев, которые определяют утрату защиты от прямых нападений. Говоря проще, в ответ на все большие трудности в определении различия между боевиками и покровительствуемыми лицами на практике сторонники этого взгляда предлагают расширить правовую категорию лиц, на которых можно совершать нападения, не нарушая права. Вообще эта аргументация часто основывается на предпосылке, что современное поле боя стало еще более опасным для солдат и поэтому следует предоставить им больше свободы при принятии решения относительно применения силы на поражение. В настоящее время ведутся дебаты вокруг интерпретации понятия «непосредственное участие в военных действиях» — это деятельность, которая временно лишает гражданских лиц полагающейся им защиты от прямых нападений. Такие дебаты, и особенно одобрение довольно широкого толкования этого понятия и его временной сферы распространения, отражают указанную тенденцию⁵⁶. Есть и другие аналогичные симптомы, например, утверждение, что так называемые добровольные «живые щиты» являются *per se* непосредственным участием в военных действиях и поэтому утрачивают право на защиту от прямых нападений; или же предположение, что в случае сомнения «сомнительная» деятельность может быть приравнена к «непосредственному участию в военных действиях»⁵⁷.

В том же духе сделаны предложения довольно широко определить членство в организованной вооруженной группировке⁵⁸. Члены организованной вооруженной группировки прекращают быть гражданскими лицами и поэтому утрачивают право на защиту от непосредственных нападений в течение того времени, пока они остаются членами такой группы⁵⁹.

56 Подробно об этой дискуссии см. различные статьи в журнале *New York University Journal of International Law and Politics*, Vol. 42, No. 3, 2010, доступно по адресу: <http://www.law.nyu.edu/journals/jilp/issues/jilpvolume42/index.htm> (последнее посещение 22 марта 2011 г.).

57 M. N. Schmitt, примечание 4 выше, p. 737; p. 123, где цитируется Michael N. Schmitt, “Direct participation in hostilities” and 21st century armed conflict, in Horst Fischer et al. (eds), *Crisis Management and Humanitarian Protection: Festschrift für Dieter Fleck*, Berlin, Berliner Wissenschafts-Verlag, 2004, p. 509. Автор считает, что «[с]ерые зоны должны толковаться либерально, т. е. в пользу того, что это непосредственное участие».

58 K. Watkin, примечание 4 выше, p. 691.

59 В международных вооруженных конфликтах такой подход на основании членства не являет-

Они больше не пользуются так называемой защитой по типу «вращающейся двери», которая полагается гражданским лицам, — имеется в виду, что в отличие от гражданских лиц они не получают вновь защиту от прямых нападений в тот момент, когда прекращают непосредственным образом участвовать в военных действиях. Они как боевики могут становиться объектами прямого нападения в любое время в соответствии с теми же принципами, что и лица из состава вооруженных сил, то есть независимо от того участвуют ли они в момент нападения непосредственно в военных действиях. Однако идентификация членов организованной вооруженной группировки может оказаться очень трудным делом. Положение в Афганистане наглядно демонстрирует трудности с проведением различия между мирными гражданскими лицами и боевиками вооруженной оппозиции или гражданскими лицами, непосредственно участвующими в военных действиях⁶⁰. Наличие оружия у человека само по себе не может, конечно, считаться признаком непосредственного участия в военных действиях и еще менее признаком членства в организованной вооруженной группировке, потому что афганские гражданские лица традиционно имеют оружие в своих домах для защиты себя и своих семей⁶¹. Более того, судя по некоторым сведениям сбор информации становится более сложным, поскольку афганские информанты иногда одурачивают международные силы, заставляя их убивать своих личных врагов, а не высокопоставленных членов вооруженной оппозиции⁶². Совершенно очевидно, что если членство в организованной вооруженной

ся бесспорным: см., например, работу: Noam Lubell, *Extraterritorial Use of Force Against Non-state Actors*, Oxford, Oxford University Press, 2010, pp. 148—155. В своем исследовании вопроса о непосредственном участии МККК принял подход, основанный на членстве, при условии наличия у лица боевых функций. См.: ICRC, *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law*, ICRC, Geneva, May 2009, pp. 31—36.

- 60 Следует отметить, что в число гражданских лиц входят и члены «Талибана», которые не имеют постоянной боевой функции и которые не участвуют непосредственным образом в боевых действиях. По крайней мере в период с 11 сентября 2001 г. и по 1 мая 2003 г. в правилах операции «Несокрушимая свобода» какие-либо силы не назывались враждебными. Вместо этого предлагалась концепция «возможной и идентифицируемой угрозы (ВИУ)» и позитивной идентификации (ПИД), что приводило войска в замешательство. Личный состав получал подготовку, в которой учитывались три фактора: объявление сил враждебными (на которые можно нападать в любое время), непосредственное участие в военных действиях и ситуации, не связанные с военными действиями, в которых применялось понятие необходимой самообороны. См.: Center for Law and Military Operations, примечание 54 выше, p. 96—103; Michael N. Schmitt, 'Targeting and international humanitarian law in Afghanistan', in M. N. Schmitt, примечание 5 выше, p. 314.
- 61 По некоторым оценкам у афганских гражданских лиц есть в наличии около миллиона единиц оружия, что равняется приблизительно 4,4 единицы стрелкового оружия на 100 человек. См. данные, собранные организацией GunPolicy.org, доступно по адресу: <http://www.gunpolicy.org/firearms/region/afghanistan> (последнее посещение 22 марта 2011 г.).
- 62 См., например: Allan Hall, 'US troops "tricked into killing Afghan drug clan's rival"', in *The Telegraph*, 30 March 2009, доступно по адресу: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/afghanistan/5079429/UStroops-tricked-into-killing-Afghan-drug-clans-rival.html> (последнее посещение 22 марта 2011 г.); Kim Sengupta, 'Taliban factions may be using British forces to assassinate rival commanders', in *The Independent*, 25 July 2008, доступно по адресу: <http://www.independent.co.uk/news/world/asia/taliban-factions-may-be-using-british-forces-to-assassinate-rival-commanders-876801.htm> (последнее посещение 22 марта 2011 г.).

группе будет определяться только на основании поддержки, оказываемой соответствующим лицом такой группе, или его симпатии к ней— например, логистической поддержки, не связанной с военными действиями и оказываемой в силу племенной солидарности, то категория лиц, не подлежащих защите (боевиков), будет значительно расширена. Более того, любое такое определение не будет свободно от произвола в отсутствии объективных достоверяемых критериев для установления связи лица с вооруженной группировкой⁶³.

Однако диаметрально противоположная тенденция отвергает все попытки расширить категории тех лиц, которые могут на законных основаниях становиться объектом нападения⁶⁴. Сторонники этой тенденции склонны, в виду расплывчатости структур асимметричных (немеждународных) конфликтов, воспринимать эту двоичную структуру МПП, то есть категоричное различие между боевиками, с одной стороны, и покровительствуемыми лицами — с другой, как излишне жесткую и негибкую⁶⁵. Некоторые даже заявляют, что категории статусов по МПП уже пережили полностью свою практичность. Например, высказывалось мнение, что в качестве применимого права и во время немеждународных вооруженных конфликтов следует применять право прав человека, в котором нет принципа проведения различия⁶⁶. В частности, решения 2005 г. Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу Исаевой послужили причиной дебатов относительно того, можно ли все-таки достичь, особенно во время немеждународных вооруженных конфликтов, реалистичной степени защиты посредством (исключительно или предпочтительно) применения права прав человека⁶⁷.

Оставим в стороне вопрос о том, связывает ли международное право прав человека вооруженные группы, а также проблему экстеррито-

63 Более подробно эта дискуссия освещена в: Nils Melzer, 'Keeping the balance between military necessity and humanity: a response to four critiques of the ICRC's *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities*', in *New York University Journal of International Law and Politics*, Vol. 42, No. 3, 2010, p. 831.

64 См.: Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях, Филиппа Алстона, *Addendum: study on targeted killings*, UN Doc. A/HRC/14/24/Add. 6, 28 May 2010, para. 65. См. также: Derek Jinks, 'Protective parity and the laws of war', in *Notre Dame Law Review*, Vol. 79, 2004, pp. 1524—1528.

65 Rosa Ehrenreich Brooks, 'War everywhere: rights, national security law, and the law of armed conflict in the age of terror', in *University of Pennsylvania Law Review*, Vol. 153, 2004, pp. 675 and 757: «Было бы гораздо лучше сделать статус комбатанта чисто функциональным вопросом, таким, который опирается не на технические вопросы, но на степень, в которой лицо непосредственным образом, активно и по большей части участвует в сознательном и преднамеренном планировании или осуществлении актов насилия»; Larry May, 'Killing naked soldiers: distinguishing between combatants and noncombatants', in *Ethics and International Affairs*, Vol. 19, No. 3, 2005, p. 39.

66 См.: William Abresch, 'A human rights law of internal armed conflict: the European Court of Human Rights in Chechnya', in *The European Journal of International Law*, Vol. 16, No. 4, 2005, pp. 758—760 and 767.

67 European Court of Human Rights (ECtHR), *Isayeva, Yusupova and Bazayeva v. Russia*, ECtHR, App. Nos. 57947-49/00 (24 Feb. 2005); *Isayeva v. Russia*, ECtHR, App. No. 57950/00 (24 Feb. 2005).

риального применения права прав человека, которые возникают всегда, когда третьи государства вмешиваются в немеждународный вооруженный конфликт, подобный тому, что протекает в Афганистане. (Следует отметить, что не подвергается сомнению вопрос о том, что МГП связывает вооруженные группы и что оно применяется экстерриториально в случае международного или интернационализованного немеждународного вооруженного конфликта.) И тогда можно сказать, более широко применение в период боевых действий права прав человека, а не МГП означало бы сдвиг парадигмы, который, по крайней мере на какое-то время, не находит значительной поддержки в практике государств. В отличие от МГП право прав человека допустило бы применение потенциально смертельной силы только в ответ на неизбежную и достаточно серьезную угрозу. В частности, право прав человека требует принятия во внимание конкретных обстоятельств соответствующей ситуации, независимо от любого двоичного различия между комбатантами, на которых можно нападать, или боевиками и покровительствуемыми лицами⁶⁸. Применяемая сила должна быть соразмерна по отношению к явной существующей угрозе⁶⁹. Этот стандарт предоставляет больший объем защиты. Очень важно, что он соразмерен угрозе и зависит от конкретной ситуации. Однако на практике все еще считается общепризнанным, что этот стандарт не адекватен для поля боя, труден для соблюдения и поэтому нереалистичен. Вот почему можно утверждать, что в Афганистане принцип проведения различия, несмотря на присущие ему изъяны в ситуациях асимметричных конфликтов, не ставился под вопрос как основополагающее правовое положение гуманитарного правового порядка, хотя некоторые авторы предлагали довольно свободные его толкования. Таким образом, предусматриваемые МГП категории тех лиц, которые могут на законных основаниях становиться объектом нападения, продолжают иметь основное значение для государств, действующих в современных асимметричных вооруженных конфликтах, таких как конфликт, протекающий в Афганистане. Обе линии аргументации отражают два диаметрально противоположных стимула, на которых базируется МГП: военная необходимость и гуманность. Представляется, что первая линия аргументации, где отстаивается не только сохранение категорий МГП,

68 В своем докладе по Колумбии (1999 г.), Межамериканская комиссия по правам человека (IACHR) подчеркнула, что в соответствии со статьей 4 АКПЧ применение силы на поражение в операциях по правоприменению не может законным образом обосновываться просто подозрением или коллективным критерием, таким как членство в группе. Согласно докладу «полиция никогда не может оправдывать свои действия по лишению человека жизни на основании того факта, что он принадлежит к «маргинальной группе» или подозревается в участии в преступной деятельности. Полиция также не может автоматически применять силу на поражение для того, чтобы помешать совершению преступления, или действуя в порядке самообороны. Применение силы на поражение в таких случаях будет допустимо только если это было соразмерно и необходимо». IACHR, Report Colombia 1999, Chapter IV, para. 213.

69 Более того, оправдание так называемого сопутствующего ущерба, хотя он *per se* не является незаконным, в соответствии с международным правом прав человека было бы гораздо труднее, нежели в соответствии с МГП.

основанных на двоичном различии, но и хотя бы частичное их расширение, сосредоточена на минимизации опасностей для солдат — временами, как кажется, без должного внимания к защите гражданских лиц. Напротив, второе мнение, хотя и справедливо направленное на усиление защиты гражданского населения — ведь как говорилось ранее, мирные жители по-прежнему выносят основную тяжесть современных вооруженных конфликтов — временами, кажется, игнорирует реальную обстановку, в которой действуют солдаты. Конечно, какой-то средний вариант мог бы позволить нам поддерживать более правильное равновесие между требованиями военной необходимости и гуманности, не отдавая предпочтения ни тому, ни другому. Теоретически такой средний путь можно было бы поискать, увеличив гибкость гуманитарных правовых стандартов в сторону большей защиты или увеличив гибкость стандартов прав человека в сторону большей позвольтельности — это как раз то, что ЕСПЧ, кажется, сделал в деле Исаевой — или сочетая элементы обоих правовых режимов⁷⁰.

«Руководство к толкованию понятия непосредственного участия в военных действиях», подготовленное Международным Комитетом Красного Креста (МККК), также придерживается среднего пути, основанного на толковании права, как оно существует на сегодняшний день. С одной стороны, Руководство подтверждает применимость принципа проведения различия в современных вооруженных конфликтах и разъясняет его применение. В том, что касается немеждународных вооруженных конфликтов, группа лиц (боевиков), которые не являются гражданскими лицами и на которых можно нападать на законных основаниях, определяется на функциональной основе со ссылкой на их «постоянную боевую функцию»⁷¹. С другой стороны, Руководство подтверждает важное ограничение в отношении применения силы против лиц, которые не пользуются защитой от прямого нападения. Вид и уровень силы, применить которую разрешается против таких лиц, не должны превышать то, что действительно необходимо для достижения законной военной цели в сложившихся обстоятельствах⁷². Выразалась обеспокоенность в связи с тем, что этот стандарт навязывает излишне ограничительную «парадигму правоприменения», которая направлена на то, чтобы подчинить операции военного времени «нереалистичному континууму применения силы. Он начинается с наименее травматичного действия, затем применяется сила, которая может причинить «тяжкие повреждения» при нападении на комбатанта противника или гражданское лицо, принимающее непосредственное участие в военных действиях»⁷³. Однако обязательство применять приносящие

70 См. также: Francisco Forrest Martin, 'Using international human rights law for establishing a unified use of force rule in the law of armed conflict', in *Saskatchewan Law Review*, Vol. 64, 2001, pp. 347—396.

71 ICRC, примечание 59 выше, pp. 27—36.

72 *Ibid.*, pp. 77—82.

73 W. Hays Parks, 'Part IX of the ICRC "Direct Participation in Hostilities" study: no mandate, no expertise, and legally incorrect', in *New York University Journal of International Law and Politics*, Vol. 42, No. 3, 2010, p. 815.

наименьший вред из всех равных по эффективности средств и методов не является расширением «парадигмы правоприменения», или, другими словами, применением принципа соразмерности, содержащегося в праве прав человека, по отношению к боевикам во время вооруженного конфликта. Принцип проведения различия уже влечет за собой следующее предписание: во время вооруженного конфликта относительная «ценность» выведения из строя комбатантов/боевиков противника или гражданских лиц, участвующих непосредственным образом в военных действиях, получает перевес над правом этих лиц на жизнь, физическую неприкосновенность и свободу. Это освобождает отдельных солдат от принятия в пылу сражения сложных решений, когда надо уравнивать эти понятия. И напротив, ограничение, налагаемое принципом военной необходимости, — не мешая этому ценностному суждению — просто означает, что не существует безусловного освобождения от чисто фактической и, в любом случае, ситуационной оценки того, имеются ли менее вредоносные меры равной эффективности в данной конкретной ситуации⁷⁴. Если противника можно вывести из строя, захватив его в плен, его нельзя убивать. Конечно, на переднем крае боя захват почти всегда невозможен без серьезного риска для собственных сил, в то время как в других ситуациях — например, в ходе обысков в домах⁷⁵ или на контрольно-пропускных постах — эта опасность часто снижена до того уровня, когда захват вместо убийства становится обязательным. Предписание Руководства, подготовленного МККК, о том, что сила «не должна превышать того, что действительно является необходимым для достижения законной военной цели в сложившихся обстоятельствах» является достаточно гибким для того, чтобы включить все эти сценарии⁷⁶.

Проведение различия между военными и гражданскими объектами: проблема «двойного использования»

Проблемы, касающиеся применения принципа проведения различия существует по отношению не только к лицам, но и к объектам. Конечно, дебаты об определении и идентификации военных объектов не являются чем-то новым. Они велись задолго до того, как возник и получил известность термин «асимметричная война». И все же перемещение военных действий ближе к городским населенным центрам и возрастающие возможности по использованию гражданских объектов для эффективного

74 См.: US Department of the Air Force, Air Force Pamphlet (AFP 110-31), *International Law: The Conduct of Armed Conflict and Air Operations*, Judge Advocate General Activities, 19 November 1976, para. 1—3(1), pp. 1—5, где напоминает: «Вооруженный конфликт должен вестись... в рамках запретов международного права, включая ограничения, присущие принципу необходимости».

75 Статистику потерь среди гражданского населения см.: United Nations Assistance Mission in Afghanistan (UNAMA), *Annual Report 2010: Protection of Civilians in Armed Conflict*, Kabul, March 2011, p. 29.

76 ICRC, примечание 59 выше, p. 77.

содействия военным действиям все больше выводят эту конкретную проблематику на передний план. Продолжаются дискуссии относительно того, какие объекты являются законными военными целями, особенно в связи с так называемым их «двойным использованием» и объектами, оказывающими поддержку военным усилиям⁷⁷. Вообще говоря, не оспаривается, что электросети, промышленные предприятия и коммуникационные сооружения, компьютерные и телефонные сети, транспортные системы и другая инфраструктура, включая аэропорты и железные дороги — а все это в первую очередь имеет гражданские функции — могут стать законными военными целями, если они отвечают критериям, указанным в статье 52, п. 2, Дополнительного протокола I, а также отражающим обычное МГП, применимое в немеждународных вооруженных конфликтах⁷⁸. На самом деле каждый гражданский объект теоретически может стать военным объектом, если он в совокупности отвечает соответствующим критериям. Например, даже религиозные сооружения, школы или медицинские формирования могут временно стать военными объектами, если: 1) они делают эффективный вклад в военные усилия, будучи использованы в качестве огневых позиций, для приведения в действие самодельных взрывных устройств или служа укрытием; и 2) их полное или частичное уничтожение дает явное военное преимущество. «Двойное использование» — это разговорное, а не юридическое наименование тех гражданских объектов, которые служат как военным, так и гражданским целям. Таким образом, в отношении этих так называемых объектов «двойного использования» проблема состоит не в том, могут ли такие объекты теоретически становиться военными объектами, но при каких обстоятельствах (и на какое время) нападающий может прийти к выводу, что они являются законными военными целями.

В широком смысле дискуссия ведется по вопросу о том, только ли существующее или также потенциальное военное преимущество может стать причиной квалификации объекта в качестве законной военной цели⁷⁹. Совершенно очевидно, что если так называемый «объект двойного использования» используется для эффективной поддержки военных усилий, тогда правовая классификация не будет представлять никаких особых проблем. Однако если он так не используется, определение статуса объекта

77 W. Hays Parks, 'Asymmetries and the identification of legitimate military objectives', in W. Heintschel von Heinegg and V. Epping, примечание 30 выше, pp. 65—116.

78 Хотя ведется дискуссия относительно толкования статьи 52 Дополнительного протокола I, сама формулировка не вызывает споров и никто не сомневается в том, что определение имеет статус обычного права. См.: Хенкертс, Ж.-М., Досвальд-Бек, Л., примечание 44 выше, норма 8.

79 Françoise J. Hampson, 'Proportionality and necessity in the Gulf conflict', in *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*, Vol. 86, 1992, pp. 45 and 49; Yoram Dinstein, *The Conduct of Hostilities under the Law of International Armed Conflict*, Cambridge University Press, Cambridge, 2004, p. 93; Michael Bothe, 'The protection of the civilian population and NATO bombing on Yugoslavia: comments on a report to the prosecutor of the ICTY', in *European Journal of International Law*, Vol. 12, No. 3, 2001, p. 534.

будет зависеть от его характера, назначения и местоположения. Это проблематично, потому что различие между двумя критериями, в частности характера и назначения, остается несколько неясным. Критерий назначения проблематичен, поскольку трудно определить, в какой момент становится достаточно ясно или достаточно разумно предположить, что цель объекта заключается в том, чтобы внести эффективный вклад в военные действия. Он неоднозначен, потому что не совсем ясно, направлен ли критерий на определение свойственного объекту назначения — что, как представляется, означает его конструкцию и присущие ему характеристики и поэтому делает излишним различие между «характером» и «назначением» в статье 52, п. 2, Дополнительного протокола I — или определение назначения, которое лицо (индивидуально) придало этому объекту. В Комментарие МККК говорится о «предполагаемом будущем использовании» объекта, что, очевидно, предполагает последнее толкование⁸⁰. Критерий характера является проблематичным, потому что, если его применить к объектам «двойного использования», это решительно и автоматически сделает такие объекты законными военными целями, независимо от их истинного назначения или использования. Очевидно, что тогда становится излишней сама идея «двойного использования», поскольку эти объекты совершенно точно будут приравнены к военным объектам⁸¹. Действительно, некоторые авторы утверждают, что, например, мосты и железнодорожные пути должны считаться военными объектами по своему характеру⁸². В том же духе комментариев к недавно изданному «Руководству по воздушной и ракетной войне» в рамках Программы исследований гуманитарной политики и конфликтов ссылается на мнение, выраженное во время обсуждений Руководства. В соответствии с ним военные объекты по своему характеру должны подразделяться на две категории — «военные объекты по своему характеру во всякое время», и объекты, которые становятся «военными объектами по своему характеру только в свете обстоятельств, сложившихся в конкретный момент»⁸³. МККК был решительно не согласен с таким прочтением. Он утверждал, что критерий характера по определению относится к присущим объекту характеристикам, которые являются постоянными. Поэтому для МККК не может быть никаких временных «военных объектов по своему характеру»⁸⁴.

Предложенное столь широкое толкование определения военных объектов снова отражает попытки облегчить практические трудности при выявлении законных военных целей путем расширения соответствующих

80 Yves Sandoz, Christophe Swinarski, and Bruno Zimmermann (eds), *Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949*, Martinus Nijhoff, Geneva, 1987, para. 2022.

81 Program on Humanitarian Policy and Conflict Research (HPCR), Harvard University, *Manual on International Law Applicable to Air and Missile Warfare*, Commentary, 2009, p. 109 доступно по адресу: <http://www.ihlresearch.org/amw/manual/> (последнее посещение 22 марта 2011 г.).

82 Y. Dinstein, примечание 79 выше, p. 93.

83 HPCR, примечание 81 выше, p. 109.

84 *Ibid.*, p. 109, note 261.

юридических понятий. Очевидно, «критерий характера» гораздо категоричнее и абстрактнее, в то время как критерий истинного использования объекта — более гибок и может применяться в каждом конкретном случае; то есть он принимает во внимание, каким образом данный объект фактически используется во время нападения. И наоборот, критерий характера объекта обозначает внутренне присущие объекту характеристики. Объект по своей конструкции должен иметь присущее ему свойство, которое тем самым и независимо от его фактического использования вносит эффективный вклад в военные усилия⁸⁵. Таким образом, концепция категории «временного военного объекта по характеру», или, другими словами, «военных объектов по своему характеру... в свете обстоятельств, сложившихся в конкретный момент», представляется несоместимой с этим общим пониманием «критерия характера». И все же до настоящего времени некоторая двусмысленность остается в отношении того, какие присущие объекту характеристики должны приниматься во внимание в этой связи. Традиционно категория объектов, которые считаются военными объектами по своему характеру, толковалась довольно узко, и считалось, что она включает, например, танки, постоянные военные фортификационные сооружения, системы оружия, военные летательные аппараты и склады для хранения оружия и военного снаряжения. Если считать, что характеристики, присущие мостам и железнодорожным путям — то есть объектам, которые обычно и чаще всего служат гражданским целям, — превращают их в постоянные военные объекты по их характеру, независимо от их фактического использования, то оставшиеся критерии статьи 52, п. 2, Дополнительного протокола I — а именно: расположение, назначение и использование — оказываются в основном излишними. Проще говоря, если считается, что мост имеет присущие ему военные характеристики, то, в сущности, любой объект можно определить как военный объект по его характеру. Такое толкование не входило в намерения составителей статьи 52, п. 2, Дополнительного протокола I и не соответствует традиционному толкованию критерия «характера», и в целом такое толкование подрывало бы принцип проведения различия. Поэтому так называемые объекты «двойного использования», в частности потому, что они по своему характеру не являются военными, могут становиться объектом нападения только в том случае, если они фактически вносят эффективный вклад в военные действия стороны в конфликте⁸⁶.

Поэтому представляется, что правило, определяющее, когда объекты представляют собой законные военные объекты, не было непосред-

85 Y. Dinstein, примечание 79 выше, p. 88.

86 В отношении объектов двойного использования в докладе Обвинителя МТБЮ подчеркивается, что критерии, изложенные в статье 52 Дополнительного протокола I, должны быть удовлетворены в каждом отдельном случае и что «общий ярлык не является достаточным». 'Final report to the prosecutor by the committee established to review the NATO bombing campaign against the Federal Republic of Yugoslavia', 8 June 2000, pp. 47 and 55, доступно по адресу: http://www.icty.org/x/file/About/OTP/otp_report_nato_bombing_en.pdf (последнее посещение 22 марта 2011 г.).

ственным образом оспорено или изменено⁸⁷, возможно, потому, что соответствующая норма признает, что каждый гражданский объект может временно стать военным объектом в описанных выше обстоятельствах.

Гуманитарный принцип соразмерности⁸⁸

Из-за размытых линий различия в асимметричных вооруженных конфликтах точная оценка соразмерности нападения еще более важна, но часто еще более трудна. На практике применение гуманитарного принципа соразмерности требует следующего теста. Во-первых, фактическая оценка должна производиться для того, чтобы определить, «можно ли предполагать, что [планируемое нападение на военный объект] послужит причиной случайных потерь среди гражданского населения, ранений гражданских лиц и ущерба гражданским объектам». Во-вторых, необходимо определить, какое «конкретное и непосредственное военное преимущество» предполагается получить при нападении. Если можно ожидать потерь среди гражданского населения и/или ущерб гражданским объектам, командир, принимающий решение о нападении, в качестве третьего шага должен определить ценность ожидаемого военного преимущества, с одной стороны, и цену возможного ущерба гражданским лицам и гражданским объектам — с другой. В качестве последнего шага требуется принять сбалансированное решение, в котором находит отражение суждение о том, какая же цена выше другой⁸⁹. Несмотря на то, что МГП преследует общую цель — уменьшить по возможности страдания гражданских лиц, оно не предписывает какого-то абсолютного предела в отношении «сопутствующего ущерба». Таким образом, весьма значительное военное преимущество может, потенциально, оправдать значительный ущерб гражданским объектам и даже потери — то есть серьезный, но не чрезмерный сопутствующий ущерб⁹⁰.

87 При использовании комплексного огневого поражения в Афганистане, например, несколько факторов должны быть приняты во внимание до того, как будет разрешено нападение. Сюда входят, среди прочего, оценка того, вносит ли цель эффективный вклад в военные действия противника и дает ли ее уничтожение определенное военное преимущество (т. е. является ли она военным объектом). Guidance for the Application of Joint Fires, Annex B to HQ ISAF SOP, Dated 06, выдержка, представленная на семинаре по правилам применения силы в Международном институте гуманитарного права в Сан-Ремо, 13–17 сентября 2010 г. Согласно Доктрине Joint Pub 3-09, касающейся *Комплексного огневого поражения*, 12 мая 1998 г., п. I-1, оно означает «огонь, ведущийся при использовании сил двух или более компонентов при осуществлении согласованных действий для достижения общей цели».

88 О применении принципа соразмерности во время немеждународных вооруженных конфликтов см.: Хенкертс, Ж.-М., Досвальд-Бек, Л., примечание 44 выше, норма 14, с. 59.

89 Asbjorn Eide, 'The laws of war and human rights: differences and convergences', in Christophe Swinarski (ed.), *Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honor of Jean Pictet*, Martinus Nijhoff, Dordrecht, 1984, p. 681.

90 Следует отметить, что комментарий МККК отвергает этот аргумент, потому что очень большие потери среди гражданского населения и ущерб противоречат основополагающим нормам Протокола. См.: Y. Sandoz et al., примечание 80 выше, para.1980.

Факторы, которые необходимо принять во внимание в ходе оценки соразмерности

Недостатки гуманитарного принципа соразмерности хорошо известны. Основная трудность заключается в том, что необходимо уравновесить такие несоизмеримые факторы, как жизнь и ранения гражданских лиц и ожидаемое военное преимущество. Несмотря на это, существует единодушное мнение, что во время вооруженного конфликта просто не существует лучшей и столь же реалистичной альтернативы⁹¹. Может быть это и справедливо, но следует также понимать, что детали принципа соразмерности и его применения на практике все же могут быть разработаны более конкретно, чем это сделано на сегодняшний день. В связи с этим Заключительный доклад прокурору комитета, учрежденного для оценки кампании НАТО по бомбардировке Федеративной Республики Югославия, поставил множество поучительных вопросов, касающихся применения гуманитарного принципа соразмерности. В Докладе, например, ставились вопросы: «а) Какова относительная ценность достигаемого военного преимущества и ранений некомбатантов или ущерба гражданским объектам? б) Что включается в эту задачу или исключается из нее? [и] с) Каковы критерии измерения во времени и пространстве?»⁹². Доклад был опубликован 13 июня 2000 г., но даже через десять лет вопросы, поднятые в нем в отношении принципа соразмерности, остаются столь же актуальными.

Ответы, предлагаемые МГП на эти вопросы, довольно абстрактны. Как уже отмечалось, военный командир, принимая решение о нападении, должен определить относительную ценность военного преимущества по сравнению с ценой ожидаемого вреда для гражданских лиц и объектов. Нормативные указания относительно его свободы в принятии решения при определении военного преимущества и его относительной ценности довольно слабы. Прилагательные «конкретное» и «непосредственное» в статье 51, п. 5 (b), Дополнительного протокола I ограничивают преимущества, которые следует принять во внимание, определенными преимуществами, для того чтобы не допустить абстрактных соображений, таких как общая цель достижения победы в войне, которая, будучи конечной военной целью, сама по себе перевесит почти все интересы гражданских лиц. Но, как представляется, все согласны с тем, что военное преимущество не должно обязательно или исключительно становиться результатом уничтожения конкретного объекта нападения и что оценка военного преимущества может осуществляться путем принятия во внимание более широкой оперативной картины⁹³. На основа-

91 Y. Dinstein, примечание 79 выше, p. 122.

92 'Final report to the prosecutor', примечание 86 выше, para. 49.

93 Почти все государства — члены НАТО сделали при ратификации Дополнительного протокола I (как и другие страны при подписании или ратификации Протокола) идентичные заявления, согласно которым «военное преимущество» следует понимать как преимущество, ожидаемое от нападения в целом, а не только от отдельных или особых его частей.

нии статьи 8, п. 2 (b)(iv), Римского статута Международного уголовного суда некоторые авторы высказываются в пользу рассмотрения общего военного преимущества, ожидаемого от нападения, в качестве вопроса общего права⁹⁴. Общее военное преимущество будет включать военные преимущества, получаемые от событий, удаленных во времени и пространстве. В этом контексте представляется разумным отметить, что во время Конференции в Риме МККК заявлял, что включение слова «общее» в определение преступления может быть истолковано как изменение существующего права⁹⁵.

Естественным результатом дебатов относительно масштабов военного преимущества является вопрос о том, насколько должен приниматься во внимание косвенный ущерб гражданским лицам и объектам, наносимый в результате нападения. Спектр мнений широк. Сторонники умеренной позиции не исключают принятия во внимание косвенного ущерба гражданским лицам и объектам, но пытаются дать указания относительно того, где же провести границу между косвенным ущербом, который можно допускать, и тем, который уже рассматривать не следует⁹⁶. Формулировки статьи 51, п. 5(b), и статьи 57, п. 2(b), Дополнительного протокола I, кажется, предполагают, что понятие ожидаемых потерь среди гражданского населения и ущерба гражданским объектам должно толковаться так же широко, как понятие военного преимущества. Иначе оценка соразмерности будет искажена с самого начала в пользу военных соображений. Более того, эти две статьи четким образом требуют, чтобы ожидаемое военное преимущество было «конкретным» и «непосредственным», в то время как не существует таких ограничительных критериев для ожидаемого побочного вреда для гражданских лиц и гражданских объектов; слово «случайные», конечно, шире, чем прилагательные «конкретное» или «непосредственное». Аналогичным образом представляется, что понятие того, чего «можно ожидать» от нападения (случайные потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и случайный ущерб гражданским объектам или то и другое вместе), шире, чем то, что фактически «предполагается» (военное преимущество). Таким образом, в духе основополагающего принципа, в силу которого гражданское население пользуется общей защитой не только от нападений, но от военных действий в целом, в ходе оценки соразмерности во внимание должны прини-

94 Y. Dinstein, примечание 79 выше, p. 123; William J. Fenrick, 'The rule of proportionality and Protocol I in conventional warfare', in *Military Law Review*, Vol. 98, 1982, pp. 111–112; Ian Henderson, *The Contemporary Law of Targeting: Military Objectives, Proportionality and Precautions in Attack under Additional Protocol I*, Martinus Nijhoff, Leiden, 2009, p. 200 («оценка может включать военное преимущество, которое не будет очевидным до некоторого момента в будущем»).

95 Документ A/CONF.183/INF/10 — Международный Комитет Красного Креста: Заявление от 8 июля, касающееся документа бюро для обсуждения A/CONF.183/C.1/L.53', *Дипломатическая конференция полномочных представителей под эгидой Организации Объединенных Наций по учреждению Международного уголовного суда*, Рим, Италия 15 июня—17 июля 1998 г., <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G98/721/63/PDF/G9872163.pdf?OpenElement> п.2.

96 I. Henderson, примечание 94 выше, pp. 208.

маться долгосрочные последствия для гражданского населения, которые можно предвидеть.

В условиях вооруженного конфликта в Афганистане США, в частности, разработали сложный набор правил для заранее спланированных (преднамеренных) нападений, принимая во внимание цели противоповстанческой деятельности⁹⁷. До начала боя цель должна быть определена (позитивное определение, или PID)⁹⁸ и получено разрешение на вступление в бой или обстрел в соответствии с действующими правилами применения силы⁹⁹. Так называемый инструмент CARVER (сокращение от англ. *criticality, accessibility, recuperability, vulnerability, effects, and recognizability* — критичность, доступность, восстанавливаемость, уязвимость, эффект и узнаваемость) определяет факторы, которые должны помочь при оценке и выборе целей. Факторам присваивается цифровая величина, указывающая на желательность нападения на цель, которая затем помещается в матрицу решения¹⁰⁰. До того как может быть разрешено преднамеренное нападение на цель, должна быть проведена оценка побочного ущерба (ОПУ)¹⁰¹. Она представляет собой сложную методику, включающую «компьютерное моделирование, анализ разведывательных данных, расчет боевых средств, исследование человеческого фактора для оценки возможного побочного ущерба и определения его уровня, при котором преднамеренный удар должен быть одобрен»¹⁰². Другие детали методики ОПУ, применяемой в Афганистане, остаются засекреченными.

97 Подробно об определении объектов и целей для удара в ходе противоповстанческих действий в целом и в Афганистане в частности, см.: M. N. Schmitt, примечание 60 выше, pp. 309–326. См. также: Joint Targeting Cycle and Collateral Damage Estimation Methodology (CDM) attached to United States District Court for the District of Columbia, *Nasser Al-Aulaqi v. Barack H. Obama, et al.*, Declaration of Jonathan Manes, No. 10-cv-1469 (JDB), 8 October 2010.

98 Позитивное определение это «разумная уверенность в том, что предполагаемая цель является законной военной целью». Center for Law and Military Operations, примечание 54 выше, p. 96.

99 *Ibid.*, p. 103. Следует отметить, что хотя правила применения силы должны оставаться в рамках МПП, т. е. могут разрешать нападения только на военные объекты, они могут налагать больше ограничений на определение целей по политическим или оперативным соображениям.

100 Инструмент CARVER был первоначально разработан как методология анализа целей для специальных сил США. Он используется для оценки обоснованности и требований боевой задачи на протяжении всего цикла определения целей и планирования боевой задачи и помогает сделать наилучший выбор целей. Определение факторов см.: Joint Pub 3-05.5, *Joint Special Operations Targeting and Mission Planning Procedures*, 1993, p. II-8 and glossary. См. также: US Field Manual FM 34-36, *Special Operations Forces Intelligence and Electronic Warfare Operations*, Department of the Army, 1991, Appendix D, superseded by FM 3-05.102, *Army Special Operations Forces Intelligence*, Department of the Army, 2001, para. 2–68. Пример модифицированного инструмента CARVER был представлен на Семинаре по правилам применения силы в Международном институте гуманитарного права, Сан-Ремо, 13–17 сентября 2010 г.

101 Выдержка из документа «Joint Forces Command Brunssum OPLAN 30302», представленная на Семинаре по правилам применения силы в Международном институте гуманитарного права, Сан-Ремо, 13–17 сентября 2010 г. Формальный метод ОПУ не должен применяться в ситуациях самообороны. Однако принципы соразмерности и военной необходимости все же должны соблюдаться в таких ситуациях. См.: Center for Law and Military Operations, примечание 54 выше, с. 104.

102 M. N. Schmitt, примечание 60 выше, p. 311.

Однако представляется, что современные технологии позволяют рассчитывать возможное воздействие воздушного удара на здания и другие объекты, расположенные вблизи объекта нападения. Последствия затем могут быть продемонстрированы на эллипсе на снимке, сделанном при разведке наблюдением, а цветовой код укажет на степень ожидаемых разрушений¹⁰³.

Стандарт «разумного военного командира»

Ценностное суждение, которое является неотъемлемой частью анализа соразмерности, трудно подвергнуть тщательной проверке. Остаются разные мнения и в отношении того, как это суждение должно оцениваться — на основании субъективных или объективных критериев. «Заключительный доклад Обвинителю», подготовленный МТБЮ, подчеркивал, что оценка относительной ценности в соответствии с уравнением соразмерности «может быть различной в зависимости от ситуации и ценностей того, кто принимает решение». Следовательно, «юрист, специализирующийся в области прав человека, и опытный боевой командир» или «военные командиры, воспитанные в духе разных доктрин и с разной степенью боевого опыта», вряд ли будут «приписывать одинаковую относительную ценность военному преимуществу» и ожидаемому ущербу¹⁰⁴. Результат зависит именно от такого ценностного суждения, а не из-за того, как может показаться, факта, что на театрах военных действий во время вооруженных конфликтов могут сложиться такие обстоятельства, которые не позволят сделать точную фактическую оценку. Доклад, а также Судебная камера в деле Купрешича пришли к выводу, что существуют серые зоны между «безусловной законностью и беззаконием, в рамках которых еще трудно решить, что имело место нарушение принципа соразмерности»¹⁰⁵.

В области международного уголовного права примечание 36 к элементам преступления статьи 8, п.2 (b)(iv), Римского статута объясняет, что «военное преимущество» означает преимущество, которое может предвидеть правонарушитель, а примечание 37 требует, чтобы правонарушитель лично принимал требуемое ценностное суждение¹⁰⁶. «Заключительный

103 См., например: Public Prosecutor General of the Federal Court of Justice, Einstellungsvermerk, 3BJs 6/10-4, Karlsruhe, 16 April 2010, p. 22, доступно по адресу: <http://www.generalbundesanwalt.de/docs/einstellungsvermerk20100416offen.pdf> (последнее посещение 22 марта 2011 г.).

104 'Final report to the prosecutor', примечание 86 выше, para. 50.

105 *Ibid.*, para. 52; ICTY, *Prosecutor v. Zoran Kupreškić et al.*, IT-95-16-T, Judgment of 14 January 2000, para. 526.

106 Примечание 37 к элементам преступления статьи 8, п. 2 (b)(iv), Римского статута содержит исключение из субъективных требований, изложенных в ч. 4 Общего введения, согласно которому в отношении субъективной стороны, связанной с элементами, касающимися ценностного суждения, такого, где используются термины «бесчеловечный» или «жестокый», нет необходимости в том, если не указано иначе, чтобы правонарушитель лично выносил конкретное ценностное суж-

доклад Обвинителю» МТБЮ, однако, справедливо одобряет более объективный стандарт. В соответствии с Докладом решающим критерием для такого далеко идущего решения, как определение относительной ценности военного преимущества и относительной ценности ожидаемых потерь среди гражданского населения, является стандарт «разумного военного командира»¹⁰⁷. Действительно оперативные требования во время вооруженного конфликта не требуют и не оправдывают чисто субъективного критерия при принятии решений. Конечно, МГП должно предусматривать изменяющиеся обстоятельства и множество неточностей и сомнений, которые всегда имеются во время вооруженных конфликтов, и должно — чтобы быть реалистичным — оставлять некоторую свободу действий солдатам, действующим на местах. Однако следует различать фактическую степень свободы действий и соответствующий стандарт оценки принятого лицом решения. Объективный стандарт для принятия решения — стандарт «разумного военного командира» не ограничивает свободу действий солдата при оценке реальной ситуации, но просто предотвращает произвольность при использовании этой свободы.

Минимизация опасности для своих войск

В сценариях таких конфликтов, как в Афганистане, вопрос о минимизации опасности для своих войск особенно важен для всех сторон в конфликте. Незаметность противника делает наземные операции особенно опасными. Естественно, что сторона в вооруженном конфликте постарается как можно больше снизить риск для своих сил. Однако минимизация опасности для солдат может увеличить риск нанести потери и ранения гражданским лицам. Это особенно очевидно, когда приходится делать выбор между, например, применением воздушных либо наземных сил или между воздушными операциями, осуществляемыми на большой либо на малой высоте.

дение. См.: Knut Dörmann, *Elements of War Crimes under the Rome Statute of the International Criminal Court: Sources and Commentary*, Cambridge University Press, Cambridge, 2003, p. 161. Выразались различные мнения касательно толкования примечания 37. Однако в целом в этом отношении, как представляется, принят довольно субъективный стандарт. Кажется, все государства согласны с тем, что это примечание не должно привести к тому, что будет освобожден от ответственности небрежный правонарушитель, который знает об ожидаемом военном преимуществе и предполагается побочном ущербе или ранениях, но не подумал о том, что надо оценить возможную чрезмерность побочных ранений или ущерба; *ibid.*, p. 165.

¹⁰⁷ В «Заключительном докладе Обвинителю», примечание 86 выше, para. 50, говорится: «Хотя в сходных случаях возможны споры, будет и много случаев, когда разумные военные командиры согласятся с тем, что повреждения, причиненные некомпантам, или ущерб гражданским объектам были явным образом несоизмерны полученному военному преимуществу». В деле Купрешкича МТБЮ опирался на оговорку Мартенса в качестве минимальной ссылки и заявил на этом основании, что предписания — в этом случае предписания статей 57 и 58 Дополнительного протокола I — должны толковаться таким образом, что свобода усмотрения при нападении на воюющих должна быть как можно более ограниченной, и по той же причине как можно более широкой защита, предоставляемая гражданским лицам; ICTY, *Prosecutor v. Zoran Kupreškić et al.*, примечание 105 выше, para. 525.

Опять же, десять лет назад Комитет, учрежденный для рассмотрения фактов бомбардировки Федеративной Республики Югославия, осуществленной НАТО, поднял вопрос о том, можно ли принимать во внимание фактор снижения риска в качестве имеющего значение при проведении оценки соразмерности. Говоря в общем, защита и сохранение собственных сил — это законное соображение в соответствии с МГП. Все остальное противоречило бы реальности вооруженного конфликта. Именно по этой причине различные современные военные наставления определяют военную необходимость как требующую принятия мер для нанесения поражения противнику с «наименьшей затратой времени и средств и наименьшими потерями личного состава» или «наименьшими потерями живой силы и ресурсов»¹⁰⁸. Но это не дает ответа на вопрос о том, предоставляет ли современное гуманитарное право возможность учитывать фактор защиты своих сил в контексте проведения оценки соразмерности до конкретного нападения, и если предоставляет, то до какой степени.

МГП пресекает любые попытки принять во внимание общие соображения, которые могут снизить уровень защиты гражданского населения или отдельных гражданских лиц *per se*. Статья 51, п. 5(b), Дополнительного протокола I показывает, что сбалансированное решение требуется в каждом конкретном случае перед каждым нападением. Не допускаются огульные предположения, что какое-либо соображение — такое как безопасность своих сил, — может *per se* возобладать над обязанностью принять во внимание интересы гражданских лиц. Согласно общему принципу МГП предоставлять защиту и в любом случае минимизировать потери среди гражданского населения и ущерб гражданским объектам, обеспечение защиты для собственных сил не может считаться более важным фактором, чем защита гражданского населения или жизни отдельных гражданских лиц. Однако это не исключает необходимости учитывать опасности, когда речь идет о планировании конкретного нападения и определении конкретного военного преимущества. В этом отношении следует провести различие между двумя вопросами: безопасность собственных сил в целом и безопасность сил, осуществляющих нападение, в частности. Если «А» осуществляет нападение на наземные силы «В» и если «В» поэтому требует поддержки с воздуха для отражения нападения и защиты своих сил, сохранение наземных сил «В» является военным преимуществом, которое может быть принято во внимание помимо того военного преимущества, которое возникает в результате уничтожения войск «А». Причина заклю-

108 United Kingdom Ministry of Defence, *The Manual of the Law of Armed Conflict*, Oxford University Press, Oxford, 2004, section 2.2; United States Department of the Navy, *The Commander's Handbook on the Law of Naval Operations*, NWP 1-14M/MCWP 5-12-1/COMDTPUB P5800.7A, July 2007, para. 5.3.1. Указывалось, что критерий минимальных затрат времени, потерь личного состава и ресурсов должен пониматься как применяющийся не только к нападающей стороне, но и стороне, на которую совершается нападение; см.: Y. Sandoz, C. Swinarski, and B. Zimmermann (eds), примечание 80 выше, para. 1397.

чается в том, что оба преимущества (уничтожение войск «А» и сохранение войск «В») станут прямым следствием нападения; ни одно из них не реализуется прежде, чем будет осуществлено нападение.

Однако усиленная безопасность «нападающих сил», строго говоря, не станет результатом нападения. Она реализуется не благодаря самому нападению, но благодаря стратегическому решению (принятому до нападения) осуществить нападение определенным способом (например, с большой высоты, а не с использованием наземных сил). Если в таком сценарии безопасность нападающих сил могла быть принята во внимание в рамках уравнения соразмерности, — *quid non* — тот факт, что командир выбрал очень безопасный и поэтому явно «выгодный с военной точки зрения метод» (то есть воздушную бомбардировку), означал бы, что в свете более высокого военного преимущества этой конкретной формы нападения, более значительные потери среди гражданского населения можно считать оправданными. Совершенно очевидно, что это пример скользкого склона. В таком сценарии беспокойство о безопасности нападающих сил искажило бы оценку соразмерности в пользу военных соображений и в ущерб гражданскому населению, которое находится под защитой этого принципа. Это не означает, что военным командирам нельзя принимать во внимание безопасность своих войск, осуществляющих нападение, при планировании нападения. Они, совершенно определенно, могут это делать. Но каков бы ни был результат их планирования, каждое нападение, которое они собираются осуществить, должно соответствовать гуманитарному праву. Если воздушная бомбардировка вызовет чрезмерные потери среди гражданского населения, ее не следует производить. В этом случае военный командир может принять решение либо не осуществлять нападение, либо прибегнуть к применению альтернативных средств и методов нападения (в отношении которых ему снова придется произвести оценку соразмерности), либо подождать, когда изменятся обстоятельства. Однако ни при каких обстоятельствах не может бомбардировка, осуществляемая с большой высоты — несмотря на первоначальную негативную оценку соразмерности, — быть оправдана на основании того аргумента, что это «более безопасно» и, следовательно, дает большее военное преимущество, чем гипотетические альтернативные виды нападения, такие как боевой вылет на малой высоте или нападение с использованием наземных сил. Повсеместно принято считать, что гипотетическое военное преимущество не должно учитываться при определении соразмерности¹⁰⁹.

Меры предосторожности при нападении

Современные армии располагают беспрецедентными возможностями для разведки. Беспилотные разведывательные летательные аппараты, например, могут осуществлять наблюдение над любой территорией непрерывно в

109 Y. Dinstein, примечание 79 выше, p. 93.

течение длительных периодов времени, они могут предоставлять изображение в режиме реального времени тем, кто планирует нападение и принимает решение¹¹⁰. Но, несмотря на эти технические возможности, нечеткие линии различия в ситуациях асимметричных конфликтов часто мешают провести точный анализ района нанесения удара, а также надежно предсказать ущерб, который может быть нанесен гражданским объектам. Выявление и идентификация законных целей, а также непрерывная разведка цели в условиях реального поля сражения описывались как одна из труднейших проблем, с которыми сталкиваются современные армии, участвующие в боях¹¹¹. Этот раздел ограничивается двумя конкретными мерами предосторожности при нападении, а именно: опознавание цели и эффективное предупреждение. Анализ сосредоточен в основном на возможностях международных военных контингентов.

Опознавание цели

Какой объем информации и какого качества информацию о военной цели должен нападающий получить до нападения? Достаточно ли полагаться исключительно на воздушную разведку или требуется агентурно-оперативная разведка, осуществляемая на месте? МГП не дает и не может дать четкого обобщенного ответа на эти вопросы. Согласно статье 57, п. 2(а)(i), Дополнительного протокола I те, кто планирует нападение или принимает о нем решение, должны сделать все практически возможное для того, чтобы удостовериться, что объекты, на которые должно быть совершено нападение, являются военными объектами¹¹². Из этого следует, что ответы на поднятые выше вопросы зависят от того, что является «практически возможным» в конкретных обстоятельствах конкретного нападения. Например, пока личному составу не грозит неминуемая опасность, представляется, что Тактическая директива ISAF от июля 2009 г. требует провести «до отдания приказа об ударе с воздуха 48-часовой анализ «образа жизни» путем наземного или воздушного наблюдения для того, чтобы удостовериться, что гражданские лица не находятся на территории жилых домов»¹¹³. Во время составления Дополнительного протокола I фраза «все

110 Jack M. Beard, 'Law and war in the virtual era', in *American Journal of International Law*, Vol. 103, No. 3, 2009, p. 433.

111 I. Henderson, примечание 94 выше, p. 164.

112 О применении этой нормы к немеждународным вооруженным конфликтам см.: *Хенкертс, Ж.-М., Досвальд-Бек, Л.*, примечание 44 выше, Норма 16.

113 Rajiv Chandrasekaran, 'Petraeus review directive meant to limit Afghan civilian deaths', in *The Washington Post*, 9 July 2010. См. также: ISAF, Tactical Directive, 6 July 2009, доступно по адресу: http://www.nato.int/isaf/docu/official_texts/Tactical_Directive_090706.pdf (последнее посещение 22 марта 2011 г.). Анализ «образа жизни», включающий данные, собранные при помощи Предатора, был осуществлен при определении местонахождения высокопоставленного командира HiG в ноябре 2006 г. Практический пример, представленный на Семинаре по правилам применения силы в Международном институте гуманитарного права в Сан-Ремо, 13–17 сентября 2010 г.

практически возможное» долго обсуждалась¹¹⁴. В первоначальном проекте, выдвинутом в 1971 г. на Совещании правительственных экспертов по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, было использовано слово «обеспечить», но в конечном итоге этого сделать не удалось¹¹⁵. Из двух терминов «практически возможное» и «разумное» предпочтение было отдано первому, который, как понималось, означал «то, что было осуществимо и практически возможно»¹¹⁶. К этому некоторые делегации добавили, что при оценке того, что является осуществимым и практически реальным, «все обстоятельства, сложившиеся на момент нападения, включая те, которые относятся к *успеху* военных операций», должны быть приняты во внимание¹¹⁷. Понятое таким образом требование практически возможного, как представляется, означает не только то, что объективно осуществимо или практически возможно, но и то, что разумно в военном отношении с точки зрения военного командира. Такое расширенное прочтение требования практически возможного добавляет еще один довольно субъективный элемент к оценке. Однако сравнение со статьей 57, п. 2 (с), Дополнительного протокола I показывает, что там, где предполагалась такая далеко идущая оговорка, положения сформулированы очень точно. Эта часть статьи требует эффективного заблаговременного предупреждения, «за исключением тех случаев, когда обстоятельства этого не позволяют». Никакой подобной оговорки не содержится в формулировке обязательства проверить статус предполагаемой цели, которая дается в статье 57, п. 2 (а)(i), Протокола. Комментарий МККК поэтому отвергает толкование критерия практической возможности, которое включало бы «все обстоятельства, касающиеся *успеха* военных действий», как слишком широкое и как возможность избежать выполнения обяза-

114 Y. Sandoz, C. Swinarski, and B. Zimmermann (eds), примечание 80 выше, para. 2198.

115 ICRC, *Conference of Government Experts on the Reaffirmation and Development of International Humanitarian Law Applicable in Armed Conflicts, Volume III: Protection of the Civilian Population Against Dangers of Hostilities*, 1971, p. 136.

116 МККК, *Акты Дипломатической конференции по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов (1974—1977)*, т. 15, с. 297. Оценка того, что является практически возможным, неизбежно контекстуальна, и то, что практически возможно, определяется имеющимися возможностями разведки нападающей стороны. Поэтому общепринято, что на практике технологически более оснащенная сторона может быть связана более высокими стандартами, чем те стороны, которые не располагают столь же продвинутыми средствами разведки. См. также: Протокол о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств (Протокол II), Женева, 10 октября 1980 г., статья 3 (4). Соответственно «[п]рактические меры предосторожности являются теми мерами предосторожности, которые осуществимы или практически возможны с учетом всех обстоятельств, сложившихся в соответствующий момент, включая соображения гуманитарного и военного характера».

117 См., например, заявления, сделанные Великобританией, Турцией, Германией, Канадой и США: ICRC, *Conference of Government Experts on the Reaffirmation and Development of International Humanitarian Law Applicable in Armed Conflicts (1974—1977)*, Vol. 6, pp. 211, 214, 224, 226, and 241 respectively.

тельства по принятию мер предосторожности, предписываемых статьей 57, п. 2 (а)(i), Протокола¹¹⁸. Это, должно быть, правильно. В конце концов, опознавание цели является основополагающим предварительным условием для применения принципа проведения различия. Независимо от этого конкретного спора формулировка «делают все практически возможное», как представляется, означает, что если все практически возможное было сделано, но сомнения остаются относительно статуса предполагаемой цели, военный командир, несмотря на некоторую неопределенность, имеет право осуществить нападение. В Комментарий МККК отвергается такое вольное прочтение обязательства удостовериться в статусе объекта до нападения. Согласно Комментарию командир, планирующий нападение, должен «в случае сомнения, даже если существует очень небольшое сомнение, ... запросить дополнительную информацию и, в случае необходимости, отдать приказ о проведении дальнейшей разведки»¹¹⁹. Этот стандарт, который требует устранения сомнений относительно статуса объекта, был подвергнут критике как слишком высокий¹²⁰. Однако разрешение осуществлять нападения, несмотря на остающиеся сомнения относительно статуса объекта, серьезно подорвало бы принцип проведения различия. Поскольку до тех пор, пока сомнения остаются, МГП предусматривает определенные предположения в пользу покровительствуемого статуса (статья 50, п. 1, и статья 52, п. 3, Дополнительного протокола I)¹²¹. Эти предположения стали бы бессмысленными, если бы нападения разрешались в случае сомнений.

Это тем более важно, поскольку критерий «отсутствия сомнений» сам по себе не может гарантировать, что только военные объекты станут объектами нападений, как это было продемонстрировано, например, воздушными ударами в Кундузе 4 сентября 2009 г., нанесенными по двум бензовозам, захваченным вооруженной оппозицией. Генеральный прокурор Германии пришел к выводу, что обвиняемый полковник был убежден (в соответствии со стандартом «разумного военного командира»), что поблизости от бензовозов не находились гражданские лица. Он много раз просматривал в течение нескольких часов имеющиеся видео с летательных аппаратов ISAF и изучал информацию, предоставленную информантами, доверие к которым не ставилось под сомнение. Кроме того, он сделал запрос о предоставлении

118 Y. Sandoz, C. Swinarski, and B. Zimmermann (eds), примечание 80 выше, para. 2918.

119 *Ibid.*, para. 2195. Более того, Комментарий МККК требует, чтобы оценка полученной информации включала серьезную проверку ее точности.

120 I. Henderson, примечание 94 выше, p. 163.

121 Однако, предположения, допускаемые в статье 50, п. 1, и статье 52, п. 3, Дополнительного протокола I, остаются предметом споров. Особенно в случае немеждународных вооруженных конфликтов ни одна четкая норма не регулирует ситуации, в которых под сомнением остается характер лица. Тем не менее представляется правильным потребовать такого же внимательного и сбалансированного подхода при решении вопроса о статусе лиц, как это требуется в международных вооруженных конфликтах. См. Хенкерс, Ж.- М., Досвальд-Бек, Л., примечание 44 выше, Нормы 6, с. 25–31.

экипажем самолета ПИД относительно наличия оружия. Поскольку он не предполагал, что гражданские лица будут присутствовать во время удара с воздуха (1.49 ночи), он не стал осуществлять маневр «демонстрации силы» для рассеивания лиц, находящихся в том месте, которые по имеющимся предположениям были все боевиками вооруженной оппозиции¹²². Но оказалось, что большая часть жертв были гражданскими лицами¹²³.

Справедливо, конечно, — и, возможно, даже особенно в асимметричных конфликтах, — что решения о выборе цели часто приходится принимать в «дыму сражения» и не всегда возможно добиться «клинической точности»¹²⁴. Но «дым сражения» опасен не только для солдат, но и для гражданских лиц, которые оказываются там в ловушке. Ничто в гуманитарном праве не указывает на то, что фактическая неопределенность может потребовать снижения уровня защиты гражданского населения на законных основаниях. Таким образом, хотя «дым сражения» не всегда дает возможность быть «клинически точным» при принятии решения, можно с уверенностью утверждать, что именно из-за дыма сражения, именно потому, что конфликты протекают очень динамично и обстоятельства изменяются быстро, МГП требует опознавания цели и не допускает нападений в случае сомнений.

Эффективное предупреждение

В соответствии со статьей 57, п. 2 (с), Дополнительного протокола I и с положениями обычного права, эффективное заблаговременное предупреждение должно быть сделано «о нападениях, которые могут затронуть гражданское население, за исключением тех случаев, когда обстоятельства этого не позволяют»¹²⁵. Обязательство сделать предупреждение, ввиду все более расплывчатых линий проведения различия, становится все более важным с гуманитарной точки зрения. Оставив в стороне вопросы о том, какое же предупреждение можно назвать «эффективным» заблаговременным предупреждением, и о том, как нужно толковать выражение «если это

122 Public Prosecutor General of the Federal Court of Justice, примечание 103 выше. Следует отметить, что воздушные удары, как представляется, были ограничены ситуациями «войск, находящихся в соприкосновении с противником». Немецкий командир в конечном итоге классифицировал ситуацию как неминуемую угрозу, поскольку он опасался, что бензовозы могли быть использованы против Команды восстановления провинции в Кундузе или быть подготовлены для последующих нападений. *Ibid.*, p. 23.

123 См., например: *ibid.*, p. 36 et seq.; Christoph Reuter, 'Entschädigung für die Kundus-Opfer steht', in Stern, 5 August 2010, доступно по адресу: <http://www.stern.de/politik/ausland/tanklaster-angriff-in-fghanistanentschaedigung-fuer-die-kundus-opfer-steht-1590279.html> (последнее посещение 22 марта 2011 г.); James Sturcke and David Batty, 'Nato air strike in Afghanistan kills scores', in *The Guardian*, 4 September 2009.

124 Michael Bothe, Karl Josef Partsch, and Waldemar A. Solf, *New Rules for Victims of Armed Conflicts: Commentary on the Two 1977 Protocols Additional to the Geneva Convention of 1949*, Martinus Nijhoff, The Hague, 1982, p. 279.

125 См. Хенкергс, Ж.-М., Досвальд-Бек, Л., примечание 44 выше, Норма 20, с. 79 (курсив авторов).

позволяют обстоятельства», можно сказать, что выполнение обязательства, изложенного в статье 57, п. 2 (с), Дополнительного протокола I, зависит от определения того, может ли «нападение затронуть гражданское население». В случае инцидента в Кундузе 4 сентября 2009 г., Федеральная прокуратура Германии не сочла, что существовало обязательство сделать предупреждение, исходя из того, что не предполагалось, что нападение может затронуть каких-либо гражданских лиц¹²⁶. Поэтому Федеральному прокурору не пришлось рассматривать какой-либо из вопросов, упомянутых выше, а именно разрешили ли обстоятельства сделать предупреждение или нет. В Наставлениях для ВВС США в том же духе устанавливается, что не требуется никакого предупреждения, если маловероятно, что нападение затронет гражданских лиц¹²⁷. Военное наставление Великобритании, возможно, приняв более узкий подход, считает, что предупреждения не требуется, если в зоне предполагаемого нападения не осталось больше гражданских лиц¹²⁸. Но в виду динамики современных асимметричных вооруженных конфликтов и в свете все более размытых линий проведения различия, можно ли с уверенностью когда-либо исключить возможность того, что нападение (с воздуха) «может затронуть гражданское население»? Представляется, что какой-либо степени уверенности здесь быть не может, особенно в случае нападений с воздуха и бомбардировок. Инцидент в Кундузе, если рассматривать его уже после события, свидетельствует именно об этом. Конечно, слово «могут» в статье 57, п. 2 (с), Протокола I не требует какой-либо степени определенности относительно того, затронет ли на самом деле нападение гражданское население; сама возможность уже является достаточным условием. Таким образом, критерий нападений, «которые могут затронуть гражданское население» должен толковаться широко. Если нельзя исключить, что нападение затронет гражданское население, обязательство вступает в силу. Этот стандарт вряд ли можно считать излишне обременительным. В конце концов, статья 57, п. 2 (с), Протокола явным образом допускает необходимость принятия во внимание обстоятельств ситуации, включая военные соображения¹²⁹. Таким образом, даже на основании расширенного понимания того, когда нападение может «затронуть гражданское население», эта статья не требует категорично предупреждения до любого нападения. Военным командирам все еще предоставляется значительная свобода действий при решении о том, позволяют ли фактические обстоятельства принять меры по предупреждению.

126 См.: Statement of the Office of the Federal Prosecutor of 19 April 2010, para. 2, доступно по адресу: <http://www.generalbundesanwalt.de/de/showpress.php?searchstring=Klein&newsid=360> (последнее посещение 22 марта 2011 г.).

127 United States, *Air Force Pamphlet* (1976), para. 5—3(c)(2)(d).

128 United Kingdom, *Military Manual* (1958), para. 291.

129 В Комментариях МККК говорится, что предупреждение может вызывать затруднения, если условием успешности нападения является элемент внезапности, см.: Y. Sandoz, C. Swinarski, and B. Zimmermann (eds), примечание 80 выше, para. 2223.

Различные парадигмы правоприменения и ведения военных действий: контрольно-пропускные пункты для проверки транспортных средств в Афганистане

В современных вооруженных конфликтах (и сейчас речь идет об Афганистане) часто кажется трудным решить, какой парадигмой регулируются некоторые операции: правоприменительной или парадигмой ведения военных действий¹³⁰. Это различие имеет особое значение, потому что ограничения на применение силы могут быть очень разными. В то время как парадигма военных действий в основном регулируется конкретными нормами, касающимися ведения военных действий, парадигма правоприменительной деятельности регулируется главным образом стандартами прав человека, при условии, что применение норм права прав человека устанавливается в соответствии с конкретными обстоятельствами¹³¹. В условиях вооруженного конфликта МПП может иметь преимущественную силу по отношению к этим стандартам или влиять на их толкование¹³².

Одним ярким примером в контексте Афганистана, где две парадигмы могут пересекаться, являются контрольно-пропускные пункты для

130 Эту терминологию и определение этих парадигм см. в работе: Nils Melzer, *Targeted Killing in International Law*, Oxford University Press, Oxford, 2008, особенно pp. 85—90 и 269—298 соответственно.

131 Ведутся серьезные споры относительно экстерриториального применения прав человека. См., *inter alia*: Jann K. Kleffner, 'Human rights and international humanitarian law: general issues', in Terry D. Gill and Dieter Fleck (eds), *The Handbook of the International Law of Military Operations*, Oxford University Press, Oxford, 2010, p. 69 onwards; и N. Lubell, примечание 59 выше, pp. 193—235. Например, в соответствии со статьей 1 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), права и свободы, предусматриваемые Конвенцией, должны быть обеспечены «каждому человеку, находящемуся под юрисдикцией [Высоких Договаривающихся Сторон]». В своей судебной практике Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) особенно полагается на критерий «эффективного контроля» для того, чтобы подтвердить экстерриториальную применимость прав человека. См.: ECtHR, *Loizidou v. Turkey*, Preliminary Objections (Grand Chamber), 23 February 1995, paras. 61—64; ECtHR, *Öcalan v. Turkey*, Judgment (Grand Chamber), 12 May 2005, para. 91; ECtHR, *Al-Saadoon and Mufdhi v. UK*, Admissibility Decision, 30 June 2009, paras. 87—88. В отличие от ЕКПЧ Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП) в своих формулировках менее определен, так как его статья 2 (1) требует от государств-участников «уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте». Однако Комитет по правам человека (КПЧ) подтвердил возможность экстерриториального применения в нескольких случаях. См.: КПЧ, *Замечание общего порядка № 31: Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государство — участника Пакта*, 26 мая 2004 г., UN Doc. CCPR/C/21/Rev.1/Add.13, ч. 10; HRC, *Concluding Observations: United States of America, 2006*, UN Doc. CCPR/C/USA/CO/3, para. 10; HRC, *Lopez Burgos v. Uruguay* (Communication No. 52/1979), 29 July 1981, UN Doc. CCPR/C/13/D/52/1979, para. 12. И наконец, права и свободы в Американской конвенции о правах человека должны соблюдаться и обеспечиваться всем лицам под юрисдикцией государств-участников (статья 1). См., например: Inter-American Commission on Human Rights, *Armando Alejandro, Jr., et al. v. Republic of Cuba*, Case Report No. 86/99, 29 September 1999, para. 23.

132 Международный суд (МС), *Законность угрозы ядерным оружием или его применения, Консультативное заключение*, 1996 г., Документ ООН A/51/218, ч. 25; МС, *Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории, Консультативное заключение*, 2004 г., ч. 106. См. также: Orna Ben-Naftali and Yuval Shany, 'Living in denial: the application of human rights in the Occupied Territories', in *Israel Law Review*, Vol. 37, No. 1, 2003—2004, pp. 103—105.

транспортных средств. Они являются важными мерами безопасности в Афганистане: ISAF, ОНС и Афганские силы используют их для проверки людей, обнаружения оружия и наркотиков и ареста лиц, подозреваемых в принадлежности к вооруженной оппозиции¹³³. В то же самое время КПП могут также рассматриваться как средство, способное помешать передвижению противника, и могут становиться фактическими целями нападения со стороны противника¹³⁴. В связи с этим возникает вопрос, регулируется ли применение силы на КПП для транспортных средств парадигмой ведения военных действий или, с учетом того, что они, по крайней мере, частично, если и не главным образом, являются мерами безопасности, парадигмой правоприменительной деятельности, или обеими сразу. Аналогичная двусмысленность может возникать в случае патрулирования и обысков домов.

В Афганистане, как уже говорилось ранее, МПП применяется на всей территории, независимо от того, где проходят бои¹³⁵. Таким образом, оно потенциально применяется и к КПП и регулирует их деятельность. Хотя в МПП явным образом не упоминаются контрольно-пропускные пункты, нет никакого сомнения в том, что стороны в вооруженном конфликте могут создавать КПП и принимать аналогичные меры безопасности, такие как обыски домов, в соответствии с этим правом. Некоторые нормы МПП имплицитно включают создание контрольно-пропускных пунктов в качестве меры безопасности. Во время международных вооруженных конфликтов, например, МПП разрешает меры безопасности и контроля по отношению к покровительствуемым лицам¹³⁶ и, в случае оккупации, требует, чтобы оккупирующая держава принимала меры по восстановлению и обеспечению общественного порядка и безопасности¹³⁷. Во время немеждународных вооруженных конфликтов возможная правовая основа для контрольно-пропускных пунктов содержится в национальном праве. Надо заметить, что в особом контексте Афганистана резолюции Совета Безопасности ООН допускают применение «всех необходимых мер» для решения, среди прочего, вопросов, связанных с обеспечением безопасности¹³⁸.

Более того, в соответствии с принципом проведения различия, военные операции, связанные с ведением боевых действий, могут быть

133 Brian Hutchinson, 'Assignment Kandahar: checkpoint 5-1', in *National Post*, 10 August 2010; Mandy Clark, 'Afghan checkpoints key in battle for Kandahar', in *CBS News*, 3 August 2010.

134 См., например: 'Rebuilding an Afghan military checkpoint', in *OUT On The Porch*, 29 November 2010, доступно по адресу: <http://outontheporch.org/2010/11/29/rebuilding-an-afghan-military-checkpoint/> (последнее посещение 22 марта 2011 г.).

135 См.: ICTY, *Prosecutor v. Dusko Tadić*, примечание 7 выше, paras. 68 и 69; ICTR, *The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu*, примечание 27, para. 635.

136 См.: статья 27(4) Женевской конвенции IV.

137 См.: статья 43 Гаагского положения 1907 г.

138 См., в частности, резолюции Совета Безопасности ООН: 1943, от 13 октября 2010 г., Совета 1890 от 8 октября 2009 г. О мандате ISAF см. резолюции Совета Безопасности ООН: 1386 от 20 декабря 2001 г. и 1510 от 13 октября 2003 г.

направлены только против законных военных объектов и, следовательно, нападения не должны быть направлены против гражданских лиц или гражданских объектов¹³⁹. В то же самое время считается признанным, что военные действия и связанные с ними военные операции могут затрагивать гражданское население — вот почему гражданские лица «пользуются общей защитой от опасностей, возникающих в связи с военными операциями»¹⁴⁰. Из этого следует, а *maior ad minus*, что поскольку МГП допускает принятие мер безопасности в определенных ситуациях и даже военные операции, связанные с военными действиями, которые могут затронуть гражданских лиц, то в соответствии с МГП должна существовать возможность создавать КПП, осуществляющие контроль над гражданскими лицами, если эти КПП не создают собой угрозы прямым нападениям против них и не нарушают других норм гуманитарного права.

Решение относительно того, регулируется ли применение силы на (транспортных) КПП стандартами парадигмы правоприменения или стандартами парадигмы военных действий, должно приниматься на основании принципа *lex specialis*, согласно которому преимущество будут иметь нормы, обеспечивающие более подробное и конкретное регулирование¹⁴¹. Следовательно, если очевидно, что боевики, имеющие постоянную боевую функцию, или гражданские лица, которые непосредственным образом участвуют в боевых действиях, приближаются к КПП или колонне автомашин, они являются законным военным объектом и поэтому могут стать объектом нападения в соответствии со специальными нормами, касающимися ведения военных действий¹⁴². Однако если речь не идет о ведении военных действий — например, когда Афганские вооруженные силы или силы ISAF и ОНС осуществляют на КПП или во время обыска домов контроль над лицами, пользующимися защитой от прямых нападений, или действуют в порядке индивидуальной самообороны, или когда существуют сомнения относительно статуса соответствующего лица — применение силы регулируется парадигмой правоприменения, то есть правом прав человека, а также МГП¹⁴³. МГП, регулирующее немежду-

139 См.: статьи 48, 51(2), и 52(2) Дополнительного протокола I; и статья 13(2) Дополнительного протокола II. См. также: Хенкертс, Ж.-М., Досвальд-Бек, Л., примечание 44 выше, Нормы 1 и 7. Комментарий относительно нападений см. в работе: Y. Sandoz, C. Swinarski, and B. Zimmermann (eds), примечание 80 выше, para. 1882, где нападения определяются просто как «применение вооруженной силы для ведения военных действий», и: Пикте, Ж., Гассер, Х.-П., Жюно, С.-С., Пийу, К., де Пре, Ж., Сандо, И., Свинарски, К., Венгер, К. Ф., Циммерман, Б. (ред.). Комментарий к Дополнительному протоколу II. Москва, МККК. 1998. Ч. 4783.

140 См.: статья 51(1) Дополнительного протокола I и статья 13 (1) Дополнительного протокола II. См. также: Y. Sandoz, C. Swinarski, and B. Zimmermann (eds), примечание 80 выше, paras. 1935—1936 и: Комментарий к Дополнительному протоколу II, указ. соч., ч. 4761—4771.

141 Nils Melzer, 'Law enforcement and the conduct of hostilities', in T. D. Gill and D. Fleck, примечание 131 выше, p. 42.

142 *Ibid.*, pp. 43, 44.

143 N. Melzer, примечание 130 выше, pp. 174—175, 277. Аргументацию в пользу того, что КПП на оккупированной территории регулируются национальным правом и правом прав человека, см. в

народные вооруженные конфликты, запрещает убивать лиц, не принимающих прямого участия в военных действиях, и тех, кто вышел из строя¹⁴⁴. Если же речь не идет о военных действиях, МГП и его общие принципы не дают достаточных указаний относительно законного применения силы в операциях по обеспечению безопасности, связанных с немеждународным вооруженным конфликтом. Ссылка на право прав человека для того, чтобы описать условия применения силы, может, таким образом, быть оправдана¹⁴⁵.

Хотя различие в соответствии с принципом *lex specialis* кажется простым с правовой точки зрения, на практике могут возникать ситуации, когда, надо признать, гораздо труднее понять, которая из парадигм имеет преимущество. В случае приближающегося автомобиля, который не замедляет своего движения или даже увеличивает скорость по мере приближения к (транспортному) КПП, будет трудно, если вообще возможно, определить, является ли водитель боевиком, гражданским лицом, непосредственно участвующим в военных действиях, или гражданским лицом, пользующимся защитой от прямых нападений, и, следовательно, решить, какие нормы применяются — нормы ведения боевых действий или более ограничительные стандарты правоприменительной деятельности. Решение о применении силы на поражение должно быть принято в считанные секунды. Если, например, первый признак (остановки) появляется за 200 м от КПП, и автомобиль движется со скоростью приблизительно 90 км/ч, у солдата есть лишь мгновение на то, чтобы вспомнить процедуры эскалации применения силы и решить, применять ли силу, которая может быть смертельной. Однако спорным представляется вопрос о том, сильно ли различаются стандарты права прав человека и МГП в таких сценариях.

Как уже сказано, МГП требует сделать все практически возможное для того, чтобы удостовериться, что предполагаемая цель — боевики или гражданские лица, непосредственно участвующие в боевых действиях (то есть военные объекты). Только если внимательно проведенная оценка не оставляет никаких сомнений о статусе лица как о законном военном объ-

работе: Marco Sassòli, 'Legislation and maintenance of public order and civil life by occupying powers', in *European Journal of International Law*, Vol. 16, No. 4, 2005, pp. 665—666. Афганистан ратифицировал МППП 23 марта 1976 г. и, таким образом, 24 апреля 1983 г. он является обязательным для исполнения для всех афганских подразделений, действующих на КПП. Для сил коалиции обязательства по праву прав человека будут зависеть от тех договоров, которые ратифицировали страны — члены коалиции, что ставит вопрос о том, применяются ли и в какой степени, если применяются, эти инструменты экстерриториально. Кроме того, статус и права ISAF подробно излагаются в документе «Military technical agreement: between the International Security Force (ISAF) and the interim administration of Afghanistan ("Interim Administration")» of 4 January 2002 (Военном техническом соглашении: между Международными силами безопасности (ИСАФ) и временной администрацией Афганистана (Временная администрация) от 4 января 2002 г.) in *International Legal Materials*, Vol. 41, No. 5, 2002, p. 1032.

144 См.: общая статья 3; статья 4(2)(а) Дополнительного протокола II; Хенкертс, Ж.-М., Досвальд-Бек, Л., примечание 44 выше, Норма 89.

145 См.: O. Ben-Naftali and Y. Shany, примечание 132 выше, pp. 104—105.

екте, на него можно нападать в соответствии с нормами, касающимися ведения военных действий. Если сомнения остаются или если делается вывод, что приближающийся автомобиль и (или) находящиеся в нем люди не являются военным объектом, применение потенциально смертельной силы регулируется стандартами правоприменения. В соответствии с правом прав человека — если оно применяется¹⁴⁶, — потенциально смертельная сила, направленная против приближающегося автомобиля, может быть применена, только если он представляет собой неминуемую угрозу в обстоятельствах данной ситуации. В этом случае применяемая сила должна быть строго необходимой для защиты солдат (в колонне автомашин или действующих на КПП) или любых других лиц от серьезного ранения или смерти или для ареста или предотвращения побега лица, подозреваемого в совершении тяжкого преступления¹⁴⁷. Кроме того, что должен быть удовлетворен критерий, согласно которому применение силы должно быть соразмерным фактической угрозе, лишение жизни будет также считаться «произвольным», если разумные меры предосторожности могли бы предотвратить или минимизировать применение силы¹⁴⁸. Эти меры включают, среди прочего, предупреждения и предоставление возможности для сдачи в плен¹⁴⁹, адекватное снаряжение¹⁵⁰ и подготовку¹⁵¹.

Процедуры эскалации силы, которые, как представляется, уже содержат значительный набор мер предосторожности несмертельного действия¹⁵², являются поэтому очень важными и практически возмож-

146 См. примечание 131 выше.

147 Inter-American Commission on Human Rights, *Report on Terrorism and Human Rights*, OEA/ser.L/V/II.116, Doc. 5 rev 1 corr., 22 October 2002, paras. 86—92; Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях, примечание 64, ч. 32; HRC, *Suarez de Guerrero v. Colombia*, No. 45/1979, 31 March 1982, CCPR/C/15/D/45/1997, para. 13.2.

148 См., например: HRC, *Suarez de Guerrero v. Colombia*, примечание 147 выше, paras. 13.2-3. устанавливает хотя и сходную, но все же несколько иную систему. Статья 2(2) ЕКПЧ нарушается, если лишение человека жизни не является «абсолютно необходимым» для достижения одной из перечисленных целей. Подобно другим системам по правам человека, ЕКПЧ также требует, чтобы применение силы было соразмерным и чтобы принимались меры предосторожности для того, чтобы «избежать или минимизировать, насколько это возможно» любую опасность для жизни или применение силы на поражение. См., например: ECtHR, *Case of Ergi v. Turkey*, No. 66/1997/850/1057, 28 July 1998, paras. 79—81, там говорится, что правительственные силы, устраивающие засаду вблизи деревни и таким образом подвергающие жителей деревни опасности попасть под перекрестный огонь, должны были принять адекватные меры предосторожности. О требованиях, касающихся организации антитеррористических операций и контроля за их проведением, см.: ECtHR, *McCann and others v. The United Kingdom*, No. 17/1994/464/545, 27 September 1995, paras. 194 and 202—213.

149 HRC, *Suarez de Guerrero v. Colombia*, примечание 147 выше, para. 13.2.

150 ECtHR, *Case of Güleç v. Turkey*, No. 54/1997/838/1044, 27 July 1998, para. 71.

151 ECtHR, *McCann and others v. The United Kingdom*, примечание 148 выше, paras. 211—212.

152 Процедуры эскалации силы (ПЭС) (ЕоF), как представляется, включают, среди прочего, стандартизированные предупредительные сигналы, искусственные неровности для ограничения скорости движения транспорта, полосы с шипами для прокола шин, сигнальные ракеты, конусы дорожного ограждения и электромегафоны. См., например: John Stevens, 'A vignette: Coalition casualties, vehicle control points/cordons & CIVCAS', in *COIN Common Sense*, Vol. 1, No. 1, February 2010, ISAF-

ными мерами предосторожности, которые помогают определить, представляет ли собой приближающийся автомобиль угрозу, на которую можно ответить потенциально смертельной силой.

Новые технологии на поле боя: применение беспилотных летательных аппаратов в Афганистане

Применение беспилотных летательных аппаратов в Афганистане — особенно боевых, которые могут осуществлять нападения в отдаленных районах — получило широкое освещение в СМИ¹⁵³. Беспилотные летательные аппараты являются средством снижения опасности для своих сил и досягаемости даже наиболее удаленных мест в горных районах Афганистана. Все более распространенное их использование, часто ассоциирующееся со случайными потерями среди гражданского населения, вызвало дебаты, в основном связанные с законностью методов их использования¹⁵⁴.

Беспилотники, управление которыми осуществляется за сотни и тысячи миль от того места, где они фактически действуют¹⁵⁵, могут оставаться в воздухе приблизительно 20 часов и передавать видеозображение в режиме реального времени (в том числе при помощи инфракрасной камеры и радиолокатора синтетической апертуры)¹⁵⁶. Беспилотные летательные аппараты были изначально разработаны для ведения разведки наблюдением, сейчас используются их боевые модели (MQ-1 Predator и MQ-9 Reaper), которые могут нести 100-фунтовые ракеты Хелфайар, а в случае

Afghanistan, p. 6. См. также: Center for Army Lessons Learned (CALL), *Escalation of Force Handbook: Tactics, Techniques, and Procedures*, 07–21, July 2007. Необходимость в большем количестве оружия несмертельного действия в условиях Афганистана была недавно признана одним из старших командиров морской пехоты США, см.: Dan Lamothe, '2-star supports more use of nonlethal weapons', in *Marine Corps Times*, 2 February 2011, доступно по адресу: <http://www.marinecorpstimes.com/news/2011/02/marine-corpsafghanistan-tasers-nonlethal-weapons-020110/> (последнее посещение 22 марта 2011 г.). О существующих и будущих системах оружия несмертельного действия см.: DoD Non-Lethal Weapons Program, *Non-Lethal Weapons for Today's Operations*, 2011, доступно по адресу: <https://www.jnlwp.usmc.mil/misc/publications/AR2011.PDF> (последнее посещение 22 марта 2011 г.).

153 См., например, Jane Mayer, 'The predator war: what are the risks of the C.I.A.'s covert drone program?', in *The New Yorker*, 26 October 2009, доступно по адресу: http://www.newyorker.com/reporting/2009/10/26/091026fa_fact_mayer (последнее посещение 22 марта 2011 г.).

154 Следует отметить, что беспилотники не ставятся вне закона как носители оружия. Предметом споров является, в основном, их использование для точечной ликвидации. См., например: Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях, примечание 64 выше, para. 24. О дискуссии по поводу их законности см., например: Chatham House, *International Law and the Use of Drones: Summary of the International Law Discussion Group Meeting Held at Chatham House on Thursday, 21 October 2010*, Mary Ellen O'Connell and Michael N. Schmitt (speakers), and Elizabeth Wilmshurst (chair).

155 Christopher Drew, 'Drones are weapons of choice in fighting Qaeda', in *The New York Times*, 16 March 2009.

156 Шмит, М.-Н. Применение высокоточного оружия и международное гуманитарное право // Международный журнал Красного Креста. 2005. № 859. С. 51.

с MQ-9 Reaper даже 500-фунтовые бомбы¹⁵⁷. В настоящее время решение о нападении остается за «пилотом», который, как сообщается, должен получить до 17 одобрений для того, чтобы ему разрешили осуществить запуск ракеты¹⁵⁸. Однако, вероятно, могут возникнуть новые проблемы, если будут введены еще более автоматизированные программы, которые уже могут и не требовать принятия решения со стороны человека.

Принимая во внимание оружие, которым оснащены MQ-1 Predator и MQ-9 Reaper, трудно представить себе возможность их использования в качестве инструмента правоприменения не в условиях вооруженного конфликта¹⁵⁹. Если беспилотники используются на «поле боя», нападения должны осуществляться согласно соответствующим нормам МГП, как они изложены в настоящей статье (т. е. проведение различия, соразмерность и меры предосторожности), так же, как и в случае с любой другой боевой системой доставки, которая явным образом не запрещена МГП.

Хотя технология беспилотных летательных аппаратов дает возможность проводить более надежную воздушную разведку, осуществлять более точные нападения и способствует большему соблюдению принципов, требующих принятия мер предосторожности при нападении и соразмерности, остаются вопросы: каким образом можно провести различие между гражданскими и военными объектами в условиях, когда может быть очень трудно получить надежную разведывательную информацию. Это вызывает особенно сильную озабоченность, когда БЛА используются для выявления лиц из списка тех, кто подлежит уничтожению¹⁶⁰, или для выявления лиц, которые непосредственно участвуют в боевых действиях. Например, может ли человек, копающий землю недалеко от дороги, быть с надежностью определен как лицо, устанавлива-

157 См.: US Air Force, *MQ-1B Predator*, Factsheet, 20 July 2010, доступно по адресу: <http://www.af.mil/information/factsheets/factsheet.aspx?fsID=122> ; and US Air Force, *MQ-9 Reaper*, Factsheet, 18 August 2010, доступно по адресу: <http://www.af.mil/information/factsheets/factsheet.aspx?fsID=6405> (последнее посещение 22 марта 2011 г.); Mary Ellen O'Connell, 'The international law of drones', in *The American Society of International Law Insights*, Vol. 14, No. 36, 12 November 2010; Matthias Gebauer et al., 'Accident-prone wonder weapons: Afghanistan war logs reveal shortcomings of US drones', in *Der Spiegel*, 27 July 2010.

158 С. Drew, примечание 155 выше.

159 Операции и нападения через границу в Пакистане ставят очень трудные и многоплановые вопросы не только с точки зрения прав человека или МГП, но также и с точки зрения *jus ad bellum*, что выходит за рамки настоящей статьи. См., например: *Доклад Специального докладчика по вопросу о несудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казней*, примечание 64 выше, paras. 10—15 и 25.

160 См.: Chatham House, примечание 154 выше, р. 5, где О'Коннелл отмечает, что на каждое нападение приходится шесть-семь жертв, из которых обычно только один человек находится в списке тех, кого предполагается уничтожить. Это также вызывает беспокойство относительно того, как в ходе такого планирования и принятия решения о нападении осуществляется оценка соразмерности. Аргументацию о том, что благодаря современным технологическим возможностям БЛА, позволяющим вести действительно «постоянное наблюдение» (и, таким образом, обеспечивающим получение больше нужной информации), более строгие требования предъявляются к решению о выборе целей, соразмерности и мерах предосторожности, см. в работе: J. M. Beard, примечание 110 выше, особенно pp. 420, 428—442, 444.

ющее самодельное взрывное устройство, исключительно на основании анализа видеосигнала?

Тот факт, что лицо, контролирующее БЛА, находится далеко от поля боя, часто вызывает критику, но это в конечном счете не является проблемой для МГП¹⁶¹. Однако некоторые авторы предупреждают, что использование БЛА может привести к потере ощущения реальности (Playstation mentality), если те, кто ими управляют, не получают подготовки по МГП и не знают об «опасностях и суровости боя», и что более высокий уровень безопасности сил, осуществляющих нападения, может привести к более «легкомысленному» применению силы на поражение¹⁶².

Заключение

Длительный конфликт в Афганистане не привел к видимым изменениям в МГП. Раздававшиеся ранее призывы к новой или реформированной правовой базе смолкли, но остались серьезные проблемы. Что касается гуманитарных норм ведения военных действий, то самый серьезный вызов связан с размытостью линий различия, что так характерно для сценариев асимметричных конфликтов. Тем не менее до сих пор основополагающие принципы гуманитарного правового порядка не ставились под вопрос. Несмотря на все дискуссии о возможной необходимости пересмотра МГП, почти через десять лет после начала операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане в октябре 2001 г. не было выдвинуто ни одного настоящего предложения о реформировании норм, касающихся ведения боевых действий. Напротив, особенно во время второй фазы конфликта стратегия международных вооруженных сил в Афганистане была сосредоточена на строгом соблюдении существующих норм для того, чтобы достичь общей стратегической цели по завоеванию «сердец и умов» населения Афганистана.

Однако все чаще возникали противоречия относительно толкования существующих норм. По мере того, как структуры конфликтов становятся все более расплывчатыми, правовая определенность и ясность предписаний гуманитарного права становятся все важнее. Не случайно, что в последние годы был организован целый ряд так называемых процессов экспертного разъяснения в отношении понятий непосредственного уча-

161 В случаях, когда управление БЛА в условиях вооруженного конфликта осуществляется гражданским лицом или разведывательной службой (например, ЦРУ), пилот будет считаться участвующим непосредственным образом в военных действиях и может потенциально становиться объектом нападения. Кроме того, это может поставить вопрос о его уголовной ответственности и статусе в случае задержания.

162 См. главным образом: *Доклад Специального докладчика по вопросу о несудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях*, примечание 64 выше, paras. 24–25.

ствия в военных действиях и воздушной и ракетной войны. Все эти процессы затрагивали важные вопросы ведения военных действий. В то же самое время целый ряд уже давно поставленных вопросов и неопределенности, присущие, например, принципу соразмерности или определению военных объектов, остаются нерешенными, и ведущихся обсуждений недостаточно. Конечно, некоторые из этих вопросов трудны и, как представляется, постоянно обсуждаются. Неудивительно, что эти противоречия являются неотъемлемой частью современной гуманитарной правовой системы почти со времени ее зарождения. Многие из них можно проследить до переговоров, которые привели к принятию Дополнительного протокола I в 1977 г. Структуры все более асимметричных конфликтов не облегчили поиски решений в 2011 г., но совершенно очевидно, что все настоятельней становится необходимость правовой ясности в отношении ведения военных действий.

Международное право и вооруженные негосударственные акторы в Афганистане

Анисса Беллал, Жиль Джакка и Стюарт Кейзи-Маслен*

Д-р Анисса Беллал, Жиль Джакка и д-р Стюарт Кейзи-Маслен являются научными сотрудниками Женевской академии международного гуманитарного права и прав человека.

Краткое содержание

Эффективный правовой режим, регулирующий действия вооруженных негосударственных акторов в Афганистане, должен включать не только международное гуманитарное право, но и международное право прав человека. В то время как применимость к конфликту общей статьи 3 Женевских конвенций 1949 г. не вызывает сомнений, труднее установить, как и до какой степени применяется Дополнительный протокол II, в частности в отношении различных вооруженных акторов, действующих в стране. Вопрос о применимости международного права прав человека к вооруженным негосударственным акторам, что авторы статьи считают важным особенно в Афганистане, остается очень противоречивым. Тем не менее его применение к таким акторам, осуществляющим контроль над населением, постепенно становится более принятым. Кроме того, нарушения императивных норм международного права может также непосредственным образом обусловить юридическую ответственность таких групп.

: : : : : :

* Мнения, высказанные в настоящей статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают взгляды Женевской академии. Авторы хотели бы выразить благодарность профессорам Эндрю Клэпхему и Марко Сассоли за их ценные замечания по предварительному варианту этой статьи.

Конфликт в Афганистане — один из наиболее продолжительных современных конфликтов, в котором принимает участие международная коалиция вооруженных сил. В октябре 2001 г. Соединенные Штаты Америки нанесли воздушные удары по Афганистану, после чего началось наступление наземных войск. Операция получила название «Несокрушимая свобода» и имела своей целью свержение правительства «Талибана» и вытеснение сил «Аль-Каиды», которые базировались в Афганистане после нападения террористов на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 г. Затем вооруженный конфликт охватил многие части страны. Уровень напряженности конфликта значительно возрастает, поскольку возродившийся «Талибан»¹ и целый ряд других негосударственных вооруженных групп ведут борьбу против афганских правительственных сил и сил международной коалиции, численность персонала которой насчитывает приблизительно 150 тыс. человек². Они служат в Международных силах содействия безопасности (ISAF)³ и в силах, осуществляющих операцию «Несокрушимая свобода».

В настоящей статье рассматривается вопрос о применении и имплементации международного права вооруженными негосударственными акторами (ВНГА) в Афганистане⁴. Наш подход основывается на исследовании применения к этим акторам систем как международного гуманитарного права (МГП), так и международного права прав человека. В первой части статьи будут детально проанализированы режимы, соответствующие общей статье 3 и Дополнительному протоколу II, и их значимость для ВНГА, действующих в Афганистане. Краткий экскурс в обыч-

1 О поражении «Талибана» и его возрождении в качестве основной сражающейся силы см. например: Ahmed Rashid, *Taliban*, I. B. Tauris, London/New York, 2010, особенно гл. 17, 'The Taliban resurgent, 2000—2009', pp. 217—246.

2 См., например: Jonathon Burch, 'Foreign troop deaths in Afghanistan near 600 for 2010', in *Reuters*, 24 October 2010, доступно по адресу: <http://www.reuters.com/article/idUSTRE69N0ZN20101024> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

3 С 2003 г. ISAF является операцией Организации Североатлантического договора (НАТО), чья задача сегодня заключается в том, чтобы оказать «поддержку правительству Исламской Республики Афганистан [при] осуществлении ... деятельности в Афганистане, направленной на ослабление возможностей и воли повстанцев». ISAF, 'Mission', доступно по адресу: <http://www.isaf.nato.int/mission.html> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

4 Для целей настоящей статьи мы используем следующее рабочее определение вооруженного негосударственного актора: *любая вооруженная группа, отдельная от государства или государств и не действующая под контролем государств, в которых она осуществляет свои военные действия и которая имеет политические, религиозные и (или) военные цели*. Таким образом, сюда обычно не входят частные военные компании или преступные банды, хотя противоречиво исследование, проведенное Комитетом по вооруженным силам Сената США, «обнаружило свидетельства того, что частные подрядчики, которые должны обеспечивать безопасность, перекачивают доллары налогоплательщиков США афганским боевикам и полевым командирам, замешанным в убийствах, похищениях и взяточничестве, связях с «Талибаном» и другой деятельности, направленной против сил коалиции». См.: Committee on Armed Services, 'Inquiry into the role and oversight of private security contractors in Afghanistan', Report together with additional views, US Senate, 28 September 2010, p. i, доступно по адресу: <http://armed-services.senate.gov/Publications/SASC%20PSC%20Report%2010-07-10.pdf> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

ное МПП также предоставит возможность увидеть другие применимые нормы. Хотя применимость права прав человека к действиям ВНГА остается довольно сомнительной, практика международных организаций указывает на все возрастающую ответственность этих акторов за нарушения прав человека, по крайней мере на политическом уровне. С юридической точки зрения такая ответственность, как представляется, признается, когда ВНГА осуществляют контроль над территорией или какой-либо частью населения или когда речь идет об основных нормах права прав человека. И наконец, в статье оцениваются попытки имплементировать применимое право в Афганистане и рассматривается вопрос о тех мерах, которые можно еще принять для того, чтобы ВНГА, особенно «Талибан»⁵, проявляли большее уважение к праву.

Вооруженные негосударственные акторы в Афганистане

Не существует единого мнения относительно размеров и структуры ВНГА в Афганистане или относительно характера отношений между ними. «Талибан» появился в начале 1990-х гг. на севере Пакистана на фоне насилия, которое последовало за выводом советских войск из Афганистана⁶. Талибы быстро распространили свой контроль из области на юго-западе Афганистана, где изначально была сфера их влияния, на всю территорию страны. В сентябре 1996 г. они захватили столицу Афганистана Кабул⁷; к 1998 г. они контролировали почти 90% Афганистана. Только три государства — Пакистан, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты — признали «Талибан» в качестве законного правительства Афганистана, когда талибы находились у власти, пока не потерпели в 2001 г. военное поражение от возглавляемой США коалиции⁸.

После этого поражения против правительства, избранного в 2002 г., начались повстанческие действия, интенсивность которых возрастала от года к году⁹. При описании повстанческой деятельности Миссия

5 По мнению Ахмеда Рашида, пакистанского журналиста и писателя, «талиб — это исламский студент, стремящийся к получению знаний, в отличие от муллы, который является человеком, дающим знания. Выбрав себе такое название, «Талибан» (а это множественное число от слова «талиб») дистанцировался от партийной политики моджахедов и указал на то, что является движением, добивающимся очищения общества, а не партией, пытающейся захватить власть». A. Rashid, примечание 1 выше, pp. 22–23.

6 См., например: James Fergusson, *Taliban: The True Story of the World's Most Feared Fighting Force*, Bantam Press, London, 2010, p. 15.

7 См., например: BBC, 'Who are the Taliban?', 1 October 2010, доступно по адресу: <http://www.bbc.co.uk/news/worldsouth-asia-11451718> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

8 International Crisis Group, 'Taliban propaganda: winning the war of words?', доступно по адресу: <http://www.crisisgroup.org/en/regions/asia/south-asia/afghanistan/158-taliban-propaganda-winning-the-warof-words.aspx> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

9 Эту возрастающую интенсивность можно заметить как на военном, так и на гражданском уровне. Неправильный сайт «Casualty» зарегистрировал цифры потерь среди военнослужащих

ООН по содействию Афганистану (МООНСА) использует термин «антиправительственные элементы». Имеются в виду «отдельные лица и самые различные вооруженные группы, имеющие разную историю возникновения, мотивацию и командные структуры, включая те, которые характеризуются как «Талибан», сеть Хаккани¹⁰, Хезб-е-Ислами¹¹ и другие»¹². Истинная природа взаимоотношений между различными вооруженными группировками в Афганистане и в соседнем Пакистане неизвестна¹³. Силы «Талибана» в Афганистане, по оценке США, насчитывают приблизительно 25 тыс. человек, хотя надежность этой цифры ставится под

- международной коалиции, они возрастают с 12 в 2001 г., 191 в 2006 г., 521 в 2009 г., до 711 в 2010 г., доступно по адресу: <http://icasualties.org/OEF/Index.aspx> (последнее посещение 18 января 2011 г.).
- 10 Получившая название по имени своего лидера Джалалуддина Хаккани сеть Хаккани является группой в повстанческом движении в Афганистане, она базируется в Северном Вазиристане на Территории племен федерального управления Пакистана (ТПФУ). Группа активно действует в основном на востоке Афганистана — в провинциях Пактия, Пактика, Хост, Газни, Вардак и даже Кабул». Institute for the Study of War, 'Haqqani network', доступно по адресу: <http://www.understandingwar.org/themenode/haqqani-network>; см. также: GlobalSecurity.org, 'Haqqani Network', доступно по адресу: <http://www.globalsecurity.org/military/world/para/haqqani.htm> (последнее посещение обоих адресов 18 января 2011 г.). Хаккани был в прошлом министром по делам племен. См.: Rashid, примечание 1 выше, р. 224. Джеймс Фергюссон предположил, что Хаккани идеологически всегда был ближе к «Аль-Каиде», чем к «Талибану». Он цитирует доклад в «New York Times», где говорится, что силы сети Хаккани насчитывали, «возможно, 12 тыс. человек в конце 2009 г.». J. Fergusson, примечание 6 выше, р. 130, где цитируется работа Jane Perlez, 'Rebuffing US, Pakistan balks at crackdown', in New York Times, 14 December 2009, доступно по адресу: <http://www.nytimes.com/2009/12/15/world/asia/15haqqani.html> (последнее посещение 25 января 2011 г.).
- 11 Согласно выводам организации GlobalSecurity «Хезб-е-Ислами Гульбедин часто действует и как преступная группировка, и как поборник «Аль-Каиды»... В начале 1990-х гг. Гульбедин Хекматияр был премьер-министром Афганистана. В основном он несет ответственность за бои, в результате которых Кабул лежит в руинах. Хезб-е-Ислами Хекматияра была основным союзником и фаворитом пакистанской службы безопасности (ISI). Но по мере того, как фракция Омара набирала силу в конце 1990-х гг., Пакистан отказался от поддержки фракции Хекматияра. После событий 11 сентября 2001 г. Хекматияр, этнический пуштун, сформировал антикоалиционный альянс с лидером «Талибана» Мохаммедом Омаром и остатками группы «Аль-Каида» в стране. База обеспечения Хекматияра всегда находилась в районе Джелалабада на перевале Хибер, к востоку от Кабула, но у него все еще есть сторонники по всему Афганистану». GlobalSecurity.org, 'Hizb-I Islami', доступно по адресу: <http://www.globalsecurity.org/military/world/para/hizbi-islami.htm> (последнее посещение 18 января 2011 г.). См. также: J. Fergusson, примечание 6 выше, гл. 12.
- 12 UNAMA, 'Afghanistan: mid year report 2010: protection of civilians in armed conflict', August 2010, р. 6, доступно по адресу: http://unama.unmissions.org/Portals/UNAMA/Publication/August102010_MIDYEAR%20REPORT%202010_Protection%20of%20Civilians%20in%20Armed%20Conflict.pdf (последнее посещение 18 января 2011 г.).
- 13 «Талибан» возродился в Афганистане как самый крупный ВНГА в стране, кроме того, в соседнем Пакистане «Талибан» укрепился как отдельное, но связанное с афганским объединение. «Техрик-е Талибан-е Пакистан», объединяющее движение пакистанского «Талибана», было основано в 2002 г.: см. J. Fergusson, примечание 6 выше, р. 35. Говорят, что между различными фракциями талибов и военизированными группами существует «слабая согласованность действий»: BBC, 'Who are the Taliban?', примечание 9 выше. С 1 сентября 2010 г. движение «Техрик-е Талибан-е Пакистан» включено Государственным департаментом США в список «иностранных террористических организаций», но «Талибан» в Афганистане в этот список не включен: Office of the Coordinator for Counterterrorism, US Department of State, 'Foreign terrorist organizations', 15 October 2010, доступно по адресу: <http://www.state.gov/s/ct/rls/other/des/123085.htm> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

сомнение¹⁴. К 2010 г. считалось, что «Талибан» властвует на юге и востоке страны, а также на некоторых территориях запада и севера, а «в 2009 г. начал осуществлять все более наглые нападения в городах»¹⁵. Все еще распространено мнение, что «Талибан» в Афганистане возглавляется муллой Омаром, сельским священнослужителем, который руководил группой с самого начала, в том числе тогда, когда талибы находились у власти¹⁶. По некоторым сообщениям «Аль-Каида» не обладала большой численностью в Афганистане, возможно, там было всего лишь 50 человек в конце 2010 г.¹⁷ Характер взаимоотношений между «Аль-Каидой» и «Талибаном» в Афганистане сегодня неясен¹⁸.

Гражданскому населению приходится платить очень высокую цену за продолжающийся конфликт в Афганистане¹⁹. Считается, что основной причиной их страданий являются действия негосударственных вооруженных группировок. Согласно выводам организации Amnesty International, например, «движение «Талибан» и связанные с ним группы повстанцев в Афганистане демонстрируют пренебрежение правами человека и законами войны и систематически и преднамеренно нападают на гражданских лиц, сотрудников благотворительных организаций и гражданские учреждения, такие как школы (особенно для девочек)»²⁰.

14 См., например: Gilles Dorransoro, 'Who are the Taliban?', in The Huffington Post, 27 October 2009, доступно по адресу: http://www.huffingtonpost.com/gilles-dorransoro/who-are-the-taliban_b_335592.html (последнее посещение 18 января 2011 г.).

15 International Crisis Group, 'Afghanistan conflict history', updated January 2010, доступно по адресу: <http://www.crisisgroup.org/en/key-issues/research-resources/conflict-histories/afghanistan.aspx> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

16 Хотя «Талибан» не был включен США в перечень иностранных террористических организаций, мулла Омар и другие главные фигуры в «Талибане» являются частью «Сводного перечня, составленного и обновляемого Комитетом 1267 и касающегося «Аль-Каиды», Усамы бен Ладена, «Талибана» и других личностей, групп, предприятий и объединений, ассоциируемых с ними», доступно по адресу: <http://www.un.org/sc/committees/1267/consolist.shtml> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

17 В июне 2010 г. глава Центрального разведывательного управления США заявил, что цифра колеблется между 50 и 100 боевиками. 'La lutte contre al-Qaïda en Afghanistan finira par porter ses fruits selon le patron de la CIA', in RFI, <http://www.rfi.fr/ameriques/20100628-lutte-contre-al-qaïdaafghanistan-finira-porter-fruits-selon-le-patron-cia> (последнее посещение 18 января 2011 г.). По мнению Фергюссона «с 2002 г. в Афганистане не было значительного присутствия «Аль-Каиды». J. Fergusson, примечание 6 выше, р. 90.

18 Согласно заявлениям, о которых говорит Джеймс Фергюссон, мулла Омар не контактировал с Усамой бен Ладеном с конца 2001 г. В электронном послании от Омара одному журналисту в январе 2007 г. говорилось: «Мы никогда не чувствовали необходимости в постоянных отношениях в существующих обстоятельствах... Они сделали джихад своей целью, в то время как наша задача заключается в изгнании американских войск из Афганистана». J. Fergusson, примечание 6 выше, pp. 92–93.

19 См., например: Afghanistan Independent Human Rights Commission, 'Civilian casualty figure; first seven months of 2010 (1st January–31st July)', Kabul, 8 August 2010, доступно по адресу: http://www.aihrc.org.af/2010_eng/Eng_pages/Reports/Thematic/Civilian_Casualties_Jan_Jul31_2010.pdf (последнее посещение 18 января 2011 г.); и UNAMA, примечание 12 выше.

20 Amnesty International, 'Afghanistan conference raises fears of sacrificing rights for short-term peace', 19 July 2010, доступно по адресу: <http://www.amnesty.org/en/news-and-updates/afghanistan-conference-raisesfears-sacrificing-rights-short-term-peace-2010-07-19> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

Применимое международное гуманитарное право

Мы считаем, что вооруженный конфликт в Афганистане в настоящее время регулируется обычными и договорными нормами, применимыми к вооруженным конфликтам немеждународного характера²¹. До этого вооруженного конфликта по крайней мере три фазы насилия имели место в Афганистане после 2001 г. Первая из них связана с ситуацией, которая привела к вторжению в Афганистан в октябре 2001 г. сил, возглавляемых США; вторая фаза началась с нападений на «Талибан» 6 октября 2001 г., что явилось международным вооруженным конфликтом, который регулируется применимыми обычными и договорными нормами²². Вопрос о

- 21 Эту точку зрения разделяют многие. Так, Великобритания считает ведущиеся военные действия немеждународным вооруженным конфликтом. См.: David Turns, 'Jus ad pacem in bello? Afghanistan, stability operations and international law relating to armed conflict', in *Israel Yearbook on Human Rights*, Vol. 39, 2009, p. 236. Германия также квалифицирует конфликт как немеждународный по своему характеру. См.: Christian Schaller, 'Military operations in Afghanistan and international humanitarian law', German Institute for International and Security Affairs, SWP Comments, No. 7, March 2010, p. 2. См. также: Добавление. Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях. Филипп Алстон. Миссия в Афганистан, A/HRC/11/2/Add.4, ч. 1: «Афганистан переживает вооруженный конфликт, который протекает на обширных пространствах его территории. В правовом отношении это немеждународный вооруженный конфликт между правительством, поддержку которому оказывают международные вооруженные силы (МВС), и различными вооруженными группировками». Однако среди юристов-международников нет единства мнений по этому вопросу. Йорам Динштейн утверждает, что продолжающиеся военные действия между международными силами и повстанческими движениями можно считать продолжением международного вооруженного конфликта, который начался в октябре 2001 г. после возглавляемой США военной интервенции против бывшего правительства «Талибана». Этот конфликт останется международным до тех пор, пока «Талибан» не будет разгромлен; одновременно протекает отдельный вооруженный конфликт немеждународного характера между «Талибаном» и правительством, которое его сменило. См.: Yoram Dinstein, 'Concluding remarks on terrorism and Afghanistan', in *Israel Yearbook on Human Rights*, 2009, p. 325. Аналогичную позицию по этому вопросу см.: Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов. Москва, МККК. 2011. 2-е изд.
- 22 Например, по мнению Стефана Ожеды, «в октябре 2001 г. [«Талибан»] контролировал более 95 процентов афганской территории и управлял ею». Stéphane Ojeda, 'US detention of Taliban fighters: some legal considerations', in Michael N. Schmitt (ed.), *The War in Afghanistan: A Legal Analysis*, International Law Studies, Vol. 85, US Naval War College International Studies, Naval War College Press, 2009, pp. 358—359. См. также: Yoram Dinstein, *The Conduct of Hostilities under the Law of International Armed Conflict*, Cambridge University Press, Cambridge, 2004, p. 29, para. 72. О противоположной квалификации конфликта см.: W. Hays Parks, 'Combatants', in Schmitt, *The War in Afghanistan*, p. 258: «Фактическая ситуация на местах и международное право не дают возможности прийти к выводу, что «Талибан» de facto, а тем более de jure был правительством Афганистана... Гражданская война не закончилась, и «Талибан» не стал очевидным победителем и тем более силой, осуществляющей контроль в Афганистане. В тот момент, когда начались операции США и коалиции 20 октября 2001 г., гражданская война продолжалась, и власть «Талибана» значительно ослабла». Как уже отмечалось, только три государства признали «Талибан» в качестве законного правительства Афганистана; однако само по себе это не обязательно помешает квалифицировать конфликт как международный на основании положений Дополнительного протокола I, статья 43, п. 1, где говорится, что «вооруженные силы стороны, находящейся в конфликте, состоят из всех организованных вооруженных сил, групп и подразделений, находящихся под командованием лица, ответственного перед этой стороной за поведение своих подчиненных, даже если эта сторона представлена правительством или властью, не признанными противной стороной». Это, конечно, так, если считать решенным спорный вопрос о том, стало ли это положение обычной нормой, по-

том, могли ли операции против «Аль-Каиды» во время того конфликта считаться частью этого международного вооруженного конфликта или представляли собой отдельный немеждународный вооруженный конфликт, является спорным²³. Третьей фазой стала оккупация Афганистана силами США и других иностранных государств. Эта оккупация также считается международным вооруженным конфликтом согласно статье 2, общей для четырех Женевских конвенций (общая статья 2). Нет консенсуса среди авторитетов в области права относительно того, когда точно эта оккупация закончилась²⁴.

Тем не менее последующее вооруженное насилие в Афганистане было, конечно, достаточно интенсивным, чтобы представлять собой вооруженный конфликт немеждународного характера. Двумя сводами договорных норм, применяемых обычно к таким конфликтам, являются статья 3, общая для четырех Женевских конвенций (общая статья 3), и Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Дополнительный протокол II)²⁵. Афганистан ратифици-

скольку ни Афганистан, ни США не были участниками Дополнительного протокола I в то время. Имеет значение для решения конкретной проблемы военнопленных и Женевская конвенция III, статья 4 (3), которая устанавливает обязательство считать военнопленными «[Личный состав регулярных вооруженных сил, считающих себя в подчинении правительства или власти, не признанных держащей в плену державой]».

- 23 Решение Верховного суда США в деле «Хамдан против Рамсфельда» говорит о том, что, возможно, справедливо последнее. *US Supreme Court, Hamdan v. Rumsfeld, Secretary of Defense et al.*, 29 June 2006, p. 6, esp. (d) (ii), доступно по адресу: <http://www.supremecourt.gov/opinions/05pdf/05-184.pdf> (последнее посещение 18 января 2011 г.). Критику решения по делу Хамдана см.: Y. Dinstein, примечание 22 выше, pp. 56–57, paras. 129–130. Общий обзор применимости международного гуманитарного права к «Аль-Каиде» см.: Marco Sassòli, 'Transnational armed groups and international humanitarian law', Program on Humanitarian Policy and Conflict Research, Harvard University, Occasional Paper Series, No. 6, Winter 2006.
- 24 Существует по крайней мере пять возможных дат. Первой из них является создание Временной администрации в декабре 2001 г. в соответствии с Боннским соглашением (Создание Временной администрации Афганистана 22 декабря 2001 г. во главе с Хамидом Карзаем. См.: Соглашение о временных механизмах в Афганистане до восстановления постоянно действующих правительственных институтов (Боннское соглашение), S/2001/1154, 5 декабря 2001 г., статья 1(2)). Второй возможностью является назначение Карзая Лойа Джиргой в июне 2002 г. президентом Администрации переходного периода. Третья возможность — принятие новой конституции в январе 2004 г. Четвертая — президентские выборы, на которых победил Карзай, в октябре 2004 г. Пятая возможная дата — парламентские выборы в 2005 г. Международный Комитет Красного Креста (МККК), например, считает, что назначение Карзая в июне 2002 г. президентом Администрации переходного периода изменило юридическую природу конфликта, и он стал немеждународным. См.: ICRC, *International Humanitarian Law and Terrorism: Questions and Answers*, May 2004, доступно по адресу: <http://www.icrc.org/web/eng/siteeng0.nsf/html/terrorism-faq-050504> (последнее посещение 18 января 2011 г.).
- 25 Как будет показано далее, существует разница в сфере применения общей статьи 3, которая предусматривает относительно низкий порог применения, но которая предоставляет ограниченную защиту, и Дополнительного протокола II, у которого более ограниченная сфера применения, но который дает более широкую и подробно разработанную защиту. И общая статья 3, и Дополнительный протокол II, однако, применяются только к вооруженным конфликтам, а не к ситуациям «нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, таким как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты

ровал четыре Женевские конвенции в 1956 г. и присоединился к двум Дополнительным протоколам в июне 2009 г., причем Дополнительный протокол II вступил в силу для этой страны 24 декабря 2009 г.

В данном разделе рассматривается применимость, во-первых, общей статьи 3, а затем Дополнительного протокола II к вооруженному конфликту в Афганистане. Есть и отдельный, но связанный с этим вопрос — непосредственное применение каждого из этих двух наборов юридических обязательств ко всем ВНГА, участвующим в данном конфликте.

Применение общей статьи 3

В какой степени общая статья 3, нормы которой являются частью обычного международного права²⁶, регулирует ведение военных действий? Это предмет споров. По мнению некоторых авторов ее положения предоставляют защиту только лицам, находящимся под непосредственным контролем стороны в конфликте, и поэтому статья не имеет прямого отношения к ведению военных действий²⁷. Другие же считают, что упоминание таких действий, как «посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность» относится и к действиям, совершенным в ходе военных операций. Так, например, Роджерс утверждает, что

«общая статья 3 не относится непосредственно к ведению военных действий. На первый взгляд кажется, что она только предоставляет защиту жертвам таких конфликтов. ... Однако более внимательное прочтение текста статьи заставляет сделать вывод о том, что она пред-

аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооруженными конфликтами» (см. Дополнительный протокол II, статья 1 (2)). Этот порог, как считается, действует и для ситуаций, которых касается общая статья 3. См., например: *Bumle*, С. Типология вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: правовые концепции и реальные ситуации // Международный журнал Красного Креста. 2009. Т. 91, № 873. С.101; и UK Ministry of Defence, *The Manual of the Law of Armed Conflict*, Oxford University Press, Oxford, 2005, paras. 15.2 and 15.3.

26 См.: International Court of Justice (ICJ), *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Judgment of 27 June 1986, ICJ Reports 1986, para. 218. Аналогичные замечания были высказаны Судом в 1996 г. в его Консультативном заключении о ядерном оружии, документ ООН A/51/218, ч. 79. Заявления об обычном характере общей статьи 3 были сделаны также специальными международными уголовными трибуналами по бывшей Югославии и по Руанде. См., особенно: International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia (ICTY), *Prosecutor v. Tadic*, Case No. IT-94-1-T, Decision on Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, 2 October 1995, para. 98; International Criminal Tribunal for Rwanda (ICTR), *Prosecutor v. Akayesu*, Case No. ICTR-96-4-T, Judgment, 2 September 1998, para. 608.

27 См., например: Liesbeth Zegveld, *The Accountability of Armed Opposition Groups in International Law*, Cambridge Studies in International and Comparative Law, Cambridge University Press, Cambridge, 2002, p. 83; G. I. A. D. Draper, 'Wars of national liberation and war criminality', in Michael Howard (ed.), *Restraints on War: Studies in the Limitation of Armed Conflict*, Oxford University Press, Oxford, 1979, p. 183; Georges Abi-Saab, 'Non-international armed conflicts', in *International Dimensions of Humanitarian Law*, UNESCO and Martinus Nijhoff, Dordrecht, 1988, p. 235. Как представляется, Римский статут Международного уголовного суда также проводит различие между деяниями, запрещенными согласно общей статье 3, и другими нарушениями, совершенными во время военных действий. См.: Римский статут, статья 8 (2)(с) и статья 8 (2)(е).

усматривает нечто большее, чем это. Например, принцип иммунитета гражданских лиц можно вывести из п. 1, который запрещает насилие в отношении лиц, не принимающих активного участия в военных действиях»²⁸.

Чтобы применялась общая статья 3, должна иметь место ситуация «вооруженного конфликта, не носящего международного характера и возникающего на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон». На основании прецедентного права Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) можно сказать, что это требует удовлетворения двум критериям: должно существовать «длительное»²⁹ вооруженное насилие и любой ВНГА должен обладать определенным уровнем организации для того, чтобы считаться стороной в конфликте в соответствии с международным правом³⁰.

Афганистан, как уже отмечалось, является государством — участником Женевских конвенций, и большую часть последнего десятилетия насильственные действия между силами афганского правительства и международной коалиции и организованными вооруженными группировками (особенно, но не исключительно, «Талибаном») достигали такого уровня интенсивности, что имел место вооруженный конфликт. Что касается требуемого уровня организации ВНГА, чтобы он считался стороной в конфликте, четыре основные группы — «Талибан», сеть Хаккани, Хезб-е-Ислами и «Аль-Каида» (в Афганистане) — продемонстрировали достаточную организацию для того, чтобы иметь непосредственные обя-

28 A. P. V. Rogers, *Law on the Battlefield*, 2nd edition, Manchester University Press, Manchester, 2004, p. 221. См. также: Lindsay Moir, *The Law of Internal Armed Conflict*, Cambridge University Press, Cambridge, 2002, pp. 58—61.

29 ICTY, *Prosecutor v. Tadić*, примечание 26 выше, para. 70. Термин «длительное» означает, в частности, интенсивность вооруженного насилия, а не просто его продолжительность, несмотря на обычное значение этого слова. ICTY, *Prosecutor v. Haradinaj*, Case No. IT-04-84-84-T, Judgment (Trial Chamber), 3 April 2008, para. 49. См. также, например: Вите, С., примечание 25 выше, с. 101—102.

30 В отношении уровня организации ВНГА международные трибуналы и правоведы разработали целый ряд ориентировочных элементов или «полезных» принципов, которые могут быть приняты во внимание для установления необходимой степени организации групп, ни один из них по отдельности не является существенным для определения того, выполнено ли требование, касающееся организации. См.: Jean S. Pictet (ed.), *The Geneva Conventions of 12 August 1949: Commentary: First Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field*, ICRC, Geneva, 1952, pp. 49—50, доступно по адресу: <http://www.icrc.org/ihl.nsf/COM/365-570006?OpenDocument> (последнее посещение 19 января 2011 г.); ICTY, *Prosecutor v. Tadić*, примечание 26 выше, para. 70; ICTY, *Prosecutor v. Delalic*, Case No. IT-96-21-T, Judgment, 16 November, 1998, para. 184; ICTY, *Prosecutor v. Haradinaj*, примечание 29 выше, para. 60; ICTY, *Prosecutor v. Boskoski*, Case No. IT-04-82, Judgment (Trial Chamber), 10 July 2008, paras. 199—203; и ICTR, *Prosecutor v. Akayesu*, примечание 26 выше, para. 619; ICTR, *Prosecutor v. Rutaganda*, Case No. ICTR-96-3, Judgment (Trial Chamber I), 6 December 1999, para 93. См. также: the International Commission of Inquiry on Darfur, 'Report Pursuant to Security Council Resolution 1564 of 18 September 2004', 25 January 2005, paras. 74—76; International Law Association, Use of Force Committee, 'Final report on the meaning of armed conflict in international law', 2010, pp. 28—33, доступно по адресу: <http://www.ila-hq.org/en/committees/draft-committee-reports-the-hague-2010.cfm> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

зательства в соответствии с международным гуманитарным правом³¹. В случае «Талибана» публикация материала, который фактически является военным кодексом поведения, свидетельствует о существовании в этой группировке структуры командования и дисциплинарных правил и механизмов³².

Вопрос о том, в какой степени общая статья 3 напрямую касается ВНГА, является предметом обсуждений. В настоящей статье утверждается, что «каждая сторона в конфликте обязана применять как минимум» ее положения. Иногда говорилось, что термин «каждая сторона» применяется только к правительственным силам, но не к ВНГА, даже несмотря на то, что они могут соответствовать критериям, позволяющим им считаться стороной в конфликте³³. Однако практика государств, международное прецедентное право и научные исследования подтверждают, что общая статья 3 применяется к таким ВНГА непосредственным образом³⁴.

Несмотря на эту кажущуюся определенность, вопрос о точных юридических механизмах, в силу которых такие негосударственные акторы связаны международным гуманитарным правом, более противоречив³⁵. Несколько юридических аргументов выдвигалось для того, чтобы

31 Государственный департамент США, например, признает существование «вооруженного конфликта с «Аль-Каидой», «Талибаном» и связанными с ними силами». Harold Hongju Koh, *The Obama Administration and International Law*, paper delivered at the Annual Meeting of the American Society of International Law, Washington, DC, 25 March 2010, доступно по адресу: <http://www.state.gov/s/l/releases/remarks/139119.htm> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

32 О документе «Правила Исламского Эмирата Афганистан для моджахедов» см.: 'Taliban issues code of conduct', in *al-Jazeera*, 28 July 2009, доступно по адресу: <http://english.aljazeera.net/news/asia/2009/07/20097278348124813.html> (последнее посещение 18 января 2011 г.). [См. в данном выпуске Журнала приложение к статье М.Мунира — «Исламский Эмират Афганистан. Лайха [кодекс поведения] для моджахедов». — *Прим. ред.*] В более общем плане см.: Program for Cultural and Conflict Studies, 'Understanding Afghan culture: analyzing the Taliban code of conduct: reinventing the Layeha', Department of National Security Affairs, Naval Postgraduate School, August 2010, p. 3, доступно по адресу: <http://info.publicintelligence.net/Layeha.pdf> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

33 Один из выдвигаемых аргументов заключался в том, что «Сторона» (с заглавной буквы) означает «Высокую Договаривающуюся Сторону», т. е. государство, и что используется только сокращенная форма этого выражения, чтобы избежать повторений. См., например: Svetlana Zašova, 'L'applicabilité du droit international humanitaire aux groupes armés organisés', in J. M. Sorel and Corneliu-Liviu Popescu (eds), *La protection des personnes vulnérables en temps de conflits armés*, Bruylant, Brussels, 2010, p. 58; и L. Zegveld, примечание 27 выше, p. 61.

34 В деле «Никарагуа против Соединенных Штатов Америки», например, МС подтвердил, что общая статья 3 применялась по отношению к контраст, негосударственной вооруженной группе, сражающейся с правительством: «Конфликт между силами контраст и силами правительства Никарагуа является вооруженным конфликтом, который не носит «международного характера». Поэтому действия контраст в отношении правительства Никарагуа регулируются правом, применимым в период конфликтов такого характера». ICJ, *Nicaragua v. United States of America*, примечание 26 выше, para. 219. См. также: Marco Sassòli, 'Taking armed groups seriously: ways to improve their compliance with international humanitarian law', in *Journal of International Humanitarian Legal Studies*, Vol. 1, 2010, p. 12.

35 Например, в 2004 г., скорее пытаясь избежать решения проблемы, Апелляционная камера Специального суда по Сьерра-Леоне просто решила, что «точно установлено, что все стороны в вооруженном конфликте, как государства, так и негосударственные акторы, связаны международным гуманитарным правом, даже несмотря на то, что только государства могут становиться участниками международных договоров». SCSL, *Prosecutor v. Sam Hinga Norman*, Case No. SCSL-

объяснить, почему (или как) ВНГА связаны некоторыми международными нормами. Первый — и, по мнению многих авторов, самый убедительный — заключается в том, что ВНГА связаны обычным международным гуманитарным правом³⁶. Таким образом, утверждается, что, по крайней мере в случае общей статьи 3, это положение является выражением обычного международного права и поэтому применимо к каждой стороне в конфликте без официальной ратификации³⁷. Согласно второму подходу, известному как доктрина законодательной юрисдикции, нормы международного гуманитарного права обязательны для любых частных лиц, в том числе ВНГА, поскольку эти нормы имплементированы в национальное законодательство или же непосредственно применяются нормы, обладающие сами по себе исполнительной силой³⁸. Эта теория проблематична, поскольку речь идет не только о том, что ВНГА являются субъектами национального права, но и о том, что действие таких групп регулируется непосредственно международным правом³⁹. Третий подход основан на общих принципах, регулирующих обязательный характер договоров для третьих сторон в соответствии с Венской конвенцией 1969 г. о праве международных договоров⁴⁰. Это потребует расследования намерений договаривающихся государств наложить обязательства на третьи стороны и согласия третьих сторон принять такие обязательства⁴¹. Однако этот подход можно легко оспорить на том основании, что Конвенция

2004-14-AR72(E)), Decision on Preliminary Motion Based on Lack of Jurisdiction (Child Recruitment), Decision of 31 May 2004, para. 22.

- 36 См., например: Daniel Bethlehem, 'The methodological framework of the study', in Elizabeth Wilmshurst and Susan Breua (ed.), *Perspectives on the ICRC Study on Customary International Humanitarian Law*, Cambridge University Press, Cambridge, 2007, p. 8.
- 37 Так, например, утверждалось, что «[н]ет теперь никаких сомнений в том, что эта статья [общая статья 3] является обязательной для исполнения как государствами, так и повстанцами и что повстанцы обязаны соблюдать международное гуманитарное право... [у]бедительная теория заключается в том, что [повстанцы] должны в силу обычного международного права выполнить обязанности, установленные общей статьей 3, которая направлена на защиту гуманности». SCSL, *Prosecutor v. Morris Kallon and Brima Buzzy Kamara*, SCSL-2004-15-AR72(E) and SCSL-2004-16-AR72(E), Decision on Challenge to Jurisdiction: Lomé Accord Amnesty, Appeals Chamber, 13 March 2004, paras. 45—47. См. также: L. Moir, примечание 28 выше, pp. 56—58.
- 38 *Сандо, И., Свинарски. К. и Циммерман, Б.* (ред.), Комментарий к Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) (далее — Комментарий МККК). Москва, МККК. 1998. С. 53—54; Sandesh Sivakumaran, 'Binding armed opposition groups', in *International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 55, 2006, p. 381.
- 39 См. в этом отношении: Antonio Cassese, 'The status of rebels under the 1977 Geneva Protocol on Noninternational Armed Conflicts', in *International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 30, No. 2, April 1981, p. 429.
- 40 Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., статья 35; см.: A. Cassese, примечание 39 выше, pp. 424—429.
- 41 Некоторые утверждают, что эта теория приводит к применению норм МГП по отношению к ВНГА только при рассмотрении каждого конкретного случая и в зависимости от желания каждой вооруженной группы применять право. Это серьезный недостаток такого подхода. Кроме того, как замечает Зегвельд, требование согласия ВНГА поставило бы группу «в равное положение с государством. Такое последствие было, совершенно очевидно, неприемлемым для государств и международных органов». L. Zegveld, примечание 27 выше, p. 18.

касается только договоров между государствами, создающих обязательства для других (третьих) государств. В-четвертых, можно считать, что когда ВНГА осуществляют эффективную власть над лицами или территориями государства, они должны выполнять обязательства государства⁴². Но это заявление неубедительно, поскольку общая статья 3 — в отличие от Дополнительного протокола II — не требует контроля над территорией для своей применимости и, как указывает Муар, не каждая группа стремится занять место государства⁴³.

Дальнейшее рассмотрение относительной обоснованности различных теорий не входит в задачи настоящей статьи. Достаточно признать, что хотя правовая аргументация в поддержку этого вывода остается не вполне определенной, сейчас не вызывает возражений и даже стало «общим местом»⁴⁴ утверждение, что ВНГА связаны международным гуманитарным правом.

Применение Дополнительного протокола II

Вступление в силу Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям для Афганистана в декабре 2009 г. ставит вопрос о его применимости к продолжающемуся вооруженному конфликту. В соответствии со статьей 1, п. 1, Протокол применяется «ко всем вооруженным конфликтам... происходящим на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол»⁴⁵.

Дополнительный протокол II устанавливает более высокий порог применения, чем общая статья 3. Кроме вооруженного конфликта между повстанцами и правительством, который происходит на территории Высокой Договаривающейся Стороны⁴⁶, в соответствии со статьей 1, п. 1,

42 По мнению МККК «обязательство, лежащее на стороне в конфликте, которая представляет установленную власть, не ставится под вопрос... [e]сли ответственный верховный орган власти осуществляет эффективные суверенные полномочия, он имеет обязательства в силу самого факта, что заявляет о том, что представляет страну или часть страны». Jean S. Pictet (ed.), *The Geneva Conventions of 12 August 1949: Commentary, Fourth Geneva Convention Relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War*, Geneva, ICRC, 1958, p. 37; см. также: M. Sassòli, примечание 34 выше, pp. 5—51.

43 L. Moir, примечание 28 выше, pp. 55—56.

44 Andrew Clapham, *The Rights and Responsibilities of Armed Non-state Actors: The Legal Landscape & Issues Surrounding Engagement*, 1 February 2010, p. 6, доступно по адресу: ssrn.com/abstract=1569636 (последнее посещение 18 января 2011 г.).

45 Таким образом, как отмечает Муар, условия, устанавливаемые статьей 1 Протокола, указывают, что он регулирует только «наиболее интенсивные и крупномасштабные конфликты». L. Moir, примечание 28 выше, p. 101.

46 В отличие от Дополнительного протокола II, общая статья 3 регулирует и вооруженный кон-

есть три совокупных материальных условия: организованные вооруженные группы должны находиться под ответственным командованием; они должны осуществлять такой контроль над частью национальной территории, который позволяет им вести непрерывные и согласованные военные действия, и территориальный контроль должен быть таким, чтобы позволить им выполнять Протокол. Если эти совокупные критерии применимости Дополнительного протокола II удовлетворены, Протокол становится «незамедлительно и автоматически применимым», независимо от мнений сторон в этом конфликте⁴⁷.

Ответственное командование

Требуется, чтобы группа имела органы управления и «систему для распределения полномочий и сфер ответственности»⁴⁸. Кодекс поведения для моджахедов, опубликованный «Талибаном», свидетельствует о наличии такой системы, и можно утверждать, что «Талибан» удовлетворяет этому критерию организованности, хотя по крайней мере один автор ставит это под вопрос⁴⁹.

Контроль над частью территории

Есть различные сведения относительно того контроля, который «Талибан» осуществляет на территории Афганистана. Например, сообщали, что в декабре 2008 г. «Талибан» расширил свою сферу влияния до 72% территории страны, что он «не сомневается в распространении движения за пределы сельского юга», и делались заявления, что «Талибан» стоит у ворот столицы и проникает в город, когда хочет»⁵⁰. Заявлялось также, что «Талибан» контролирует не какую-то одну крупную часть территории, но скорее районы, которые расположены вперемешку с теми, которые контролируются правительством⁵¹.

Требование контроля над территорией тем не менее является чисто функциональным. Он должен быть достаточным для того, чтобы дать возможность «Талибану» вести непрерывные и согласованные воен-

фликт, который ведется только между различными ВНГА, например, в несостоятельных государствах.

47 Комментарий МККК, примечание 38 выше, с. 65–66; ICTR, *Prosecutor v. Akayesu*, примечание 26 выше, para. 624.

48 Michael Bothe, Karl J. Partsch, and Waldemar A. Solf, *New Rules for Victims of Armed Conflicts: Commentary on the Two 1977 Protocols Additional to the Geneva Conventions of 1949*, Martinus Nijhoff, The Hague, 1982, p. 626. См., в общем: Комментарий МККК, примечание 38 выше, с. 64–65. См. также: ICTR, *Prosecutor v. Akayesu*, примечание 26 выше, para. 626.

49 D. Turns, примечание 21 выше, p. 230.

50 International Council on Security and Development, *Struggle For Kabul: The Taliban Advance*, December 2008, доступно по адресу: http://www.icosgroup.net/modules/reports/struggle_for_kabul (последнее посещение 18 января 2011 г.).

51 Yaroslav Trofimov, 'U.S. rebuilds power plant, Taliban reap a windfall', in *Wall Street Journal*, 13 July 2010, доступно по адресу: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052748704545004575352994242747012.html> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

ные действия и соблюдать Протокол, и то, и другое рассматривается ниже. По этой причине критерий не основан на численности или продолжительности присутствия лиц из состава группировки⁵².

Непрерывные и согласованные военные действия против правительственных вооруженных сил

«Непрерывные» действия против правительственных вооруженных сил — это действия, продолжающиеся в течение длительного периода времени без перерыва, а выражение «согласованные» действия указывает на операции, которые «согласованы, спланированы и задуманы и осуществлены в соответствии с планом»⁵³. Учитывая интенсивность боев в Афганистане и уровень потерь, которые несут силы, выставленные против «Талибана» (см. выше), можно сказать, что этот критерий, совершенно очевидно, удовлетворен.

Применение Протокола

Способность применять Протокол считается «основным критерием», который оправдывает другие элементы определения статьи 1 Дополнительного протокола II⁵⁴. Утверждалось даже, что условие, требующее, чтобы ВНГА были в состоянии выполнять основные обязательства, предусматриваемые Протоколом, является основанием для их «обязанности сделать это»⁵⁵. Таким образом, этого, как представляется, достаточно для того, чтобы установить следующее: «Талибан» вполне мог применять положения Протокола, если бы у него было такое желание, но это не значит, что талибы на самом деле так поступали. Если бы дела обстояли иначе, уровень требуемого уважения стал бы проблемой, и можно было бы сказать, что Протокол применяется только к вооруженным группам, которые уже соблюдали его положения в полной мере⁵⁶.

Все это приводит нас к выводу о том, что Дополнительный протокол II действительно применим к конфликту в Афганистане, по крайней мере, к военным действиям между вооруженными силами правительства Афганистана и «Талибаном», учитывая, что все требуемые критерии, как представляется, были удовлетворены уже в начале 2011 г.

52 См.: M. Bothe, K. J. Partsch, and W. A. Solf, примечание 48 выше, p. 627.

53 Комментарий МККК, примечание 38 выше, с. 65—66.

54 *Ibid.*

55 *Кальсховен, Ф.* Ограничение методов и средств ведения войны. Москва, МККК. 1994. С. 185—186.

56 См., например: L. Moir, примечание 28 выше, pp. 97—98. Но о меньшей определенности в этом отношении см., например: UK Ministry of Defence, примечание 25 выше, p. 32; Françoise Hampson, 'Winning by the rules: law and warfare in the 1980s', in *Third World Quarterly*, 1989, p. 44; and Adam Roberts and Richard Guelff, *Documents on the Laws of War*, Oxford University Press, 3rd edition, 2000, p. 482. По мнению Кассезе, для того, чтобы определить, в состоянии ли группировка выполнять нормы МГП, может потребоваться определенный уровень желания. A. Cassese, примечание 39 выше, p. 428.

Содержание Дополнительного протокола II

Что касается обязательств, устанавливаемых Дополнительным протоколом II, то этот инструмент содержит 18 основных положений, которые «дополняют и развивают» содержание общей статьи 3⁵⁷. Он излагает более подробно обязанности, налагаемые на государства и ВНГА, которые являются сторонами в конфликте, расширяя защиту, предоставляемую гражданским лицам, задержанным лицам и медицинскому персоналу, и добавляя важные положения, касающиеся ведения военных действий, в том числе такие:

- укрепление основных гарантий, предоставляемых всем лицам, не участвующим или более не участвующим в военных действиях, расширяя заботу о детях, например об их образовании⁵⁸;
- определение прав лиц, лишенных свободы, и обеспечение судебных гарантий для лиц, подвергающихся судебному преследованию в связи с вооруженным конфликтом⁵⁹;
- запрет нападений на гражданское население и отдельных гражданских лиц, на объекты, необходимые для выживания гражданского населения, установки и сооружения, содержащие опасные силы, культурные ценности и места отправления культа⁶⁰;
- регулирование насильственных перемещений гражданских лиц⁶¹; и
- предоставление защиты духовному персоналу и всему медицинскому персоналу, медицинским формированиям и транспортным средствам, как гражданским, так и военным⁶².

При этом право, применимое к немеждународным вооруженным конфликтам, имеет относительно немного норм, как становится ясно при сравнении ограниченного числа положений Дополнительного протокола II с объемным набором правил, закрепленных в четырех Женевских конвенциях и Дополнительном протоколе I, применимых к международным вооруженным конфликтам⁶³.

57 Комментарий МККК, примечание 38 выше, с. 61–62.

58 Дополнительный протокол II, статья 4.

59 *Ibid.*, статьи 5–6.

60 *Ibid.*, статьи 13–16.

61 *Ibid.*, статья 17.

62 *Ibid.*, статьи 9–11. Статья 19 Протокола требует также, чтобы его положения имели «как можно более широкое распространение».

63 В отличие от Дополнительного протокола I следующие нормы не включены в Дополнительный протокол II: определение гражданских лиц и бойцов, запрет на нападение на гражданские объекты, определение гражданских объектов и военных объектов, запрет неизбирательных нападений, определение неизбирательных нападений, запрет на несоизмеримые нападения, определения несоизмеримых нападений, обязанность принимать меры предосторожности при нападении, обязанность принимать меры предосторожности от последствий нападения. Jean-Marie Henckaerts, 'Binding armed opposition groups through humanitarian treaty law and customary law', in *Proceedings of the Bruges Colloquium, Relevance of International Humanitarian Law to Non-state Actors*, 25–26 October 2002, Vol. 27, Collegium No. 123, Spring 2003, p. 131.

Применение Протокола к вооруженным акторам в Афганистане

Однако еще более трудным вопросом, чем применение Дополнительного протокола II к конфликту в Афганистане, является вопрос точного определения того, к каким сторонам в конфликте применяются его положения. Совершенно очевидно, что он применяется ко всем вооруженным силам и силам безопасности Афганистана, когда они осуществляют операции против «Талибана», но степень, до которой ВНГА также непосредственным образом связаны Протоколом, может быть поставлена под вопрос. Действительно, в отличие от общей статьи 3 Протокол явным образом не применяет свои положения к любой стороне (или Стороне) в конфликте. Тем не менее говорить о применимости Протокола к ВНГА можно, если эти акторы удовлетворяют критериям «организованных вооруженных групп», о которых говорится в статье 1 (1) Дополнительного протокола II. К таким, конечно, относится «Талибан», что становится ясно из нашего анализа⁶⁴.

Второй вопрос заключается в том, регулирует ли Дополнительный протокол II конфликт между «Талибаном» и многонациональными силами. Узкое прочтение статьи 1 требует применения положений Протокола только к афганскому правительству, так как сфера действия Протокола ограничена любым конфликтом, «происходящим на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами»⁶⁵. На основании этой формулировки иностранные силы не являются силами территориального государства (Афганистана), в котором протекает конфликт, если нельзя доказать, что вмешивающиеся государства — это представители государства Афганистан. Это бы означало, что иностранные силы находятся в распоряжении принимающего государства, но, как представляется, это не случай Афганистана⁶⁶.

64 Обратите внимание на формулировку: когда речь идет об антиправительственных вооруженных группах, употреблено множественное число, это говорит о том, что Протокол потенциально может применяться не только к «Талибану», но и к другим «антиправительственным силам», которые удовлетворяют трем критериям, о которых говорилось выше.

65 Дополнительный протокол II, статья 1(1) (курсив автора). См. также: D.Turns, примечание 21 выше, p. 239; и Nils Melzer, *Targeted Killing in International Law*, Oxford University Press, Oxford, 2008, p. 257.

66 Статья 6 (Поведение органов, предоставленных в распоряжение государства другим государством), Комиссия международного права. Ответственность государств за международно-противоправные деяния, UN Doc. A/56/10. Для присвоения поведения многонациональных сил Афганистану они должны получить статус представителя государства Афганистан для целей международного гуманитарного права. Пришлось бы утверждать, что иностранные войска на афганской территории действуют не только с «согласия», «от имени» и «в целях принимающего государства», но, что более важно, «под его исключительным управлением и контролем», чтобы находиться в рамках режима ответственности, который вытекает из присоединения Афганистана к Протоколу. См.: Commentary on Article 6, p. 87.

Более широкое толкование — которое, по мнению авторов⁶⁷, больше соответствует используемым формулировкам, а также простой логике — заключается в том, что Протокол применяется к каждой стороне в вооруженном конфликте, которая отвечает критериям статьи 1 (1). Толкование материальной сферы применения в соответствии с целью и задачей гуманитарного права отмело бы подразумеваемое территориальное требование, о котором сказано выше. Таким образом, не следует ограничительно толковать статью 1 (1) и считать, что она указывает на применимость Протокола только к территориальному государству и его повстанцам; статья 1 (1) должна охватывать поведение любой Договаривающейся Стороны Дополнительного протокола II, которая вмешивается, поддерживая территориальное государство, просто в силу того факта, что участвует в конфликте, протекающем «на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами».

Характерно, что различные авторы просто отвергают возможность того, что какие-либо иностранные вооруженные силы могут явным образом быть связаны положениями Протокола во время своих операций в Афганистане. Они и не пытаются как-то аргументировать свои взгляды (и без какого-либо четкого исключения, указанного в тексте Протокола, — его применение ограничено вооруженным конфликтом, который отвечает определенным критериям, а не просто сторонами, упоминаемыми в этих критериях)⁶⁸. Давайте предположим на минуту, что они правы. При отсутствии согласия относительно содержания обычного права, какое договорное право будет применяться в случае, когда афганские силы сражаются плечо к плечу с иностранным военным персоналом? Что же, афганские силы будут применять Дополнительный протокол II, а иностранные военные — нет? А что должен делать «Талибан»? Постараться провести различие между афганскими силами и иностранными военными контингентами при ведении военных действий и приспособить свои методы ведения войны соответствующим образом? Освобождаются ли они от своих обязательств по Дополнительному протоколу II, сражаясь с иностранными военными контингентами?

Как минимум силы государств, которые также являются участниками Дополнительного протокола II, должны формально считаться связанными его положениями при ведении военных действий в Афганистане, поскольку они участвуют в вооруженном конфликте, который противопо-

67 Из всех авторов только Елена Пеич, как представляется, допускает, что Дополнительный протокол II применяется ко всем сторонам в конфликте, включая иностранные военные силы, если удовлетворены критерии и порог применимости Протокола. Но нет уверенности, что именно это она хотела сказать (и эта позиция, как она говорит, не является общепринятой). Jelena Pejić, 'Status of armed conflicts', in E. Wilmshurst and S. Breau, примечание 36 выше, p. 92.

68 См., например: D. Turns, примечание 21 выше, p. 239.

ставил правительственные силы Афганистана и, по крайней мере, одну вооруженную группу, которая удовлетворяет критериям Протокола для его применения. В противном случае это может привести к проблемам в области взаимодействия, а также к возможному отсутствию ясности в действиях различных сторон в конфликте.

Всего лишь несколько государств не являются участниками Протокола, в том числе и государство, которое предоставляет самый крупный воинский контингент, а именно США⁶⁹. Но выдвигается даже такой аргумент: поскольку все иностранные государства как будто бы присутствуют для того, чтобы поддержать правительство Афганистана — по крайней мере с политической точки зрения, если не правовой⁷⁰, — они также, совершенно очевидно, должны применять все положения Протокола⁷¹. Действительно, в существующем соглашении между ISAF и афганскими властями предусматривается, что «силы ISAF будут уважать законы и культуру Афганистана»⁷². Со своей стороны США «давно заявили, что они будут применять нормы, содержащиеся в своих наставлениях, независимо от того, как квалифицируется конфликт — как международный или немеждународный, но это, совершенно очевидно, не должно означать, что они обязаны делать это в соответствии с правом в немеждународном вооруженном конфликте»⁷³.

Обычное международное гуманитарное право, применимое к вооруженным негосударственным акторам

Независимо от того, применяется или не применяется Дополнительный протокол II к некоторым или ко всем сторонам в конфликте в Афганистане, не подлежит сомнению, что обычное международное гуманитарное право применяется к правительственным и международным вооруженным силам, а также ко всем вооруженным негосударственным акторам, которые отвечают необходимым критериям⁷⁴. При этом, возможно, основная проблема обычного международного гуманитарного права заключается в том, что при своем формировании оно недостаточно

69 В конце 2010 г. военнослужащие следующих государств, не являющихся участниками Протокола II, находились в Афганистане: Азербайджан (90 человек), Малайзия (40 человек), Сингапур (36 человек), Турция (1790 человек) и США (около 97 тыс. человек).

70 К сожалению, в отличие от Дополнительного протокола I Дополнительный протокол II не требует явным образом от государств-участников «соблюдать» и «заставлять соблюдать» его положения, как это предусматривается всеми четырьмя Женевскими конвенциями.

71 Если не так, то это могло бы рассматриваться в качестве стимула для территориального государства приглашать иностранные силы, которые не имеют тех же самых международных обязательств, для ведения операций на своей территории.

72 Military Technical Agreement, Afghanistan—ISAF, 4 January 2002, Annex 1, Point 4.

73 John B. Bellinger III and William J. Hynes II, «A US government response to the International Committee of the Red Cross study Customary International Humanitarian Law» in *International Review of the Red Cross*, Vol. No. 866, 2007, p. 447.

74 См., например: ICTY, *Prosecutor v. Haradinaj*, примечание 29 выше, para. 60.

принимает во внимание практику и *opinio juris* вооруженных неправительственных акторов, но сосредоточивается только на практике и *opinio juris* государств⁷⁵.

Исследование обычного международного гуманитарного права, проведенное Международным Комитетом Красного Креста, рассматривает целый ряд норм (всего 141 норму), применяемых к любому вооруженному конфликту немеждународного характера⁷⁶. Утверждается, хотя это и неоднозначно, что данные нормы не зависят от какой-либо конкретной характеристики конфликта, за исключением того, что этот конфликт действительно является конфликтом немеждународного характера⁷⁷. Спорный характер отдельных выводов Исследования МККК остается, особенно это подчеркивают некоторые государства, включая США. В частности, неопределенность продолжает ощущаться в отношении универсального признания и имплементации всех этих норм. Действительно, если сами государства не очень хотят развивать обычные нормы и обязательства в отношении собственного поведения, «трудно утверждать, что эти нормы стали обычными и создают новые обязательства для вооруженных негосударственных акторов»⁷⁸.

Несмотря на такую неопределенность, можно с уверенностью утверждать, что, кроме положений обычного права общей статьи 3, нормы, регулирующие ведение военных действий, такие как принципы проведения различия и соразмерности и запрещение вероломства или принятие мер предосторожности при нападении, являются также частью обычного международного права. А поскольку это право применимо к немеждун-

75 Статья 38 Статута Международного суда. См. также: J. M. Henckaerts, примечание 63 выше; S. Sivakumaran, примечание 38 выше; M. Sassòli, примечание 23 выше, р. 40.

76 Перечень норм обычного международного права, применяемых в период немеждународных вооруженных конфликтов, см. в базе данных МККК, доступной по адресу: <http://www.icrc.org/customary-ihl/eng/docs/home> (последнее посещение 18 января 2011 г.). В данном разделе рассматриваются только некоторые ключевые нормы. Общий перечень норм, применимых, по оценке МККК, в период вооруженных конфликтов немеждународного характера, см., например, в разделе о применимых нормах международного права базы данных проекта Afghanistan profile on the Rule of Law in Armed Conflicts, доступно по адресу: http://www.adh-geneva.ch/RULAC/applicable_international_law.php?id_state=1 (последнее посещение 18 января 2011 г.).

77 То есть это не просто ситуация «нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, так[ая] как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера». Елена Пеич заявляет: «Исследование не проводит различия между разными порогами немеждународного вооруженного конфликта (в соответствии с общей статьей 3 и Дополнительным протоколом II), поскольку обнаружено, что обычно государства не проводят этого различия на практике». J. Pejic, примечание 67 выше, р. 88. По поводу решения не проводить какого-либо различия между разными типами немеждународного вооруженного конфликта один из комментаторов выражает сожаление, говоря, что это может, по крайней мере, уменьшить, если вообще не подорвать защиту, предоставляемую правом прав человека. См., например, замечания Франсуазы Хэмпсон в документе: *Proceedings of the Bruges Colloquium: Armed Conflicts and Parties to Armed Conflicts under IHL: Confronting Legal Categories to Contemporary Realities, 10th Bruges Colloquium, 22–23 October 2009*, No. 40, Autumn 2010, p. 117, доступно по адресу: <http://www.coleurop.be/file/content/publications/pdf/Collegium40.pdf> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

78 A. Clapham, примечание 44 выше, р. 12.

родным вооруженным конфликтам, значит, такие нормы применимы по отношению к негосударственным вооруженным группам, действующим в Афганистане⁷⁹.

Международное право прав человека

Международное гуманитарное право посредством договорных и обычных норм может предоставить значительную защиту, особенно гражданским лицам. Тем не менее МГП, поскольку сфера его деятельности ограничена теми действиями, которые должны быть связаны с вооруженным конфликтом, только частично рассматривает деяния, совершенные ВНГА и наносящие ущерб гражданскому населению⁸⁰. В Афганистане к таким деяниям относятся препятствия, чинимые ВНГА для осуществления права на свободу выражения, свободу собраний, работу, питание, здравоохранение и образование, а также систематическое гендерное насилие⁸¹. Поэтому важно установить, обязаны ли ВНГА, действующие в

79 См.: Хенкертс, Ж.-М., Досвальд-Бек, Л. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Москва, МККК. 2006. Нормы 1, 2 и 5—24; Antonio Cassese, *International Law*, 2nd edition, Oxford University Press, Oxford, 2005, pp. 415—420. Международная комиссия по расследованию ситуации в Дарфуре (The International Commission of Inquiry on Darfur) предложила перечень норм, обязательных для соблюдения повстанцами, например, «i) проведение различия между комбатантами и гражданскими лицами;... ii) запрещение преднамеренных нападений на гражданских лиц;... iv) запрещение нападений, направленных на терроризирование гражданских лиц;... xiv) запрещение пыток и любого бесчеловечного или жестокого обращения или наказания; xvii) запрещение дурного обращения с комбатантами противника, вышедшими из строя, и обязанность гуманно обращаться с захваченными в плен комбатантами противника». International Commission of Inquiry on Darfur, примечание 30 выше, пара. 166.

80 Сфера действия МГП простирается на всю территорию Афганистана, где имеют место военные действия (*ratione loci*), и должна включать лицо, находящееся под защитой этих инструментов (*ratione personae*). ICTY, *Prosecutor v. Tadic*, примечание 26 выше, paras. 69—70; ICTR, *Prosecutor v. Kayishema and Ruzindana*, Case No. ICTR-95-1-T, Judgment and Sentence, 21 May 1999, para. 189. Однако международные трибуналы разработали слегка различающиеся критерии для определения требуемой связи между предполагаемыми преступлениями и конфликтом. В соответствии с судебным решением по делу Тадича «[д]остаточно того, что вменяемые в вину преступления были тесно связаны с военными действиями, имевшими место в других частях территорий, контролируемых сторонами в конфликте». ICTY, *Prosecutor v. Tadic*, Case No. IT-94-1-T, Opinion and Judgment, 7 May 1997, para. 573. По мнению МТБЮ (*Prosecutor v. Kunarac, Kovac and Vukovic*, Case No. IT-96-23, Appeals Chamber Judgment, 12 June 2002, para. 57): «Как указала Судебная камера, требование тесной связи деяний обвиняемых с вооруженным конфликтом не опровергалось бы, если бы преступления по времени и географически были удалены от происходящих боев. Было бы достаточным, например, для целей этого требования, чтобы вменяемые в вину преступления были тесно связаны с военными действиями, имевшими место в других частях территорий, контролируемых сторонами в конфликте». Мнение МУТР (*Prosecutor v. Musema*, Case No. ICTR-96-13-T, Judgment and Sentence, 27 January 2000, para. 260): «[В]меняемые в вину преступления... должны быть тесно связаны с военными действиями или совершены в связи с вооруженным конфликтом».

81 См.: Human Rights Watch, *The Ten-dollar Talib and Women's Rights*, 13 July 2010, доступно по адресу: <http://www.hrw.org/node/91466> (последнее посещение 18 января 2011 г.). Афганистан присоединился, среди прочего, к двум Международным пактам 1966 г., к Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отноше-

Афганистане, уважать права человека, и если обязаны, то как и в какой степени. Прежде чем приступить к анализу этого вопроса, необходимо еще раз повторить, что международное право прав человека применяется также в ситуациях вооруженных конфликтов как международного, так и немеждународного характера. Это было неоднократно официально подтверждено Международным судом⁸². Однако в то же самое время следует отметить, что некоторые государства, участвующие в военных действиях в Афганистане, оспаривают тот факт, что право прав человека применимо экстерриториально к действиям их вооруженных сил⁸³.

Применяется ли право прав человека к вооруженным негосударственным акторам?

Большая часть соответствующего прецедентного права и литературы сосредоточена на выполнении государствами их обязательств по правам человека в ситуациях вооруженного конфликта⁸⁴. Существование обязательств ВНГА в области прав человека в ситуациях немеждународных вооруженных конфликтов остается крайне спорным.

Основная причина, выдвигаемая при отрицании применимости права прав человека к ВНГА, связана со структурой и предполагаемой философией, лежащей в основе международного права прав человека.

нии женщин, Конвенции против пыток и к Конвенции о правах ребенка и ее двум факультативным протоколам.

- 82 См.: Консультативное заключение МС по вопросу о ядерном оружии 1996 г., примечание 26 выше, а также *Консультативное заключение о правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории* от 9 июля 2004 г., UN Doc. A/ES-10/273. Применимость международного права прав человека в ситуациях вооруженного конфликта была подтверждена МС и в деле, касающемся вооруженной деятельности на территории Конго (*Congo v. Uganda*), Judgment of 9 December 2005, ICJ Reports 2005.
- 83 По мнению Стефана Помпера, атторнея-консультанта Государственного департамента США (хотя он написал это, действуя в своем личном качестве), «несмотря на важные правовые и политические изменения в течение этого периода [2001—2008 гг.]... Соединенные Штаты продолжали придерживаться своей юридической точки зрения в отношении неприменения своих обязательств по правам человека к экстерриториальным вооруженным конфликтам». Stephen Pomper, 'Human rights obligations, armed conflict and Afghanistan: looking back before looking ahead', in M. N. Schmitt, примечание 22 выше, р. 526. Другую точку зрения по этому вопросу см.: Françoise Hampson, 'Is human rights law of any relevance to military operations in Afghanistan?', in *ibid.*, pp. 491 et seq. См. также: UK House of Lords, *Al-Skeini and others (Respondents) v. Secretary of State for Defence (Appellant)*, [2007] UKHL 26, доступно по адресу: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld200607/ldjudgmt/jd070613/skeini-1.htm>; и UK Supreme Court, *R (on the application of Smith) (FC) (Respondent) v. Secretary of State for Defence (Appellant) and another*, [2010] UKSC 29, доступно по адресу: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKSC/2010/29.html> (последнее посещение обоих сайтов 19 января 2011 г.).
- 84 См., среди прочего: *Любелл, Н.* Проблемы, возникающие при применении права прав человека к вооруженным конфликтам // Международный журнал Красного Креста. 2005. Т. 87, №. 860. С. 157—199; *Дрёге, К.* Избирательное сближение? Права человека и гуманитарное право // Международный журнал Красного Креста. 2008. Т. 90, № 871. С. 25—92; Alexander Orakhelashvili, 'The interaction between human rights and humanitarian law: fragmentation, conflict, parallelism, or convergence?', in *European Journal of International Law*, Vol. 19, No. 1, 2008, pp. 161—182.

Договоры по правам человека характеризуются тем, что устанавливают нормы, которые должны регулировать отношения между государством и отдельными лицами, живущими в рамках его юрисдикции. Таким образом, такие договоры по правам человека «не предназначены и не являются адекватными для того, чтобы регулировать вооруженные конфликты между государством и группами вооруженной оппозиции»⁸⁵.

Следует признать, что вообще договоры по правам человека явным образом не относятся к негосударственным акторам⁸⁶. Таким образом, в силу формулировок и сферы применения этих договоров судебные и квазисудебные органы — такие как Европейский суд по правам человека или контрольные органы ООН договоров о правах человека — осуществляли юрисдикцию только в отношении действий государств⁸⁷.

Существуют, однако, два договора по правам человека, в которых конкретно упоминаются вооруженные группы. Первый, достойный упоминания, — Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, статья 4. Афганистан является участником этого документа⁸⁸. Формулировка этой

85 L. Zegveld, примечание 27 выше, p. 54.

86 Хотя некоторые авторы считают, что определенные положения договоров по правам человека, такие как статья 5 (1) и статья 20 Международного пакта о гражданских и политических правах, должны толковаться и как непосредственным образом применимые к действиям негосударственных акторов. В статье 5 (1) говорится: «Ничто в настоящем Пакте не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа или какое-либо лицо имеют право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на уничтожение любых прав или свобод, признанных в настоящем Пакте, или на ограничение их в большей мере, чем предусматривается в настоящем Пакте»; а в статье 20 предусматривается, что «1. Всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом. 2. Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом». См.: Theodor Meron, *Human Rights in Internal Strife: Their International Protection*, Grotius, Cambridge, 1987, p. 34; *contra*: Nigel Rodley, 'Can armed opposition groups violate human rights?', in Kathleen E. Mahoney and Paul Mahoney (eds), *Human Rights in the Twenty-first Century*, Martinus Nijhoff, The Hague, 1993, pp. 307—308.

87 Однако нарушения прав человека, совершенные отдельными лицами или негосударственными акторами, такими как компании, рассматривались в судебной практике различных судов по правам человека, а также в рамках национальных систем правосудия. Например, концепция *Drittwirkung*, разработанная в судах Германии, дает возможность отдельному истцу предъявлять иск другому отдельному лицу на основании национального закона о правах человека или конституционных положений. Аналогичным образом в контексте Европейской конвенции по правам человека суды неоднократно признавали правительство виновным в непредотвращении судебными или правоприменительными методами нарушений прав человека отдельного лица другим лицом или частным, негосударственным актором (см. например, дело, касающегося изнасилования в браке, *SW v. United Kingdom*, Judgment of 22 November 2005). Посредством Закона о деликтных исках иностранцев 1789 г. национальные суды США установили, что в некоторых случаях частные компании могут непосредственным образом привлекаться к ответственности за нарушения прав человека. По этим вопросам см.: Andrew Clapham, *Human Rights Obligations of Non-state Actors*, Oxford University Press, Oxford, 2006; and Andrew Clapham, 'The "Drittwirkung" of the Convention', in Ronald St. J. Macdonald, Franz Matscher, and Herbert Petzold (eds), *The European System for the Protection of Human Rights*, Martinus Nijhoff, Dordrecht, 1993, pp. 163—206.

88 В статье говорится: «1. Вооруженные группы, отличные от вооруженных сил государства, ни при каких обстоятельствах не должны вербовать или использовать в военных действиях лиц, не до-

статьи, как на первый взгляд кажется, предполагает, что прямое юридическое обязательство налагается, в силу п. 2, на государства-участники, а не на вооруженные группы, это обязательство обеспечить такое положение, когда дети, не достигшие 18-летнего возраста, не вербуются вооруженными группировками. Этот аргумент, однако, должен рассматриваться в свете недавней практики Совета Безопасности ООН в отношении положения детей во время вооруженных конфликтов.

В 2005 г. Совет Безопасности учредил механизм наблюдения и отчетности по шести «тяжким нарушениям», совершенным государствами и вооруженными группами в отношении детей, одним из них является «вербовка и использование детей-солдат»⁸⁹. Среди последствий для ВНГА, совершающих эти нарушения, будет внесение в перечень в Приложении к Докладу Генерального секретаря по вопросу о детях в вооруженных конфликтах, что может привести к санкциям, налагаемым на такие группы⁹⁰. В этом контексте возрастной порог для вербовки детей устанавливается в 18 лет, как и в Факультативном протоколе к Конвенции о правах ребенка, а не в 15 лет, как установлено в Дополнительных протоколах I и II⁹¹. Применение этого более высокого возрастного порога подтверждается на практике, если мы посмотрим конкретно на Афганистан. Специальный представитель по вопросу о детях в вооруженном конфликте отмечал, что «Талибан» упоминался в 8-м докладе Генерального секретаря по вопросу о детях и вооруженных конфликтах в связи с вербовкой и использованием детей, не достигших 18 лет»⁹². Хотя Совет Безопасности не применяет Факультативный протокол как таковой, практика на международном уровне свидетельствует о том, что эта норма считается общепринятой для вооруженных групп⁹³.

стигших 18-летнего возраста. 2. Государства-участники принимают все возможные меры в целях предупреждения такой вербовки и использования, включая принятие правовых мер, необходимых для запрещения и криминализации такой практики. 3. Применение настоящей статьи согласно данному Протоколу не затрагивает юридического статуса ни одной из сторон вооруженного конфликта».

89 Речь идет о следующих шести нарушениях: убийство и калечение детей, вербовка и использование детей-солдат, нападения на школы и больницы, изнасилования или другие тяжкие сексуальные преступления против детей, похищение детей и отказ в доступе гуманитарным организациям к детям. См.: Резолюция Совета Безопасности ООН 1612, 26 июля 2005 г.

90 Тем не менее Совет был осторожен, «подчеркивая, что настоящая резолюция не преследует цель дать какое-либо правовое определение тому, являются ли ситуации, которые упоминаются в докладе Генерального секретаря, вооруженными конфликтами по смыслу Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним или нет, и не предпринимает правовой статус государств-неучастников, вовлеченных в эти ситуации». Резолюция Совета Безопасности ООН 1612, 26 июля 2005 г., преамбула.

91 Дополнительный протокол I, статья 77(2); Дополнительный протокол II, статья 4(3)(с).

92 Mission Report of the Visit of the Special Representative for Children in Armed Conflict to Afghanistan, 20–26 February 2010, доступно по адресу: http://www.un.org/children/conflict/_documents/countryvisits/afghanistan.pdf (последнее посещение 29 января 2011 г.).

93 Однако поскольку существуют различные стандарты, применяемые к вооруженным негосударственным акторам и государствам (которые на законных основаниях могут вербовать лиц, не достигших 18 лет), еще труднее доказать — и убедить — ВНГА, что это положение применяется к ним непосредственным образом.

Другим договором, имеющим отношение к общей дискуссии, является Конвенция Африканского союза о защите лиц, перемещенных внутри страны, в Африке, и оказании им помощи (Кампальская конвенция), которая идет дальше упомянутого выше Факультативного протокола. Статья 2 объясняет, что одна из целей договора заключается в том, чтобы также «предусмотреть соответствующие обязательства, ответственность и роли вооруженных групп, негосударственных акторов и других соответствующих акторов, включая организации гражданского общества, касательно предупреждения перемещения лиц внутри страны и защиты таких перемещенных лиц, а также оказания им помощи». В статье 7 перечисляются обязательства, которые могут быть наложены на этих акторов⁹⁴. Даже предусматривая, что «защита и помощь лицам, перемещенным внутри страны, в соответствии с этой статьей регулируется международным правом, в частности международным гуманитарным правом», она включает и обязательства по правам человека (такие как запрещение «лишать лиц, перемещенных внутри страны, права на жизнь в удовлетворительных условиях в том, что касается сохранения достоинства, безопасности, санитарного состояния, питания, воды, здоровья и крова»). Однако следует быть осторожным и не делать поспешных выводов относительно воздействия статьи 7 на вопрос об обязательствах по правам человека негосударственных вооруженных групп. Во-первых, вторая часть статьи 7 напоминает о важности ответственности государства в этом контексте⁹⁵ и, во-вторых, она охватывает обязательства отдельных лиц из вооруженных групп, а не обязательства самой группы.

94 Статья 7: «Членам вооруженных групп запрещается: а) осуществлять произвольное перемещение; б) препятствовать при любых обстоятельствах предоставлению защиты и помощи лицам, перемещенным внутри страны; в) лишать лиц, перемещенных внутри страны, права на жизнь в удовлетворительных условиях в том, что касается сохранения достоинства, безопасности, санитарного состояния, питания, воды, здоровья и крова, и разделять членов одной семьи; д) ограничивать свободу передвижения лиц, перемещенных внутри страны, как в пределах, так и за пределами районов их проживания; е) вербовать детей или требовать от них или разрешать им принимать участие в военных действиях при любых обстоятельствах; ф) насильственно вербовать лиц, совершать похищения или захватывать заложников, участвовать в сексуальном порабощении или торговле людьми, особенно женщинами и детьми; г) препятствовать оказанию гуманитарной помощи и провозу всех грузов гуманитарной помощи и оборудования, а также передвижению персонала к лицам, перемещенным внутри страны; h) нападать на персонал гуманитарных организаций и ресурсы или другие материалы, предназначенные для оказания помощи и размещенные в интересах лиц, перемещенных внутри страны, или иным образом причинять им вред и уничтожать, конфисковать или использовать не по назначению такие материалы; и) нарушать гражданский и гуманитарный характер мест, где размещаются лица, перемещенные внутри страны, и проникать в такие места».

95 Статья 7(2): «Ничто в настоящей Конвенции не должно быть использовано с целью нанесения ущерба суверенитету государства или обязанности правительства всеми законными средствами поддерживать или восстанавливать правопорядок в государстве или защищать национальное единство и территориальную целостность государства».

Применение права прав человека к вооруженным негосударственным акторам в Афганистане

Как нам представляется, тот факт, что эти два договора по правам человека упоминают вооруженные группы, является отражением природы современных вооруженных конфликтов. Конфликты, по сути своей, не имеют международного характера, сталкивая множество различных акторов в ходе военных действий, которые могут продолжаться в течение многих лет, как и происходит в Афганистане. Такое развитие событий требует, чтобы право прав человека, а не только гуманитарное право, применялось для регулирования ситуации всех соответствующих акторов. Действительно, международное гуманитарное право, кажется, не может охватить все нарушения, которые совершаются вооруженными группами в отношении гражданского населения, но которые не связаны с вооруженным конфликтом. Ни общая статья 3, ни Дополнительный протокол II не дают ответа в случае нарушений этих норм, совершенных вооруженными группами, что оставляет нас с правами человека. Конечно, в этом случае у афганского государства есть основное обязательство — выполнить свою позитивную обязанность по осуществлению должных мер для защиты населения от пагубных действий ВНГА, но во многих случаях это практически невозможно, особенно в районах, находящихся под контролем «Талибана».

Современная практика международных организаций была довольно непоследовательной в их отношении к ВНГА, если говорить о правах человека, поскольку в основном осуждались и клеймились действия, наносящие ущерб, или правонарушения, совершенные этими акторами в Афганистане, но это не считалось *per se* нарушениями прав человека. Например, Совет Безопасности ООН выразил «озабоченность пагубными последствиями роста насилия и террористической деятельности «Талибана», «Аль-Каиды» и других экстремистских формирований для способности правительства Афганистана гарантировать правопорядок, предоставлять основные услуги афганскому народу и обеспечить полное соблюдение его прав человека и основных свобод» и призвал «к полному уважению прав человека и норм международного гуманитарного права на всей территории Афганистана»⁹⁶.

Совет Безопасности пошел дальше в своем заявлении, когда *призвал* «все стороны соблюдать нормы международного гуманитарного права и международные стандарты в области прав человека и обеспечивать защиту жизни мирных жителей»⁹⁷. В своем мартовском докладе 2010 г. о положении в Афганистане в разделе, посвященном правам чело-

96 См. например, резолюции Совета Безопасности ООН: S/RES/1662 (2006); S/RES/1776 (2007); и S/RES/1890 (2009).

97 Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/1746 (2007), ч. 25.

века, Генеральный секретарь ООН далее отметил, что «[ф]актором, тесно связанным с безнаказанностью и превышением полномочий, являются посяательства на свободу слова со стороны как государственных, так и негосударственных субъектов»⁹⁸. Верховный комиссар ООН по правам человека заметил также, что в «2009 г. журналисты и другие сотрудники СМИ по-прежнему подвергались насилию, запугиваниям и преследованиям со стороны правительства или вооруженной оппозиции, что отрицательно сказалось на свободе выражения мнений в Афганистане»⁹⁹.

МООНСА осудила такое вызывающее тревогу явление, как внесудебные убийства детей и воздействие конфликта на доступ к основным услугам, таким как здравоохранение и образование¹⁰⁰. И наконец, более прямую ссылку на обязательства по правам человека ВНГА можно обнаружить в недавней резолюции Совета ООН по правам человека. Цель резолюции — обратиться к проблеме широко распространенных нападений на школы в Афганистане, совершенных, как предполагается, «Талибаном» в течение первых месяцев 2010 г. Подтверждая, что «основная ответственность по защите граждан лежит на правительстве», резолюция тем не менее «призывает *все стороны* в Афганистане принять соответствующие меры для защиты детей и осуществления их прав»¹⁰¹.

Эти упоминания, сделанные различными международными организациями о нарушениях прав человека, которые совершают ВНГА, можно считать просто призывом к уважению прав человека как *стандартов или принципов*, а не указанием на невыполнение такими акторами правовых обязательств, возложенных на них¹⁰². Вопрос о том, отражают ли эти упоминания стандарты, а не строгие правовые обязанности, заслуживает дальнейшего обсуждения. Тем не менее они четко демонстрируют признанную международным сообществом необходимость привлечь к ответственности группировки за совершенные против гражданского населения правонарушения, каков бы ни был их источник. Как подчеркивает один автор, «наиболее перспективной теоретической базой обязательств него-

98 *Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности*. Доклад Генерального секретаря ООН, 10 марта 2010 г., UN doc. A/64/705-S/2010/127, ч. 38.

99 Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека о положении в области прав человека в Афганистане и позитивных результатах оказания технической помощи в области прав человека. 11 января 2010 г., A/HRC/13/62, ч. 55.

100 UNAMA, примечание 12 выше, p. 11.

101 Human Rights Council, 'Addressing attacks on school children in Afghanistan', UN doc. A/HRC/14/15 (*курсив авторов*). С другой точки зрения, интересно также отметить, что проект этой резолюции был внесен Великобританией и США, двумя государствами, которые традиционно не были склонны согласиться с применимостью права прав человека в ситуациях вооруженных конфликтов.

102 Как говорит Зегвельд, «квалификацию конкретных действий групп вооруженной оппозиции в качестве нарушений прав человека следует отличать от осуждения этих действий как нарушений прав человека. Международные органы часто осуждали действия групп вооруженной оппозиции как наносящие ущерб правам человека, не считая их нарушениями права прав человека». L. Zegveld, примечание 27 выше, p. 39.

сударственных акторов в области прав человека будет разъяснение того, что основу права прав человека составляют права, которые принадлежат отдельному лицу в признании присущего каждому человеку достоинства. Смысл заключается в том, что эти естественные права должны уважаться каждым лицом и каждым объединением»¹⁰³.

Обязательства по праву прав человека, налагаемые на вооруженные группы, которые осуществляют фактический контроль над населением

Даже если трудно установить прямые юридические обязательства по правам человека, налагаемые на вооруженные группы в целом, представляется, что есть более широкое согласие касательно того, что вооруженные группы могут быть связаны этими обязательствами, если они осуществляют элемент правительственных функций и фактически обладают властью над населением. Это обычно бывает, когда вооруженная группировка контролирует определенную часть территории. Действительно, возникает необходимость регулировать отношения между теми, кто управляет, и теми, кем управляется, что является *raison d'être* права прав человека и что обуславливает применимость этого свода норм¹⁰⁴.

Факт наличия обязательств по правам человека у негосударственных вооруженных групп, которые осуществляют фактический контроль над населением, позволяет прояснить отношения между правами человека и гуманитарным правом в ситуациях вооруженных конфликтов, в частности касательно требования справедливого суда, содержащегося в общей статье 3¹⁰⁵. Многие ВНГА, включая «Талибан», установили некото-

103 См.: A. Clapham, примечание 44 выше; и в более общем плане, Andrew Clapham, 'Human rights obligations of non-state actors in conflict situations', in *International Review of the Red Cross*, Vol. 88, No. 863, September 2006, pp. 491–523.

104 Как подчеркивает Родли, «права человека — это те нормы, которые посредничают при взаимоотношениях между правительствами или иными образованиями, осуществляющими эффективную власть, аналогичную власти правительства, с одной стороны, и теми, кто является субъектами этой власти — с другой». N. Rodley, примечание 86 выше, p. 300; см. также: L. Zegveld, примечание 27 выше, p. 149.

105 В этом отношении общая статья 3 говорит о запрете на «d) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями». Как отмечают Марко Сассоли и Лора Олсон, «еще один фактор, имеющий место во время немеждународных вооруженных конфликтов, делает наши рассуждения особенно сложными (и недопустимым образом игнорируется в научных работах, и даже в Исследовании МККК). Он заключается в том, что гуманитарное право немеждународных вооруженных конфликтов, как указывает общая статья 3 Женевских конвенций, является равным образом обязательным для каждой «из находящихся в конфликте сторон» — то есть в такой же мере для негосударственных групп, как и для правительственной стороны. В связи с этим встает вопрос о том, касаются ли права человека в равной степени вооруженных групп или, в силу действия принципа *lex specialis*, ответ на наш вопрос будет разным для правительства и для его противника». Сассоли, М., Олсон, Л. Взаимодействие международного гуманитарного права и права прав человека там, где это действительно важно: допустимые убийство и интернирование боевиков во время немеждународных вооруженных конфликтов // Международный журнал Красного Креста. 2008. № 871. С. 167–169.

рую форму судебной системы или даже имеют суды на территории, которую они контролируют¹⁰⁶. Поэтому необходимо определить на основании права прав человека, что же будет справедливым судебным производством в случае судов или судебных властей, учрежденных ВНГА, учитывая, что общая статья 3 недостаточно ясно освещает этот вопрос¹⁰⁷.

В Афганистане вооруженные группы и полевые командиры фактически контролируют деревни или более крупные части территории. Как отмечается в исследовании, посвященном вооруженным группам, действующим в стране,

«есть две различные категории полевых командиров в Афганистане, которые подразделяются по признаку масштабности их контроля и их положения с точки зрения традиционных структур. Национальные и региональные полевые командиры контролируют провинции и партии — например Дустум и Исмаил-хан. Однако подавляющее большинство полевых командиров действуют на местном уровне в рамках провинций или районов или между несколькими деревнями»¹⁰⁸.

Более того, талибы называют себя «Исламский Эмират Афганистан», претендуя, таким образом, на то, что они представляют собой нечто большее, чем просто вооруженную группировку, или по крайней мере стремятся к этому. В таком случае применение права прав человека к «Талибану» становится привлекательной и логичной идеей, поскольку необходимо обеспечить, чтобы лица, живущие под их контролем, находились под защитой международного права. Это было бы еще более справедливо, если бы афганское государство не имело возможности предотвращать нарушения прав человека, совершенные такими вооруженными группами, или наказывать за них. Представляется также, что обеспечение ответственности по правам человека осуществляющих контроль над населением вооруженных групп соответствует принципу, уста-

106 В случае «Талибана» «суды», как представляется, учреждены для того, чтобы рассматривать проблемы повседневной жизни, а не те, которые касаются задержания комбатантов противника, а именно эта ситуация упоминается в общей статье 3. О судах «Талибана» см.: 'Afghanistan: Taliban justice "fairer" than state's', in *Human Rights Tribune*, 20 August 2010, доступно по адресу: <http://www.infosud.org/spip.php?article8710> (последнее посещение 18 января 2011 г.); Rod Norland, 'In bold display, Taliban order stoning deaths', in *New York Times*, 16 August 2010, доступно по адресу: <http://www.nytimes.com/2010/08/17/world/asia/17stoning.html> (последнее посещение 18 января 2011 г.); Soraya Sarhaddi Nelson, 'Taliban courts filling justice vacuum in Afghanistan', in NPR, December 2008, доступно по адресу: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=98261034> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

107 Более осторожный взгляд на вопрос применения положений прав человека о справедливом суде к судам вооруженной оппозиции см.: Jonathan Somer, 'Jungle justice: passing sentence on the equality of belligerents in non-international armed conflict', in *International Review of the Red Cross*, Vol. 89, No. 867, September 2007, pp. 655—690. См. также: Sandesh Sivakumaran, 'Courts of armed opposition groups: fair trials or summary justice', in *Journal of International Criminal Justice*, Vol. 7, Issue 3, 2009, pp. 489—513.

108 См.: Michael Bhatia, 'Armed groups in Afghanistan', in Michael Bathia and Mark Sedra (eds), *Afghanistan, Arms and Conflict: Armed Groups, Disarmament and Security in a Post-war Society*, Routledge, London and New York, 2008, p. 84.

новленному в статье 10 Проекта статей об ответственности государств, которая провозглашает, что «[П]оведение повстанческого движения, которое становится новым правительством государства, рассматривается как деяние данного государства по международному праву»¹⁰⁹. Согласно подходу Комиссии международного права, если «Талибан» заменит в конце концов афганское правительство — или станет его участником¹¹⁰ — государство, которое талибы представляют, будет нести ответственность в соответствии с международным правом за все нарушения гуманитарного права — и, как утверждают некоторые, права прав человека, совершенные «Талибаном» во время вооруженного конфликта. Однако следует отметить, что это ретроактивное присвоение государству поведения вооруженной группы является проблематичным. Во-первых, такая обязанность не может быть выполнена во время вооруженного конфликта, и поэтому у нее ограниченная практическая ценность, когда она более всего нужна¹¹¹. Во-вторых — в более общем плане — считается, что это довольно странный подход, «поскольку заставляет государство отвечать за деяние актора, на которого оно не имело влияния во время совершения деяния»¹¹².

Кроме этого конкретного вопроса об ответственности государства, встают другие проблемы относительно идеи применять право прав человека к группам, осуществляющим *de facto* контроль над населением. Прежде всего, нет очевидного правового источника, который бы указывал, какой требуется уровень контроля над населением, для того чтобы у ВНГА были обязанности в соответствии с правами человека. В Афганистане положение «Талибана» до и в 2001 г., то есть в момент, когда они фактически управляли почти всей страной и представляли собой правительство *de facto*, отвечало критерию фактической власти над населением¹¹³. В 2011 г.

109 См.: Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, примечание 66 выше. См. также: Jean S. Pictet (ed.), *The Geneva Conventions of 12 August 1949: Commentary: Fourth Geneva Convention Relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War*, ICRC, Geneva, 1958, p. 37.

110 Неясно, каким образом такая альтернатива возможна, это будет зависеть от роли повстанческого движения в новом правительстве. В этом отношении Комментарий к статье 10 подчеркивает, что «государство не должно нести ответственность за поведение прибегающего к насилию оппозиционного движения лишь в силу того, что в интересах общего мирного урегулирования элементы оппозиции включены в состав вновь созданного правительства. Таким образом, критерий применения пункта 1 заключается в существовании реальной и существенной преемственности между прежним повстанческим движением и новым правительством, которое ему удалось создать». Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, примечание 66 выше, Комментарий к статье 10, ч. 7. См. также: Gérard Cahin, 'Attribution of conduct to the state: insurrectional movements', in James Crawford, Alain Pellet, and Simon Olleson (eds), *The Law of International Responsibility*, Oxford University Press, Oxford, 2010, pp. 247–251.

111 Gérard Cahin, 'The responsibility of other entities: armed bands and criminal groups', in James Crawford et al., примечание 110 выше, p. 334. Противоположное мнение см. в работе: Jean D'Aspremont, 'Rebellion and state responsibility: wrongdoing by democratically elected insurgents', in *International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 58, April 2009, p. 427.

112 M. Sassòli, примечание 34 выше, p. 8.

113 См.: Rüdiger Wolfrum and Christian E. Philipp, 'The status of the Taliban: their obligations and rights under international law', in *Max Planck Yearbook of United Nations Law*, Vol. 6, 2002, pp. 559–601.

«Талибан» контролирует значительную часть территории Афганистана, но остается неясным, был ли достигнут достаточный уровень контроля для того, чтобы считать его ответственным в соответствии с правом прав человека. Можно далее задать вопрос: какие нормы права прав человека применяются в этом случае? Гипотетически почти все права, в зависимости от возможности группы обеспечивать их соблюдение (аналогично требованию для применения Дополнительного протокола II, а именно способность соблюдать Протокол), могут применяться. Допустить широкое применение норм права прав человека к негосударственным акторам, имеющим фактическую власть над населением, представляется оправданным, если мы согласны с тем, что люди, живущие под контролем вооруженной группы, должны пользоваться как можно большей защитой.

Нужны дальнейшие размышления для определения того, когда достигается требуемый порог контроля, кто решает, что это за порог, и какие права могут тогда применяться. Толкование по аналогии критерия «контроля», разработанное Комитетом по правам человека в отношении сферы экстерриториальных обязательств государств — участников Международного пакта о гражданских и политических правах, может быть шагом вперед¹¹⁴. Более того, тройственная типология обязательств — *соблюдать, защищать и выполнять*, разработанная договорными органами ООН по правам человека для государств-участников, может быть использована в качестве ценной концептуальной основы для анализа диапазона обязательств ВНГП по праву прав человека¹¹⁵. Содержание обязательства определяется уровнем контроля, осуществляемого вооруженной группой. Например, при определении сферы обязательств какого-либо ВНГА можно сказать, что вооруженная группа должна как минимум воздерживаться от непосредственного или опосредованного препятствования

114 Что касается объема обязательств государств-участников, то Комитет подчеркнул, что государства-участники должны соблюдать и обеспечивать соблюдение прав, находящихся под защитой Пакта, «любому лицу, находящемуся в пределах компетенции или эффективного контроля этого государства-участника, права, признаваемые в Пакте, даже если лицо не находится на территории государства-участника». См.: Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 31 [80]. *Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства — участники Пакта*. Принято 29 марта 2004 года, CCPR/C/21/Rev.1/Add. 13, para. 10.

115 Эта типология широко используется договорными органами при оценке уровня обязательств, налагаемых на государства-участники. Ссылка на эту основу делается в связи с экономическими и социальными правами, а также гражданскими и политическими правами. См.: Henry Shue, *Basic Rights: Subsistence, Affluence and US Foreign Policy*, Princeton University Press, Princeton, 1980. См. также: Asbjørn Eide, *The Right to Adequate Food as a Human Right*, UN/Commission on Human Rights, Special Rapporteur, UN doc. C/CN.4/Sub.2/1987/23, 7 July 1987. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 12 (1999): о праве на достаточное питание (ст. 11 Пакта); замечание общего порядка № 13 (1999): о праве на образование (ст. 13 Пакта); замечание общего порядка № 15 (2002): о праве на надлежащие условия жизни (обеспечение водой) (ст. 11 и 12 Пакта). Новак толкует слово «обеспечить» в ст. 2(1) Пакта как обязательство защищать и исполнять. Manfred Nowak, *UN Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary*, 2nd revised edition, Engel, Kehl am Rhein, 2005, pp. 37—41. См. также: Комитет по правам человека, примечание 114 выше.

ния осуществлению прав каждого человека, находящегося под его контролем (обязательство соблюдать). Таким образом, «Талибан», в зависимости от уровня контроля над территорией, обязан соблюдать право на образование детей и не проводить политику дискриминации в отношении женщин. Объем обязательств будет соразмерен фактическому уровню контроля ВНГА, не исключается, таким образом, обязательство обеспечить осуществление прав человека, хотя может быть спорным вопрос о том, будет ли такой субъект иметь какую-либо обязанность обеспечить образование или ввести в действие законодательство о гендерном равенстве.

И наконец, проблема более общего характера, касающаяся аргумента, связывающего обязательства по правам человека и определенный уровень «контроля» или «власти» над населением, заключается в том, что это усиливает восприятие легитимности вооруженной группы. Как отмечает Клэпхем,

«хорошо известно, что ни правительства, ни международные организации не признают с готовностью, что повстанцы действуют таким же образом, как правительства. Увязка обязательства повстанцев с их статусом, схожим с правительственным, может привести к тому, что будет мало ситуаций, в которых обязательства по правам человека могут быть однозначно применимы к повстанцам»¹¹⁶.

Одна из возможностей решить вопрос о легитимности — напоминание о том, что наличие обязательств по праву прав человека не зависит от политического или юридического признания¹¹⁷.

Вооруженные негосударственные акторы связаны основными обязательствами по правам человека

Существует еще один возможный аргумент касательно того, как призвать ВНГА к ответственности за нарушения международного права прав человека. В своем недавнем исследовании Ассоциация международного права пришла к выводу, что хотя, «как представляется, существует консенсус относительно того, что в настоящее время НГА [негосударственные акторы] *не* имеют прямых обязательств по правам человека, исполняемых в обязательном порядке в соответствии с международным правом», ВНГА все же связаны нормами *jus cogens*¹¹⁸, и повстанцы должны

116 A. Clapham, 'Human rights obligations of non-state actors in conflict situations', примечание 103 выше, р. 502.

117 См. в этом смысле статью 7(1) Кампальской конвенции, в которой говорится: «Положения настоящей статьи ни в коем случае не должны истолковываться как предоставляющие правовой статус вооруженным группам, или легитимизирующие их, или обеспечивающие им признание, и не наносят ущерба персональной уголовной ответственности членов таких групп в соответствии с национальным или международным уголовным правом».

118 Норма *jus cogens* — императивная норма международного права — определяется статьей 53 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров как норма, «которая принимается

соблюдать международное гуманитарное право¹¹⁹. В ссылке на *jus cogens* не упоминается ни степень контроля над территорией, ни уровень фактической власти над населением, что может означать, что каждый ВНГА связан основными нормами права прав человека, которые являются частью норм *jus cogens*. Как представляется, этот принцип лежит в основе практики Совета Безопасности, когда речь идет о детях в ситуациях вооруженного конфликта. Совет Безопасности и Специальный представитель по вопросу о детях в вооруженном конфликте не проводят различия между вооруженными группами согласно их типам или структуре, когда они перечисляются в Приложении к Докладу Генерального секретаря по вопросу о детях в вооруженном конфликте. Их включают в этот перечень, если группа совершила одно из шести серьезных нарушений, упоминаемых в резолюции Совета Безопасности 1612.

Не установлено, какие нормы прав человека являются частью *jus cogens*. В своем комментарии к Проекту статей об ответственности государств Комиссия международного права определила в качестве императивных норм международного права «запреты, касающиеся агрессии, геноцида, рабства, расовой дискриминации, преступлений против человечности, пыток, а также право на самоопределение»¹²⁰. Однако этот перечень является скорее иллюстративным, нежели определительным¹²¹. Комитет ООН по правам человека определил следующие действия как нарушения норм *jus cogens*: произвольное лишение жизни, коллективные наказания, произвольное лишение свободы и отступление от основополагающих принципов справедливого суда, включая презумпцию невиновности¹²².

Положение о том, что негосударственные вооруженные группы несут ответственность за нарушение основных норм прав человека, представляется соответствующим развитию международного уголовного права. МГП устанавливает уголовную ответственность отдельных членов вооруженных групп в случае международных преступлений, не обязательно совершенных в связи с вооруженным конфликтом (и, таким образом, находящихся за пределами сферы действия международного гуманитарного права). Это касается преступления геноцида и преступлений про-

и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер». Проект статей КМП предусматривает прекрасное средство обеспечения выполнения норм *jus cogens*, включив специальное регулирование как для государства – ответчика, так и для всех других государств в случае нарушений. См.: Christian J. Tams, 'Do serious breaches give rise to any specific obligations of the responsible state?', in *European Journal of International Law*, Vol. 13, 2002, pp. 1161–1180.

119 International Law Association, The Hague Conference 2010, Non State Actors, First Report of the Committee (Non-state actors in international law: aims, approach and scope of project and legal issues), para. 3.2 (*курсив оригинала*).

120 Комментарий к статье 26, п.5, примечание 66 выше.

121 A. Clapham, *Human Rights Obligations of Non-state Actors*, примечание 87 выше, p. 88.

122 Human Rights Committee, 'General Comment No. 29: States of Emergency (Article 4)', UN Doc. CCPR/C/21/Rev.1/Add.11, 31 August 2001, pp. 4–5.

тив человечности, ситуаций, в которых нарушения прав человека криминализуются¹²³. В заключение надо сказать, что все еще требуют обсуждения вопросы, как и до какой степени ВНГА связаны правом прав человека, но уже можно заметить четкую и все расширяющуюся тенденцию считать эти группы ответственными за нарушения прав человека, совершенные в ходе вооруженных конфликтов, несмотря на юридическую неопределенность. Это объясняется различными причинами. Во-первых, существует необходимость защитить гражданское население от опасностей со стороны ВНГА на территориях, находящихся за пределами контроля государства. Во-вторых, большинство современных вооруженных конфликтов длится в течение нескольких лет, даже десятилетий. Международное гуманитарное право не было предназначено для того, чтобы регулировать каждодневную жизнь людей, живущих на территориях, находящихся под контролем ВНГА в течение такого длительного времени. В Афганистане гражданские лица, проживающие в районах, контролируемых «Талибаном», стараются вести «нормальную» жизнь, несмотря на условия крайнего насилия: люди занимаются бизнесом; журналисты пытаются делать репортажи; женщины ходят на работу. Действия «Талибана», конечно, представляют собой угрозу для прав человека населения, особенно для женщин, детей и журналистов, что отражено в многочисленных резолюциях международных организаций, осуждающих такие действия, а также в сообщениях правозащитных неправительственных организаций. Представляется, что афганское правительство не в состоянии обеспечить защиту этих прав, что приводит к безнаказанности, которая по всей стране становится скорее правилом, чем исключением¹²⁴. Однако когда речь идет о защите основных прав человека и его достоинства, не имеет значения для жертв, кем было совершено правонарушение — государством или негосударственным актором. Хотя все правовые вопросы еще не разработаны, мнение, что ВНГА непосредственно несут ответственность за нарушения международного права прав человека, конечно, указывает на то направление, в котором движется международное сообщество. И это, естественно, является правильным.

123 См.: Римский статут, статьи 6 и 7; Jan Arno Hessbruegge, 'Human rights violations arising from conduct of non-state actors', in *Buffalo Human Rights Law Review*, Vol. 21, No. 11, 2005, pp. 41–44. См. также: Philippe Currat, *Les crimes contre l'humanité dans le statut de la Cour pénale internationale*, Bruylant/ L.G.D.J./Schulthess, Brussels, 2006.

124 В полугодовом докладе 2010 г. МООНСА отмечает, что «антиправительственные элементы действуют в Афганистане безнаказанно. По сообщениям МООНСА ПЧ, хотя «Талибан» публично взял на себя обязательство избегать потерь среди гражданского населения, в том числе и посредством некоторых положений Кодекса поведения талибов 2009 г., нет никакой информации о том, как командиры «Талибана» обеспечивают эффективное соблюдение этих положений на местах, если они вообще соблюдаются... Афганское правительство часто не выполняет своей обязанности по проведению расследования, ареста и наказания преступников, включая любых членов антиправительственных группировок, за нарушения национального уголовного права, международного гуманитарного права или применимого права прав человека». UNAMA, примечание 12 выше, р. 11.

Имплементация применимых норм в Афганистане вооруженными негосударственными акторами

Существует огромная и требующая неотложного решения проблема эффективной имплементации применимых норм различными ВНГА, действующими в Афганистане¹²⁵. Действительно, в своем полугодовом докладе 2010 г. о защите гражданских лиц во время вооруженных конфликтов МООНСА заявила, что

«цена вооруженного конфликта в Афганистане, выражаемая в человеческих жизнях, возрастает в 2010 г.... после девяти лет конфликта меры по эффективной защите афганских гражданских лиц и минимизации воздействия конфликта на основные права человека сейчас более необходимы, чем всегда»¹²⁶.

С учетом этой трагической реальности в оставшейся части настоящей статьи мы предлагаем несколько общих и конкретных мер, которые, как нам кажется, будут способствовать более эффективному соблюдению применимых норм вооруженными негосударственными акторами. Эти меры являются правовыми, политическими и программными по своему характеру и касаются широкого спектра акторов, включая самих ВНГА, но не только их.

Во-первых, совершенно очевидно, что международное гуманитарное право предоставляет относительно широкую основу для защиты тех, кто оказался затронутым вооруженным конфликтом, посредством как обычного, так и договорного права. Однако остается неопределенность относительно того, какие точно нормы международного гуманитарного права применяются в вооруженных конфликтах немеждународного характера, и в целом, и конкретно в отношении ситуации и акторов в Афганистане. Это не способствует эффективности усилий по защите и требует пояснения.

Например, мы видели, что степень, до которой Дополнительный протокол II применим к различным сторонам в конфликте в Афганистане, совсем не установлена. В качестве первого важного шага правительство Афганистана и все иностранные силы, принадлежащие к ISAF, должны публично принять на себя обязательство соблюдать все поло-

125 Предложения о путях улучшения соблюдения права со стороны ВНГА см. в предварительных выводах осуществляемого под руководством Женевской академии исследовательского проекта о путях повышения уровня защиты гражданских лиц во время вооруженных конфликтов, особенно со стороны ВНГА: «Armed non-state actors and international norms: towards a better protection of civilians in armed conflicts: summary of initial research and discussions during an expert workshop in Geneva in March 2010», September 2010, доступно по адресу: <http://www.adh-geneva.ch/news/armed-nonstate-actors-international-norms> (последнее посещение 18 января 2011 г.). См. также: Marco Sassòli, 'Possible legal mechanisms to improve compliance by armed groups with international humanitarian law and international human rights law', работа, представленная на конференции по вопросу о вооруженных группах, Ванкувер, 13—15 ноября 2003 г.

126 UNAMA, примечание 12 выше, p. i (курсив авторов).

жения Протокола — и тогда призвать «Талибан» сделать то же самое¹²⁷. Это можно сочетать с включением других применимых обычных норм в «специальные соглашения»¹²⁸ между правительством Афганистана, ISAF и «Талибаном», исполнение которых могло бы стать предметом внутреннего и внешнего контроля. В августе 2010 г. на своей странице в интернете в заявлении, которое, как представляется, было ответом на последний Доклад ООН по вопросу о гражданских лицах в вооруженном конфликте, «Талибан» предложил создать объединенную комиссию для расследования заявлений об убийствах и ранениях гражданских лиц в ходе конфликта в Афганистане. В заявлении содержался призыв учредить орган, включающий членов Организации Исламская Конференция, следователей ООН по правам человека, НАТО и «Талибана»¹²⁹. Положительный ответ на это предложение либо способствовал бы делу защиты гражданского населения, либо разоблачил бы обман «Талибана».

Во-вторых, в ходе контактов с «Талибаном» и другими ВНГА, основная цель которых в настоящее время заключается в поисках возможных путей, ведущих к мирному соглашению¹³⁰, должны обсуждаться вопросы защиты гражданских лиц и другие проблемы, вызывающие оза-

127 Желательно без грубой пропаганды, подобной той, которая слишком часто характеризует высказывания на странице ISAF в интернете.

128 Статья 3(3) Женевских конвенций.

129 «Этому комитету должна [быть] предоставлена свобода действий для обследования соответствующих территорий, а также людей, чтобы собрать точную информацию, факты и цифры и распространить их по всему миру». Цит. по: Jon Boone, 'Taliban call for joint inquiry into civilian Afghan deaths considered: UN and Nato cautiously consider proposal, which follows reports of high levels of civilian deaths caused by insurgents', in *The Guardian*, 16 August 2010, доступно по адресу: <http://www.guardian.co.uk/world/2010/aug/16/talibanafghan-civilian-deaths-nato-un> (последнее посещение 18 января 2011 г.). Это соответствует общим положениям Женевских конвенций, в силу которых сторона в международном вооруженном конфликте вправе запросить проведение расследования любого обвинения в нарушении Конвенций (ЖК I, статья 52; ЖК II, статья 53; ЖК III, статья 132 и ЖК IV, статья 149).

130 Усилия, направленные на завершение длительного конфликта путем переговоров, интенсифицировались в последнее время. В марте 2010 г. президент Афганистана Хамид Карзай впервые встретился с представителями второй по размеру военизированной группировки Хезб-е-Ислами Гультбединна Хекматияра, чтобы обсудить возможность мирного соглашения. BBC, 'Afghan Hezbe-Islami militants hold peace talks in Kabul', 22 March 2010, доступно по адресу: news.bbc.co.uk/2/hi/8579380.stm (последнее посещение 18 января 2011 г.). В ноябре эта группа, как сообщалось, заявила Би-би-си, что они согласились бы на прекращение огня, если силы США останутся на своих базах. Syed Shoaib Hasan, 'Afghan rebel group offers truce terms', in *BBC News online*, 18 November 2010, доступно по адресу: <http://www.bbc.co.uk/news/world-south-asia-11773520> (последнее посещение 18 января 2011 г.). На мирной конференции в Кабуле в июне 2010 г. президент объявил о создании Высокого Совета по вопросу о мире для начала диалога с «Талибаном». BBC, 'Afghan Peace Council begins bid for talks with Taliban', 7 October 2010, доступно по адресу: <http://www.bbc.co.uk/news/world-south-asia-11494247> (последнее посещение 18 января 2011 г.). 11 октября 2010 г. президент Афганистана подтвердил, что «неофициальные контакты» с «Талибаном» имели место уже «в течение достаточно продолжительного времени» с целью положить конец повстанческой деятельности. См., например: BBC, 'Afghan President Karzai confirms Taliban "contacts"', 11 October 2010, доступно по адресу: <http://www.bbc.co.uk/news/world-south-asia-11511866> (последнее посещение 18 января 2011 г.); и BBC, 'Nato's "safe passage" for Taliban', 15 October 2010, доступно по адресу: <http://www.bbc.co.uk/news/world-south-asia-11553388> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

боченность в гуманитарной сфере¹³¹. Кроме всего прочего, должно иметь место подробное обсуждение — а если возможно, то и достигнуто соглашение, — вопроса о том, кто является гражданским лицом и, таким образом, как Протокол и другое применимое право должны исполняться сторонами в конфликте¹³².

В-третьих, предлагаются меры, касающиеся конкретных средств и методов ведения войны, даже и таких, где, как может показаться, «Талибан» уважает международное гуманитарное право, регулирующее ведение военных действий. МООНСА призвала к полному прекращению нападений с применением самодельных взрывных устройств (СВУ), излюбленного оружия «Талибана». Согласно МООНСА, поскольку «АПЭ [антиправительственные элементы], как правило, нападают на военные объекты с применением... СВУ»¹³³, в таких случаях при нападениях соблюдается принцип проведения различия (хотя все-таки можно сказать, что они нарушают нормы соразмерности при нападении)¹³⁴. Как представляется, эта тактика была очень эффективной при использовании против правительственных и особенно международных вооруженных сил¹³⁵. Однако МООНСА подтверждает, что такие акторы «часто

131 В ответ организация Amnesty International предупредила, что «планы мирного соглашения с «Талибаном» в Афганистане могут подвергнуть серьезной опасности права афганского народа, в частности, афганских женщин, если не будут предусмотрены конкретные стандарты прав человека». 19 июля 2010 г., доступно по адресу: <http://www.amnesty.org/en/newsand-updates/afghanistan-conference-raises-fears-sacrificing-rights-short-term-peace-2010-07-19> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

132 В своем докладе от августа 2010 г. ООН призвала «Талибан» и другие «антиправительственные вооруженные группы» «отменить все приказы и отозвать заявления, в которых содержится призыв убивать гражданских лиц, включая гражданских правительственных должностных лиц; принять и обеспечить соблюдение кодексов поведения или другие директивы, которые запрещают любые и все нападения на гражданских лиц; согласиться с тем, что гражданские лица, сотрудничающие с афганским правительством и Международными вооруженными силами, находятся под защитой против любых нападений и немедленно прекратить превращать этих гражданских лиц в объекты нападений». UNAMA, примечание 12 выше, para. v. Как представляется, этот призыв был отвергнут, поскольку после опубликования доклада «Талибан» издал исправленную версию «Кодекса поведения для моджахедов Исламского Эмирата Афганистан», где установлено, что любое лицо, работающее для сил коалиции или афганского правительства, является законным объектом нападения. CBC News, 'Taliban issue new code of conduct', 3 August 2010, доступно по адресу: <http://www.cbc.ca/world/story/2010/08/03/conduct-code-taliban.html> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

133 UNAMA, примечание 12 выше, p. 1.

134 Как представляется, часто (но ни в коем случае не всегда) СВУ являются управляемыми устройствами и нападения осуществляются против войск ISAF. См., например: Landmine and Cluster Munition Monitor, 'Afghanistan country profile, mine ban policy: use', last updated 4 October 2010, доступно по адресу: http://www.the-monitor.org/index.php/cp/display/region_profiles/theme/476 (последнее посещение 18 января 2011 г.).

135 В октябре 2010 г. министр иностранных дел Великобритании Уильям Хейг сказал корреспонденту «Sky News», что СВУ представляли собой самую большую опасность для британских вооруженных сил в Афганистане: «Эти [устройства] являются основной угрозой для наших сил — это излюбленное оружие «Талибана»... Поэтому мы тратим большие средства на то, чтобы усовершенствовать защиту транспортных средств, использовать транспортные средства с дистанционным управлением и, конечно, серьезные военные усилия предпринимаются для того, чтобы обнаружить и уничтожить сети, которые производят и устанавливают СВУ». Andy Jack, 'IEDs are biggest

применяли эту тактику в районах проживания гражданских лиц, где военная цель или военный объект неочевидны. Определенная тактика или определенные виды оружия, в частности СВУ и нападения смертников, так же, как представляется, в некоторых случаях используются при нападениях на конкретных гражданских лиц»¹³⁶. Далее МООНСА заявляет, что

«СВУ убивают больше гражданских лиц и наносят им больше ранений, чем любая другая тактика, используемая в конфликте... СВУ устанавливались на обочинах дорог, на базарах и в торговых зонах, рядом с домами и офисами должностных лиц правительства, на велосипедах и рикшах. СВУ приводятся в действие различными способами — с помощью дистанционного управления, путем растяжки или самой жертвой (СВУ нажимного действия или большой чувствительности). При взрыве воздействие СВУ является неизбирательным и поражает всех в районе взрыва»¹³⁷.

Таким образом, диалог может быть сосредоточен на том, каким образом минимизировать потери среди гражданских лиц, учитывая, что «Талибан» вряд ли согласится совсем прекратить использование СВУ.

В-четвертых, следует рассмотреть вопрос о нападениях смертников, очень распространенных в ходе конфликта в Афганистане. Любое нападение, направленное против отдельных гражданских лиц или гражданского населения как такового, является несомненно незаконным и представляет собой военное преступление. Даже если такие нападения направлены против военных объектов, остаются вопросы неизбирательных нападений, соразмерности и вероломства¹³⁸. Талибы обратились к вопросу о соразмерности и мерах предосторожности при нападениях косвенным образом в новой версии «Кодекса поведения», изданной муллой

threat to UK forces — Hague', in *Sky News Online*, 21 October 2010, доступно по адресу: <http://news.sky.com/skynews/Home/World-News/Foreign-Secretary-William-Hague-Says-Taliban-IED-Roadside-Bombs-Bigger-Threat-To-UK-Forces/Article/201010315764166?f=rss> (последнее посещение 18 января 2011 г.).

136 UNAMA, примечание 12 выше, р. 1. Однако МООНСА использует термин СВУ для обозначения самых различных нападений, включая, очевидно, нападения смертников. См. там же: Glossary.

137 *Ibid.*, р. 2.

138 Что касается вероломства, то в соответствии с исследованием обычного права, проведенным МККК «запрещается убивать, наносить ранения или брать в плен противника, прибегая к вероломству». Хенкертс, Ж.-М., Досвальд-БекЛ., примечание 79 выше, Норма 65. В Дополнительном протоколе I вероломство определено как «действия, направленные на то, чтобы вызвать доверие противника и заставить его поверить, что он имеет право на защиту или обязан предоставить такую защиту согласно нормам международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, с целью обмана такого доверия» (статья 37). Таким образом, симулирование обладания статусом гражданского лица террористом-смертником с целью получения безопасного доступа к личному составу вооруженных сил попадает в сферу действия этого запрета. Это происходит во многих случаях, возможно, в подавляющем большинстве случаев. Согласно МООНСА, примечание 12 выше, с. 4, первым случаем нападения смертника в Афганистане, о котором стало известно и в котором участвовала женщина, было нападение в провинции Кунар 21 июня 2010 г.

Омаром в 2009 г.¹³⁹ Кодексы поведения, изданные ВНГА, могут способствовать более полному соблюдению международных норм, потому что обязательство группы, данное в письменном кодексе, усиливает чувство их причастности к нормам и содействует их соблюдению¹⁴⁰. Конечно, нужно, чтобы такие обязательства соответствовали гуманитарным принципам. Что же касается «Кодекса поведения для моджахедов», разработанных талибами по собственной инициативе, то некоторые его правила явным образом не соответствуют международным стандартам¹⁴¹. Тем не менее он представляет собой основу, на которой можно добиваться соглашения по ограничению использования нападений силами смертников. Например, МООНСА неоднократно делала ссылки на его положения, призывая «Талибан» соблюдать их¹⁴².

В-пятых, по нашему мнению пора положить конец почти инстинктивному отрицанию применимости права прав человека к ВНГА и признать, что мир изменился, и теперь самые различные негосударственные акторы могут иметь целый ряд обязательств по международному праву прав человека. Право прав человека было вызвано к жизни необходимостью предоставить правовую защиту лицам перед всемогущей властью государства. Но можно ли сегодня серьезно утверждать, что отдельные лица не нуждаются в правовой защите от негосударственных вооруженных групп в Афганистане и что признанное государство в состоянии предоставить такую защиту? Поэтому «Талибан» следует признать как объединение, у которого есть широкий диапазон правовых обязательств, соответствующих международному праву прав человека, особенно на тер-

139 «Правило 41. Удостоверьтесь, что вы выполняете эти четыре условия при совершении нападений смертников: А — Прежде чем пойти на выполнение задачи, он должен получить очень хорошую подготовку к ней. В — Нападения смертников всегда должны осуществляться против высокопоставленных лиц. С — Сделайте все возможное для того, чтобы избежать убийства лиц из местного населения. D — Если у них нет особого разрешения от более высоких инстанций, то каждое нападение силами смертников должно получить одобрение властей провинции». Правило 46, кроме того, содержит приказ общего характера, что террористы должны делать все возможное, чтобы избежать потерь среди гражданского населения. См.: Program for Cultural and Conflict Studies, примечание 32 выше, р. 3.

140 A. Clapham, 'Human rights obligations of non-state actors in conflict situations', примечание 103 выше, р. 512.

141 См. некоторые из правил «Кодекса поведения для моджахедов» версии 2006 г.: «(24) Запрещается работать учителем при существующем марионеточном режиме, потому что это укрепляет систему неверных. Истинные мусульмане должны учиться у учителя, получившего религиозную подготовку и учиться в мечети или аналогичном учреждении. Учебники должны быть времени джихада или режима «Талибана». (25) Любого человека, работающего учителем на службе у существующего марионеточного режима, надо предупредить. Если он тем не менее отказывается оставить свою работу, его следует избить. Если учитель и после этого продолжает преподавать не в соответствии с принципами ислама, районный командир или руководитель группы должен убить его». Воспроизведено в Докладе Специального представителя по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях, примечание 21 выше, р. 17.

142 UNAMA, примечание 12 выше, р. 5.

риториях, которые он контролирует и которыми управляет¹⁴³, и эти возложенные на него обязательства должны быть очень четко сформулированы.

Заключение

Мы попытались показать значение не только международного гуманитарного права, но и международного права прав человека в деле содействия необходимому соблюдению международных норм вооруженными негосударственными акторами в Афганистане. Однако совершенно очевидно, что какие бы стандарты ни были применимы или согласованы, мониторинг будет основным элементом, способствующим их соблюдению. Такой мониторинг должен использовать работу ООН, правозащитных и гуманитарных неправительственных организаций и осуществляться путем инициатив, которые активно вовлекут в эту работу «Талибан». Во время визитов в Афганистан Специальный представитель по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях выразил сожаление в связи с тем, что не состоялись его переговоры с какими-либо официальными представителями «Талибана». Признавая политические препятствия и препятствия, обусловленные соображениями безопасности, существующие на пути непосредственного взаимодействия с «Талибаном», Алстон подчеркнул: «...нет причин предполагать, что «Талибан» невозможно будет убедить изменить свое поведение таким образом, чтобы он лучше соблюдал права человека»¹⁴⁴. Следовательно, перед международным сообществом встают самые различные проблемы, когда оно имеет дело с ВНГА. У некоторых из них есть правовое измерение, но другие аспекты широкого подхода к смягчению воздействия конфликта на гражданских лиц требует конкретных программ, правозащитной деятельности и особенно прямого взаимодействия с ВНГА. Все эти элементы должны иметь место, если мы действительно хотим, чтобы право приблизилось к реальности.

143 По мнению МООНСА в 2009–2010 гг. «АПЭ осуществляли контроль над гражданским населением посредством целого ряда мер, часто связанных с насилием, убийствами и похищениями». UNAMA, примечание 12 выше, р. 1. Фергюссон представляет «Талибан» с другой стороны, заявляя, что «официальное правительство провинций просто не могло конкурировать с услугами, которые предлагал «Талибан» — особенно ... когда речь шла об отправлении правосудия. Житель деревни, участвующий, скажем, в местном споре о земле, вынужден был обычно давать взятки каждому официальному лицу, а потом месяцами ждать, прежде чем решение вообще будет принято. Резко и постыдным для официальной системы образом отличалась от этого процедура талибских советов шариата — решения принимались незамедлительно и совершенно бесплатно». J. Fergusson, примечание 6 выше, р. 144.

144 Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях, примечание 21 выше, ч. 42.

Лайха для моджахедов: анализ кодекса поведения боевиков «Талибана» В СООТВЕТСТВИИ с правом ислама

Мухаммад Мунир*

Д-р Мухаммад Мунир является доцентом и заведующим Департаментом права, Факультета шариата и права, Международный исламский университет Исламабада.

Краткое содержание

*В настоящей статье внимание сосредоточено на правилах Исламского Эмирата Афганистан для моджахедов**, которые должны обеспечить соблюдение ими исламского *jus in bello*. Этот кодекс поведения, или Лайха, для бойцов «Талибана» придает большое значение ограничению нападения силами смертников, недопущению жертв среди гражданского населения и завоеванию умов и сердец местного гражданского населения. Однако талибы изменили или создали новые правила для наказания пленных, которые ранее не применялись в исламской военной и правовой истории. Другие правила пренебрегают принципом проведения различия между комбатантами и гражданскими лицами и даже допускают вероломство, что строго запрещено как в исламском праве, так и в международном гуманитарном праве. Автор утверждает, что многие правила «Талибана» имеют очень ограниченную основу в исламском праве или вообще ошибочно ему приписываются.*

⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮

* Автор выражает благодарность за помощь Эндрю Барглиз-Смиты, проф. Брэди Коулмену, майору (в отставке) Насиру Джалилу, Ахмаду Халиду и д-ру Марти Хану. Текст Корана в настоящей статье цитируется по изданию: Коран. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1991. Перевод И. Ю. Крачковского.

** Полный текст Лайхи воспроизводится в приложении к настоящей статье.

Можно ли квалифицировать «Талибан» в качестве «негосударственной вооруженной группировки»?

Поскольку в настоящей статье рассматривается Лайха¹, важно понять, можно ли квалифицировать «Талибан», являющийся боевой группой в Афганистане, в качестве «негосударственного исламского актора». В контексте международного гуманитарного права (МГП) «негосударственные акторы» (к которым относится, например, исламская негосударственная вооруженная группировка) — широкое понятие и может означать любую группу с военным потенциалом и организованной структурой, которая ведет бои в любой части мира. Но как станет очевидно далее, не каждая негосударственная мусульманская военная группировка может квалифицироваться как «негосударственная вооруженная группа» в соответствии с международным гуманитарным правом. В наших рассуждениях имеет значение тот факт, соблюдается ли в вооруженной борьбе, ведущейся мусульманской группой (в нашем случае «Талибаном»), исламское *jus in bello* и МГП. Однако если используется прилагательное «исламский» и слово «моджахеды», то можно ожидать, что упомянутые моджахеды обладают исламской идентичностью и исламской программой действий и что их кодекс ведения военных действий будет исламским, соответствующим последовательным исламским нормам. В последующем анализе мы постараемся определить, оправданы ли такие ожидания.

Вооруженный конфликт в международном гуманитарном праве

Решая вопрос о том, можно ли квалифицировать «Талибан» в качестве «негосударственного (исламского) актора», необходимо уточнить, при каких обстоятельствах конфликт становится вооруженным конфликтом в соответствии с МГП. Согласно мнению Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) «вооруженный конфликт имеет место всегда, когда применяется вооруженная сила в отношениях между государствами или имеет место длительно вооруженное насилие в отношениях между правительственными властями и организованными вооруженными группами или между такими группами в рамках одного государства»².

- 1 К настоящему времени существовали по крайней мере три издания Лайхи для моджахедов. Первое опубликовано 1 августа 2006 г., оно содержало только 39 правил. Второе было опубликовано 9 мая 2009 г. и состояло из 67 правил. Третье (рассматриваемое) опубликовано 29 мая 2010 г. и содержит 85 правил. Во введении говорится, что «все военные и административные органы власти, а также все моджахеды... должны соблюдать в вопросах джихада положения Лайхи и вести свою повседневную деятельность, касающуюся джихада, в соответствии с этими правилами». Исламский Эмират Афганистан. Лайха [кодекс поведения] для моджахедов. 2010 (далее — Лайха). Все издания составлены на языке пушту, и ни в одном не упоминается место публикации.
- 2 International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY), *Prosecutor v. Tadic*, ICTY Case No. IT-94-1, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, Appeals Chamber, 2 October 1995, para. 70.

Далее МТБЮ выделил два элемента, требующиеся для того, чтобы конфликт между правительственными властями и негосударственными вооруженными группировками стал «вооруженным конфликтом»: негосударственный актор должен быть хорошо организован и иметь иерархическую структуру; и конфликт должен достичь определенного уровня напряженности³. Негосударственная вооруженная группа, которая не удовлетворяет этим двум условиям, не попадает в сферу действия МГП, и ее деятельность рассматривается в соответствии с национальным правом как бандитизм, террористические акты или неорганизованная и кратковременная повстанческая деятельность⁴. Два вышеупомянутых элемента не получили четкого определения со стороны Трибунала, но он заявил в более позднем деле, что «значение имеет тот факт, совершаются ли деяния отдельно друг от друга или являются частью продолжительной кампании, которая влечет за собой вступление в военные действия обеих сторон»⁵. Если применить вышеупомянутые критерии, то многие мусульманские группы джихадистов могут быть исключены из определения «негосударственного актора» в соответствии с МГП⁶.

«Талибан» как вооруженная группировка

«Талибан» в Афганистане удовлетворяет всем вышеупомянутым условиям⁷ и поэтому может быть квалифицирован как негосударственный вооруженный актор⁸. Настоящий конфликт в Афганистане является вну-

3 Международный суд (МС) неоднократно делал заключения относительно критерия напряженности в отношении вооруженных нападений. Впервые суд обсуждал этот вопрос в деле Никарагуа (ч. 191), а затем в деле о Нефтяной платформе (ч. 64). В обоих этих случаях МС подчеркивал отличие вооруженных нападений от других нападений, ссылаясь на критерий напряженности.

4 ICTY, *Prosecutor v. Tadic*, ICTY Case No. IT-94-1, Judgment (Trial Chamber), 7 May 1997, para. 562.

5 ICTY, *Prosecutor v. Boškoski et al.*, ICTY Case No. IT-04-82-T, Judgment (Trial Chamber), 10 July 2008, para. 185.

6 Многие небольшие мусульманские группы, ведущие джихад, такие как Харакат аль-Ансар, Харакат уль-Муджахидин, Аль-Умар Муджахидин (все они действуют в Кашмире), Фатах аль-Ислам (Газа), и некоторые исламские боевые группы в Сомали не удовлетворяют этим условиям.

7 «Талибан» осуществляет эффективный контроль над многими районами Афганистана, талибы управляют повседневной жизнью на этих территориях. Согласно статье в «Wall Street Journal», автор которой провел расследование, талибы являются главными пользователями электроэнергии, вырабатываемой станцией Каджаки, восстановленной и модернизированной США на сумму более 100 млн. долларов США. Талибы взимают плату в 1000 пакистанских рупий (11,65 доллара США) в месяц с потребителей в уездах, находящихся под их контролем в провинции Гильменд. По имеющимся оценкам доходы «Талибана» от продажи электроэнергии равняются приблизительно 4 млн. долларов США в год в стране, где месячная зарплата боевика равняется приблизительно 200 долларам. В статье говорится, что «Талибан» использует эти поступления для финансирования своей войны с американскими и британскими войсками. См.: Yaroslav Trofimov, 'US rebuilds a power plant, and Taliban reap a windfall: insurgents charge residents for electricity the Afghan government supplies to areas under rebel control', in *Wall Street Journal* (European edition), 14 July 2010, p. 14.

8 Кроме афганского «Талибана» другими типичными негосударственными исламскими акторами, которые ведут вооруженный конфликт с правительством и удовлетворяют, по крайней мере иногда, требованиям МТБЮ, являются «Аль-Каида», Исламский фронт спасения (FIS) (Алжир)

треним, или немеждународным по смыслу статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций 1949 г., но в нем участвуют международные силы из целого ряда государств, получившие мандат Совета Безопасности для борьбы с «Талибаном». Вот почему ситуация в Афганистане не укладывается в старую классификацию, предусматривающую наличие международных и немеждународных вооруженных конфликтов. Наилучшим образом описать ситуацию может третья категория — интернационализированный вооруженный конфликт⁹.

Соответствующим правом, применимым к негосударственным участникам вооруженного конфликта, является уже упомянутая общая статья 3. Дополнительный протокол II 1977 г., касающийся немеждународных вооруженных конфликтов, также применим, поскольку Афганистан является теперь его стороной¹⁰. Положения общей статьи 3 имеют статус обычного международного права, и негосударственные группировки связаны нормами международного права обычного характера, когда они участвуют в вооруженном конфликте. В соответствии с решением Апелляционной камеры Специального суда по Сьерра-Леоне «общепризнанно, что все стороны в вооруженном конфликте, независимо от того, являются они государствами или негосударственными акторами, связаны международным гуманитарным правом, даже несмотря на то, что только государства могут становиться сторонами международных договоров»¹¹. Независимо от того, международный или немеждународный конфликт имеет место, негосударственные исламские акторы, такие как «Талибан» в нашем случае, несомненно, имеют обязательства в соответствии с МГП.

и Группа Абу Сайяфа (Филиппины). Статус двух исламских группировок, а именно ХАМАСа и Хезболлы, определить труднее. ХАМАС сейчас контролирует сектор Газа, но все еще является негосударственным актором, потому что оккупированные территории (или, точнее, сектор Газа) пока еще не признаны в качестве государства. Хезболла, с другой стороны, имеет политическое крыло, которое представлено в правительстве Ливана, но все еще квалифицируется только как негосударственный актор. Совет по правам человека ООН, направивший две миссии по расследованию нарушений прав человека во время второй ливанской войны между Хезболлой и Израилем в 2006 г., считает этот конфликт международным. См.: Осуществление резолюции 60/251 Генеральной Ассамблеи от 15 марта 2006 г., озаглавленной «Совет по правам человека: Миссия в Ливан и Израиль» (7—14 сентября 2006 г.) UN Doc. A/HRC/2/7, 2 октября 2006; Осуществление резолюции 60/251 Генеральной Ассамблеи от 15 марта 2006 г., озаглавленной «Совет по правам человека: Доклад Комиссии по расследованию положения в Ливане во исполнение резолюции S-2/1 Совета по правам человека» UN Doc.A/HRC/3/2, 23 ноября 2006 г.

9 См. также: Avril McDonald, 'Terrorism, counter-terrorism and the *ius in bello*', in Michael N. Schmitt (ed.), *Terrorism and International Law: Challenges and Responses*, International Institute of Humanitarian Law, San Remo, 2002, p. 65.

10 Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II), 8 июня 1977 г.

11 Special Court for Sierra Leone (SCSL), *Prosecutor v. Sam Hinga Norman*, Case No. SCSL-2004-14-AR72, Decision on Preliminary Motion based on Lack of Jurisdiction (Child Recruitment), 31 May 2004, para. 22.

Статус «Талибана» в соответствии с исламским правом

Рассмотреть вопрос о статусе «Талибана» в соответствии с исламским правом интересно особенно потому, что суть мнений многих мусульманских богословов такова: нападение США, которое привело к роспуску правительства «Талибана» в Афганистане, было незаконным¹². Еще было бы интересно ответить на вопрос, можно ли считать «Талибан» в Афганистане Аль аль-Багхи, то есть повстанцами в соответствии с правом ислама. Мусульманские юристы изложили четыре условия для того, чтобы группу можно было считать Аль аль-Багхи: во-первых, восстание против государственных властей путем отказа выполнять свои обязательства и соблюдать законы государства; во-вторых, обладание властью и силой; в-третьих, открытый бунт и борьба против политических властей; и, наконец, собственное новое толкование исламского права, которого они строго придерживаются (это последнее условие является спорным)¹³. Если мирными средствами нельзя добиться того, чтобы мятежники сложили оружие, мусульманские политические власти должны вести с ними борьбу с тем, чтобы заставить их подчиниться, а не уничтожить их¹⁴.

- 12 Высказывается мнение, что поскольку правительство «Талибана» не планировало и не осуществляло террористические акты 11 сентября 2001 г. против США, их нельзя было обвинять и, таким образом, свержение их правительства не было оправданным. По словам муфтия М. Таки Утмани, нападение США и свержение режима «Талибана» было незаконным. См.: Mufti M. Taqi Uthmani, *Al-Balag*, January 2002, pp. 6–7. См. также: Sheikh Yusuf al-Qaradawi, *Fiqh al-Jihad Dirasa Muqarana li Ahkamih wa Falsafatih fi dhaw-i-al-Qur'an wa al-Sunnah*, Dar al-Kutub, Cairo, 2009, Vol. 1, p. 711. Шейх резко осуждает свержение «Талибана» и считает, что помощь, предоставленная правительству в Кабуле, поддерживаемому Западом, незаконна и несовместима с условиями, изложенными мусульманскими юристами, для обращения за помощью к немусульманам; см.: с. 710–711. Муфтии Захидур Рашиди и Мулана Аммар Харн Насир также придерживаются мнения, что свержение режима «Талибана» было незаконным. См. их точки зрения в специальном выпуске *Al-Shari'ah on 'Al Qaeda, the Taliban and the current war in Afghanistan'*, October 2010, pp. 13–57, esp. pp. 17–19, 23, 25, 30, 50.
- 13 Четвертое условие, т. е. новое толкование 'ta'wil', или их собственная интерпретация права, требуется джамхуром (большинством) мусульманских юристов. Хорошо известным примером таких повстанцев в исламской истории являются Хариджитес (мусульманские диссиденты). См.: Muhammad b. Idris al-Shafi'i, *Al-Umm*, Dar al-Ma'rifa, Beirut, n. d., Vol. 4, p. 216; и 'Abdullah b. Ahmad b. Muhammad b. Qudama, *Al-Mughni 'Ala Mukhtasar al-Khirqi bi Sharh al-Kabir 'ala matn al-muqn'*, Dar al-kutub al-Arabi, Beirut, 1972, Vol. 10, p. 52. Некоторые мусульманские юристы не считают условие 'ta'wil' необходимым, полагая, что достаточно, если повстанцы хотят только захватить власть. Очевидным примером этой категории является событие, когда Абдулла б. Зубаир был избран народом Хиджаза, Ирака и Египта в качестве их главы государства, но его группе нанес поражение Умайяд Калиф Марван и. аль-Хакам. См.: 'Ali b. Ahmad b. Sa'eed, b. Hazm, *Al-Muhalla*, Dar al-Fikr, Beirut, n. d., Vol. 11, pp. 97–98; Muhammad b. Ahmad b. Juzzi, *Qawanin al-Ahkam al-Shariyyah wa Masa'il al-Furu' al-Fiqhiyya*, Dar al-'Ilm lil maliyyin, Beirut, 1974, p. 393; and Muhammad al-Sharabini al-Khatib, *Mughni al-Muhtaj*, Maktaba Mustafa al-Babi, Cairo, 1933, Vol. 4, p. 126.
- 14 См.: A. Ibn Hazm, примечание 13 выше, Vol. 11, p. 97; I. Shahfi'i, примечание 13 выше, Vol. 4, p. 215; M. Khatib, примечание 13 выше, *Mughni al-Muhtaj*, Vol. 4, p. 126; Muhammad b. Ahmad al-Qurtubi, *al-Jami' li Ahkam al-Qur'an*, Matba'a Dar al-Kutub al-Masriyyah, Cairo, 1950, Vol. 16, pp. 317–319; Muhammad Khair Haykal, *Al-Jihad wa al-qital fi al-Syasa al-Shar'iyya*, 2nd edition, Dar al-Bayariq, Beirut, 1996, Vol. 1, pp. 63–69. В работе Хайкала, несмотря на название, речь не идет о сйаса аль-шарийа (syasa al-shar'iyyah).

Однако, как уже говорилось, мусульманские богословы считают свержение режима «Талибана» в Афганистане незаконным и рассматривают войну с оккупирующей державой в качестве законной¹⁵. Таким образом, «Талибан» не является 'Ahl al-Baghi' в соответствии с правом ислама.

Отношение «Талибана» к исламскому праву, касающемуся ведения военных действий

Прежде чем рассматривать отношение «Талибана» к исламскому праву, касающемуся ведения военных действий, следует сказать, что Лайха не упоминает международное гуманитарное право и не делает на него каких-либо ссылок. Это можно истолковать либо как то, что «Талибан» не признает существование МГП и его применение в происходящем конфликте, либо то, что они основывают свои правила на праве ислама. Во время своего краткого правления в Афганистане с 1995 по 2001 г. «Талибан» очень буквально, строго и радикально толковал право ислама. Талибы никогда не говорили об умеренности и терпимости или о защите прав меньшинств в Афганистане.

Право войны как часть Лайхи

«Талибан» утверждает, что их Лайха основана на исламском праве. В последнем издании 2010 г. говорится, что Лайха была подготовлена в соответствии с правом ислама при консультациях с ведущими богословами, муфтиями (правоведами), экспертами и специалистами¹⁶; однако неизвестно, кто эти богословы, муфтии и эксперты. В той части, которая посвящена *jus in bello*, Кодекс поведения боевиков «Талибана» требует ограничить нападения смертников, избегать жертв среди гражданского населения и стремиться к завоеванию сердец и умов местного гражданского населения: правило 57 провозглашает: «...смелые сыны ислама не должны быть использованы для недостойных и бесполезных мишеней. Все возможное должно быть сделано для того, чтобы не допустить гибели и ранений простых людей». Между августом 2006 г. и маем 2010 г. правила изменялись несколько раз, и были опубликованы три различные версии,

15 Муфтии Таки Утмани, Шейх аль-Карадави, муфтий Захидур Рашиди и Мулана Аммар Хан Насир поддерживают эту точку зрения. См.: T. Uthmani, примечание 12 выше, с. 6—7; Y. Qaradawi, примечание 12 выше, т. 1, с. 710—711; и Z. Rashidi and A. K. Nasir, примечание 12 выше, 13—57, особенно с. 17—19, 23, 25, 30, 50. Однако у них различные мнения относительно того, следует ли войну называть джихадом. Например, муфтий Захидур Рашиди считает, что это джихад (с. 49—50), а Мулана Насир так не думает (с. 30).

16 См.: Приложение. Лайха для моджахедов. Вступление. Там говорится, что ее соблюдение является обязательным для каждого лица, обладающего властью, и для каждого моджахеда. Также подчеркивается, что все сотрудники военных и административных органов, а также простые моджахеда должны следовать этим правилам и вести своей повседневный джихад в соответствии с ними.

исполнение которых принудительно проводилось в жизнь. Это свидетельствует о том, что «Талибан» использует ислам, и в частности Лайху, и как риторичку для достижения единства и содействия мобилизации сил, и как гарантию соблюдения исламского права войны.

В Лайхе издания 2010 г. содержится 85 разделов. Не все из них посвящены ведению военных действий. Фактически только 37 правил можно считать относящимися к войне, это разделы 4, 7¹⁷ и 9–16 (о военнопленных и подрядчиках), 17–22 (шпионы), 23–26 (подрядчики и поставщики), 27–33 (военные трофеи), 56 (нападения), 57 (нападения смертников), 67–73 (запрещенные деяния) и 81 (снаряжение моджахедов). Все остальные касаются, среди прочего, административных вопросов, иерархической организации, обеспечения соблюдения права шариата в районах, контролируемых «Талибаном», и разрешения споров между людьми под контролем «Талибана», а также споров между самими талибами. Перейдем теперь к существенным частям Лайхи «Талибана» и сравним их с исламским правом войны. Однако мы рассмотрим здесь лишь основные положения Лайхи.

Участь лиц, захваченных в плен

Что касается военнопленных, то в Лайхе их, как представляется, три категории: во-первых, это солдаты Армии Афганистана, полицейские и другие официальные лица (правило 10); во-вторых, подрядчики, поставщики, водители и персонал частных военных компаний (правила 11 и 23–26); и, наконец, иностранные солдаты (правило 12). Кроме того, существует положение, которое предусматривает ситуацию, общую для всех вышеперечисленных категорий: убийство пленных различных типов во время транспортировки (правило 13).

Что касается участи тех, кто попадает в первую категорию, то талибский губернатор провинции должен сделать выбор между обменом их на пленных талибов, их освобождением без каких-либо условий или их освобождением после получения надежных гарантий (поручительства)¹⁸. Ему не разрешается отпускать их за выкуп. Их можно казнить или подвергнуть наказанию тазир (ta'zir) только по приказу имама¹⁹, его заместителя или

17 Вся глава 1, т. е. правила 1–8, не относится к ведению войны, но призывает тех, кто работает для афганского режима, вступать в «Талибан» и дает указания о том, как с ними обращаться. Однако два из этих правил касаются ведения войны, а именно правило 4, в котором говорится о вероломстве того, кто сдается в плен, и правило 7, о вооруженном персонале афганского режима, которые хотят сдаться в плен, но чьи истинные намерения неясны.

18 Гарантия в Лайхе означает гарантию, которая дается в виде недвижимой собственности или личного поручительства. Это не означает гарантию в виде движимой собственности или денег. Лайха, вступление.

19 Имам является главой «Талибана», это мулла Мохаммед Омар, Наиб Имам — его заместитель. Лайха, вступление. Тазир (сдерживающее, исправительное) наказание рассматривается далее.

кади (судьи) провинции²⁰. Итак, они могут быть обменены, освобождены без каких-либо условий, освобождены при получении надежных гарантий (поручительства), казнены или подвергнуты какому-то другому наказанию в соответствии с тазир. Губернатор провинции должен выбрать одно наказание из первых трех, иначе имам или его заместитель или кади провинции выберут одно из последних двух. Однако губернатор должен выполнять обязанности кади, если в провинции такое должностное лицо не назначено. Мы рассмотрим соответствие этих наказаний исламу в конце данного раздела.

Об участии лиц из второй категории (подрядчики, поставщики, водители, персонал частных военных компаний и представители неверных) говорится в правилах 11 и 23—26. В соответствии с правилом 11, прочитанным вместе с правилами 23—26, убедившись, что подрядчики строят базы или снабжают материалами «неверных и их марионеточный режим», моджахеды должны сжечь их запасы²¹ и убить таких подрядчиков²². Официальным лицам любого ранга из частных военных компаний, представителям «неверных» и водителям транспортных средств, перевозящих грузы, смертный приговор должен выносить уездный кади²³. У кади нет другого выбора. Есть некоторая неясность относительно водителей, перевозящих грузы: правило 24 разрешает их убить на месте, а правило 11 указывает, что смертный приговор выносится уездным кади. Правило 26 разрешает убивать подрядчиков, которые набирают неквалифицированных или других рабочих.

Участь пленных комбатантов, которые не являются мусульманами, может быть решена только имамом или его заместителем, которые могут сделать выбор между казнью человека, обменом или освобождением без какого-либо условия или выкупа²⁴. В соответствии с правилом 13 Лайхи, если моджахед захватил пленных (к которым могут относиться лица из местного населения, иностранцы, комбатанты, подрядчики, водители и т. д.) и подвергся нападению при их транспортировке в безопасное место, он должен убить их, если они являются комбатантами противника или официальными лицами. Но если моджахеды не уверены в том, кем являются захваченные лица, они не должны их убивать, даже если это означает, что их приходится освободить. В отношении обращения с задержанными лицами правило 15 предусматривает, что моджахеды не должны подвергать их пыткам голодом, жаждой, жарой или холодом, даже если они заслуживают смертного приговора или любого другого наказания тазир²⁵.

20 О процедуре в случае, если кади провинции не назначен, см.: Лайха, правило 10.

21 Правило 23 Лайхи разрешает сжигание частных автомобилей, если они используются для транспортировки товаров или других услуг для «неверных».

22 *Ibid.*, правило 25.

23 *Ibid.*, правило 11. Другого наказания для них нет.

24 *Ibid.*, правило 12.

25 В соответствии с правилом 16 Лайхи наказание тазир может налагаться только имамом или его заместителем и кади. В том же самом правиле говорится, что если уездный кади хочет вынести смертный приговор в качестве наказания тазир, он должен получить согласие кади провинции; если такого должностного лица нет, губернатор может решать вопросы смертной казни и тазир.

Решение вопроса об участии всех категорий, упомянутых выше, можно суммировать следующим образом. 1) Солдаты, полицейские и другие официальные лица афганского режима могут быть освобождены без каких-либо условий, обменены или освобождены после предоставления надежных гарантий, но за них нельзя получать выкуп, и их участь решает таалибский губернатор. Их можно казнить или подвергнуть наказанию тазир, если это разрешено имамом или его заместителем, или кади провинции, но если кади не назначен, решение о наказании принимает губернатор. Это означает, что в этих вопросах соответствующими полномочиями обладает губернатор. 2) Все категории подрядчиков, поставщиков, водителей транспорта, персонал военных компаний²⁶ и даже те подрядчики, которые нанимают рабочих, могут в случае ареста быть либо убиты, либо казнены в порядке суммарного судопроизводства, либо получить смертный приговор, вынесенный кади. 3) Участь захваченных иностранных комбатантов, не являющихся мусульманами, решает имам или его заместитель, которые могут дать санкцию на казнь, обмен, освобождение или выкуп. 4) Заложники, которые подозреваются в том, что являются комбатантами противника или другими официальными лицами, могут быть убиты, если во время их транспортировки в безопасное место на моджахедов совершается нападение.

Оценка в соответствии с исламским *jus in bello*: Лайха и исламское право

С точки зрения исламского *jus in bello* необходимо рассмотреть три ключевых вопроса. Во-первых, какова участь военнопленных в классическом исламском праве, а также исламской военной истории? Во-вторых, может ли любой задержанный подвергнуться наказанию тазир в соответствии с исламским правом? И наконец, могут ли подрядчики, поставщики, перевозчики, водители и персонал охранных компаний быть казнены в результате суммарного судопроизводства или приговариваться к смерти кади, если они попадают в плен?

26 Важно отметить, что хотя они чаще всего используются для выполнения боевых задач (например охраны военных путей материально-технического снабжения/нефтепроводов или для допроса задержанных), частные военные компании (ЧВК), известные также как частные военные фирмы (ЧВФ) и чаще всего используемые в Ираке и Афганистане, попадают в сферу действия МПП, действующего на сегодняшний день. Это является отражением серой зоны права. Бросая вызов МПП, ЧВК тем не менее находятся в сфере его действия. Если они не входят в состав вооруженных сил государства или не имеют боевых функций в организованной вооруженной группировке, принадлежащей стороне в конфликте, члены ЧВК считаются гражданскими лицами. Однако если они участвуют в военных действиях, они утрачивают право на защиту от нападений во время такого участия, и если их захватывает противник, их можно судить за само участие в военных действиях. См., например: Международный Комитет Красного Креста (МККК), «Международное гуманитарное право и частные военные и охранные компании», доступно по адресу: <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/faq/pmsc-faq-150908.htm> (последнее посещение 13 февраля 2012 г.).

Участь военнопленных в исламе

В отношении участи военнопленных в соответствии с исламом существуют разногласия среди мусульманских правоведов различных школ²⁷. Я постараюсь кратко разъяснить толкование различных аятов Корана, слова и деяния Пророка Мухаммада (мир Ему) и его последователей в отношении военнопленных и мнения выдающихся классических мусульманских правоведов²⁸. В Коране взятие пленных считается законным: «Захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте»²⁹, а в суре 47:4 говорится: «...то укрепляйте узы». Мусульманские правоведы единодушно считают, что решение об участии пленников остается за политическими властями, которые принимают его, исходя из наилучших интересов мусульманской общины. Однако их мнения расходятся относительно тех вариантов выбора, которые имеются у мусульманского государства в отношении окончания их пленения. Различные варианты, упоминаемые мусульманскими правоведами, включают казнь, обмен, условное или безусловное освобождение, выкуп и порабощение. По мнению большинства мусульманских богословов основных религиозно-правовых школ — маликитов, шафиитов, ханбалитов, последователей шиите, захирите и авзаи — у политической власти есть следующие возможности: казнь, порабощение, «тапп» (освобождение без каких-либо условий)

27 Второстепенные работы об исламском *jus in bello* обычно уделяют какое-то место вопросу о военнопленных, но такие работы не являются всеобъемлющими. Среди полезных работ см.: Gerhard Conrad, 'Combatants and prisoners of war in classical Islamic law: concepts formulated by Hanafi jurists of the 12th century', in *Revue de Droit Pénal Militaire et de Droit de la Guerre*, Vol. 20, Nos 3—4, 1981, pp. 271—307. Эта работа посвящена исключительно военнопленным в исламе, но она также не является исчерпывающей и не предлагает комплексных норм, касающихся военнопленных и причин разногласий среди ранних мусульманских правоведов. Другое заслуживающее внимания исследование принадлежит Халеду Абу Эль Фадлу: Khaled Abou El Fadl, 'Saving and taking life in war: three modern Muslim views', in *Muslim World*, Vol. 89, No. 2, 1999, pp. 158—180, в которой он обсуждает работы трех современных богословов XX в.; см. также: Syed Sirajul Islam, 'Abu Ghraib: prisoner abuse in the light of Islamic and international law', in *Intellectual Discourse*, Vol. 15, No. 1, pp. 15—19. Работы, основанные на вторичных источниках, включают: Yadeh Ben Ashoor, 'Islam and international humanitarian law', in *International Review of the Red Cross*, No. 722, March—April 1980, pp. 1—11, especially pp. 3—7; and Troy S. Thomas, 'Prisoners of war in Islam: a legal enquiry', in *Muslim World*, Vol. 87, January 1997, pp. 44—53. Первая статья кратко касается толкования аятов Корана, касающихся военнопленных; к сожалению, автор не дает ссылок на многие работы, упоминаемые в его статье. Во второй работе автор кратко излагает исламское право, касающееся военнопленных. Среди недавних работ на арабском языке см.: Ameer al-Zemmali (ed.), *Maqalat fi al-Qanun al-Duwali al-Insani wa al-Islam*, 2nd edition, ICRC, n. p., 2007. Это компиляция 15 очерков, опубликованных ранее в Международном журнале Красного Креста и касающихся различных аспектов исламского *jus in bello*, сравниваемого в некоторых случаях с международным гуманитарным правом. Всеобъемлющее исследование предмета предлагается в работе: Ameer Zemmali, *Combatants et prisonniers de guerre en droit islamique et en droit international humanitaire* (Комбатанты и военнопленные в исламском праве и в международном гуманитарном праве), Pédone, Paris, 1997.

28 Исчерпывающее исследование вопроса о военнопленных в исламе см. в работе: Muhammad Munir, 'The protection of prisoners of war in Islam', in *Islamic Studies* (готовится к публикации).

29 Коран, 9:5.

и «fida» (выкуп или освобождение после удовлетворения выдвинутого условия или требования дать обещание)³⁰. Правоведы маликиты добавляют к этому наложение на них джизьи (подушного налога)³¹. Правоведы ханафиты согласны с казнью, порабощением и освобождением пленных с условием, что они должны платить джизью, но у них существуют разногласия относительно выкупа³². Имам Абу Юсуф³³ и М. Ибн аль-Хасан аль-Шайбани³⁴ допускают выкуп³⁵.

В Коране говорится об участии военнопленных:

«А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то — удар мечом по шее; а когда вы произведете великое избиение их, то укрепляйте узы. Либо милость потом, либо выкуп, пока война не сложит своих нош. Так!» (47:4).

Эта сура делает казнь незаконной, а пленение — временным, оно должно закончиться либо безусловным освобождением, либо освобождением при определенных условиях, либо свободой за выкуп³⁶. Таким образом, у представителя политической власти есть возможность освободить пленных за выкуп или освободить их без выкупа. Это подтверждается указаниями Пророка (мир Ему), которые он дал при покорении Мекки: «Не убивайте раненых, не преследуйте беглецов, не казните пленных; и в безопасности каждый, кто закрыл свою дверь»³⁷. Али б. Аби Талиб (ум. 40 г. х./661 г. н. э.), Аль-Хасан б. аль-Хасан (ум. 110 г. х.)/728 г. н. э.), Хаммад б. Аби Сулиман (ум. 120 г. х./737 г. н. э.)³⁸, Мухаммад б. Сирин (ум. 110 г. х./728 г. н. э.), Муджахид б. Джабр Маула (ум. 103 г. х./721 г. н. э.), Абд аль-Малик б. Абд аль-Азиз б. Джурайж (ум. 150 г. х./767 г. н. э.), Ата б. Аби Раббах (ум. 114 г. х./732 г. н. э.)³⁹ и Абу Убайд б. Салам были против казни военнопленных⁴⁰. По мнению Имадуддина Исмаила б. Умара б.

30 М. Khatib, примечание 13 выше, т. 4, с. 228; А. Ibn Hazm, примечание 13 выше, т. 7, с. 309, 346.

31 Muhammad b. Ahmad b. Rushd, *Bidayat al-Mujtahid*, trans. Imran A. K. Nyazee, Garnet Publishing Ltd., Reading, 1994, Vol. 1, p. 456; Muhammad b. Ahmad b. Juzii, *al-Qawanin al-Fiqhiyya, Dar al-Kutub al-Ilmiya*, Beirut, n. d., p. 99; Ahmad b. Idris al-Qarafi, *Al-Furuq* (along with Idrar al-suruq 'ala Anwa' al-Furuq), Dar al-m'rifa, Beirut, n.d., Vol. 3, p. 17.

32 'Alauddin Abu Bakr al-Kasani, *Bada'i' al-Sana'i'*, Dar Ehia al-Tourth al-'Arabi, Beirut, 2000, Vol. 6, p. 94.

33 Ya'qub b. Ibrahim Abu Yusuf, *Kitab al-Kiraj*, Maktabh Farooqia, Peshawar, n. d., p. 378.

34 См.: Muhammad b. al-Hasan al-Shaybani, *Kitab al-Siyar al-Kabir*, Sharh (commentary) ed. Abu Bakr al-Sarkhasi, 'Abdullah M. Hasan al-Shafi'i, Dar al-kotob al-'Ilmiya, Beirut, 1997, Vol. 4, p. 300.

35 'A. Kasani, примечание 32 выше, т. 6, с. 95.

36 В Коране, 8:67—69, говорится, что Пророк (мир Ему), осуждал это, поскольку никакого откровения о законности подобной практики не было ниспослано ему, а его и потому что сподвижники были соблазнены выкупом. Однако, как сказано в этих аятах, выкуп был узаконен: «Ешьте же то, что вы взяли в добычу, дозволенным, благим, и бойтесь Аллаха: поистине, Аллах прощающ, милосерд!».

37 Abu al-'Abas Ahmad b. Jabir al-Baladhuri, *Kitab Futuh al-Buldan*, trans. Philip Khuri Hitti, Columbia University, New York, 1916, Vol. 1, p. 66.

38 М. Shaybani, примечание 34 выше, т. 3, с. 124. Шабани говорит, что аль-Хасан разрешает казнить военнопленных только во время войны, а Хаммад б. Аби Сулиман обычно осуждал их казнь после войны.

39 Abu Bakar al-Jassas, *Ahkam al-Qur'an*, ed. Sidqi M. Jamil, Dar al-Fikr, Beirut, 2001, Vol. 3, p. 582.

40 Abu 'Ubayd b. Salam, *Kitab al-Amwal*, trans. Imran A. K. Nyazee, Garnet Publishing Ltd., Reading, 2002, pp. 120—121.

Катира (ум. 774 г. х.)/1373 г. н. э.), «глава мусульманского государства должен сделать выбор только между *манп* и *fida*. Ему не разрешено казнить [военнопленных]»⁴¹. Ибн Рушд (ум. 594 г. х./1198 г. н. э.) говорит, что «группа правоведов считала, что не разрешено казнить пленных. Аль-Хасан б. Мухаммад аль-Тамими (ум. 656 г. х./1258 г. н. э.) поведал, что существует единогласное мнение (ижма) сподвижников по этому вопросу [что военнопленных нельзя убивать]»⁴².

Согласно аутентичным сведениям, во всех войнах Пророка (мир Ему) только от трех до пяти⁴³ военнопленных были казнены. Таким образом, только Укбах б. Аби Муит из 70 пленных Бадра⁴⁴ был казнен за свои преступления против Пророка (мир Ему) и мусульман Мекки⁴⁵. Вторым был Абу Иззах аль Джумахи в Ухде⁴⁶. Третьим военнопленным был Абдулла б. Хатал, которого казнили в день покорения Мекки⁴⁷. Все они были казнены за гнусные преступления, которые они совершили против исламского государства до того, как были захвачены, и разыскивались в исламском государстве (государство Медина, главой которого был Мухаммад (мир Ему)). Совершенно очевидно, что во времена Пророка (мир Ему) казнь военнопленных не была установленным правилом. Возможно, Аль-Хасан б. Мухаммад аль-Тамими был прав, когда заявил, что сподвижники Пророка (мир Ему) единодушно поддерживали запрещение убивать военнопленных⁴⁸.

41 'Imaduddin Isma'il b. 'Umar b. Kathir, *Tafsir al-Qur'an al-'Azim, Matba' al-Manar*, Cairo, 1346 A.H., Vol. 4, p. 221.

42 Abul Walid Muhammad ibn Rushd, *The Distinguished Jurist's Primer*, trans. Imran Nyazee, Reading: Garnet Publishing Ltd, 1994, Vol. 1, p. 456.

43 Однако сведения о казни аль-Надра б. Аль Харита и одной из двух наложниц Абдуллы б. Хаттала менее достоверны.

44 Говорят, что аль-Надр б. Аль Харит был убит в плену. Согласно Ибн Катиру, аль Надр был убит во время войны. См.: Isma'il b. 'Umar b. Kathir, *al-Bidaya wa al-Nihaya*, maktaba al-Ma'rif, Riyadh, 1966, Vol. 3, p. 35.

45 Abu 'Ubayd, примечание 42 выше, с. 130, п. 24.

46 Он было освобожден в Бадре на том условии, что прекратит писать богохульные стихи против ислама и больше не будет бороться с мусульманами. Он не выполнил своего обещания и снова просил прощения, но на этот раз был казнен. См.: Abu Bakr b. Ahmad al-Sarkhasi, *Kitab al-Mabsut*, ed. Sabir Mustafa Rabab, Dar Ihya al-Turath al-'Arabi, Beirut, 2002, Vol. 10, p. 26.

47 Он был мусульманином, жившим в Медине, но он убил мирного мусульманина, вернулся к до-исламской вере, присоединился к врагу и тем самым совершил государственное преступление, похитил государственные деньги, купил двух наложниц, которые сочиняли богохульные стихи и начал кампанию против ислама. Подробности см.: Muhammad Munir, 'Public international law and Islamic international law: identical expressions of world order', in *Islamabad Law Review*, Vol. 1, Nos 3 and 4, 2003, p. 382.

48 См.: M. Shaybani, примечание 34 выше, т. 2, с. 261. Это и мнение большого числа классических правоведов, включая Абдуллу б. Умара (ум. 73 г. м. л./692 г. н. э.), аль-Хасана аль-Басри (ум. в 346 г. м. л./957 г. н. э.), Ату Дхак б. Музахим аль-Хилали (ум. в 100 г. х./718 г. н. э.) и Исмаила б. Ибн Рушда (ум. в 127 г. х./744 н. э.). Ибн Рушд соглашается с этим мнением. См.: Ибн Рушд, примечание 31 выше, т. 1, с. 369. В соответствии с шиитской юриспруденцией у имама есть только три возможности: *манп*, *fida* (выкуп либо за деньги, либо в обмен на военнопленных, удерживаемых противником) или порабощение; шиитские правоведы считают казнь во время пленения незаконной. См.: Najmuddin al-Muhaqiq al-Hilli, *Shara'i' al-Islam*, ed. Syed Sadiq al-Sherazi, Dar al-Qari, Beirut, 2004, Vol. 1, p. 251; и Sa'id b. Habbat al-Rawandi, *Fiqh al-Qur'an*, ed. al-Siyad Ahmad al-Husaini, Matba'a Ayatullah, Qum, 1985, Vol. 1, p. 347; Zeinuddin b. 'Ali al-Shahid al-Sani, *Al-Rawdah al-Bahiyah*

Правоведы, выступающие за казнь, ссылались на казнь комбатантов Бану Курайда в качестве примера в поддержку своей точки зрения. Но может ли решение судьи, избранного самими людьми Бану Курайда для решения спора между ними и мусульманами, служить аргументом для казни военнопленных? Может ли один инцидент рассматриваться как общее правило? И может ли постановление судьи быть принято в качестве общего и установленного порядка действий Пророка (мир Ему) и его последователей? Я отвечаю отрицательно. Племя предало мусульман во время сражения Ахзаба (арабское слово, означающее «коалиция»), повернувшись против них и поддержав крупную антимусульманскую коалицию, возглавляемую неверными Мекки, этим они нарушили договор между Бану Курайда и мусульманами, который устанавливал, что обе стороны будут оборонять город вместе против любых внешних нападений. После окончания битвы обе стороны договорились передать дело судьбе. Бану Курайда была предоставлена возможность выбрать судью, и они выбрали Саад б. Муада, который был раньше их союзником и знал иудейское право. Он решил, что их комбатанты должны быть казнены, а их женщины и дети порабощены в соответствии с этим правом. Как написано в Торе,

«...и когда Господь, Бог твой, предаст его [город] в руки твои, порази в нем весь мужеский пол острием меча; только жен и детей, и скот, и все, что в городе, всю добычу его возьми себе...»⁴⁹.

Совершенно очевидно, что если бы Бану Курайда одержали победу над мусульманами, они бы поступили с ними в точности так же. Суммируя, я делаю вывод, что военнопленных никогда нельзя убивать. Трое казненных во время жизни Пророка (мир Ему) были наказаны таким образом из-за преступлений, которые они совершили против исламского государства или его граждан до того, как были захвачены в плен. По словам Абу Юсуфа Якуба б. Ибрагима (ум. в. 183 г. х./798 г. н. э.) и имама Абу Бакра аль-Саркаси, только глава исламского государства может принимать решение о казни конкретного военнопленного (даже если он виновен в совершении преступлений против государства)⁵⁰. Имам Сархаси подчеркивает, что даже главнокомандующий армией не может принимать решение о казни военнопленного⁵¹. Причина заключается в том, что казнь военнопленного не является правилом и быть пленником не является преступлением *per se*. Другими словами, казнь военнопленного — это

fi Sharh al-Lum'ah al-Dimashqiyah, Dar Ihya al-Turath al-'Arabi, Beirut, 1983, Vol. 1, p. 222.

49 Библия, Второзаконие 20:13–14. См. также: *The Holy Scriptures according to the Mosoretic Text*, The Jewish Publication Society, Philadelphia, 1953, p. 237; and *Good News Bible: Today's English Version*, Harper Collins, Glasgow, 1976, p. 191. Они были наказаны за предательство, но так следовало обращаться с жителями осаждаемого города, если его захватывали иудеи.

50 Y. Abu Yusuf, примечание 33 выше, с. 378, 380.

51 M. Shaybani, примечание 34, т. 4, с. 313–314.

чрезвычайный акт — акт сиясы⁵² (осуществляемый только главой мусульманского государства), а не обыкновенное наказание⁵³. Женевская конвенция III 1949 г., касающаяся военнопленных, выражает аналогичное мнение в статье 85, которая предоставляет удерживающей державе право преследовать в судебном порядке военнопленного за деяния, совершенные до пленения и являющиеся нарушением законов (удерживающей державы). В соответствии со статьей 118 Женевской конвенции III военнопленный должен быть освобожден и незамедлительно репатриирован после окончания активных военных действий⁵⁴.

Обращение Пророка (мир Ему) с военнопленными

Очень важно, как Пророк (мир Ему) и его последователи поступали с военнопленными, когда пленение подходило к завершению. Есть множество примеров того, что их освобождали без каких-либо условий, например, так был освобожден Тумама б. Атал, а также 80 бойцов Мекки⁵⁵. Аналогичным образом все бойцы Хавазина, Хунайна, Мекки, Бану аль-Мусталак⁵⁶, Бану аль-Анбар, Фазары и Йемена были освобождены без каких-либо условий⁵⁷. Абу Бакр — первый последователь Пророка (Мир Ему) — освободил Аль-Ашаса б. Кайса (ум. в 35 г. х./ 656 г. н. э.). Умар, второй последователь, помиловал Хормузана (ум. в 23 г. х./ 643 г. н. э.), иранского командира⁵⁸. Абу Убайд утверждает, что выкуп брали только за военнопленных Бадра и никогда

52 Сияса буквально означает «политика» и включает в себя все административное правосудие, которое отправляется правителем и его политическими представителями в отличие от идеальной системы закона шариата, который осуществляется кади. Суды мазалим и институт мухтасиба (омбудсмена) являются примерами сиясы в ранней системе правосудия халифата Аббасидов.

53 См.: М. Т. al-Ghunaymi, 'Nazratun 'Aammah fi al-Qanun al-Duwali al-Insani al-Islami', in Ameur al-Zemmali (ed.), *Maqalat fi al-Qanun al-Duwali al-Insani*, 2nd edition, ICRC, n.p., 2007, p. 48.

54 См. также статьи 109 и 111 Женевской конвенции III 1949 г.

55 Muslim, *Sahih*, Vol. 3, p. 1442, Hadith No. 1808; Yahya b. Sharaf al-Nawawi, *Sharh Sahih Muslim*, Matba' Mahmud Tawfiq, Cairo, n.d., Vol. 7, p. 463.

56 Говорят, что пленные из Бану Мусталак сначала были распределены между сподвижниками, но потом, когда Пророк (мир Ему) женился на Джувайрие бинт аль-Харс (ум. в 50 г. х./670 г. н. э.), дочери вождя племени, сподвижники отпустили пленных. См.: Abu Dawud al-Sajistani, *Sunan Abi Dawud*, ed. Muhammad Abdul Hamid, Maktaba al-asriyya, Beirut, n. d., Hadith No. 3931, Vol. 4, p. 22; и Muhammad b. 'Abdullah al-Nisapuri, *Al-mustadrak 'ala al-sahihayn*, ed. Mustafa 'Abdul Qadar, Dar al-kutub al-ilmiya, Beirut, 1990, Vol. 4, p. 28. Один из рассказчиков в цепочке этого хадиса считается не очень авторитетным, что делает хадис менее аутентичным. См.: Muhammad b. Habban, *Al-ihسان fitaqrib sahih Ibn Habban*, ed. Shu'aib al-Arnaout, Mu'assasat al-risala, Beirut, 1988, Hadith No. 4054, Vol. 4, p. 11. Однако согласно достоверным сведениям ее отец добился ее освобождения, и впоследствии она вышла замуж за Пророка (мир Ему). См.: Shibli Nu'mani and Syed Suliman Nadawi, *Sirat al-Nabi*, al-Faisal Nashiran-i-Kutub, Lahore, n.d., Vol. 1, pp. 252—253.

57 Abu 'Ubayd, примечание 40 выше, с. 116—120.

58 Около 6 тыс. комбатантов ханаян были не только освобождены, но каждый из них получил специальный египетский комплект одежды. См.: S. Nu'mani and S. S. Nadawi, примечание 56 выше, т. 1, с. 368. Умар б. Аль-Хаттаб приказал Абу Убайде, своему командиру, освободить пленных Тустара; см.: Abu al-'Abas Ahmad b. Jabir al-Baladhuri, *Kitab Futuh al-Buldan*, trans. Francis Clark Murgotten, Columbia University, New York, 1924, Vol. 2, p. 119. Умар также написал своему командиру, чтобы он освободил пленных Ахваза и Манадира, когда те были захвачены. *Ibid.*, с. 112—114.

не брали потом; впоследствии он прощал пленных. «Следует действовать по примеру Пророка (мир Ему)», — подчеркивал он, говоря, что практика помилования Пророком (мир Ему) началась после Бадра⁵⁹. Такая точка зрения получает поддержку Абдуллы б. Аббаса (ум. в 68 г. х./687 г. н. э.), Абдуллы б. Умара, Хасана аль-Басри и Аты б. Аби Рабаха. Это свидетельствует о том, что общая практика Пророка (мир Ему) и его последователей заключалась в том, чтобы освободить военнопленных без каких-либо условий или выкупа. По словам Абу Убайда, Пророк (мир Ему) не практиковал порабощение, а Умар б. аль Хаттаб покупал рабов доисламского времени и возвращал их родственникам⁶⁰.

Таким образом, установленная практика Пророка (мир Ему) и его последователей заключалась в том, чтобы освободить военнопленных. Выкуп был взят только однажды, и казнь осуществлялась только за преступления, подлежащие наказанию смертью и совершенные против исламского государства *до взятия* в плен. Что же сказать о Лайхе, которая считает казнь одним из решений в отношении некоторых пленных (таких как афганские солдаты, полицейские, официальные лица служб безопасности и иностранные солдаты) и единственно возможным наказанием для других (таких как подрядчики, поставщики, перевозчики, водители транспортных средств и персонал охранных компаний) и допускает убийство пленных, если они подозреваются в том, что являются комбатантами противника и не могут быть перевезены в безопасное место из-за совершаемого нападения. Я прихожу к выводу, что эта норма Лайхи не имеет оснований в исламском праве.

Участь подрядчиков, поставщиков и водителей

В соответствии с правом ислама подрядчики, поставщики и водители считаются слугами. Они не участвуют в военных действиях и их убийство строго запрещено. Говорят, что когда Пророк (мир Ему) увидел тело убитой женщины среди погибших в битве при Хунайне, он спросил: «Кто убил ее?» Сподвижники ответили: «Ее убили солдаты Халида ибн аль-Валида». Пророк (мир Ему) сказал одному из них: «Беги к Халиду! Скажи ему, что Посланник Аллаха запрещает ему убивать детей, женщин и слуг»⁶¹. Пророк (мир Ему) также, как говорят, запретил — на арабском языке запрет зву-

59 A. Baladhuri, примечание 58 выше, т. 2, с. 116, 120.

60 Он заплатил по 400 дирхемов, или пять верблюдов, за раба и отпустил их, сказав: «Араб не будет рабом». См.: Abu 'Ubayd, примечание 40 выше, с. 135. Порабощение женщин и детей Бану Карайда было результатом решения судьи; Пророк (Мир Ему) не делал военнопленных рабами после других сражений.

61 Al-Tabrezi, *Mishkat al-Masabih*, al-Maktab al-Islami, Cairo, n.d., Hadith No. 3955; Ibn Majah, *Sunnan*, Dar Ehya Al-Turath Al-'Arabi, Beirut, n. d., Vol. 2, p. 101. О подробностях см.: Muhammad Munir, 'Suicide attacks and Islamic law', in *International Review of the Red Cross*, Vol. 90, No. 869, March 2008, p. 85, доступно по адресу: <http://www.icrc.org/web/eng/siteeng0.nsf/html/review-869-p71> (последнее посещение 22 декабря 2010 г.).

чит очень категорично — убийство женщин и слуг: «Никогда, никогда не убивай женщину и слугу»⁶².

Становится очевидным, что убийство таких лиц, как подрядчики, поставщики или водители, с помощью засады или их казни в плену, противоречит праву ислама. Показательно, что соответствующие нормы Лайхи для наказания подрядчиков, поставщиков и водителей были изменены. Лайха 2006 г. допускала наказание в виде избияния или тюремного заключения; убийство разрешалось, только если их нельзя было взять в плен. Более того, пленение должно было заканчиваться либо обменом или их выкупом, либо каким-то (неизвестно каким) наказанием (но не смертью)⁶³. Для них не предусматривалась смертная казнь в плену и когда они не сопротивлялись аресту. Лайха 2009 г. упоминает впервые, что подрядчики, водители и другие рабочие, если их арестовывали во время транспортировки, могли быть подвергнуты наказанию табир, обмениваться или освобождаться без каких-либо условий или после получения надежных гарантий губернатором. Выкуп запрещался в этом варианте Лайхи, и казнь могла быть санкционирована только имамом или его заместителем⁶⁴. Таким образом, казнь для этой категории пленных была впервые введена в 2009 г.; тем не менее, хотя и требовалось разрешение имама, утверждалось, что это соответствует праву ислама⁶⁵.

И наконец, в Лайхе издания 2010 г. подрядчики, поставщики, водители и персонал охранных компаний рассматриваются как категория, отличающаяся от служащих Армии Афганистана. Им грозит смерть всегда, когда моджахеды могут нанести по ним удар⁶⁶. При аресте их единственным наказанием является смерть⁶⁷. В новом издании полномочие выдать санкцию на казнь предоставлено моджахедам или уездным кади (судьям). Имам передал это полномочие, которое он имел с мая 2009 г., своим солдатам и судьям. Суммируя, можно сказать, что наказанием для этой категории пленных в 2006 г. было избияние или тюремное заключение. В 2009 г. с ними обращались так же, как с афганскими солдатами, и существовала некоторая возможность казни, если ее санкционировал имам. В 2010 г. моджахеды получили указание убивать таких лиц, напа-

62 Ibn Majah, примечание 61 выше, т. 2, с. 948, Hadith No. 2842; Imam al-Nasa'i, *al-Sunnan al-kubra*, Dar Al-Kotob Al-Elmyia, Beirut, n.d., Vol. 5, p. 187, Hadith Nos 8625 and 8626; Abu Bakr al-Baihaqi, *al-Sunnan al-kubra with al-Jawhar al-Naqi*, Dar al-Fikr, Beirut, n.d., Vol. 9, p. 83. Этот хадис цитируется также с несколько измененной формулировкой в работе Abi Ja'far al-Tahawi, *Sharh Ma'ni al-Asa'r*, Dar Al-Kotob Al-Ilmia, Beirut, n.d., Vol. 3, p. 222.

63 См.: *The Islamic Emirate of Afghanistan Rules for the Mujahideen* (August 2006), Sections 10 and 11.

64 См.: *The Islamic Emirate of Afghanistan Rules for the Mujahideen* (May 2009), Sections 8, 20, and 21. Те же правила применялись в отношении наказания лиц из состава Национальной армии Афганистана. Если захваченный в плен был командиром, глава района, высокопоставленный чиновник или мусульманин — иностранец, тогда полномочия по выбору одного из вышеупомянутых вариантов возлагались на имама или его заместителя (раздел 8).

65 *Ibid.*, Preamble, pp. 2—4.

66 См.: Лайха, правила 24 и 25.

67 *Ibid.*, правила 11, 24, и 25.

дая из засады, а в случае ареста кади должен приговорить их к смерти; уже не требовалось никакого контроля со стороны имама или его заместителя⁶⁸. То есть Лайха 2010 г. не считает таких лиц военнопленными или пленными, имеющими право на какие-либо привилегии. Таким образом, в течение четырех лет нормы (каждый раз утверждалось, что они основаны на праве ислама) изменялись три раза. Поэтому эти нормы не могут быть основаны на праве ислама.

Является ли наказание тазир способом, которым политические власти могут закончить плен?

Мы уже описывали выше различные способы, которыми располагают политические власти для того, чтобы закончить содержание под стражей военнопленных, но Лайха предусматривает еще и наказание тазир. Тазир в качестве наказания для военнопленных появилось впервые в исламской правовой и военной истории в Лайхе, изданной в мае 2009 г., где оно упоминается в правилах 8, 20 и 21 в качестве наказания для афганских солдат, подрядчиков и водителей⁶⁹. Издание 2010 г. в правилах 10, 15 и 16 также упоминает наказание тазир⁷⁰. В правиле 15 говорится, что, хотя дурное обращение с пленными запрещено, «моджахеды должны применять тазир [наказание] [в отношении военнопленных], будь то смертная казнь или любое другое наказание». Другими словами, Лайха считает казнь военнопленных наказанием тазир. Формулировки правила 16 несколько туманны: с одной стороны, там говорится, что только имам или его заместитель или кади провинции уполномочены налагать наказание тазир, а с другой стороны, что кади уезда должен получить разрешение от кади провинции для применения наказания тазир. Губернатор осуществляет полномочия кади провинции, если этот пост не занят. Роль имама или его заместителя остается неясной, когда кади провинции или губернатор могут дать санкцию на наказание. Более того, применение наказания тазир в отношении военнопленных не упоминается ни в одном классическом или современном трактате или тексте, посвященном исламскому *jus in bello*.

Наказание тазир занимает важное место в исламской уголовной системе правосудия. Наказания в исламском праве обычно группируются по

68 В МГП с подрядчиками, которые снабжают армию, обращаются как с военнопленными в соответствии со статьей 4 (4) Женевской конвенции III 1949 г.

69 В издании 2009 г. решение о применении наказания тазир в правиле 8 было предоставлено губернатору или имаму или его заместителю, в зависимости от ранга пленного. Однако произошло некоторое дублирование, потому что в соответствии с правилами 20 и 21 того же издания это полномочие предоставлялось губернатору.

70 Правило 10 указывает на существующие возможности в отношении лиц из состава Национальной армии Афганистана, полиции и других государственных служащих. Сначала тазир не упоминается среди этих возможностей, но в конце правила говорится, что только «имам, его заместитель или кади провинции имеют полномочие выносить смертный приговор или налагать тазир».

четырем категориям: худуд, тазир, кисас и дийа. Преступления худуд наказываются хаддом⁷¹, то есть санкция за них предписывается Кораном или сунной (сказанное слово, произведенное действие или подтверждение, данное Святым Пророком Мухаммадом (мир Ему))⁷². Тазир буквально означает сдерживание; технически это означает полномочие кади налагать различные наказания по своему усмотрению⁷³. Преступления, подлежащие наказанию тазир, не включены в другие три категории. «Они представляют собой деяния, которые причиняют материальный и нематериальный общественный вред и за которые полагается наказание исправительного характера»⁷⁴, и это точное значение слова тазир. Наказанием тазир может быть тюремное заключение, телесное наказание, компенсация, штраф или сочетание любых двух из них. Судебное преследование и наказание за преступления тазир являются дискреционными в отличие от худуд, за которые они обязательны; и ни одно наказание тазир не может быть более суровым, нежели наказание хадд. Преступлениям, подлежащим наказанию кисас (возмездие/мщение/кара)⁷⁵, не дается конкретного и обязательного определения и для них в Коране не предусматривается наказания. Однако Коран ссылается на кисас в сурах 2:178, 179; 5:45; 17:33. Его значение и содержание формируется государственным законодательством, судебными решениями и правовой доктриной⁷⁶.

71 По мнению Анафа, есть только пять преступлений худуд. Это сарика (кража), хараба (грабеж), зина (супружеская измена/прелюбодеяние), кадхиф (клевета) и шорб аль-хамар (распитие алкогольных напитков). Другие суннитские школы добавляют еще два к этому списку преступлений: ридда (вероотступничество) и багхи (нарушение закона). Судебное преследование и наказание за преступления худуд являются обязательными.

72 См.: Muhammad Taqi Usmani, *The Authority of Sunnah*, Idaratul Qur'an wal 'uloom al-Islamia, Karachi, 1993, p. 6.

73 См.: Muhammad Munir, 'Is zina bil jabr a hadd, ta'zir or siyasa offence? A reappraisal of the Protection of Women Act 2006 in Pakistan', in *Yearbook of Islamic and Middle Eastern Law*, Vol. 14, 2008—2009, p. 115.

74 M. Cherif Bassiouni, 'Crimes and the criminal process', in *Arab Law Quarterly*, Vol. 12, 1997, p. 270.

75 См.: Hans Wehr, *A Dictionary of Modern Written Arabic*, ed. J. Milton Cowan, Librairie Du Liban, Beirut, 1980, p. 766. Технически иесас означает, что с обвиняемым следует поступить так же, как он поступил с жертвой: «душа (убивается) за душу, ... и за раны (полагается) отмщение». Кисас является наказанием только за преднамеренное убийство (катл аль-амд) и преднамеренное ранение (джар аль-амд). См.: 'Abdul Qadar 'Awdah, *Al-tasri'h al-jana'i al-Islami*, 4th edition, Dar Ihya al-Turath al-Arabi, 1985, Vol. 1, p. 663.

76 Преступления кисас включают убийство, добровольное убийство, недобровольное убийство, преднамеренные преступления против личности и непреднамеренные преступления против личности. См.: A. Q. 'Awdah, примечание 75 выше, т. 1, с. 663—668; и M. C. Bassiouni, примечание 74 выше, с. 270. Дийа (деньги, выплачиваемые следующему в роду) является наказанием за убийство или ранение с квазиумышленным намерением (шибх аль-амд), т. е. преднамеренное деяние, но без использования орудия смертельного действия. Сюда входит искупление греха (каффара) преступником и плата большей суммы «денег, выплачиваемых следующему в роду» (дийа мугхалаза) его акилой (которая состоит из всех мужчин племени преступника и, если число их недостаточно, из членов ближайших племен, или из тех, кто работает вместе с ним, или его сообщников). Дийа является также наказанием за убийство или ранение по ошибке, в случаях, похожих на ошибку (ма ужрия муджра аль-хата), и за опосредованное убийство (катл би аль-сабаб). См.: A. Q. 'Awdah, примечание 75 выше, т. 1, с. 668—671. См. также: Joseph Schacht, *An Introduction to Islamic Law*, Universal Law Publishing Co., Delhi, 1997, pp. 181—186; M. A. Haleem, Omer Sherif, and Kate Daniels (eds), *Criminal Justice in Islam*, I. B. Tauris, London, New York, 2003, pp. 43—44. Описание подробностей, касающихся кисас и дийа, не входит в задачи настоящей статьи.

Кроме вышеупомянутых наказаний, имам или глава мусульманского государства имеет дискреционные полномочия правителя, что дает ему возможность применять право ислама и регулировать, путем законодательства, некоторые вопросы уголовной юстиции, налогообложения и деятельности полиции. Эти вопросы не находились под контролем кади (судьи) во времена Аббасидов и позже получили название «сияса». Как объясняется в примечании 52, «сияса» буквально означает «политика» и включает все административное правосудие, которое отправляется имамом и его политическими представителями⁷⁷. Эта область исламского права не исследовалась серьезно, и авторы не уделяют ей достаточно внимания⁷⁸, но на протяжении всей исламской правовой истории глава мусульманского государства осуществлял некоторые дискреционные полномочия в соответствии с сиясой⁷⁹.

Мусульманские правоведы всех четырех суннитских школ, шиитских школ и их отдельных течений никогда не предписывали тазир в качестве наказания для военнопленных. Они даже не обсуждали это в своих работах по исламскому *jus in bello*. Тазир можно обнаружить только в книгах или главах, посвященных исламской системе уголовного правосудия, и наказание это является дискреционным по своему характеру и назначается судьей. В Лайхе наказание тазир налагается имамом или его заместителем или кади

77 Другим термином, используемым вместо «сияса», был «назар фил-мазалим». Кади должны следовать указаниям, которые им дал имам при осуществлении своих полномочий по сиясе в рамках установленных шариахом (сияса аль-шарийа). См.: J. Schacht, примечание 76 выше, с. 54. В соответствии с понятием «сияса» правитель может приказывать использовать такие процедурные методы, какие он считает нужными для установления истины. Более того, за исключением преступлений худуд, именно правитель определяет, какое поведение составляет преступление и какое наказание должно применяться в каждом случае. См.: N. J. Coulson, *A History of Islamic Law*, Universal Law Publishing Co, Delhi, 1997, p. 132.

78 Однако см.: Saeed Hasan Ibrahim, 'Basic principles of criminal procedure under Islamic Shari'a', in Haleem *et al.*, примечание 76 выше, с. 22.

79 Мусульманские правоведы комментировали ту часть исламской правовой системы, которая была неизменной, и оставляли часть, которая была гибкой — изменяясь со временем в соответствии с потребностями мусульманской общины, — на усмотрение имама (главы исламского государства). Именно эту функцию правитель выполнял посредством политики, называемой «алсияса аль-шарийа». Типичным примером преступления сиясы, данным Анафом, является преступление вероотступничества. Как уже говорилось, решение об участии военнопленных принимается имамом или главой мусульманского государства. Аналогичным образом имам Саркаси (ум. в 483 г. х./1090 г. н. э.) школы Ханафи, комментируя казнь лица путем разбивания его головы между двумя камнями, потому что он убил рабыню именно таким образом, говорит, что Пророк (мир Ему) наказал его посредством сиясы и что не было никакого нанесения увечий, поскольку он поставил в опасность мир на земле и был закоренелым преступником. См.: A. Sarkhasi, примечание 46 выше, т. 26, с. 128. Объяснение того случая, когда Пророк (мир Ему) казнил закоренелого преступника, который ранее подвергся наказанию хадд, но который заслуживал более сурового наказания, является аналогичным. См.: Abdur Rahman al-Nasai, *Sunnan al-Nasai*, Maktabah Dar-ul-uloom, Lahore, Hadith No. 4892. Некоторые интересные заметки о сиясе, см. в работе Imran A. Nyazee, *Theories of Islamic Law*, IIT & IRI, Islamabad, 1995, 2nd reprint, 2005, pp. 111–112. Работы о сиясе: Ibn Taymiyya, *al-Syasa Al-Shar'iyya*, Dar al-Kutub Al-'Arabiya, Beirut, 1966, trans. Omar A. Farrukh, *Ibn Taimiya on Public and Private Law in Islam*, Khayats, Beirut, 1966; and Ibn Al-Qaim, *Al-Turuq al-Hukmiya fi Al-Syasa Al-Shar'iya*, Matba'at Al-Sunnah Al-Muhamaddiya, n. d. M. K. Хайкл, примечание 14 выше, не обсуждает сиясу аль-шарийа, несмотря на заглавие; в работе идет речь почти обо всех проблемах, связанных с джихадом.

(провинции), и наказание тазир не предусматривает возможности выкупа или штрафа⁸⁰. Если тазир в качестве наказания принят для военнопленных (что, как я утверждаю, неправомерно), тогда какое отношение имеют имам и его заместитель к его применению? Лайха не только создала новую категорию наказания, но и применяет его по-новому. Однако тазир в качестве наказания для военнопленных не имеет оснований в исламском праве. И напротив, представляется, что есть какие-то основания для применения наказания тазир по отношению к шпионам, оно может налагаться кади уезда или провинции или губернатором провинции, что вытекает из правила 17 Лайхи⁸¹.

Законность нападений силами смертников в Лайхе

Лайха разрешает нападения смертников, но существуют определенные ограничения, которые моджахеды обязаны соблюдать. Во-первых, террорист-смертник должен получить очень хорошую подготовку для выполнения своей миссии. Во-вторых, нападения силами смертников должны осуществляться на цели, имеющие очень высокую ценность. В-третьих, убийства простых людей и ущерба имуществу следует по возможности избегать. И наконец, все лица, готовые стать террористами-смертниками должны получить разрешение и совет, касающиеся нападений, от властей провинции. Это правило не применяется к тем моджахедам, у которых есть «особая программа и разрешение от Руководства»⁸². Важно отметить,

80 См.: Лайха, Введение, раздел 2.

81 Представляется, что эта норма соответствует исламскому праву. Однако лицо, занимающееся шпионской деятельностью в рядах «Талибана», будет, вероятно, лицом, которое по крайней мере знает местный язык. Поэтому только афганец или пуштун мог бы заниматься такой деятельностью, но не иностранец. В соответствии с Лайхой только имам, его заместитель, кади провинции или губернатор провинции могут приказать казнить шпиона; см. правило 17. Кажется, что это правило соответствует исламскому праву. Согласно правилу 20 лицо, которое обвиняется в шпионаже, но чью вину нельзя доказать, может быть выслано. В правиле 21 Лайха строго запрещает фотографирование любой казни. Это резко противоречит практике талибов в долине Сват в Пакистане, где они, контролируя эту территорию, летом 2008 г. снимали на видео казни и распространяли эти фильмы. Более того, в соответствии с правилом 22 Лайхи родственники любого лица, которому предстоит казнь, должны быть проинформированы. Другими нормами, которые также основываются на праве ислама, являются: правило 62 — споры между людьми, находящимися под контролем «Талибана», должны разрешаться в соответствии с правом ислама; правило 63 — дела, по которым однажды было принято решение, не открываются вновь; правило 63 — моджахеды должны делать все возможное для того, чтобы не причинить ущерба какому-либо лицу или его имуществу (в районах под их контролем) и любое нарушение должно быть наказано соответствующим образом; правило 69 — моджахедам не разрешается допускать, чтобы малолетние лица, у которых еще не растет борода, жили с ними; правило 70 — нанесение увечий строго запрещается; правило 71 — моджахедам не разрешается собирать ушер, закат или другие пожертвования силой; и наконец, в соответствии с правилом 73 похищение людей для получения выкупа «во имя Исламского Эмирата» строго запрещено. Эти положения, очевидно, применяются на территориях, находящихся под контролем моджахедов.

82 Лайха, правило 57. В Лайхе используется термин «нападения мучеников», а не «нападения смертников», но как можно назвать человека «шахид» (мученик), если он убивает себя? Шахид — это человек, убитый врагом. Кроме того, в Лайхе для обозначения террористов-смертников используется термин «мученик-моджахед».

что нападения силами смертников разрешались и в Лайхе 2009 г. с теми же условиями⁸³. Более того, то же самое правило демонстрирует наличие специальных агентов, которым либо мулла Омар, либо его заместитель дают инструкции по осуществлению нападений смертников или других видов нападений.

Одна из особых характерных черт ведения военных действий негосударственными исламскими образованиями такова: их тактика и стратегия основаны на методах и средствах, конкретно запрещенных как исламским правом, так и международным гуманитарным правом. Используя эти методы и средства, они не могут вести военные действия без преднамеренных нарушений исламского права и Женевских конвенций (что, как кажется, их абсолютно не волнует). Среди наихудших таких нарушений — вероломство. В исламском праве вероломство или предательство определяется как «обман доверия врага», и Пророк (мир Ему) и его последователи строго запрещали это без каких-либо исключений⁸⁴. Говорят, что Пророк (мир Ему) много раз подтверждал этот запрет⁸⁵. На восьмой год своего пребывания в Медине он отдавал приказы своей уходящей армии и сказал: «Сражайтесь, но не мошенничайте, не обманывайте доверия, не наносите увечий, не убивайте детей»⁸⁶. В другой раз, давая указания армии под предводительством Абд аль-Рахмана б. Ауфа, он сказал: «... никогда не обманывайте доверия, не совершайте предательства, не наносите увечий и не убивайте детей и женщин. Это требование Аллаха и образ действий Его Посланника, и вам надо следовать ему»⁸⁷. Когда Абу Джандал б. Сухайл (ум. в 18 г.Х/639 г. н. э.) бежал в Медину от многобожников Мекки, он услышал, что Пророк (мир Ему) во исполнение своего договора с народом намеревался вернуть ему бежавшего⁸⁸. Абу Джандал стоял среди мусульман и спрашивал их, неужели они вернут его язычникам, которые будут пытаться его, чтобы он отказался от ислама. Пророк (мир Ему) ответил: «Предательство не годится для нас, даже для того, чтобы спасти мусульманина от закона многобожников»⁸⁹.

Согласно исламскому праву любое одностороннее нарушение договора мусульманами без предварительного уведомления другой стороны является актом предательства. Другая сторона должна получить

83 См. Layha, 2009 edition, примечание 64 выше, section 41.

84 Подробное исследование явления вероломства и военных хитростей см. в работе: Muhammad Munir, 'The conduct of the Prophet (PBUH) in war, with special reference to prohibited acts', in *Insights*, готовится к публикации.

85 'Abd al-Jalil, *Shu'ab al-Iman*, MS. Bashir Agha, No. 366, Istanbul, p. 558.

86 Imam Shoukani, *Nail al-Awtar*, Ansar Al-Sunnah Al-Muhammadiyah, Lahore, n. d., Vol. 7, p. 246.

87 Abdul Malik b. Hisham, *Al-Sirah Al-Nabawiyah*, ed. Mustafa Al-Saqa et al., Dar al-Ma'rifah, Beirut, n. d., Vol. 2, p. 632.

88 В соответствии с договором Худайбия между мусульманами и жителями Мекки, если мусульманин убежит из Мекки и присоединится к мусульманам в Медине, его надо вернуть, но если немусульманин уйдет из Медины и присоединится к жителям Мекки, его не надо возвращать.

89 Ahmad b. Hanbal al-Shaybani, *al-Musnad*, Mu'asasah Qurtubah, Cairo, n.d., Vol. 4, p. 323; Abdul Malik b. Hisham, *al-Sira al-Nabawiyah*, Dar Ehya al-Turath al-'Arabi, Beirut, 1995, Vol. 3, p. 347.

информацию о намерении, иначе мусульмане совершат акт вероломства. Мусульманское государство должно выполнять условия договора, соблюдая его букву и его дух. Говорят, что Умайяд Калиф Амир Муавийа однажды готовил свою армию для нападения на соседнюю Римскую империю, хотя все еще действовал мирный договор между двумя государствами, а он собирался осуществить нападение, как только срок договора истечет. Сподвижник Пророка (мир Ему) Амр б. Анбасах счел предательством подготовку к нападению без предварительного уведомления римлян. Поэтому он поспешил к халифу, восклицая: «Аллах велик, Аллах велик, мы должны выполнить обязательство, мы не должны его нарушать!» Халиф задал ему вопрос, на который он ответил, что слышал, как Пророк (мир Ему) говорил:

«Если у кого-то есть соглашение с другой общиной, тогда не должно быть [одностороннего] изменения в нем до тех пор, пока не истечет его срок. А если существует опасность нарушения с другой стороны, тогда уведомите их о прекращении действия соглашения на взаимной основе»⁹⁰.

В Коране говорится: «А если ты боишься от людей измены, то отбрось договор с ними согласно со справедливостью: поистине, Аллах не любит изменников!»⁹¹

Шайбани считал, что если группа мусульман войдет в страну противника, притворившись представителями халифа, это будет вероломство, независимо от того предъявили они или нет поддельные документы; в этом случае им не разрешено никого убивать или присваивать чье-либо имущество, пока они находятся в стране противника. Таким образом, если им была предоставлена защита, они должны были выполнить свои обязательства, возникающие благодаря такой защите. Аналогичным образом если мусульмане притворяются предпринимателями, но планируют убить кого-то, это запрещенное деяние, потому что им была предоставлена пощада противником⁹².

Нападения смертников являются типичным примером вероломства или предательства, потому что террорист притворяется гражданским лицом, а когда его принимают не за комбатанта и солдаты противника не нападают на него, он взрывает себя и убивает их. Такое деяние строго запрещается как в исламском праве, так и в МПП⁹³. К другим примерам

90 М. Shaybani, примечание 34 выше, т. 1, с. 185. По мнению Сархаси это означает, что любое действие, которое напоминает предательство по букве его или духу, не должно совершаться. См. также: Imam Termidhi, *Sunnan*, Gagri Yayinlari, Istanbul, n.d., Vol. 4, p. 143, Hadith No. 1580.

91 Коран, 8:58.

92 М. Shaybani, Vol. 2, pp. 66—67.

93 См. статью 37 (1) Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) от 8 июня 1977 г. Вероломство определяется как «действия, направленные на то, чтобы вызвать доверие противника и заставить его поверить, что он имеет право на защиту или обязан предоставить такую защиту согласно нормам международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, с целью обмана такого доверия».

предательства или вероломства относится участие в бою того, кто симулирует обладание статусом некомбатанта, использование «живых щитов», транспортировка снаряжения и солдат в машинах скорой помощи, симулирование сдачи в плен, симулирование болезни и попытка представить себя гражданским лицом. Как уже говорилось, нападения смертников строго запрещены в праве ислама, и террорист-смертник становится виновником, по крайней мере, пяти преступлений в соответствии с правом ислама — это убийство гражданских лиц, нанесение увечий их телам, обман доверия солдат противника и гражданских лиц, совершение самоубийства⁹⁴ и уничижение гражданской собственности⁹⁵.

Стоит отметить, что запрещая уродовать тела мертвых⁹⁶, Лайха разрешает калечить и наносить ожоги живым, допуская нападения смертников. Убийство таким способом строго запрещается исламским правом. Некоторые богословы заявляют, что нападения смертников разрешены в некоторых ситуациях, но не во всех. Шейх Карадави, например, сначала допускал нападения смертников на оккупированных территориях (Палестины)⁹⁷, но затем он аннулировал это разрешение⁹⁸.

Можно сказать, что нападения смертников, направленные против солдат-немусульман противника, оккупировавшего мусульманскую территорию, как это произошло в Афганистане, не запрещены в праве ислама. Прежде чем ответить на такое заявление, необходимо разъяснить, какие типы нападений смертников исламское право запрещает во время войны. Запрещенные типы нападений смертников включают те, в которых террорист-смертник притворяется гражданским лицом, но у него под гражданской одеждой есть жилет смертника и его нападение направлено против комбатантов или гражданских лиц. Как уже было сказано, такое нападение является актом вероломства. Когда смертник открыто носит свое боевое обмундирование, очень трудно даже приблизиться на достаточное расстояние к противнику, чтобы осуществить

94 Самоубийство строго запрещено в праве ислама. Самоубийство в исламском праве является преднамеренным убийством себя верующим человеком. Есть хадис кудси — заявление Пророка (мир Ему), приписываемое самому Аллаху, — в котором он говорит, что раненый человек сводит счеты с жизнью. Тогда Аллах говорит: «Мой слуга предвосхитил мои действия, взяв свою душу (жизнь) в свои собственные руки; поэтому он не будет допущен в рай». См.: Isma'il Al-Bukhari, *Sahih Bukhari*, Dar Sahnun, Istanbul, 1992, Vol. 3, p. 32. В другом случае Пророк (мир Ему) строго предупреждает человека, совершающего самоубийство, говоря, что грешник будет без конца повторять это самоубийство в аду и останется там навсегда. *Ibid.*, Vol. 3, p. 212.

95 Подробно см.: M. Muniq, примечание 61 выше.

96 Лайха, правило 70.

97 Y. Qaradawi, примечание 12 выше, т. 2, с. 1092.

98 Шейх Карадави говорит, что поскольку палестинцы получили ракеты, которые могут наносить удары по Израилю, операции мученичества больше не разрешаются (*ibid.*, с. 1092). Если тот же аргумент применить в Афганистане, где 1) «Талибан» так силен, что почти в течение десяти лет самая сильная и хорошо оснащенная армия мира не смогла его победить и 2) «Талибан» обладает более сложным оружием, чем палестинцы, тогда нападения смертников в качестве метода ведения войны должны быть строго запрещены.

такое нападение⁹⁹. И все же если нападения смертников, осуществляемые лицами, которые притворяются гражданскими лицами, разрешены против оккупирующих сил, поскольку они оккупируют мусульманскую территорию, это будет означать, что принципы исламского *jus in bello* применимы, только когда мусульмане покоряют и оккупируют немусульманские территории, а не тогда, когда мусульманская территория оккупирована. Это неприемлемо.

Закон «Талибана» о нападениях смертников требует от террористов, чтобы они избегали потерь среди гражданского населения и ущерба гражданским объектам¹⁰⁰. Но это нельзя рассматривать как соблюдение принципа проведения различия между комбатантами и гражданскими лицами в соответствии с правом ислама или МГП, поскольку оно нарушается в правиле 81 Лайхи, где боевиков призывают выглядеть, как местные жители: «Моджахеды должны следить за тем, чтобы их внешний вид — прическа, одежда и обувь — соответствовал шариату и внешнему виду простых людей в данной местности. С одной стороны, для моджахедов и местного населения это будет полезно в плане безопасности, с другой стороны, это даст возможность моджахедам легко передвигаться в любом направлении»¹⁰¹. Совершенно очевидно, что это положение противоречит принципу проведения различия¹⁰². Оно уничтожает доверие к настоящим гражданским лицам, потому что обманывает доверие противника и тем самым подвергает гражданских лиц опасности нападений.

99 Есть еще одна возможность, когда такой солдат притворяется сдающимся в плен и при приближении противника взрывает себя. Но это снова вероломство, и в будущем солдатам, которые действительно хотят сдаться в плен, противник не будет доверять.

100 Но см.: Said Mahmoudi, 'Non-state Islamic actors and international humanitarian law', неопубликованная работа, представленная на конференции «Будущее международного гуманитарного права между универсализмом и культурной легитимностью», Гаага, 27 ноября 2009 г.

101 Правило 81 Лайхи соответствует правилу 63 в издании 2009 г. Очень сомнительно, что маскировка талибов под местных жителей защитит их (местных жителей), а не подвергнет опасности.

102 В большинстве случаев негосударственные акторы фактически не соблюдают принципа проведения различия, который особо подчеркивался Пророком (мир Ему) и его последователями во время войн, которые они вели. См.: Muhammad Munir, 'The protection of women and children in Islamic law and international humanitarian law: a critique of John Kelsay', in *Hamdard Islamicus*, Vol. 25, No. 3, July–September 2002, pp. 69–82; и Muhammad Munir, 'Non-combatant immunity in Islamic law', under review for possible publication in *Journal of Islamic Law and Culture*. В соответствии с фетвой (заключением относительно правовой нормы), изданной 23 февраля 1998 г. так называемым Всемирным исламским фронтом — группой, состоящей из Усамы бен Ладена и четырех других лиц, представляющих исламские военизированные группировки в Египте, Пакистане и Бангладеш, — «Убийство американцев и их союзников, как гражданских лиц, так и военнослужащих, является личной обязанностью любого мусульманина, который может это сделать в любой стране...» Кроме того, фетва призывает мусульман «убивать американцев и похищать их деньги, где бы и когда бы они их не нашли». Доступно по адресу: <http://www.fas.org/irp/world/para/docs/980223-fatwa.htm> (последнее посещение 22 декабря 2010 г.). Оригинальная фетва не несет на себе указания на дату, но она была опубликована 23 февраля 1998 г. в «Al-Quds al-Arabi», Лондонское издание, с. 3, доступно по адресу: <http://www.library.cornell.edu/colldev/mideast/fatw2.htm> (последнее посещение 22 декабря 2010 г.). Это предписание противоречит исламскому *jus in bello*.

Заключение

Заявление талибов, что они являются моджахедами (священными воинами) Исламского Эмирата Афганистан, предполагает, совершенно очевидно, что они должны подчиняться нормам исламского права о ведении военных действий. Лайха, кодекс поведения их бойцов, придает большое значение ограничению нападений смертников, задаче избежать потерь среди гражданского населения и победе в борьбе за сердца и умы местного гражданского населения: «...смелые сыны ислама не должны быть использованы для недостойных и бесполезных мишеней. Все возможное следует сделать для того, чтобы не допустить гибели и ранений простых людей»¹⁰³.

Если говорить об ограничении воздействия войны, запрещении некоторых видов пыток и запрете на дискриминацию по причинам племенной принадлежности, языка или географического происхождения, Лайха, можно сказать, свидетельствует об уважении некоторых основополагающих гуманитарных норм. Однако многие ее положения не имеют оснований ни в исламском праве, ни в международном гуманитарном праве и могут даже противоречить им обоим. Правила, касающиеся возможной казни военнопленных, наказания подрядчиков, поставщиков и водителей, и введение наказания тазир для пленных по усмотрению судьи, рассматривающего дела лиц, совершивших уголовные преступления, которые не могут быть наказаны в соответствии с хуруд, кисас или сияса, — все это примеры норм, которые не существуют в исламском праве. И напротив, освобождение военнопленных без каких-либо условий, обмен военнопленными и запрет на нанесение увечий основаны на исламском праве. Акты вероломства, разрешенные Лайхой в качестве методов ведения военных действий — например, нападения, при которых террорист-смертник симулирует статус гражданского лица, — должны считаться вероломством как в священном праве, так и в гуманитарном праве. Правила, в соответствии с которыми комбатанты должны носить такую же одежду и обувь и причесываться так же, как и местные жители, чтобы не быть опознанными противником, нарушают принцип проведения различия между комбатантами и гражданскими лицами и подвергают опасности гражданское население. В Лайхе есть много положений, которые основаны на исламском праве, например, требование, чтобы споры между людьми (под контролем моджахедов) разрешались в соответствии с исламским правом, запрещение причинять ущерб какому-либо лицу или имуществу, запрещение применять силу при сборе ушера, заката или пожертвований и запрет на похищение людей для получения выкупа, но эти нормы касаются управления территориями, находящимися под контролем моджахедов, и не распространяются на какие-либо другие территории.

103 Лайха, правило 57(2, 3).

Таким образом, данная Лайха содержит многие положения исламского права, если говорить об административном контроле со стороны моджахедов. Однако в отношении различных правил Лайхи, касающихся ведения военных действий, нельзя сказать, что они основаны на чисто исламском праве. Ислам, скорее, используется в качестве риторики для того, чтобы добиться единства и мобилизации сил, а не в качестве гарантии соблюдения исламского права войны.

Моджахеды обязаны вести себя надлежащим образом и демонстрировать соответствующее обращение с людьми для того, чтобы найти отклик в сердцах мусульман среди гражданского населения¹⁰⁴. Если надо добиться этой заявленной цели при подобающем уважении исламского права, кодекс поведения должен соответствовать исламскому праву и принципам международного гуманитарного права. Различные изменения в Лайхе, внесенные за последние несколько лет, свидетельствуют о том, что еще многое можно улучшить в поисках соответствия этим принципам и прежде всего священному праву. Суммируя, можно сказать, что Лайха ставит перед собой высокие цели — изложить принципы в соответствии с исламским правом и получить религиозную санкцию, но, к сожалению, цели эти не достигнуты.

104 Это главный вопрос Введения к Лайхе. См. разделы 1—8.

Приложение

Настоящий документ воспроизводится в качестве справочного текста к статье Мухаммада Мунира «Лайха для моджахедов: анализ кодекса поведения для боевиков «Талибана» в соответствии с правом ислама», публикуемой в настоящем выпуске Журнала. Публикация Лайхи не означает, что Международный журнал Красного Креста одобряет ее содержание.

: : : : : :

Исламский Эмират Афганистан. Лайха [Кодекс поведения] для моджахедов*

Замечание переводчика на русский язык

Настоящий текст является неофициальным переводом с английского языка. Оригинал доступен по адресу: http://alemarahiea.net/index.php?option=com_content&view=category&id=9&Itemid=24. Пояснения, которые переводчик на английский язык счел необходимым сделать, даются в квадратных скобках [...], мы сохранили часть из них; объяснения отдельных слов или фраз предлагаются в круглых скобках (...).

: : : : : :

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
Восхваляем славного Посланника и взываем к нему.

Итак: Аллах Всемогущий говорит [в Священной Книге]:

Воистину, Аллах велит вам возвращать вверенное на хранение имущество его владельцам и судить по справедливости, когда вы судите среди людей. Как прекрасно то, чем увещевает вас Аллах! Воистину, Аллах — Слышащий, Видящий. (58).

* Copyright: The Islamic Emirate of Afghanistan. Publisher: The Education Commission. Publication date: First edition — 1430 lunar year of the hegira system / Second edition — 1431 lunar year of the hegira system.

О те, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху, повинуйтесь Посланнику и обладающим влиянием среди вас. Если же вы станете препираться о чем-нибудь, то обратитесь с этим к Аллаху и Посланнику, если вы веруете в Аллаха и Последний день. Так будет лучше и прекраснее по исходу! (59)¹.

Борьба [джихад] на пути Всемогущего Аллаха — это высшая степень поклонения и самая важная обязанность, дело чести исламской уммы² и наивысшее выражение Аллаха Всемогущего. Джихад является главным средством для достижения успеха и величия мусульман, благодаря джихаду обеспечивается достоинство и счастье исламской уммы. Нации, которые проводили джихад, независимы и ведут свободную жизнь. В отличие от этого нации, которые убрали мечи в ножны и отказались от джихада, не получили никаких преимуществ и оказались скованы цепями рабства и плена. Сегодня моджахеды проливают свою священную кровь во имя слова Аллаха, отстаивая честь собственной мусульманской нации и исламской уммы. Чтобы организовать джихад в свете общей стратегии джихада и руководить моджахедами в административном, образовательном, судебном, моральном и нравственном аспектах [жизни], сегодня более чем когда-либо [нам] нужно иметь такую Лайху [Кодекс поведения], которая даст возможность моджахедам лучше разъяснить их цель; определить намерения врагов ислама и их сторонников; и легко разрешить сомнения и неопределенности, которые встречаются в ситуации джихада. Согласно священным руководящим принципам правила предназначены тем богобоязненным и смелым [людям], которые могут не только выполнить свой долг хорошо, но и нейтрализовать заговор врага вовремя.

Благодаря милости и поддержке Всемогущего Аллаха, Руководство Исламского Эмирата, выполняя требование времени, составило Лайху и Нормативные требования, где в 14 главах содержатся 85 правил, в свете шариата Мухаммада и с помощью и советами выдающихся и знающих богословов [улема], верховных судей [муфтиями], специалистов и знающих людей страны.

[Руководство Исламского Эмирата], опираясь на помощь упомянутых лиц и принимая во внимание сложившуюся ситуацию, добавило несколько положений ко второму изданию [Кодекса поведения и Нормативных требований], расширило отдельные вопросы и дало некоторые разъяснения.

После публикации второго издания каждый ответственный человек и каждый моджахед Исламского Эмирата обязан и должен подчиняться [нормам] этой Лайхи и исполнять ее.

Все военные и административные органы власти, а также простые моджахеды Исламского Эмирата должны соблюдать в вопросах джихада

1 Коран, сура 4, Ан-Ниса (Женщины). Перевод смыслов Э. Кулиева.

2 Религиозная община.

все принципы этой Лайхи и обязаны вести свою повседневную деятельность, касающуюся джихада, в соответствии с правилами этого Кодекса поведения.

Вассалам³,
1431 лунный год по хиджре, 15 джумади аль тани
2010.05.29
1389.03.08

: : : : : :

Введение

1. В Лайхе [Кодексе поведения] слова *имам* и *наджиб имама*⁴ относятся к уважаемому Амиру уль Маминину⁵ мулле Мохаммеду Омару (моджахеду) и его заместителю соответственно.
2. В тексте Лайхи упоминаемые наказания, применяемые по отношению к кому-либо, никогда не включают сбор денег.
3. Когда в правилах Лайхи упоминается получение гарантий, они всегда касаются только недвижимого имущества и лиц. Они не включают деньги или движимое имущество.
4. Второе издание Лайхи было опубликовано и вступило в силу 15 джумади аль тани, 1431 лунного года по хиджре, что соответствует 8 джауза 1389 солнечного года по хиджре и 29 мая 2010 г. христианской эры. Моджахеды и лица, несущие ответственность за Исламский Эмират, обязаны выполнять настоящий Кодекс поведения.

Глава 1 — Вопросы, связанные с капитуляцией противников и выдачей им *давата*⁶ [приглашения]

1. Каждый мусульманин может дать *дават* [приглашение] сотрудникам кабульской рабской администрации, чтобы побудить их оставить свои обязанности в этой коррумпированной администрации и порвать с ней связи.
2. Если кто-то покидает эту коррумпированную администрацию, получив от кого-либо *дават* или побуждаемый собственной верой, тогда, если речь идет об обычном человеке, глава уезда дает ему разрешительное письмо. Если же речь идет о хорошо известном человеке или о таком, кто причинил вред мусульманам, глава уезда предоставляет такое письмо после консультации с губернатором и информирует моджахедов о письме. Если какой-либо мод-

3 И это все (араб.).

4 Заместитель.

5 Эмир правоверных.

6 Вовлечь, привлечь на правильный путь.

жахед убьет этого человека или нанесет ему ущерб, лицо, которое совершило это, будет наказано согласно исламским принципам.

3. В отношении тех лиц, которые сдались в плен и раскаялись в том, что, находясь у власти (работая с неверными или их рабской администрацией), они причинили вред кому-нибудь или нанесли ущерб чьему-то имуществу, — эти лица обязаны Аллахом Всемогущим предоставить компенсацию. Если они не делают этого, тогда они виновны. Конечно, суд или кто-то еще не может силой получить компенсацию или штраф за преступление, не могут они и наказать виновного. Если человек завладел чьим-то имуществом и все еще владеет им, тогда настоящий собственник имущества может забрать его у этого человека, но если имущество более не находится в его владении, тогда настоящий владелец не может взять компенсацию силой. Если кто-либо лицо во время пребывания у власти накопил долги или заключил такие сделки, как добросовестные покупка и продажа, и все еще имеет долг [одной из соответствующих сторон], тогда долг может быть взыскан. Если кто-то просит, чтобы состоялся суд, связанный с таким личным вопросом, тогда соответствующее лицо должно присутствовать на заседании суда. Конечно, если имели место какие-либо кражи или одно племя напало на другое племя, деревню, домашнее хозяйство, магазин, транспортное средство или что-либо еще, или совершило убийство, или завладело имуществом, в этом случае может состояться суд и востребована компенсация⁷.

4. Если человек не выполняет свое обещание и совершает очевидное предательство после того, как он принял *дават* или услышал веление свыше, обещание, данное ему, признается недействительным. В случае второй сдачи в плен или раскаяния [человека], если моджахеды не уверены в его искренности, тогда от него попросят гарантии.

5. Если человек был связан с настоящей коррумпированной администрацией и обвинялся в убийстве мусульман, если мусульмане ненавидят его и чувствуют неприязнь по отношению к нему, если этот человек уходит из рядов противостоящей стороны, тогда моджахеды попросят его дать гарантии того, что он не изменит своего мнения и не причинит никому вреда. Человек, о котором идет речь, будет вести обычную жизнь, но ответственные лица в уезде обязаны наблюдать и следить за ним, пока не будет ему полного доверия.

Если проводится важная операция и человек, о котором идет речь, убивает иностранного интервента, или высокопоставленного государственного чиновника, либо предоставляет моджахедам возможность захватить их живыми, он может быть выдвинут на должность в руководстве и получить дополнительные привилегии.

6. Что касается тех лиц, которые уходят из администрации более низкого уровня и сдаются моджахедам, их не следует включать в ряды моджахедов без консультаций с моджахедами и до тех пор, пока они не будут им пол-

7 Al Hidayah, Vol. 2, p. 34; Fath Ul — Qdir, Vol. 5, p. 34; Alamgiriya, Vol. 2, p. 284.

ностью доверять. Когда такое доверие завоевано, должно быть получено разрешение от лица, отвечающего за провинцию.

7. Если какой-то вооруженный человек с противостоящей стороны покидает свое подразделение и приходит в туда, где он не может защитить себя, и обстоятельства выглядят так, будто он хочет сдаться в плен, любая попытка убить его будет незаконной, пока не станет очевидно, что у него нет намерения сдаваться и он продолжит нападать и обманывать.

8. Если кто-то с противостоящей стороны связывается с моджахедом и заявляет, что он будет служить моджахедам в рядах оппозиции и потому просит, чтобы [военный] отряд⁸ или группа моджахедов не причиняли ему каких-либо неприятностей, моджахеды в случае такого контакта могут предоставить эту конкретную безопасность. Но они не должны давать ему гарантии общей безопасности. В случае такого контакта моджахед должен постараться получить разрешение ответственного за уезд, а тот, в свою очередь, должен получить разрешение от губернатора. С учетом того факта, что будет [гарантирована] личная безопасность конкретному лицу от конкретного лица или группы, другие моджахеды не будут нести никакой ответственности в случае его убийства или причиненного вреда.

Глава 2 — О пленных

9. Когда захвачен противник, независимо от того, из местного он населения или иностранец, его передают незамедлительно ответственному лицу в провинции. После передачи лицо, отвечающее за провинцию, по своему усмотрению решает, держать ли его с конкретными моджахедами [которые его захватили] или передать другим.

10. Если солдат, полицейский, государственный служащий или другое ответственное лицо из местного населения, имеющие связи с рабской администрацией, были схвачены, то остается на усмотрение губернатора решение освободить их в случае обмена пленными в качестве жеста доброй воли или в обмен на прочные гарантии. Получение денег за освобождение пленного запрещается. Только *имам*, *наджиб имама* и судья провинции имеют полномочие казнить или наказывать. Больше никто не обладает такими полномочиями. Если судья в провинции еще не назначен, то решение об участии [пленного] в отношении казни или наказания принимается ответственным за провинцию лицом.

11. В случае захвата подрядчиков, которые транспортируют и поставляют топливо, оборудование или другие материалы для неверных и их рабской администрации, а также тех, кто занимается строительством военных центров для них, и высокопоставленных, а также рядовых сотрудников охранных компаний, переводчиков неверных и водителей, участвующих в

8 'Dalgə' в оригинале. Военное отделение или расчет.

поставках для противника, судье надо доказать тот факт, что вышеупомянутые лица действительно участвовали в такой деятельности, и тогда они должны быть преданы смертной казни. Если судья в провинции еще не назначен, то решение об участии [захваченных] в том, что касается доказательств и казни, принимает лицо, ответственное в провинции.

12. Если захвачен военный служащий из неверных, его казнь, освобождение путем обмена военнопленными, преднамеренное освобождение или освобождение за плату, если мусульмане нуждаются в деньгах, остаются на усмотрение *имама* и *наджиб имама*. Больше никто не обладает полномочиями принять это решение. Если пленный становится мусульманином, *имам* или *наджиб имама* могут освободить его при обмене пленными при условии, что не существует опасности, что он вновь станет неверным.

13. Если моджахеды захватывают пленный и во время их транспортировки в свои военные центры сталкиваются с угрозой и не могут доставить пленный в безопасное место, и если пленный принадлежит стороне противника, тогда присутствующие моджахеды могут убить их. Однако если они не принадлежат к этим группам лиц, и существуют сомнения о статусе пленный, и их личность все еще не установлена или они были захвачены в связи с юридическими [правовыми] вопросами, тогда моджахедам не разрешается убивать их, даже если нет другого выхода кроме того, чтобы оставить пленный на месте.

14. Если полицейский или солдат сдастся моджахедам и раскается, моджахедам нельзя убивать его. Если полицейский или солдат имеет при себе оружие, или если он совершил какие-то великие дела, моджахеды должны отнести к нему с теплотой.

15. Моджахеды не должны подвергать тех, кого они задержали, голоду, жажде, холоду или жаре, даже если те заслуживают смерти. Моджахеды должны наказать задержанных в соответствии с решением, предусмотренным шариатом в отношении этих людей, независимо от того, будет это казнь или другой вид наказания.

16. Никто, кроме *имама*, *наджиб имама* и судьи, не имеет права налагать наказание *тазир*⁹. Если уездный судья в отсутствие судьи провинции принимает решение о наказании *тазир* в виде казни, уездный судья должен получить разрешение от судьи провинции. Однако в тех провинциях, где судья провинции еще не назначен, любое определение о казни и вопросах, связанных с наказанием *тазир*, остается на усмотрение губернатора.

Глава 3 — О шпионах

17. Если обнаруживаются свидетельства шпионской деятельности лица, оно будет считаться виновным в подрыве основ общества. Судья про-

9 Тазир — наказание, не предусматриваемое в шариате, но налагаемое самим судьей.

винции и уездный судья и, если их нет, лицо, отвечающее за провинцию, имеют полномочие принять решение о наказании *тазир*. Имам, *наджиб имама*, судья провинции и — если судьи нет — губернатор имеют полномочие казнить арестованного шпиона. Больше никто не может принять решения о его казни.

18. Всегда, когда человек обвиняется в подрыве основ общества, необходимо доказать это в соответствии со следующими четырьмя пунктами.

ВО-ПЕРВЫХ: человек признается в шпионаже добровольно, без применения к нему мер принуждения.

ВО-ВТОРЫХ: два свидетеля дают показания касательно шпионской деятельности, и показания, данные ими, судья должен считать надежными.

В-ТРЕТЬИХ: косвенные улики (документы) вызывают сильное подозрение, такие как особые инструменты (оборудование), используемые шпионами для целей шпионской деятельности, и другие подобные свидетельства.

Конечно, не каждый может оценить косвенные улики. Если имеет место суд, то судья, а если его нет, то специалист — квалифицированный и набожный человек — должен изучить сильные и слабые [аспекты] косвенных улик. Если косвенные улики слабы, тогда наказание *тазир* будет уменьшено, а если косвенные улики сильны, тогда наказание будет более строгим. Если косвенные улики достаточно сильны, чтобы обусловить твердую уверенность, и если *имам, наджиб имама* и судья определили, что казнь является надлежащим наказанием, они должны казнить его.

В-ЧЕТВЕРТЫХ: имеет право быть свидетелем человек, который очень справедлив, без фанатизма, который воздерживается от *кабаир* [больших грехов] и никогда не повторяет [если они совершены] *сагхаир* [малых грехов].

19. Признание, полученное посредством принуждения, а именно побоев, угроз, страдания [пыток], не имеет законной силы и не может быть использовано для доказательства преступления. Человек, который принимает признание, должен быть верующим и сообразительным [проницательным], чтобы предотвратить применение принуждения при выслушивании признания, потому что в шариате признание, полученное посредством применения силы, является ненадежным и не имеет законной силы. Во время признания моджахеды не должны давать пленному обещаний, которые они не собираются выполнять.

Однако недостаточно просто получить признание или показания от шпиона, касающиеся других людей. В этом случае будут применимы те четыре пункта, которые упомянуты в правиле 18, и любые действия будут предприниматься в свете этих положений.

20. Если моджахеды сомневаются в человеке, подозреваемом в шпионаже, и его преступление не было доказано полностью в соответствии с принципами шариата, уездный глава при консультациях с квалифицированными людьми¹⁰ может выслать этого человека с территории в безопасное место, где не будет угрозы [для его жизни]. Другая возможность — получение надежной гарантии от подозреваемого. Надежная гарантия означает, что люди, пользующиеся доверием на соответствующей территории, или те, кто сочувствует подозреваемому, ручаются, что подозреваемый будет вести себя должным образом. Недвижимая собственность также может служить в качестве гарантии, и если этот человек возобновит свою шпионскую деятельность, или предпримет другое вредоносное действие, или совершит побег, он не сможет пользоваться ею.

21. Если преступник заслуживает смерти, и было принято решение о его казни в соответствии с шариатом, его следует расстрелять, независимо от того, является ли он шпионом или кем-то еще. Фотографировать казненного человека запрещено.

22. Учитывая тот факт, что многие положения шариата связаны со смертью человека, в случае если моджахеды казнили приговоренного к смерти человека, не информировав его родственников, моджахеды должны использовать все возможные средства, которые они считают необходимыми, для того чтобы сообщить родственникам казненного человека о дате казни.

Глава 4 — О тех, кто осуществляет поставки и занимается строительством для противника

23. Сжигание частных автомобилей, на которых перевозят материалы или с помощью которых оказывают другие услуги неверным, законно. Однако запрещается обменивать машины на деньги или использовать их.

24. Касательно водителей, которые захвачены при транспортировке грузов для неверных, — если моджахеды уверены, что [водители] действительно перевозили материалы для неверных и их рабской администрации, тогда водители должны быть убиты, а их транспортные средства сожжены. Если судья убежден, что люди, захваченные в плен, действительно участвовали в этом бизнесе, тогда судья должен вынести им смертный приговор. Конечно, если в провинции еще нет назначенного судьи, вопросы, связанные с доказательством и казнью, должны быть переданы губернатору.

25. Что касается этих подрядчиков, тех, кто участвует в такой деятельности, как строительство центров [баз] для неверных и их рабской администрации, а также в транспортировке топлива и других материалов для

¹⁰ Теми, кто имеет право участвовать в голосовании и выражать мнение относительно деликатных вопросов.

неверных, моджахеды должны убивать их и сжигать их транспортные средства.

Если такой человек находится в плену и судья убежден, что он действительно участвовал в такой деятельности, тогда судья должен вынести ему смертный приговор. Конечно, если в провинции еще нет назначенного судьи, вопросы, связанные с доказательством и казнью, должны быть переданы губернатору.

26. Если очевидно, что подрядчики участвуют в найме неквалифицированных рабочих и других рабочих для деятельности в интересах противоположной стороны, эти подрядчики должны быть убиты.

Глава 5 — О военной добыче [трофеях]

27. Военная добыча [трофеи] — это имущество, захваченное во время боя с комбатантами неверных. В Афганистане одна пятая часть военной добычи будет сдаваться на хранение лицу, отвечающему за провинцию, который будет использовать военную добычу в качестве *хумс*¹¹ [пятой части] затрат в соответствии с инструкциями, данными руководством. Четыре части военной добычи будут принадлежать моджахедам, которые присутствовали на месте, или их командиру, если его отправили куда-то для устройства западни, для сбора информации или других дел, связанных с конкретным боем. Четыре части военной добычи могут также быть распределены между теми, кто отвечает двум условиям:

ПЕРВОЕ: те, кто находится достаточно близко к зоне военных действий, и в случае необходимости может отправиться туда для оказания помощи.

ВТОРОЕ: те, кто хочет и готов принять участие в операции и находится в контакте с моджахедами, участвующими в бою. Например, если командир размещает его [их] вблизи поля сражения, говоря, что в случае необходимости он призовет их к участию в операции.

Те, кто не удовлетворяет вышеупомянутым критериям, не будут иметь права на военную добычу.

28. Командиры моджахедов должны записать имена [и другие данные о личности] моджахедов, для того чтобы использовать эту информацию при распределении военной добычи и, в случае захвата или мученической смерти моджахедов, для других нужд.

29. Если моджахеды ведут бой в деревне и жители деревни также принимают участие в бою, тогда они имеют право на часть военной добычи, а если они не участвуют, тогда у них нет такого права.

11 Вид налогообложения в свете закона шариата.

30. Если моджахед становится мучеником до окончания боев, тогда он не имеет права на долю в военной добыче. Конечно, моджахеды должны проявить доброту и выделить ему долю. Если он становится мучеником на поле боя или после окончания войны, тогда он имеет право на долю в военной добыче и его часть будет передана его родственникам.

31. Деньги или материалы [товары и другие ценности], изъятые у иностранных интервентов в результате боев [войны], считаются военной добычей. Если они взяты моджахедами без боя, тогда они считаются *фай*¹² и отдаются в государственную казну¹³.

32. Если моджахеды захватывают материалы у рабской администрации в результате боев, тогда руководство разрешает разделить их как военную добычу. Если материалы захвачены без боя, тогда их надо отослать в государственную казну, для общих нужд моджахедов.

33. Деньги, которые были взяты из общей казны (банка) и которыми владеет надежный человек, который пока еще не распределил их среди рабочих и других лиц, работающих по найму, будут разделены как военная добыча, если они были получены в результате боев [войны]. Если они были захвачены без боя, тогда они будут считаться государственной казной. Однако если деньги уже отданы лицам, работающим по найму, и рабочим, тогда все эти лица должны считаться владельцами [этих денег]. *Имам*, судья и лицо, отвечающее за провинцию, могут принять решение о наказании *тазир* по отношению к этим лицам, но не могут отобрать у них их деньги. То же справедливо в отношении зарплат, полученных рабочими организаций [НПО].

Глава 6 — Об организационной структуре

34. Ответственные лица в провинциях обязаны создать комиссию на уровне провинции, состоящую из квалифицированных членов. Число членов должно быть не меньше пяти. Провинциальная комиссия вместе с руководителем каждого уезда и при согласовании с лицом, ответственным за провинцию, должны учредить такие комиссии на уровне уезда. Максимум три члена уездной комиссии и минимум три члена провинциальной комиссии должны присутствовать на местах их деятельности. У руководителей и членов обеих комиссий не должно быть оправдывающих обстоятельств для того, чтобы покидать территорию их деятельности.

35. В тех уездах, где деятельность моджахедов Исламского Эмирата является очевидной и хорошо заметной, ответственное лицо должно быть назначено в качестве главы уезда. После согласования с высокопоставленными ответственными лицами глава уезда должен назначить своего заме-

12 Фай в исламском праве означает военную добычу или трофеи, которые никогда не должны делиться между участниками войны — их необходимо отдавать в государственную казну.

13 'Bajt-ul-mal' в оригинале.

стителю по связям с общественностью¹⁴, который не будет сильно занят военными делами. Это лицо должно иметь определенные знания о связях с общественностью и обладать опытом, хорошими манерами и высокой нравственностью, чтобы людям было легко общаться с ним.

36. Создание новых групп и [военных] отрядов запрещено. Если существует настоятельная необходимость, ответственное лицо в провинции может запросить разрешение Руководства после согласования с директором-организатором¹⁵. Неофициальные и самоорганизовавшиеся [военные] отряды должны присоединиться к более крупным группам по решению губернатора. Если они отказываются присоединиться и не подчиняются, их необходимо разоружить.

37. Представители Исламского Эмирата назначаются Руководством после предложений от соответствующей администрации. Они будут представлять весь Исламский Эмират. Больше никому не разрешается говорить со средствами массовой информации от имени провинций, групп или отдельных лиц. Подчинение этому правилу предотвратит беспорядок, неразбериху и отсутствие единства.

38. Каждое ответственное лицо в провинции должно учредить суд шариата на уровне провинции, состоящий из одного судьи и двух выдающихся богословов. Суд на уровне провинции будет выносить решения по сложным делам, которые представляются трудными для богословов и ответственных лиц на уровне уезда или деревни. Губернатор должен представить кандидатуры судьи и членов суда Руководству для того, чтобы получить одобрение.

39. Директор-организатор может внести изменение в организационную структуру провинции после консультации с губернатором. Губернатор может внести изменения в организационную структуру уезда после консультации с руководителем уезда. Однако если губернатор и руководитель уезда не могут прийти к общему мнению после проведения консультации, губернатор передаст вопрос директору-организатору. Если губернатор и директор-организатор не достигают согласия, директор-организатор передает вопрос Руководству. Провинциальная комиссия может сместить руководителя уезда после тщательного расследования и получения решения от директора-организатора и ответственного лица в провинции.

Глава 7 — Внутренние дела моджахедов

40. Моджахеды обязаны подчиняться своему командиру отряда; командир отряда — руководителю уезда; руководитель уезда — руководителю провинции; руководитель провинции — директору-организатору и директор-

14 Это может также называться гражданскими делами.

15 «Танзима раис» в пуштунской версии — лицо, ответственное за координацию организационной и административной деятельности в конкретной области.

организатор — *имаму и наджиб имаму*, если это законно в соответствии с шариатом.

41. Любой, кто назначается в качестве ответственного лица, должен обладать следующими качествами: находчивость, набожность, мужество, сострадание и щедрость. Если ни один [из кандидатов] не обладает этими качествами, тогда требуются, по крайней мере, находчивость и набожность.

42. Чтобы обеспечить успех в военных делах, Военная комиссия обязана подготовить планы [действий], принимая во внимание силы моджахедов каждой территории, а также географию территории, используя успешные методы и опыт и знакомя с ними моджахедов. В случае возрастающего давления со стороны противника в провинции Военная комиссия должна подготовить программу для моджахедов соседних и других провинций для того, чтобы рассредоточить силы противника и снизить напряжение на конкретной территории. Комиссия должна представить программу для консультации на уровне Руководства и, получив одобрение Руководства, передать приказ в провинции для работы [в соответствии с программой].

43. Военная комиссия должна быть осведомлена о положении моджахедов во всех провинциях и должна знать способных и эффективно действующих моджахедов для того, чтобы представить их Руководству для лучшего обеспечения или награды.

44. С учетом того факта, что большинство членов Военной комиссии являются военными командирами, будет трудно собрать их в одном месте. Поэтому в случае необходимости как можно больше членов [комиссии] могут собраться и продолжать свою работу. Кроме того, лицо, ответственное за комиссию, должно организовать [внутренний распорядок] комиссии таким образом, чтобы предотвратить промедление и проблемы в ее работе.

45. Военная комиссия будет просить ответственных лиц в провинциях предоставлять информацию об их процедурах и деятельности и время от времени направлять свои делегации в провинции для того, чтобы поощрить моджахедов, обеспечить успех в военных делах, укрепить [их положение] и собрать информацию.

46. Для решения общественных¹⁶ и судебных вопросов будет применяться правило 62 Лайхи. В случае возникновения между простыми людьми¹⁷ и моджахедами или между самими моджахедами каких-либо проблем, решение которых является прерогативой провинциальной или уездной комиссии, провинциальная комиссия должна согласовать [решение] с губернатором, а уездная комиссия должна согласовать [решение] с руководителем уезда или его заместителем. Комиссии должны внимательно выслушать объяснения заинтересованных сторон и, если провинциальная комиссия не в состоянии разрешить проблему, тогда она должна быть передана в Военную комиссию.

¹⁶ Гражданские вопросы или вопросы, связанные с простыми людьми.

¹⁷ Гражданскими лицами.

Военная комиссия должна выбрать мирное решение. Если она все же не может разрешить проблему, она должна представить ее Руководству. Руководство решает ее посредством соответствующих структур или при помощи богословов. Если комиссия¹⁸ приняла решение, тогда объявить его надлежит в присутствии обеих заинтересованных сторон.

47. Провинциальные и уездные комиссии наряду с другими обязанностями должны следить [за ситуацией], чтобы предотвратить проникновение плохих людей в ряды моджахедов. Если такие лица выявляются, о них следует сообщить губернатору. Комиссии сделают все возможное для разрешения противоречий [споров] между моджахедами и между простыми людьми и моджахедами. Комиссии должны наблюдать за исполнением всех декретов и постановлений Исламского Эмирата. Комиссия делает все возможное для того, чтобы привлечь внимание нарушителей [к их ошибкам] и исправить [их поведение]. В случае если такие лица продолжают вести себя неправильно, о них следует сообщить губернатору.

48. Если у простых людей или моджахедов есть разногласия с членом Военной комиссии, или провинциальной, или уездной комиссии, или с его товарищами и разрешение проблемы доверяется комиссии, членом которой является упомянутое лицо, тогда это лицо не должно участвовать в собрании, посвященном разрешению этой конкретной проблемы.

49. Провинциальная комиссия обязана организовать работу членов комиссии таким образом, чтобы раз в месяц они наставляли моджахедов в вопросах послушания, набожности и нравственных ценностей и следили за их поведением.

50. Если моджахед совершил преступление или неоднократно нарушил Лайху и командир [военного] отряда или глава уезда решает отозвать его из рядов [моджахедов] из-за совершенного преступления, [в этой ситуации] командир должен направить дело преступника в провинциальную комиссию. Провинциальная комиссия должна тщательно расследовать вопрос, и если преступник действительно заслуживает исключения из рядов моджахедов, провинциальная комиссия принимает решение, получив согласие губернатора. После этого никто не будет иметь права вооружить и обеспечить снаряжением исключенное лицо. Если человек раскался [в совершенном преступлении], тогда ему могут поручить какую-либо обязанность с согласия провинциальной комиссии и губернатора.

Если вышеупомянутое лицо является командиром [военного] отряда, главой уезда, заместителем главы уезда или другим ответственным лицом, его дело должно быть направлено в Военную комиссию через губернатора или провинциальную комиссию. Военная комиссия обладает полномочием попытаться исправить [поведение человека], вызвать его, дать ему рекомендации и предупредить его. Если в конце концов [этот человек] не исправил [свое поведение], тогда комиссия должна предста-

18 Любая из упомянутых комиссий.

вить его Руководству для того, чтобы согласовать его разоружение или исключение из рядов [моджахедов]. Если этот человек раскаивается, ему снова может быть дано задание, но [в таких ситуациях] требуется одобрение Военной комиссии или губернатора.

51. Ответственные лица на провинциальном и уездном уровнях, в зависимости от условий на соответствующей территории, должны проводить в надлежащее время консультации с соответствующими ответственными [лицами] относительно проведенных операций, действий, достижений и недостатков, чтобы разработать более успешную стратегию в будущем и огрaдить моджахедов от [возможных] потерь.

52. Если командир[военного] отряда в одном уезде или провинции хочет вести джихад в другой провинции или другом уезде, он может сделать это. Однако ему нужно разрешение ответственных [лиц] в соответствующей провинции или уезде. Лица, ответственные за соответствующую провинцию или соответствующий уезд, будут его начальниками. Он должен полностью подчиняться ответственному лицу [территории].

53. Если какой-нибудь губернатор или другой руководитель уже имеет активную группу или [военный] отряд в другой провинции, он должен представить соответствующий отряд и моджахедов лицу, отвечающему за соответствующую провинцию. После этого они будут подчиняться губернатору соответствующей территории и следовать его указаниям [при исполнении своих обязанностей]. Ответственное лицо в провинции предоставит им материально-техническое обеспечение, как он делает для других моджахедов провинции. В структуре Исламского Эмирата объединенные линии фронта запрещены. Эти линии фронта, *махаз*, не являются частью организационной структуры Эмирата.

54. Если руководитель военного отряда из конкретной провинции предоставляет лицам, ответственным за другую провинцию, помощь в отношении джихада, а затем хочет продолжить вести джихад в этом месте, ответственное лицо в провинции должно постараться найти точную информацию и получить согласие ответственного лица в провинции происхождения [руководителя группы] до того, как он примет его и даст ему место. Более того, [глава провинции] должен спросить вновь прибывшего о причине его решения покинуть прежнюю провинцию. Если причина не противоречит шариату, тогда этого человека можно принять.

55. Руководитель военного отряда, который хотел бы увеличить число членов своего отряда или группы, не может пригласить моджахедов из другого отряда. Конечно, если моджахед хочет присоединиться к другому ответственному [руководителю группы], он может сделать это. Однако снаряжение, предоставленное ему командиром прежнего военного отряда для ведения джихада, или те предметы, которые были захвачены общими усилиями и в отношении которых право собственности отряда было установлено, должны быть возвращены командиру предыдущего отряда. Если какой-то предмет он получил в качестве военной добычи или это его личная собственность, он может взять его с собой.

56. Те доблестные воины¹⁹ — моджахеды, которые вторгаются в расположение противника для того, чтобы осуществить групповое вооруженное нападение, должны принять во внимание следующее:

1. Эти доблестные воины моджахеды должны получить хорошую подготовку, и у каждого из них должно быть конкретное задание.
2. Эти доблестные воины моджахеды должны быть очень хорошо снаряжены и экипированы, чтобы они могли в течение долгого времени сопротивляться и причинить серьезный ущерб противнику.
3. Моджахеды и их руководители должны заранее получить всю информацию и хорошо знать территорию, на которую они собираются совершить нападение.

57. Что касается нападений мучеников за веру, следует принять во внимание следующие четыре пункта:

ВО-ПЕРВЫХ: моджахед-мученик должен быть хорошо подготовлен к нападению.

ВО-ВТОРЫХ: для нападения мученика следует выбирать важные и очень ценные объекты. Приносящие себя в жертву смелые сыны ислама не должны быть использованы для недостойных и бесполезных мишеней.

В-ТРЕТЬИХ: при нападениях мучеников все возможное должно быть сделано, для того чтобы не допустить гибели и ранений простых людей.

В-ЧЕТВЕРТЫХ: для осуществления нападений мучеников все моджахеды, за исключением тех, у кого есть личная программа и разрешение от Руководства, должны получить разрешение и инструкции от ответственного лица провинции.

58. Общие комиссии Исламского Эмирата должны время от времени собираться на консультативные встречи для того, чтобы вырабатывать более успешную и прогрессивную стратегию решения вопросов в сфере их ответственности.

Глава 8 — Об образовании и подготовке

59. Деятельность в области образования и подготовки в рамках структуры Исламского Эмирата следует осуществлять в соответствии с программой и Нормативными требованиями Комиссии по образованию. Ответственные лица в провинциях и уездах должны прилагать усилия в области образования в соответствии со стратегией вышеупомянутой комиссии.

19 «Мубариз» на языке пушту, это слово можно также перевести как «храбрый солдат», «борец за какое-то дело» (например, борец за национальное освобождение).

Глава 9 — О контроле над организациями [НПО] и компаниями и регулировании их деятельности

60. Ответственные лица в провинциях должны вести себя с организациями [НПО] и компаниями в соответствии с указаниями, полученными от Комиссии по контролю над организациями [НПО] и компаниями и регулированию их деятельности.

Однако комиссия обязана консультироваться с соответствующими ответственными лицами в провинциях. Если между ними существуют разногласия, следует запросить инструкции от ответственных лиц в Руководстве. Провинциальные, уездные и военные отделения, а также провинциальные представители упомянутых комиссий не обладают полномочиями самостоятельно принимать решения по вопросам, связанным с организациями [НПО] и компаниями.

Глава 10 — О здоровье

61. Деятельность Комиссии здравоохранения Исламского Эмирата основана на особой процедуре. Лечение моджахедов должно проводиться в соответствии с этой процедурой. Провинциальные представители по вопросам здравоохранения обязаны подчиняться нормативным требованиям и выполнять указания Комиссии здравоохранения.

Глава 11 — Связь с общественностью

62. Командиры военных отрядов не имеют полномочий вмешиваться в дела простых людей, даже если местные жители просят моджахедов разрешить юридические вопросы или другие проблемы. Только власти провинции или уезда могут рассмотреть дело заявителя и посредством соответствующей процедуры и сначала постараться решить вопрос через посредника, а затем посредством мирной и законной джирги таким образом, чтобы [решение] не противоречило священной шариату. Если мирное решение и примирительная джирга невозможны, тогда стороны должны передать дело в суд. Если суда нет, обе стороны должны действовать на основании мнений, высказанных выдающимися богословами.

63. Все решения относительно проблем и споров, вынесенные должным образом в тот период, когда Исламский Эмират находился у власти, не могут быть пересмотрены на этой стадии, даже если одна из заинтересованных сторон не удовлетворена [решением]. Это так, потому что тогда существовали лучшие условия для правосудия, чем сейчас.

64. Лица, ответственные за моджахедов, и связанные с ними лица не должны вмешиваться в споры простых людей и принимать чью-либо сторону в споре или идти к судьям либо в суды в качестве посредников или сторонников.

65. Ответственные лица в провинциях и уездах, командиры отрядов и все другие моджахеды должны принимать все возможные меры для того, чтобы избежать гибели и ранений простых людей, а также утраты их автомобилей и другого имущества. В случае небрежности каждый будет нести ответственность в соответствии со своими поступками и положением и будет наказан, в зависимости от характера своих неправомерных действий.

66. Если ответственное лицо или рядовой человек причиняет вред простым людям от имени моджахедов, начальник [виновного] обязан наказать это рядового или ответственное лицо. Если начальник не наказывает [виновного], он должен доложить Руководству через ответственное лицо в провинции. Руководство тогда накажет рядового или ответственное лицо по своему усмотрению. Руководство может исключить [виновного] из рядов моджахедов, если сочтет это необходимым.

Глава 12 — О запретах

67. С начала Движения и до сих пор оружие собиралось в больших масштабах. Того, что собрано [к настоящему времени], вполне достаточно. С настоящего момента никакое оружие не будет собираться насильственным образом для государственной казны.

68. Согласно предыдущему приказу моджахеды должны строго воздерживаться от курения сигарет.

69. Детям и подросткам²⁰ (несовершеннолетним лицам без бороды) запрещено жить в местах проживания моджахедов и в военных центрах.

70. Согласно шариату отрезание частей человеческого тела²¹ (ушей, носа и губ) строго запрещается. Моджахеды должны решительно предотвращать такую практику.

71. Моджахеды Исламского Эмирата не должны с применением силы собирать *ушер*, *закат* и *чанда*²². Если они получают что-то через *ушер* и *закат*, они должны покрывать свои расходы по шариату из этого дохода.

72. Моджахеды не должны обыскивать дома людей. Если обыск действительно необходим, тогда они получают разрешение от лица, ответственного за уезд. Имам мечети в деревне и двое деревенских старейшин должны сопровождать моджахеда во время обыска.

73. Похищение людей за деньги по какой бы то ни было причине запрещено. Ответственные лица на соответствующих территориях должны решительно предотвращать это. Если люди совершают деяние такого рода от имени Исламского Эмирата, ответственное лицо провинции должно разоружить этих преступников и строго наказать их, следуя указаниям Руководства.

20 «Лагарзани» на языке пушту.

21 «Мусла» на языке пушту.

22 Различные виды исламского налогообложения и пожертвований.

Глава 13 — Рекомендации

74. Каждый командир [военного] отряда должен выделять особое время для подготовки к джихаду, а также религиозному и нравственному обучению и образованию своих подчиненных. Когда они не сражаются и нет никакой чрезвычайной ситуации, они не должны с пренебрежением относиться к своей подготовке и образованию.

75. Если нет никакой опасности, моджахеды должны молиться в мечети вместе. Если трудно посещать мечеть, они должны молиться вместе в местах своего проживания.

Особое внимание должно уделяться чтению Корана²³ и прославлению Аллаха²⁴, потому что прославление и чтение вслух дают удовлетворение и силу духа.

76. Сила духа моджахедов должна быть сосредоточена на военной деятельности. Им надо дистанцироваться от проблем людей и местных конфликтов. С одной стороны, эти проблемы служат причиной лишней работы; с другой стороны, это вызывает нежелательный конфликт интересов среди местных жителей и самих моджахедов. Однако если что-то моджахеды не могут проигнорировать, они должны действовать в соответствии с правилом 62.

77. Все моджахеды Исламского Эмирата должны делать все возможное для того, чтобы убедить людей, которые обмануты оппозицией, сдать и сломать оружие. С одной стороны, ряды противника поредеют, с другой стороны, уменьшатся препятствия, создаваемые местными жителями. Более того, в некоторых случаях моджахеды могут получить оружие и боеприпасы [от тех, кто сдается].

78. Моджахеды обязаны обращаться хорошо с людьми в соответствии с исламской этикой и нравственными ценностями и должны попытаться завоевать сердца и умы простых мусульман. Моджахед должен представлять весь Исламский Эмират таким образом, чтобы все его соотечественники приветствовали его и были готовы помогать ему и сотрудничать с ним.

79. Моджахеды должны избегать всякого рода этнических, языковых и религиозных предрассудков.

Есть повествование Хазрата Абу Хурайры, да будет доволен им Аллах, в котором говорится, что Пророк, мир Ему, соизволил сказать: «Когда кто-то сражается под неизвестным флагом (имея в виду человека, продвигающегося с закрытыми глазами; хорошее и плохое в нем нельзя определить), или когда кто-то сердит (расстроен) из-за этнического предрассудка (что не является словом Аллаха), или кто-то призывает людей к этноцентризму (а не к Всемогущему Аллаху), или кто-то помогает другому

23 «Талават» в оригинале. Чтение (обычно Корана).

24 «Зикр» в оригинале. Повторение священных эпитетов.

по этническому признаку (не во имя Всемогущего Аллаха) и бывает убит, этот человек умрет в невежестве и темноте (как во время до ислама)».

80. Старшее ответственное лицо обязано время от времени проверять отчетность своих подчиненных касательно предметов джихада и финансовых затрат.

81. Моджахеды должны следить за тем, чтобы их внешний вид — прическа, одежда и обувь — соответствовал шариату и внешнему виду простых людей в данной местности. С одной стороны, для моджахедов и местного населения это будет полезно в плане безопасности, с другой стороны, это даст возможность моджахедам легко передвигаться в любом направлении.

Глава 14 — О Лайхе

82. Внесение поправки в эту Лайху является исключительным полномочием Исламского Эмирата и Консультативного совета²⁵ Исламского Эмирата. Если кто-то еще осмелится внести изменения или нарушит эти нормы, его объяснения не будут приняты.

83. Военная комиссия, а также комиссии провинций и уездов обязаны информировать моджахедов о положениях этой Лайхи и других постановлений Исламского Эмирата и обеспечивать их выполнение.

84. Если возникает ситуация, не предусмотренная в этом тексте, моджахеды должны посоветоваться с ответственным лицом в своем уезде. Если на этом уровне будет неудача, вопрос должен быть передан ответственному лицу в провинции. Если решение не найдено, ответственное лицо в провинции должно запросить указаний у директора-организатора. В случае, когда решение не найдено, директор-организатор должен запросить указания от Руководства.

85. Все моджахеды обязаны действовать в соответствии с правилами [Лайхи]. С нарушителем будут поступать согласно принципам ислама.

Да будет с нами милость Аллаха,
Благородные братья моджахеды!

- Все ваши намерения и действия должны соответствовать священным указаниям и учению Пророка.
- Вы должны, как сталь, стоять перед противником; никакие события и никакая пропаганда не должны поколебать ваше упорство.
- В своих сердцах вы должны дать место вашим братьям моджахедам и вашему народу; берегите это братство и храните верность ему, чтобы помешать противнику достичь его злосчастных целей и разобщить вас.

25 «Рихбарди Шура» в оригинале.

- Проводите всю свою деятельность и все операции, связанные с джихадом, на основе консультаций, осмотрительно, находчиво и разумно.
- Никогда не действуйте на основании личной неприязни, собственных предпочтений, безразличия и спешки, когда наказываете кого-либо.
- Защита общественной собственности, а также жизни и имущества простых людей считается одной из основных обязанностей моджахедов. Поэтому вы должны сделать все возможное для того, чтобы действовать в соответствии с этой обязанностью. Не позволяйте, чтобы амбиции и жажда мирских удовольствий подталкивала вас к совершению проступков против простых людей и причинению ущерба их имуществу с целью обогащения.

Из речей Амира уль-Моминина (повелителя правоверных).

Комбатанты, а не бандиты: статус повстанцев в исламском праве

Садия Табассум

Садия Табассум является доцентом юридического факультета в Международном исламском университете (Исламабад)

Краткое содержание

Исламское право, касающееся повстанческой деятельности, предлагает всесторонний кодекс для регулирования военных действий во время немеждународных вооруженных конфликтов, и, таким образом, оно может быть использовано в качестве модели для улучшения современного международного правового режима. Оно не только предоставляет объективный критерий для того, чтобы определить существование вооруженного конфликта, но и признает статус комбатантов за повстанцами и естественные последствия их фактической власти на территории, находящейся под их контролем. Поэтому оно помогает уменьшить страдания гражданских лиц и простых граждан в ходе повстанческой деятельности и во время гражданских войн. В то же самое время исламское право утверждает, что территория, фактически находящаяся под контролем повстанцев, является de jure частью государства, в котором она находится. Таким образом, оно дает ответы тем, кто опасается, что предоставление статуса комбатанта повстанцам может придать легитимность их борьбе.

⋮⋮⋮⋮⋮

Современный мир становится свидетелем многочисленных вооруженных конфликтов, большинство из которых представляются «внутренними», или «немеждународными». В настоящей статье мы постараемся выявить

отдельные важные проблемы в международном правовом режиме, регулирующем эти конфликты, и найти решения этих проблем, взяв за ориентир исламское право, касающееся повстанческой деятельности.

Исламское международное право — *сияр*, — как оказалось, рассматривает вопросы восстаний, гражданских войн и внутренних конфликтов довольно подробно. Каждое руководство по *фикху* (исламскому праву) содержит главу, посвященную *сияру*, в которой есть раздел о повстанческой деятельности (*хуруж/багхи*)¹; в некоторые руководства по *фикху* даже включены отдельные главы, касающиеся повстанческой деятельности². Коран, основной источник исламского права, закладывает основополагающие принципы не только для регулирования военных действий в целом, но и для повстанческой деятельности и гражданских войн³. Сунна Пророка развивает эти правила⁴, как и действия и высказывания правоверных халифов, которые были преемниками Пророка; эти халифы, особенно Али, заложили нормы, которые были приняты мусульманскими правоведами, разработавшими со временем подробные правила⁵. Исламская история знает несколько случаев восстаний в ранний период⁶, вот почему этот вопрос всегда вызывал озабоченность правоведов. Более того, правоведы очень хорошо понимали обязательства обеих сторон по время восстаний, потому что исламское право рассматривает обе враждующие стороны как мусульман⁷.

- 1 Так, руководство *Kitab al-Siyar* в работе *Kitab al-Asl* Мухаммада б. аль-Шайбани содержит раздел (*Bab*), посвященный *хуруджу* (*khuruj*). См.: Majid Khaduri, *The Islamic Law of Nations: Shaybani's Siyar*, John Hopkins Press, Baltimore, 1966, pp. 230—254. То же самое можно сказать о других руководствах школы Ханафи.
- 2 Так обстоит дело с работой *al-Kitab al-Umm* Мухаммада б. Идриса аль-Шафийи. Этот энциклопедический труд содержит несколько глав, касающихся *сияра*, и одна из них называется *Kitab Qital Ahl al-Baghy wa Ahl al-Riddah (Al-Kitab al-Umm)*, ed. Ahmad Badr al-Din Hassun, Dar Qutaybah, Beirut, 2003, Vol. 5, pp. 179—242). Более поздние юристы школы Шафии следовали этой практике. Так, аль-Мухаддхаб Абу Ишака Ибрагима б. Али аль-Ширази также содержит отдельную главу, касающуюся *багхи* и озаглавленную *Kitab Qital Ahl al-Baghy (Al-Muhadhdhab fi Fiqh al-Imam al-Shafi'i)*, Dar al-Ma'rifah, Beirut, 2003, Vol. 3, pp. 400—423).
- 3 Сураат аль-Худжурат дает указания относительно *багхи* (49:9—10). Мусульманские правоведы обсуждают вопросы, касающиеся *багхи*, анализируя последствия религиозной обязанности аль-амр би л-ма'руф ва аль-нахи 'ан аль мункар (предписывание права и запрет правонарушений), см., например: Abu Bakr al-Jassas, *Ahkam al-Qur'an, Qadimi Kutubkhana*, Karachi, n. d., Vol. 1, pp. 99—101 and Vol. 2, pp. 50—51.
- 4 См., например, работу: *Kitab al-Imarah* in Muslim b. al-Hajjaj al-Qushayri's al-Sahih.
- 5 Блестящий правовед Ханафи Абу Бакр Мухаммад б. Аби Сахл аль-Сарахси в своем анализе исламского права *багхи* утверждает во многих местах, что «Али является имамом этой отрасли права». См.: Abu Bakr Muhammad b. Ahmad b. Abi Sahl al-Sarakhsi, *al-Mabsut*, ed. Muhammad Hasan Isma'il al-Shafi'i, Dar al-Kutub al-'Ilmiyyah, Beirut, 1997, Vol. 10, p. 132.
- 6 Утман, третий халиф, был предан мученической смерти повстанцами в 35 г. по хиджре (655 г. н. э.). Али пришлось вести несколько войн против своих противников среди мусульман, он также был предан мученической смерти одним из бунтовщиков в 40 г. по хиджре (660 г. н. э.). Его сын аль-Хусейн был убит правительственными войсками в Кербеле в 61 г. по хиджре (681 г. н. э.). Было несколько других примеров восстаний во время жизни великого мусульманского правоведа и основателя школы Ханафи исламского права, Абу Ханафах аль-Нумана б. Табита (80—150 гг. по хиджре (699—767 гг. н. э.)).
- 7 Как будет показано ниже, когда немусульмане берутся за оружие против мусульманского правителя, это не рассматривается как «восстание». К такой ситуации скорее применимо общее право

Современный правовой режим, касающийся немеждународных вооруженных конфликтов, сталкивается сегодня с тремя серьезными проблемами. Во-первых, государствам обычно не нравится признавать существование вооруженного конфликта в рамках своих границ⁸. Даже когда им противостоят сильные сепаратистские движения, они склонны называть это простояющей «правопорядка» или «внутренним делом»⁹. Во-вторых, заставить негосударственных акторов соблюдать *jus in bello*, поскольку обычно считается, что международное право связывает только государства¹⁰, может быть очень трудно. В-третьих, и это наиболее важно, право не предоставляет статуса комбатанта повстанцам, следовательно, они остаются субъектами общего уголовного права государства, против которого они взяли оружие.

В настоящем исследовании мы проанализируем подробные нормы исламского права, касающиеся правового статуса повстанцев, чтобы рассмотреть возможные решения этих проблем, возникающих в рамках современного права вооруженных конфликтов.

Определение повстанческой деятельности (восстания)

В своем знаковом исследовании исламского права, касающегося повстанческой деятельности, Халед Абу эль-Фадл определяет восстание как «акт

войны. Таким образом, нормы повстанческой деятельности применяются только в тех случаях, когда обе враждующие стороны являются мусульманами. Коран называет повстанцев «верующими» (Коран, 49:9) и, как говорят, Али сказал о своих противниках: «Это наши братья, которые восстали против нас». Из этого *фахаха* (правоведы) выводят основополагающую норму исламского права *багхи*. См.: Sarakhsi, примечание 5 выше, т. 10, с. 136.

- 8 Выражаясь юридическим языком, совершенно справедливо, что международное гуманитарное право (МГП) применяется всегда, когда фактически имеет место вооруженный конфликт, даже если сторона в конфликте не признает наличие конфликта. И все же отказ со стороны государства признать существование конфликта в рамках своих границ осложняет применение права. См. подробности в документе: International Committee of the Red Cross (ICRC), 'Improving compliance with international humanitarian law', background paper prepared for informal high-level expert meeting on current challenges to international humanitarian law, Cambridge, 25–27 June 2004. См. также: Michelle L. Mack, *Compliance with International Humanitarian Law by Non-state Actors in Non-international Armed Conflicts*, Program on Humanitarian Policy and Conflict Research, Harvard University, Working Paper, 2003, доступно по адресу: [http://www.reliefweb.int/rw/lib.nsf/db900sid/AMMF-6SYHW3/\\$file/Harvard-Nov2003.pdf?openelement](http://www.reliefweb.int/rw/lib.nsf/db900sid/AMMF-6SYHW3/$file/Harvard-Nov2003.pdf?openelement) (последнее посещение 7 февраля 2011 г.). См. также: Marco Sassöli, 'Taking armed groups seriously: ways to improve their compliance with international humanitarian law', in *International Humanitarian Legal Studies*, Vol. 1, 2010, pp. 5–51.
- 9 Тому есть две основные причины. Первая: государства не хотят, чтобы другие государства и международные организации вмешивались в такую ситуацию. Вторая: государства считают повстанцев преступниками и правонарушителями. Они боятся, что признание статуса воюющего за *повстанцами* может придать некую легитимность их борьбе.
- 10 В отличие от общего международного права МГП связывает все стороны в конфликте, включая негосударственных акторов, даже если они не подписывали Женевские конвенции или Дополнительные протоколы к ним. И все же может оказаться трудным делом заставить негосударственных акторов соблюдать МГП, в основном потому, что они не считают себя причастными к этому праву.

сопротивления или открытого неповиновения тем, кто стоит у власти»¹¹. Он говорит, что сопротивление может принимать форму либо «пассивного невыполнения приказов тех, кто стоит у власти», либо «вооруженной повстанческой деятельности»¹². Что касается объекта, против которого направлено восстание, то Абу эль- Фадл говорит, что это может быть социальный или политический институт либо религиозная власть *улема* (ученых-правоведов)¹³. Здесь мы можем указать, что пассивное невыполнение приказов тех, кто стоит у власти, не является повстанческой деятельностью в юридическом смысле. Аналогичным образом любое насильственное сопротивление правительству или государству не может быть названо повстанческой деятельностью, поскольку термин «восстание» подразумевает высокий уровень насилия и открытое неповиновение правительству. Поэтому с правовой точки зрения классификация, предложенная Мухаммадом Хамидуллой (умер в 2002 г.), известным исследователем исламского международного права, представляется более актуальной.

Настоящая отличительная черта повстанческой деятельности

Хамидулла говорит, что если оппозиция правительству направлена против определенных действий правительственных чиновников, это *инсurreкция*, наказание за которую предусматривается законодательством страны¹⁴. Далее он утверждает, что если инсurreкция направлена на свержение законным образом установленного правительства на неправомерных основаниях, это *мятеж*, но если она направлена против режима тирании на справедливых основаниях, ее называют *освободительной войной*¹⁵. По нашему мнению различие между мятежом и освободительной войной основывается на субъективной оценке, так как одно и то же событие инсurreкции может рассматриваться некоторыми как мятеж, а другими как освободительная война¹⁶. Поэтому такое различие совершенно бесполезно. Дело вот в чем: в отличие от инсurreкции цель мятежа или освободительной войны заключается не просто в том, чтобы избавиться от некоторых правительственных чиновников, но в том, чтобы свергнуть правительство.

Хамидулла упоминает следующие стадии насильственного сопротивления правительству или государству под названием «восстание» и

11 Khaled Abou El Fadl, *Rebellion and Violence in Islamic Law*, Cambridge University Press, Cambridge, 2001, p. 4.

12 *Ibid.*

13 *Ibid.*

14 Muhammad Hamidullah, *The Muslim Conduct of State*, Sheikh Muhammad Ashraf, Lahore, 1945, p. 167.

15 *Ibid.*

16 Мы можем процитировать здесь Абу эль-Фадла: «Разница ... между действием призыва к мятежу и действием государственной измены будет зависеть от контекста и обстоятельств такого действия и от существующих нормативных ценностей, которые лежат в основе различия. Поэтому часто различие между первым и вторым является совершенно произвольным по своему характеру». Примечание 11 выше, с. 4.

«гражданская война». Он говорит, что когда инсurreкция усиливается до такой степени, что часть территории оказывается занятой и контролируется повстанцами, которые демонстрируют открытое неповиновение правительству, она называется восстанием. Это *восстание* может перерасти в *гражданскую войну*, если повстанческая деятельность расширяется до такой степени, что создается правительство, равное уже существующему в стране¹⁷. Занятие определенной территории и контроль над ней, вопреки требованиям центрального правительства, является серьезным показателем для определения существования восстания, как мы увидим далее.

Повстанцы или бандиты

Ранние мусульманские правоведы также детально описали нормы исламского права, касающиеся сопротивления правительству, связанного с насилием. Они обычно использовали три термина для этой цели: *багхи*, *хурудж* и *хираба*.

Буквально слово «*багхи*» означает «нарушение мира» и «то, что вызывает правонарушения» (*та'адди*)¹⁸. На юридическом языке оно означает восстание против *справедливого* правителя (*аль-имам аль-адль*)¹⁹. Термин «*хурудж*», буквально «выход», изначально применялся для обозначения восстания против четвертого халифа, Али, и те повстанцы конкретно назывались *хавариджи* (те, кто вышел). Однако позже термин стал употребляться для обозначения восстаний различных лидеров в семье (*аль аль-байт*) Пророка против правителей-тиранов Омейядов и Аббасидов²⁰. Другими словами, термин «*хурудж*» использовался для обозначения справедливого восстания против несправедливых правителей. Однако справедливый и несправедливый характер войны — это субъективная оценка, и мнения здесь могут быть разные. Вот почему мусульманские правоведы разработали кодекс поведения для повстанческой деятельности, независимо от того, справедливое это восстание или нет, и именно по этой причине два этих термина, *хурудж* и *багхи* стали взаимозаменяемы²¹. Термин «*хираба*», с другой стороны, используется для конкретного вида грабежа, за который налагается наказание *хадд*²². Хотя любое правитель-

17 M. Hamidullah, примечание 14 выше, с. 168.

18 Abu 'l-Fadl Jamal al-Din Muhammad Ibn Manzur, *Lisan al-'Arab*, Dar Bayrut, Beirut, 1968, Vol. 14, p. 78.

19 Muhamamd Amin b. 'Uthman Ibn 'Abidin al-Shami, *Radd al-Muhtar 'ala al-Durr al-Mukhtar*, Matba'at Mustafa al-Babi al-Halbi, Cairo, n.d., Vol. 3, p. 308.

20 Например, восстание Зайяда б. Али, правнука Али, называется *хурудж*, а не *багхи*.

21 Так, в главах, посвященных сяру в руководствах Ханафи, раздел, озаглавленный 'Bab al-Khawarij', упоминает нормы исламского права, касающиеся повстанческой деятельности, независимо от того, справедливо или нет восстание.

22 'Ala al-Din Abu Bakr Al-Kasani, *Bada'i' al-Sanai'i' fi Tartib al-Shara'i'*, ed. 'Ali Muhammad Mu'awwad and 'Adil Ahmad 'Abd al-Mawjud, Dar al-Kutub al-'Ilmiyyah, Beirut, 2003, Vol. 9, p. 360. В исламском праве *хадд* является установленным наказанием, применение которого обязательно, поскольку это право Бога. *Ibid.*, Vol. 9, p. 177.

ство обычно считает повстанцев бандитами и грабителями, мусульманские правоведы настойчиво утверждали, что повстанческая деятельность четко отличается от разбоя и что как таковая деятельность повстанцев не регулируется общим уголовным правом страны²³, даже если меры наказания могут быть приняты в их отношении за нарушение мира и взятие закона в свои руки²⁴.

Дар аль-багхи: территория под контролем повстанцев

Территория, находящаяся под контролем повстанцев, называется *дар аль-багхи* (территория повстанцев), и правоведы Ханафи считают, что она находится за пределами юрисдикции центрального правительства исламского государства. Территория, находящаяся под контролем центрального правительства, называется *дар аль-адль*, то есть антонимом *дар аль-багхи*²⁵. Как мы увидим ниже, преступники, совершившие правонарушения в *дар аль-багхи*, не могут преследоваться в судебном порядке в судах *дар аль-адля*, даже если центральное правительство восстанавливает свой контроль над *дар аль-багхи*²⁶. *Дар аль-багхи* может заключать также договоры с другими государствами²⁷. Решения судов *дар аль-багхи* обычно не отменяются, даже если центральное правительство вновь захватывает эту территорию²⁸. Налоги должны платиться при пересечении границ из *дар аль-адля* в *дар аль-багхи* и обратно²⁹. Таким образом, для всех практических целей *дар аль-багхи* считается другим государством³⁰. Однако, как мы увидим далее, это признание лишь *de facto*, а не *de jure*³¹.

23 Таким образом, они считали, что нормы *хууд* (установленные наказания за конкретные преступления), *кисас* (равное наказание за преступное убийство и ранения) и *дийа* (финансовая компенсация за ущерб, причиненный имуществу), *арш* (финансовая компенсация за ранения) и *даман* (финансовая компенсация за ущерб, причиненный имуществу) не применимы к повстанцам. Подробно см. ниже.

24 Вот почему книги по исламскому праву содержат разделы, посвященные вопросу повстанческой деятельности.

25 Sarakhsi, примечание 5 выше, т. 10, с. 130.

26 *Ibid.*

27 *Ibid.*

28 *Ibid.*

29 Abu 'l-Hasan 'Ali b. Muhammad al-Mawardi, *al-Ahkam al-Sultaniyah wa 'l-Wilayat al-Diniyyah*, Dar Ibn Qutaybah, Kuwait, 1989, p. 166.

30 M. Hamidullah, примечание 14 выше, с. 168.

31 Когда правительство *de facto* признает другое правительство, это означает, что первое признает как факт, что последнее осуществляет эффективный контроль над определенной территорией. Это не обязательно означает, что этот контроль является законным. Признание *de facto* обычно предоставляется, если остаются сомнения относительно долгосрочной жизнеспособности правительства. В отличие от этого признание *de jure* подразумевает признание легитимности власти этого правительства на территории, находящейся под его эффективным контролем. См.: Malcolm N. Shaw, *International Law*, Cambridge University Press, Cambridge, 2003, pp. 382—388.

Как мы определяем повстанческую деятельность?

Понятие повстанческой деятельности в исламском праве существует в рамках доктрины *фасад фай л-ард* (нарушение мира и порядка в стране)³². По мнению мусульманских правоведов, существуют различные формы *фасад* и правителю предоставляется власть в соответствии с доктриной *сияса*³³ для поддержания мира и порядка в обществе. Двумя важными формами *фасад*, упоминаемыми непосредственным образом в Коране, являются *хираба*³⁴ и *багхи*³⁵. В обоих случаях сильная группа людей берется за оружие, демонстрируя неповиновение праву страны и бросая вызов предписанию правительства. Однако *хираба* рассматривается как преступление, и к *мухарибин*³⁶ применяется уголовное право страны, а *багхи* регулируется правом войны и *бугха* считаются комбатантами, даже несмотря на то, что в соответствии с доктриной *сияса* правительство может принять карательные меры против повстанцев за нарушение мира в обществе. Этот вопрос будет развит далее, после того, как мы объясним критерий для определения повстанческой деятельности.

32 *Багхи* на несправедливых основаниях является *фасад*, и обязанность добиваться справедливости и запрещать правонарушение требует от мусульман пресечь этот *фасад*. Аналогичным образом если правитель несправедлив, обязанность добиваться справедливости и запрещать правонарушение требует от мусульман попытаться устранить его, потому что он предается *фасад*. Следовательно, в этом нет никакого противоречия; скорее, это две стороны одной картины. Подробную дискуссию о доктрине *фасад фи л-ард* Корана см.: Abu 'l A'la Mawdudi, *al-Jihad fi 'l-Islam*, Idara-e-Tarjuman al-Qur'an, Lahore, 1974, pp. 105–117.

33 Известный правовед Ханафи Ибн Нуджаим определяет *сияса* как «действие правителя на основании *маслаха* (защита целей права), даже если нельзя процитировать никакого конкретного текста [Корана или Сунны] в качестве источника этого действия». Zayn al-'Abidin b. Ibrahim Ibn Nuja'um, *al-Bahr al-Rai'iq Sharh Kanz al-Daqa'iq*, Dar al-Ma'rifah, Beirut, n. d., Vol. 5, p. 11. Фукаха придали юридическую силу различным законодательным и административным мерам правителя на основании доктрины. Например, *фарамин* императоров Моголов или *каванин* оттоманских султанов охватывается доктриной *сияса*. Эта власть правителя, однако, не является абсолютной. Фукаха утверждают, что если правитель использует свою власть в границах общих принципов исламского права, это *сияса адила* (хорошее правление), и указания, издаваемые правителем в пределах его полномочий, обязательны для исполнения подданными. Однако если правитель выходит за эти пределы, это становится *сияса залима* (плохое правление) и такие указания правителя не имеют законной силы. Ibn 'Abidin, примечание 19 выше, т. 3, с. 162. Подробно о деталях доктрины *сияса*, см. фундаментальную работу блестящего Имама Ахмада б. Абд аль-Халима Ибн Таймийи (Imam Ahmad b. 'Abd al-Halim Ibn Taymiyyah): *al-Siyasah al-Shar'iyyah fi Islah al-Ra'i wa al-Ra'iyyah*, Majma' al-Fiqh al-Islami, Jeddah, n. d.

34 Коран, 5:33.

35 *Ibid.*, 48:9–10.

36 Правоведы школы Ханафи обычно упоминают нормы *хираба* (грабеж) в главе, посвященной *сарика* (воровство). См., например: Sarakhsi, примечание 5 выше, т. 9, с. 134 и далее. Некоторые из них, однако, упоминают нормы *хираба* в отдельной главе. Например, Казани сначала упоминает преступления *зина* и *кадф* в главе *Kitab al-Hudud* (Kasani, примечание 22 выше, т. 9, с. 176–274), после чего он упоминает преступление кражи в главе *Kitab al-Sariqah* (*ibid.*, т. 7, с. 275–359), а затем развивает нормы *хираба* в *Kitab Qutta' al-Tariq* (*ibid.*, т. 7, с. 360–375). И наконец, он начинает сложное обсуждение права войны в *Kitab al-Siyar* (*ibid.*, Vol. 7, pp. 376–550), посвящая последний раздел (фасл) нормам *багхи* (*ibid.*, т. 9, с. 543–550).

Безошибочным показателем для определения наличия *багхи* и для отличия его от *хирабы* является вопрос о том, ставится ли под сомнение легитимность правительства или системы теми, кто берется за оружие в борьбе против правительства. И если *мухарибин* не отрицают легитимности правительства или системы, *бугха* считают себя сторонниками справедливости и заявляют, что они стремятся к замене существующей незаконной и несправедливой системы законным и справедливым порядком. Выражаясь технически, можно сказать, что у *бугха* есть *та'вил* (правовое обоснование их борьбы).

Таким образом, у *багхи* есть два составляющих элемента:

1. Сильная группа устанавливает свою власть над частью земли, демонстрируя открытое неповиновение правительству (*мана'ах*, способность к сопротивлению); и
2. Эта группа ставит под вопрос легитимность правительства (*та'вил*).

Как у *мухарибин*, так и у *бугха* есть достаточно *мана'ах*, но у повстанцев есть *та'вил*, которого нет у *мухарибин*³⁷.

Правовой статус повстанцев в исламском праве: комбатанты или бандиты?

Проблема повстанческой деятельности ставила серьезные вопросы в областях теологии и законности, которые обе были очень важны для мусульманских правоведов. Однако юристы не только проводили различие между правовыми вопросами и вопросами теологии, но и отделяли вопросы *jus in bello* от вопросов *jus ad bellum*. Таким образом, они анализировали вопросы, касающиеся ведения военных действий во время повстанческой деятельности, независимо от того, справедливо ли было восстание, то есть не принимая ни чьей стороны, — подход, принятый исследователями международного гуманитарного права (МГП) в современном мире³⁸.

Прежде чем мы разъясним, когда уголовное право перестает применяться в случае восстания, уместно кратко обратиться к различным категориям преступлений в исламском праве.

37 Sarakhsi, примечание 5 выше, т. 10, с. 136. Как уже отмечалось, вопрос о том, кто будет решать, является ли правомерным *та'вил* этих повстанцев, не беспокоит *фукаха*. Они сосредоточивают внимание только на кодексе ведения военных действий (*адаб аль-киталь*) в ходе повстанческой деятельности, независимо от того, справедливо восстание или нет. Таким образом, Сарахси говорит, что даже если *та'вил* повстанцев неправомерен, считается, что его достаточно, чтобы приостановить действие норм *кисас*, *дийа* и *даман*. *Ibid.*

38 В этом анализе я, главным образом, опиралась на работы правоведов школы Ханафи, а не смешивала взгляды различных школ, потому что методология *талфик*, или «слияния», — смешение и сочетание мнений, основанных на различных и иногда конфликтующих принципах — ведет к аналитической непоследовательности. Однако я добавила ссылки на взгляды других правоведов в примечаниях.

Категории преступлений в исламском праве

В отличие от других правовых систем, в которых преступления обычно считаются нарушениями прав государства, исламское право разделяет преступления на четыре различные категории в зависимости от характера нарушенного права³⁹:

- a) *хадд* является конкретным преступлением, которое считается нарушением права Бога⁴⁰;
- b) *тазир* является нарушением права отдельного лица⁴¹;
- c) *кисас*, включая *дийа* и *арш*, считается нарушением смешанного права Бога и отдельного лица, в котором право отдельного лица рассматривается как преобладающее⁴²; и
- d) *сияса* является нарушением права государства⁴³.

Характер прав определяет применение различных норм и принципов исламского уголовного права. Государство не может помиловать в случае наказаний *хадд*, потому что они рассматриваются как права Бога и поэтому только Бог может освободить от этих наказаний⁴⁴. Аналогичным образом государство не имеет полномочий освободить от наказаний *тазир*, хотя пострадавшее лицо или его законные наследники могут простить нарушителя или пойти с ним на компромисс⁴⁵. Так же обстоят дела с наказаниями *кисас*⁴⁶. Можно считать часть уголовного права, касающуюся *хадд*, *тазир*, *кисас* и *дийа*, жестко установленной, потому что государство играет очень небольшую роль в этой области. Однако государство может вынести решение о помиловании или смягчить наказание *сияса*, потому что оно рассматривается как право государства.

Как мы увидим ниже, когда *мана'ах* сочетается с *та'вил*, то есть когда имеет место восстание, уголовное право, касающееся первых трех категорий прав, прекращает применяться. Только та область, которая связана с правом государства (*сияса*), остается применимой. Важно, что эта часть уголовного права является гибкой, поскольку правительство может освободить от наказания или смягчить его. Это становится основанием для любых объявлений амнистии для повстанцев, а также для заключения мирных соглашений с ними.

39 См.: Imran Ahsan Khan Nyazee, *General Principles of Criminal Law: Islamic and Western*, Advanced Legal Studies Institute, Islamabad, 1998.

40 *Хадд кадфа* (ложное обвинение в совершении незаконного полового сношения) рассматривается как смешанное право Бога и отдельного лица, но право Бога считается превалирующим. Kasani, примечание 22 выше, т. 9, с. 250.

41 *Ibid.*, т. 9, с. 273.

42 Эти наказания являются полномочиями Бога, и поэтому пределы наказания считаются «установленными», но поскольку право отдельного лица преобладает, пострадавшее лицо или его/ее законные наследники могут помиловать нарушителя или достичь компромисса с ним.

43 Ibn 'Abidin, примечание 19 выше, т. 3, с. 162.

44 Kasani, примечание 22 выше, т. 9, с. 248–250.

45 *Ibid.*, т. 9, с. 273–274.

46 *Ibid.*

Временное прекращение действия основной части уголовного права во время восстаний

Мухаммад б. аль-Хасан аль-Шайбани, отец мусульманского международного права, утверждает: «Когда повстанцы раскаиваются и принимают предписания правительства, их не следует наказывать за причиненный ими ущерб [в ходе восстания]»⁴⁷. Разъясняя эту норму, известный юрист Ханафи Абу Бакр аль-Сарахси говорит:

«Это означает, что от них не следует требовать компенсации за ущерб, причиненный жизни и имуществу [стороны противника]. Он имеет в виду: когда они причинили ущерб после того, как организовали свою группу и достигли *мана'ах*. Что касается ущерба, который они причинили до этого, от них следует потребовать компенсации, потому что [на этом этапе] правило заключалось в том, чтобы убедить их и заставить соблюдать право. Поэтому их неправомерный *та'вил* не будет рассматриваться в качестве достаточного для приостановления действия нормы, требующей компенсации до того, как они получили *мана'ах*»⁴⁸.

Шайбани сам упоминает аналогичную норму, когда говорит: «Когда те, кто восстает, не имеют *мана'ах*, и только один или два человека из города ставят под вопрос легитимность правительства и берутся за оружие против него, а затем просят *аман* [мира], их заставят соблюдать право в полном объеме»⁴⁹. Сарахси разъясняет эту норму следующими словами: «...потому что они подобны грабителям, и мы уже разъяснили, что если в *та'вил* нет *мана'ах*, он не обладает юридической силой [то есть не может приостановить действие нормы, касающейся компенсации]»⁵⁰.

Шайбани далее четко заявляет, что даже если правительство и повстанцы заключают мирный договор на условии, что от повстанцев не потребуют компенсации за ущерб, причиненный ими до того, как они достигли *мана'ах*, это условие не будет иметь юридической силы, и их заставят исполнить закон:

«Если повстанцы причинили ущерб, который вызвал потери жизни и уничтожение имущества до того, как они восстали и начали сражаться, а после восстания они заключили мирный договор на условии,

47 Sarakhsi, примечание 5 выше, с. 136. Правовед школы Шафии Абу Ишак аль-Ширази говорит: «Если пленный из числа повстанцев принимает власть правительства, его следует освободить. Если он не признает власти правительства, он должен быть заключен в тюрьму до конца военных действий, после чего он должен быть освобожден на условии, что он не будет участвовать в войне». Shirazi, примечание 2 выше, т. 3, с. 404.

48 Sarakhsi, примечание 5 выше, с. 136.

49 *Ibid.*, р. 141. Такую точку зрения предпочитает школа Шафии. Shirazi, примечание 2 выше, т. 3, с. 406.

50 Sarakhsi, примечание 5 выше, с. 141.

что этот ущерб не будет компенсирован, это условие не будет иметь юридической силы и нормы *kisas* и выплаты компенсации за ущерб, нанесенный имуществу, будут применимы по отношению к ним»⁵¹.

Это не приравнивается к предательскому поступку. Принятие этого условия скорее можно приравнять к нарушению основополагающих норм исламского права. Поэтому данное положение считается *ultra vires* и как таковое является потерявшим законную силу. Сарахси развивает принцип, лежащий в основе этой нормы, следующими формулировками:

«...поскольку эта компенсация является обязательной в качестве права отдельного лица [чьей жизни или чьему имуществу причинен вред], и правитель не имеет полномочий отменить действие прав отдельных лиц. Следовательно, условие, выдвигаемое их стороной, относительно прекращения действия нормы, предусматривающей компенсацию, является юридически недействительным»⁵².

Однако, как уже говорилось, от них не потребуют компенсации за ущерб, который они причинили после достижения *мана'ах*, в точности так же, как немусульманские комбатанты не должны компенсировать ущерб, причиненный ими во время войны, даже после того, как они принимают ислам⁵³. Сарахси говорит:

«После того, как они достигают *мана'ах*, становится практически невозможно обеспечить выполнение ими предписаний правительства. Поэтому их *та'вил* — хотя и неправомерный — должен иметь силу приостановить действие нормы, касающейся компенсации с их стороны, подобно тому, как *та'вил* людей, ведущих войну [комбатантов — немусульман] после того, как они принимают ислам»⁵⁴.

Кроме того, Сарахси приводит в этом отношении пример из жизни сподвижников Пророка. Имам Ибн Шихаб аль-Зухри говорит о вердикте,

51 Sarakhsi, примечание 5 выше, р. 138. У правоведов школы Шафии несколько отличающийся подход. Ширази говорит: «Если повстанцы и правительственные силы причиняют вред жизни и имуществу друг друга не во время активных военных действий (*фи гаир аль-китал*), компенсация (*даман*) обязательна... Если правительственные силы причиняют вред жизни и имуществу повстанцев во время войны, компенсация не требуется... Если повстанцы причиняют вред правительственным силам во время войны, существуют два мнения... Предпочитается то из них, согласно которому компенсация не требуется». Shirazi, примечание 2 выше, т. 3, с. 405—406. Эта норма применяется, когда повстанцы уже достигли *мана'ах*. Если же они причиняют вред до достижения *мана'ах*, их заставят выплатить компенсацию. *Ibid.*, т. 3, с. 409. Правило будет то же самое, если у них есть *мана'ах*, но нет *та'вил*. *Ibid.*

52 *Ibid.*, р. 139.

53 Внутригосударственное право стороны в конфликте, включая уголовное право, не применяется в отношении действий (или бездействия) комбатантов другой стороны. Это необходимое следствие признания статуса комбатанта. Поскольку исламское право признает этот статус для иностранцев — не мусульман, оно признает и это необходимое следствие. Эта норма действует, даже если эти не мусульмане затем принимают ислам, потому что исламское право не допускает обратного действия уголовного права.

54 *Ibid.*, р. 136.

вынесенном сподвижниками Пророка на основании консенсуса и касающемся гражданской войны между мусульманами:

«Во время *фитна* [войны между мусульманами] присутствовали многие сподвижники Пророка. Они постановили единодушно, что не может быть никакой земной компенсации или наказания за убийство, совершенное на основании *та'вил* Корана, за половое сношение, установленное на основании *та'вил* Корана, и за ущерб, нанесенный имуществу на основании *та'вил* Корана. И если что-то остается в их руках, оно должно быть возвращено истинному владельцу»⁵⁵.

Следует отметить здесь, что временное прекращение действия уголовного права или мирского наказания не означает, что действия повстанцев были законными. Шайбани утверждает, что если повстанцы признают, что их *та'вил* неправилен, им посоветуют компенсировать ущерб, который они причинили, хотя юридически их нельзя заставить сделать это. «Я посоветую им посредством *фетвы* компенсировать ущерб, который они причинили людям и имуществу. Но я не буду применять для этого мер принуждения на основании права»⁵⁶. Сарахси объясняет это решение так:

«...[п]оскольку они являются благочестивыми мусульманами и признают, что их *та'вил* был неправилен. Однако полномочие применять право в отношении их исчезает после того, как они получили *мана'ах*. Вот почему с правовой точки зрения их нельзя заставлять компенсировать ущерб, но следует издать *фетву*, потому что они будут нести ответственность за это перед Богом»⁵⁷.

В отличие от повстанцев банда грабителей, которые обладают *мана'ах*, но у которых нет *та'вил*, должны будут компенсировать ущерб и будут наказаны за неправомерные деяния. Сарахси говорит:

«...[п]оскольку для бандитов *мана'ах* существует без *та'вил*, и мы уже объяснили, что норма изменяется для повстанцев только когда *мана'ах* сочетается с *та'вил*, и что норма, касающаяся компенсации за ущерб, не изменяется, если существует одно из этих двух без другого»⁵⁸.

55 Sarakhsi, примечание 5 выше, с. 136. Ширази приводит тот же самый прецедент: Shirazi, примечание 2 выше, т. 3, с. 406. Муваффах аль-Дин Ибн Кудамах аль-Макдизи, знаменитый правовед школы Ханбали, говорит: «Если повстанцев нельзя поставить под контроль, не убивая их, разрешено убить их, и это не будет грехом, за это не требуется компенсации, и те, кто убил их, не должны искупать этот грех». Muwaffaq al-Din Ibn Qudamah al-Maqdisi, *Al-Mughni Sharh Mukhtasar al-Khiraqi*, Maktabat al-Riyad al-Hadithah, Riyadh, 1981, Vol. 8, p. 112. Далее он говорит: «И повстанцы также не обязаны компенсировать ущерб, который они причинили людям и имуществу во время войны». *Ibid.*, с. 113.

56 Sarakhsi, примечание 5 выше, с. 136.

57 *Ibid.*

58 *Ibid.*, с. 142. Мы уже отмечали, что школа Шафии придерживается той же самой позиции. Shirazi, примечание 2 выше, т. 3, с. 409.

Таким образом, исламское право признает некоторые важные права тех, кто сражается в гражданской войне или, если использовать терминологию МГП, в немеждународном вооруженном конфликте⁵⁹.

Проведение различия между повстанцами-мусульманами и повстанцами-немусульманами: правовые последствия

Мусульманские юристы не применяют право *багхи* в отношении повстанцев, когда все повстанцы не являются мусульманами; они применяют его, только когда повстанцы-немусульмане сражаются вместе с повстанцами-мусульманами или когда все повстанцы являются мусульманами. Когда все повстанцы являются немусульманами, правоведы применяют к ним общий кодекс ведения войны⁶⁰, который применим к другим *аль-харб*⁶¹. Правоведы обсуждают этот вопрос в рамках окончания контракта *дхимма*⁶².

В соответствии с исламским правом договорные отношения существуют между мусульманским правительством и жителями — немусульманами *дар аль-ислама*. Заклучив контракт *дхимма*, мусульманский правитель гарантирует защиту жизни и имущества, а также свободу религии немусульманам, которые соглашаются соблюдать право страны и платить *джизья* (подушный налог). Правоведы считают, что контракт *дхимма* прекращает действовать только в результате одного из следующих действий: во-первых, когда *дхимми* селятся постоянно за пределами *дар аль-ислама*⁶³; и во-вторых, когда сильная группа немусульман, имеющая достаточно *мана'ах*, восстает против мусульманского правительства⁶⁴.

59 M. Hamidullah, примечание 14 выше, с. 167—168.

60 Общий кодекс ведения войны в исламском праве не только проводит различие между законными и незаконными целями, но и налагает ограничения на средства и методы ведения войны. К ним относятся, среди прочего, запрет на нападение на некомбатантов, запрет на нанесение увечий, запрет на произвольное уничтожение имущества, обязанность соблюдать договорные положения, допустимость военных хитростей и запрет вероломства. Подробное сравнение положений исламского *jus in bello* и современного права вооруженных конфликтов см. в работе: Muhammad Mushtaq Ahmad, *Jihad, Muzahamat awr Baghawat Islami Shari'at awr Bayn al-Aqwami Qanun ki Roshni taun*, Shariah Academy, Gujranwala, 2008, pp. 295—478, 583—594, and 631—668. См. также: Ameer Zemmali (ed.), *Maqalat fi 'l-Qanun al-Dawli al-Insani wa 'l-Islam*, ICRC, Geneva, 2007.

61 Abu Bakr Muhammad b. Abi Sahl al-Sarakhsi, *Sharh al-Siyar al-Kabir*, Dar al-Kutub al-'Ilmiyyah, Beirut, 1997, Vol. 4, p. 164. Можно сравнить это с понятием международного вооруженного конфликта в современном международном правовом порядке.

62 По мнению мусульманских правоведов, исламское государство имеет договорные отношения с немусульманами, живущими на его территории на постоянной основе. Этот контракт называется «*дхимма*» (буквально: контракт который предусматривает наказание (*дхамм*) в случае его нарушения). В силу этого контракта *дхимма* исламское государство гарантирует равную защиту жизни и имущества своим немусульманским гражданам. Подробно см.: Kasani, примечание 22 выше, т. 9, с. 426—458.

63 На современном языке можно сказать, что исламское право не признает понятия «двойного гражданства». Можно отметить здесь, что пакистанское право также не признает этого понятия. См.: Section 14 of the Pakistan Citizenship Act, 1951.

64 Упоминается и третий фактор, а именно переход в ислам. Kasani, примечание 22 выше, т. 7, с. 446. Однако это, конечно, не является причиной утраты права на постоянное проживание в *дар аль-исламе*.

Таким образом, договор *дхимма* не прекращается из-за любого из следующих действий:

- отказ платить *джизья*;
- уничижительные высказывания в адрес ислама или Корана;
- кощунственные высказывания о Пророках (мир Им);
- принуждение мусульманина отказаться от своей религии; или
- прелюбодеяние с мусульманской женщиной⁶⁵.

Правоведы считают эти деяния преступлениями, наказуемыми в соответствии с правом страны⁶⁶. К немусульманам, которые селятся на постоянной основе за пределами *дар аль-ислама*, относятся как к простым иностранцам⁶⁷, а с немусульманскими повстанцами обращаются так же, как и с простыми комбатантами противника, не являющимися мусульманами⁶⁸.

Окончательный вывод заключается в том, что как мусульмане, так и немусульмане — повстанцы считаются комбатантами, и право войны в полном объеме к ним применимо. Однако если некоторые или все повстанцы являются мусульманами, право налагает дальнейшие ограничения на полномочия правительства. Например, исламское право запрещает нападения на женщин и детей как в общем праве войны, так и в его специальном законе *багхи*⁶⁹, а нормы ганима, применяющиеся к имуществу противника, не применимы к имуществу повстанцев, независимо от того, мусульмане они или нет⁷⁰.

Статус комбатанта, признаваемый исламским правом за повстанцами, как мусульманами, так и немусульманами, является сильным стимулом для повстанцев соблюдать право войны. Благодаря этому статусу общее уголовное право страны не применяется к ним. Другими словами, их можно наказать, только если они нарушают право войны. Более того, дополнительные ограничения, касающиеся мусульман-повстанцев, могут

65 Kamal al-Din Muhammad Ibn al-Humam al-Iskandari, *Fath al-Qadir 'ala 'l-Hidayah*, Dar al-Kutub al-'Arabiyyah, Cairo, n. d., Vol. 4, p. 381. Правоведы, не принадлежащие к школе Ханафи, считают, что договор *дхимма* прекращает действовать из-за любого из этих деяний, хотя некоторые считают, что это справедливо только если в договоре упоминается, что этих деяний следует избегать. Ibn Qudamah, примечание 55 выше, т. 8, с. 525; Shams al-Din Muhammad b. Muhammad al-Khatib al-Shirbini, *Mughni al-Muhtaj ila Sharh al-Minhaj*, Matba'at al-Halbi, Beirut, 1933, Vol. 4, p. 258.

66 Iskandari, примечание 65 выше, т. 4, с. 381.

67 Burhan al-Din 'Ali b. Abi Bakr b. 'Abd al-Jalal al-Farghani al-Marghinani, *Al-Hidayah fi Sharh Bidayat al-Mubtadi*, Dar al-Fikr, Beirut, n. d., Vol. 2, p. 405.

68 Shaybani, примечание 61 выше, т. 4, с. 164; Iskandari, примечание 65 выше, т. 4, с. 382. Можно здесь заметить, что прекращение действия договора *дхимма* некоторыми немусульманами не влияет на правовой статус тех, кто не прекратил его. Iskandari, примечание 65 выше, т. 4, с. 253; Shirbini, примечание 65 выше, т. 4, с. 258; Ibn Qudamah, примечание 55 выше, т. 8, с. 524.

69 Однако на них можно нападать, если они участвуют в военных действиях непосредственным образом.

70 Это мнение правоведов школы Шафии: Shirazi, примечание 2 выше, т. 3, с. 406—407. Правоведы школы Ханафи считают, что дополнительные запретительные нормы кодекса повстанческой деятельности применимы только к мусульманам: Sarakhsi, примечание 5 выше, т. 10, с. 137.

также быть приняты международным сообществом в качестве общих норм, применимых ко всем повстанцам посредством международного договора⁷¹. И наконец, поскольку исламский закон *багхи* является частью священного права, повстанцы-мусульмане не могут отрицать обязательный характер этого закона и не могут заявлять, что он был установлен посредством договоров, участниками которых они не являются.

Правовые последствия фактической власти повстанцев

Исламское право признает некоторые важные правовые последствия фактической власти, осуществляемой повстанцами. Это хорошо, поскольку является еще одним стимулом для повстанцев соблюдать право войны. Правоведы подробно разработали различные аспекты этой фактической власти, и мы рассмотрим здесь четыре важных положения, выведенных в порядке логического рассуждения.

Сбор средств повстанцами

Если повстанцы получают средства — то есть *харадж*, *закат*, *'ушр* и *хумс*⁷² — от людей, живущих на территории, находящейся под их контролем, центральное правительство не может собирать эти средства снова, даже если впоследствии оно восстанавливает свой контроль над этой территорией⁷³. Причина, упоминаемая в знаменитом тексте Ханафи аль-Хидайя, такова: «Правитель может собирать средства, только когда он обеспечивает безопасность своих подданных, а [в этом случае] он не обеспечил им безопасности»⁷⁴. Здесь правоведы обсуждают важный вопрос.

71 Исламское право разрешает мусульманскому правителю заключать договоры с немусульманами для регулирования ведения военных действий и для ограничения власти участников договоров. Sarakhsi, примечание 51 выше, т. 1, с. 210—214.

72 *Харадж* обозначает налог, выплачиваемый немусульманами мусульманскому правительству по условиям мирного соглашения. См.: Muammad Rawwas Qal'aji, *Mu'jam Lughat al-Fuqaha'*, Dar al-Nafa'is lil-Nashr wa al-Tawzi', Beirut, 2006, p. 194. Сюда входит *джизья* (*ibid.*, с. 164). *Закат* — это средства, собираемые со сбережений богатых мусульман в размере 2,5% в год. Они рассматриваются как *'ибада* (поклонение, исполнение своих религиозных обязанностей). *Ibid.*, с. 233. *'Ушр* — это налог в 10% на урожай мусульман в неорошаемых районах. Если урожай собирается на орошаемых землях, норма будет 5%, и в этих случаях он называется *нисф аль-'ушр* (половина от 10%), *Ibid.*, с. 312. *Хумс* — это поступления, составляющие 20-процентный налог на минералы (*ма'адин*) и клады (*кунуз*). *Ibid.*, с. 201.

73 Marghinani, примечание 67 выше, т. 2, с. 412. Профессор Имран Асан Хан Ниязи перевел соответствующий отрывок аль-Хидайя следующими словами: «То, что повстанцы собрали в виде *хараджа* и *'ушра* с земли, которую они стали контролировать, не может быть вновь собрано имамом». *Al-Hidayah: The Guidance*, Amal Press, Bristol, 2008, Vol. 2, p. 343. У правоведов школы Шафии другой подход. Они говорят, что *закат* не должен собираться, а *джизья* должна, в отношении же *хараджа* существуют два мнения. Shirazi, примечание 2 выше, т. 3, с. 407. Того же мнения придерживаются правоведы Ханбали. Ibn Qudamah, примечание 55 выше, т. 8, с. 118—119.

74 Marghinani, примечание 67 выше, т. 2, с. 412.

С точки зрения исламского права *закат* и *'ушр* являются не только категориями финансовых поступлений, но и действием поклонения (*'ибада*). Вот почему встает вопрос относительно того будут ли те, кто заплатил *закат* и *'ушр* повстанцам, *обязаны перед Богом* заплатить снова законным властям (центральному правительству). Ответ таков: у них будет такая обязанность перед лицом Господа, только если повстанцы тратят эти деньги противоправным образом⁷⁵.

Решения судов в *дар аль-багхи*

Мусульманские правоведы обсуждали различные аспекты полномочий судов в *дар аль-багхи*. Мы проанализируем три значимых пункта этих дебатов. Во-первых, разрешено ли кому-либо с квалификацией судьи принять назначение на такую должность под властью повстанцев, если сам этот человек отрицает легитимность их власти? Вот ответ, который дают юристы: такой человек должен принять это назначение и выносить решения по делам в соответствии с положениями исламского права, даже если он не признает легитимности власти, назначающей его на должность. Шайбани говорит:

«Если повстанцы начинают контролировать город и назначают судьей не поддерживающего их человека из числа жителей этого города, он должен обеспечивать применение *худуд* и *кисас* и решать споры между людьми в соответствии с нормами справедливости. У него нет другого выбора»⁷⁶.

В связи с этим юристы часто приводят в пример прецедент со знаменитым кади Шураи, который не только принял назначение судьей от халифа Умара б. аль-Хаттаба, но и действовал в качестве судьи в Куфе во время тиранического правления халифа Омейядов Абд аль-Малика б. Марвана и губернаторства аль-Хаджаджа б. Юсуфа. Блестящий правовед школы Ханафи Абу Бакр аль-Джассас напоминает об этом случае, говоря, что «среди арабов, и даже среди клана Марванов, Абд аль-Малик был наилучшим среди тиранов, среди тех, кто нарушает закон и подавляет, а среди его губернаторов наилучшим был аль-Хаджадж»⁷⁷.

Еще одним прецедентом, о котором напоминают правоведы, является случай с Умаром б. Абд аль-Азизом (да помилует его Аллах), знаменитым халифом Омейядов, который, стараясь восстановить систему *Кулафа аль Рашидин*, не назначал вновь судей, назначенных предыдущим

75 Marghinani, примечание 67 выше, т. 2, с. 412.

76 Sarakhsi, примечание 5 выше, т. 10, с. 138. Ибн Кудам говорит: «Когда повстанцы назначают судьей человека, обладающего квалификацией для этой должности, его юридическое положение аналогично положению судьи центрального правительства». Ibn Qudamah, примечание 55 выше, т. 8, с. 119.

77 Jassas, примечание 3 выше, т. 1, с. 99.

халифом Омейядов, — тот считался тираном. Сарахси объясняет юридические принципы, лежащие в основе этого правила, следующим образом:

«Решение споров в соответствии с нормами правосудия и защита угнетаемых от угнетателей являются частью значения выражения «требовать права и запрещать правонарушения», что является обязанностью каждого мусульманина. Однако один из подданных не может навязывать свои решения другим. Когда это стало возможным для него благодаря власти того, кто назначил его, он должен решать в соответствии со своими обязанностями, независимо от того, справедлива ли власть, назначившая его. Это так, потому что условием законности назначения является способность обеспечить выполнение решений, и здесь это условие выполнено»⁷⁸.

Вторым вопросом является правомерность решений судов *дар аль-багхи*. Юристы заложили основной принцип, в силу которого, если судья *дар аль-багхи* направляет свое решение судье *дар аль-адль*, оно не будет принято последним⁷⁹. Сарахси упоминает две причины существования этой нормы:

1. Для судов *дар аль-адль* повстанцы являются грешниками (*фуссак*), и показания и решения тех, кто совершает тяжкие грехи, неприемлемы. Другими словами, суды *дар аль-багхи* не обладают полномочиями налагать обязанности на суды *дар аль-адль*.
2. Повстанцы не признают неприкосновенности жизни и имущества людей *дар аль-адль*. Поэтому существует возможность, что суд *дар аль-багхи* принял решение на незаконном основании⁸⁰.

Однако если судья *дар аль-адль* после рассмотрения решения судьи *дар аль-багхи* приходит к выводу, что решение по делу вынесено на законных основаниях, например, когда он знает, что свидетели не были повстанцами, он исполнит это решение⁸¹. Если же неизвестно, были свидетели повстанцами или нет, суд *дар аль-адль* не будет обеспечивать исполнение этого решения, «потому что в отношении человека, который живет под властью повстанцев, существует презумпция, что он является одним из них. Поэтому судья [*дар аль-адль*] будет действовать, исходя из этого, если нет доказательств противного»⁸². Окончательный вывод заключается в том, что исполнение решений судов *дар аль-багхи* не будет обеспечи-

78 Sarakhsi, примечание 5 выше, т. 10, с. 138.

79 *Ibid.*, т. 10, с. 142. Юристы школы Шафии утверждают, что судье *ахль аль-адль* лучше не принимать решение судьи *ахль аль-багхи*. Однако если он принимает его и принимает соответствующее решение, его выполнение будет обеспечено. Shirazi, примечание 2 выше, т. 3, с. 407. Правоведы школы Ханбали придерживаются того же мнения. Ibn Qudamah, примечание 55 выше, т. 8, с. 120.

80 Ширази говорит, что решения судьи повстанцев не будут проводиться в жизнь, только если он не верит в неприкосновенность жизни и имущества *ахль аль-адль*. Shirazi, примечание 2 выше, т. 3, с. 407.

81 Sarakhsi, примечание 5 выше, т. 10, с. 138.

82 *Ibid.*

ваться судами *дар аль-адль*, если после тщательного изучения этого решения последние не приходят к выводу, что оно законно.

Третья проблема касается правового статуса решений судов *дар аль-багхи* после того, как центральное правительство возвращает себе контроль над территорией. Шайбани говорит:

«Повстанцы захватывают контроль над городом и назначают там судью, который разрешает многие споры. Затем, когда центральное правительство вновь захватывает этот город и решения этого судьи оспариваются перед судьей *ахль аль-адль*, он обеспечит исполнение только тех решений, которые являются законными»⁸³.

Если такие решения являются правомерными в соответствии с одной школой исламского права и неправомерными согласно другой школе, они будут считаться законными, даже если судья *ахль аль-адль* принадлежит к школе, которая считает их неправомерными, «потому что решения судьи в спорных случаях [когда правоведы не согласны друг с другом] должны исполняться»⁸⁴. Это значит, что только те решения судов *дар аль-багхи* будут признаваться недействительными, которые противоречат общему мнению всех правоведов. Более того, такие решения будут считаться недействительными, только если они оспариваются пострадавшей стороной в судах *ахль аль-адль*. Таким образом, обычно дела, по которым приняты решения судов *дар аль-багхи*, не рассматриваются вновь⁸⁵.

Договоры повстанцев с иностранной державой и их правовые последствия для сторонников центрального правительства

Мирный договор в исламском праве считается категорией более широкой доктрины *аман*⁸⁶. Один из основополагающих принципов *аман* заключается

83 Sarakhsi, примечание 5 выше, т. 10, с. 142. Юристы школы Шафии считают, что решения судов повстанцев не должны отвергаться даже после того, как территорию вновь начинает контролировать центральное правительство, потому что такие решения, как предполагается, основаны на *иджтихад*. Shirazi, примечание 2 выше, т. 3, с. 407.

84 Sarakhsi, примечание 5 выше, т. 10, с. 142. См. также: Ibn Qudamah, примечание 55 выше, т. 8, с. 120.

85 Это известно как доктрина «прошлых и закрытых дел». Есть интересный пример применения этой доктрины в пакистанской судебной истории, когда некоторые судьи Верховного суда «восстали» против тогдашнего председателя Верховного суда Саджада Али Шаха. В конце концов был сделан вывод, что после так называемого Дела судей (*Al-Jehad Trust v. Federation of Pakistan*, PLD 1996 SC 324) судья Шах не имеет квалификации для того, чтобы и дальше занимать пост председателя Верховного суда, потому что он не был самым старшим судьей Верховного суда. Однако дела, решения по которым были вынесены Шахом, когда он был «председателем Верховного суда *de facto*», не открывались вновь на основании доктрины прошлых и закрытых дел. *Malik Asad Ali v. Federation of Pakistan*, 1998 SCMR 15; см. также: Hamid Khan, *Constitutional and Political History of Pakistan*, Oxford University Press, Karachi, 2001, pp. 274—275.

86 Казани подразделяет *аман* на две основные категории: *аман му'аббат* (также называемый *джимма*) и *аман му'аккат*. См.: Kasani, примечание 22 выше, т. 9, с. 411. Первый является договором о постоянном мире, посредством которого немусульманская сторона соглашается платить *джизья* мусульманам, и поэтому получает право на постоянное проживание в дар аль-ислам, а мусульма-

в том, что каждый мусульманин уполномочен предоставить *аман* отдельному лицу или даже группе немусульман, при условии, что тот, кто это делает, является частью сильной группы, которая обладает *мана'а*⁸⁷. Этот *аман*, предоставленный отдельным мусульманином, является обязательным для исполнения всеми мусульманами⁸⁸. Следовательно, все мусульмане обязаны защищать жизнь и свободу человека, которому отдельный мусульманин или группа мусульман предоставила *аман*⁸⁹.

На основании этих принципов юристы четко заявляли, что если повстанцы заключают мирный договор с немусульманами, центральному правительству не разрешено сражаться с этими немусульманами в нарушение этого мирного договора⁹⁰. Однако если мирный договор заключен на условии, что немусульманская сторона будет поддерживать повстанцев в их борьбе против центрального правительства, этот договор не будет считаться имеющим законную силу *аманом* и немусульмане не будут рассматриваться как *муста'минин*. Сарахси объясняет это следующим образом:

«Потому что *муста'мин* — это тот, кто входит в *дар аль-ислам* после обещания не сражаться с мусульманами, хотя эти люди входят в *дар аль-ислам* именно с целью воевать с теми мусульманами, которые поддерживают центральное правительство. Поэтому мы знаем, что они не *муста'минин*. Более того, когда *муста'минин* [войдя в *дар аль-ислам*] организуют группу для того, чтобы сражаться с мусульманами, и принимают действия против них [мусульман], это считается нарушением *амана* с их стороны. Поэтому это намерение [сражаться с мусульманами] должно лишать юридической силы *аман* с самого начала»⁹¹.

не гарантируют им защиту жизни и свободу. Второй подразделяется далее на *аман ма'руф* (обычный *аман*), который предоставляется тем, кто хочет войти в *дар аль-ислам* на какое-то время, и *мувада'а* (мирный договор), который заключается с иностранной группой немусульман, которые хотят установить миролюбивые отношения. *Мувада'а* может касаться конкретного времени (*му'акката*) или нет (*мутлака*). *Ibid.*, т. 9, с. 424.

87 Вот почему пленный мусульманин, содержащийся под стражей у противника, или мусульманский торговец в чужой стране не может предоставить *аман*. Shaybani, примечание 51 выше, т. 1, с. 213.

88 *Ibid.*, т. 1, с. 201.

89 Однако мусульманский правитель обладает полномочиями запретить своим подданным предоставлять *аман* в конкретной ситуации, если кто-то делает это после такого запрета, *аман* не имеет силы. *Ibid.*, т. 1, с. 227. Более того, мусульманский правитель имеет также полномочие прекращать действие *аман*, предоставленного одним или несколькими его подданными, но он не может принимать меры против тех, кому *аман* был предоставлен, если только он не предупреждает их заранее о прекращении действия *амана* и не предоставляет им возможности добраться до места, где они будут считать себя в безопасности (*ма'ман*). *Ibid.*, т. 2, с. 229.

90 Sarakhsi, примечание 5 выше, т. 10, с. 141. И не только это, но *фуаха* также устанавливает, что если повстанцы захватывают имущество этих *ахль аль-мувада'а* в нарушение мирного договора, центральное правительство не должно покупать у них это имущество. Оно, скорее, должно посоветовать повстанцам возратить имущество законному владельцу. Если повстанцы сдаются или если правительство одерживает победу, правительство обязано возратить имущество законному владельцу. *Ibid.*

91 *Ibid.*, т. 10, с. 143. Юристы школ Шафии и Ханбали придерживаются такого же мнения, а Ширази и Ибн Кудам выдвигают тот же самый аргумент. Shirazi, примечание 2 выше, т. 3, с. 406; Ibn

Здесь важно отметить, что Сарахси считает территорию повстанцев частью *дар аль-ислама* и выстраивает свои аргументы, исходя из этого. Другими словами, хотя повстанцы установили свою фактическую власть над этой территорией, все же с точки зрения права она рассматривается как часть *дар аль-ислама*. Мы вернемся к этому вопросу ниже.

Нападение иностранной державы на повстанцев и юридическая ответственность центрального правительства

Как правило, не разрешается *ахль аль-адль* поддерживать повстанцев во время войны. Поэтому если во время войны между *ахль аль-адль* и повстанцами убит человек из *ахль аль-адль*, когда он находится на стороне повстанцев, ни *кисас*, ни *дийа* не налагаются на того, кто убил его, как и в случае, когда лицо убито, находясь на стороне немусульман⁹². Однако когда повстанцы подвергаются нападению со стороны иностранной державы, даже центральное правительство обязано поддержать повстанцев⁹³. Шайбани говорит, что это обязанность налагается даже на тех *ахль аль-адль*, которые временно уходят в *дар аль-багхи*:

«Та же обязанность налагается на тех *ахль аль-адль*, которые оказываются на территории повстанцев, когда на нее совершает нападение противник. У них нет другого выбора кроме того, чтобы сражаться для защиты прав и чести мусульман»⁹⁴.

Сарахси, как всегда убедительно, объясняет принцип, лежащий в основе этого решения, следующим образом:

«Поскольку повстанцы являются мусульманами, борьба в их поддержку придает уважение и силу религии ислама. Более того, сражаясь с нападающими, они защищают мусульман от их врагов. А защита мусульман от их врагов является обязательной для каждого, у кого есть возможность сделать это»⁹⁵.

Другими словами, даже когда две группы мусульман вступают в конфликт, ни одна из них не должна искать поддержки у немусульман⁹⁶. Их конфликт, таким образом, считается «внутренним делом» мусульманской общины, в которое немусульмане не должны вмешиваться.

Qudamah, примечание 55 выше, т. 8, с. 121. Этот же принцип применяется к любому договору центрального правительства с немусульманами об оказании военной помощи против мусульманских повстанцев.

92 Sarakhsi, примечание 5 выше, т. 10, с. 140.

93 Основанием для этой обязанности является тот факт, что даже после восстания повстанцы рассматриваются как мусульмане. *Ibid.*, т. 10, с. 107.

94 *Ibid.*

95 *Ibid.*

96 Shirazi, примечание 2 выше, т. 3, с. 404; Muhammad b. 'Arafah al-Dasuqi, *Hashiyah 'ala al-Sharh al-Kabir*, 'Isa al-Babi, Cairo, 1934, Vol. 4, p. 299; Mansur b. Yunus al-Buhuti, *Kashshaf al-Qina' 'an Matn al-Iqna'*, 'Alam al-Kutub, Beirut, 1983, Vol. 6, p. 164.

Власть de facto и легитимность

Значит ли все это, что исламское право придает некоторую легитимность восстанию? Ответом будет решительное «нет»! Статус комбатанта, как отмечалось ранее, предоставляется всем, кто участвует в войне, независимо от того, на правильной ли стороне они сражаются. Например, современное право вооруженных конфликтов применяется равным образом ко всем сторонам в конфликте, независимо от того, какая сторона на законных или незаконных основаниях применила силу. Во время международных вооруженных конфликтов статус комбатанта поэтому предоставляется личному составу всех вооруженных сил независимо от каких-либо аргументов *jus ad bellum*. Аналогичным образом мусульманские юристы признают статус комбатанта за повстанцами, когда их *мана'а* сочетается с *та'вил*, и не имеет значения правомерен или неправомерен их *та'вил*⁹⁷. Даже когда они утверждают, что *та'вил* повстанцев неправомерен, они признают за ними статус комбатантов, если их неправомерный *та'вил* сочетается с *мана'а*⁹⁸.

Мы также отмечали, что эта норма была установлена на основании единодушного мнения сподвижников Пророка⁹⁹. Далее, мы увидели, что основным источником исламского права *багхи* являются действия Али, который признавал статус комбатанта для тех, кто восстал против него, хотя *та'вил* этих повстанцев был, несомненно, порочным. Поэтому можно сделать вывод, что признание статуса комбатантов повстанцев не придает легитимности их борьбе.

Это также объясняется тем фактом, что правоведы рассматривают *дар аль-багхи* как часть *дар аль-ислам*, даже после того, как повстанцы устанавливают свой фактический контроль над этой территорией¹⁰⁰. Другими словами, правоведы признают необходимые последствия власти de facto повстанцев в *дар аль-багхи*, но все же они не признают этой власти de jure.

Выводы

Исламское право, касающееся повстанческой деятельности, предоставляет критерий *та'вил* плюс *мана'а* для установления факта существования вооруженного конфликта. Более того, оно проводит различие между повстанцами и обычной бандой грабителей, признавая статус комбатантов за повстанцами,

97 Sarakhsi, примечание 5 выше, т. 10, с. 136.

98 *Ibid.*

99 *Ibid.*

100 По мнению правоведов школы Ханафи, если человек захватывает имущество другого лица в одной *дар* и берет его в другую *дар*, он становится собственником этого имущества (*ibid.*, Vol. 10, p. 62). Однако если человек переносит такое имущество из *дар аль-адль* в *дар аль-багхи* или наоборот, он не становится его собственником, «потому что *дар ахль аль-адля* и *ахль аль-багхи* является единой» (*ibid.*, Vol. 10, p. 135).

а также необходимые последствия их фактической власти на территории, находящейся под их контролем. Следовательно, оно дает стимул повстанцам к соблюдению права войны, уменьшая тем самым страдания гражданских лиц и простых граждан во время восстаний или гражданских войн. В то же самое время исламское право устанавливает, что территория, находящаяся под фактическим контролем повстанцев, является *de jure* частью государства, в котором она находится. Таким образом, оно дает ответ тем, кто опасается, что предоставление статуса комбатанта повстанцам может придать легитимность их борьбе. В отличие от современного права вооруженных конфликтов, по большей части изложенном в договорах, участниками которых повстанцы не являются, исламское право, касающееся повстанческой деятельности, составляет неотъемлемую часть священного права и как такое является обязательным для исполнения всеми повстанцами, которые заявляют о том, что они мусульмане.

Даже немусульмане могут руководствоваться этим правом. Если все повстанцы являются немусульманами, с ними обращаются не как с повстанцами, но как с простыми комбатантами противника. В силу статуса комбатанта действие общего уголовного права страны прекращается, даже несмотря на то, что правительство может принимать меры карательного характера против повстанцев за нарушение мира. Это решение проблем, которые встают перед современным правом вооруженных конфликтов.

Исламское право признает некоторые важные правовые последствия фактической власти комбатантов, как мусульман, так и немусульман, на территории, находящейся под их контролем. Это дает еще один стимул для соблюдения права войны.

Когда к немусульманам присоединяются мусульмане или когда все повстанцы являются мусульманами, исламское право налагает некоторые *дополнительные* ограничения на власть государства. И только в этом последнем пункте исламское право проводит различие между повстанцами-мусульманами и повстанцами-немусульманами. Причина очевидна. Исламское право сформулировано в терминах «мусульманин — немусульманин», в то время как современное право вооруженных конфликтов проводит различие между гражданами и негражданами. Эта разница обнаруживается в самом характере двух систем. Однако эти дополнительные ограничения можно сделать применимыми ко всем повстанцам, как к мусульманам, так и немусульманам, заключив договоры, поскольку исламское право признает правомерность договоров, регулирующих ведение военных действий.



30 лет в Афганистане. Фотоотчет Альберто Каиро (фото из архива МККК)

.....

Ортопедической программой Международного Комитета Красного Креста (МККК) в Афганистане с 1992 г. руководит Альберто Каиро. «Международный журнал» обратился к нему с просьбой сделать свою подборку фотографий из фотоархива МККК, где представлены снимки, рассказывающие о работе организации в ситуациях конфликта по всему миру с 1860-х гг. по настоящее время¹. Сейчас в архиве имеется более 115 тыс. фотографий в цифровом формате.

Альберто родом из Италии. Прежде, чем стать физиотерапевтом, он изучал право. Начиная с 1987 г. Альберто провел три года в Джубе, Судан, работая в L'Organismo di Volontariato per la Cooperazione Internazionale (OVCI), итальянской неправительственной организации, помогающей детям-инвалидам. В 1990 г. он стал сотрудником МККК и был направлен в Кабул, в хирургический госпиталь для раненых на войне. За исключением короткой командировки в Сараево в 1993 г. по линии МККК, он никогда не покидал Афганистан. В 1994 г., во время гражданской войны в этой стране, он работал в отделе МККК по экономической безопасности, оказывая помощь перемещенным лицам, проживавшим в Кабуле. Сегодня он отвечает за работу семи ортопедических центров МККК в Афганистане, функционирующих в рамках программы физической реабилитации и социальной интеграции инвалидов.

Представляя свою подборку фотографий и комментарии к ним, Альберто делится своим личным опытом, который он приобрел, работая с людьми на различных этапах бурной истории современного Афганистана.

Присутствие МККК в Афганистане

МККК осуществляет свою деятельность в Афганистане с 1979 г. Сначала работа велась из Пакистана, а в 1987 г. была открыта делегация в Кабуле. Сегодня операция в Афганистане является самой крупной из всех операций, проводимых МККК по всему миру. В организации 130 иностранных и более чем 1400 местных сотрудников, они работают в Кабуле и четырнадцать других местах на территории страны.

Делегаты МККК регулярно посещают места содержания под стражей, находящиеся под контролем государств, контингенты которых входят в состав возглавляемых НАТО Международных сил содействия безопасности (ISAF), а также места содержания под стражей, находящиеся в ведении сил США и афганских властей. Цель таких посещений — мониторинг условий содержания заключенных и обращения с ними. В 2010 г. МККК также начал посещение лиц, удерживаемых вооруженной оппозицией. Более того, МККК помогает родственникам, разлученным в результате конфликта, поддерживать связь между собой, обмениваясь посланиями Красного Креста и осуществляя телефонные звонки, а также прилагает усилия по розыску членов семей, числящихся пропавшими без вести.

МККК оказывает помощь больнице в г. Шеберган, что на севере страны, и региональной больнице им. Мира Вайса, расположенной на юге. Обе больницы находятся в ведении министерства здравоохранения. Более 20 иностранных врачей, медсестер и административных сотрудников, находящихся в Кандагаре, оказывают поддержку персоналу больницы им. Мира Вайса. Кроме того, МККК предоставляет техническую и финансовую помощь десяти медцентрам Афганского Красного Полумесяца, а также добровольцам из числа местного населения, владеющим навыками оказания первой помощи, которые заботятся о здоровье жителей своих деревень. Помимо этого, МККК обеспечивает работу четырех пунктов первой помощи в районах, где конфликт все еще продолжается.

Среди наиболее важных видов деятельности МККК в Афганистане — задача гуманитарной помощи десяткам тысяч людей, которые были вынуждены покинуть свои дома из-за боевых действий. Эта работа проводится совместно с Афганским обществом Красного Полумесяца. В это же время инженеры МККК по водоснабжению тесно сотрудничают с местными водораспределительными предприятиями в рамках реализации программ в городах и сельских районах. Организация распространяет информацию о санитарно-гигиенических нормах среди учеников религиозных школ, среди тех, кто находится в местах содержания под стражей, а также проводит такую просветительскую работу непосредственно в семьях.

Напоминать сторонам конфликта об их обязанности защищать гражданское население и не причинять ему вреда — вот одно из основных направлений деятельности МККК по содействию соблюдению международного гуманитарного права (МГП) во всем мире. Организация также распространяет знания о международном гуманитарном праве среди представителей гражданского общества, правительственных органов и вооруженных сил, а также оппозиционных вооруженных группировок по всей стране.

1 Фотогалереи МККК см.: <http://www.icrc.org/eng/resources/photos/index.jsp> (дата последнего посещения 17 мая 2011 г.).



12/1989 © CICR/PIRALLA, Cédric

Провинция Тахар. Этнические туркмены-моджахеды готовятся к бою.

После вторжения советских войск, которое произошло в декабре 1979 г., при помощи Пакистана и стран Запада было немедленно организовано исламистское сопротивление. Крестьянин, помогавший своему раненому сыну, рассказал, что в его деревне командир потребовал выделить по два человека от каждой семьи. «А если кто-то откажется?», — спросил я. «Стыд и страх не дадут ему это сделать. В конце концов, куда он сможет спрятаться?» Командир обладал абсолютной властью. Избежать же призыва в правительственные войска можно было лишь двумя способами: бежать из страны или присоединиться к моджахедам. Иностранная пресса превозносила моджахедов до небес, называя их защитниками свободы, бесстрашными героями, мучениками. Однако при ближайшем рассмотрении окружающий их ореол быстро тускнел, моджахеды стали совершать серьезные преступления. Борьба за независимость своей страны не оправдывает несоизмеримые репрессалии кровную месть, тем более — то количество бомб, которые годами сбрасывались на гражданские кварталы осажденного Кабула. В то же время многих командиров открыто обвиняли в том, что они сколотили целые состояния, присвоив средства, поступавшие из-за рубежа.



12/1989 © CICR/PIRALLA, Cédric

Провинция Лагман. Караван верблюдов доставляет моджахедам оружие.

Советский Союз и афганское коммунистическое правительство тщетно пытались воспрепятствовать доставке оружия моджахедам: границу между Пакистаном и Афганистаном контролировать было невозможно. Когда в 1992 г. США и Россия договорились больше не поставлять вооружение действующим в стране группировкам, Афганистан уже был наводнен различными видами оружия. Обширные территории были заминированы, что сделало Афганистан одной из самых опасных в минном отношении стран, и это наследие сохранится на многие годы.



11/01/1989 © CICR/HALONEN, Pekka

Кабул. Транспортная колонна МККК везет грузы для заключенных тюрьмы «Пул-и-чарки».

С начала 1980-х гг. одно за другим стали закрываться западные посольства, иностранные компании и многие гуманитарные организации отзывали своих сотрудников. Тот факт, что МККК обосновывается в Афганистане, вызвал у многих одновременно и радость и удивление. Оказывают помощь заключенным? Коммунистический режим разрешил ими работать? Ни о чем подобном раньше и не слышали. Испытывая одновременно надежду и страх, афганцы поняли, что грядут серьезные перемены.



01/12/1988 © CICR/FRESARD, Claire

Кабул. Хирургический госпиталь МККК для раненых на войне, Карте Сех.

После советского вторжения в 1979 г. власти Афганистана отказывались разрешать деятельность МККК в стране, вынуждая организацию действовать с территории Пакистана. МККК было позволено вернуться лишь в 1987 г., благодаря политике «национального примирения». Сразу же был открыт госпиталь для раненых на войне. Там ежедневно совершались чудеса. Машины скорой помощи, принадлежащие МККК, пересекали линию фронта, которая шла вокруг Кабула, доезжали до пунктов первой помощи, которые были развернуты моджахедами на местах. Они забирали раненых и везли их обратно в столицу, контролируемую коммунистическим режимом. Власти гарантировали безопасный проезд всем, кто двигался в автомобилях с красным крестом или проходил лечение в нашем госпитале. Это был прекрасный пример предоставления дипломатической неприкосновенности. Совсем неплохо для народа, который многие считают варварским. Я помню сопровождавшие треском помех переговоры по радио между медсестрами в автомобилях скорой помощи и персоналом госпиталя, предварительные диагнозы и указания быть наготове, чтобы незамедлительно принять раненых и начать оказывать им помощь. После выздоровления они возвращались в деревни на другой стороне.



21/10/1990 © CICR/BREGNARD, Didier

Афганские женщины стирают одежду в реке.

Идиллическая атмосфера на этой фотографии обманчива. Бремя войны тяжелой ношей легло на плечи афганских женщин. Зачастую им приходится обеспечивать себя и детей, они вынуждены мириться с предрассудками и традициями. Они наказаны дважды — войной и обычаями страны.



02/1993 © CICR/MULLER, Yannick

Транспортная колонна МККК движется из Пакистана с грузом медикаментов для больниц Кабула.

После того как моджахеды взяли Кабул в 1992 г., несмотря на сражения продолжалась и обычная жизнь. Цены на базарах были взвинчены из-за жадности коммерсантов и тяжелых налогов, которые моджахеды устанавливали по своему усмотрению. На дороге между Кабулом и Джелалабадом, единственном пути для перевозки грузов из Пакистана, находилось не менее 20 блокпостов, на которых любые грузы могли конфисковать абсолютно безнаказанно. Попытаться убедить вооруженных и агрессивных людей не трогать грузовики, везущие медицинские товары в больницы, было тяжелой задачей. Несколько грузовиков были похищены. Измученные жители встречали прибывающие в Кабул колонны восторженными криками.



20/05/1994 © CICR/GASSMANN, Thierry

Джелалабад. Лагерь Шамархель.

Война и смены режима систематически вынуждали целые группы населения покидать свои дома. В 1994 г., когда моджахеды Дустума и Хекматияра атаковали позиции Масуда, тысячи жителей Кабула покинули город и отправились в Джелалабад. Через несколько дней за ними последовали афганцы из долины Тагаб, также вынужденные оставить свои дома. Джелалабад оказался окружен лагерями для перемещенных лиц — палаточные города-сателлиты в пустыне: Хада Фарм, Сурх-деваль Мунтаз, Камп-э-Тагаб, Шамархель. Последний был самым крупным лагерем, вмещавшим 30 тыс. человек. МККК предоставлял перемещенным лицам питьевую воду, туалеты, продукты и одеяла — то, что требовалось для удовлетворения основных потребностей. Когда я приехал в лагерь, то почувствовал себя свидетелем трагедии чудовищного масштаба. Тем не менее люди улыбались и были полны решимости не сдаваться.



23/05/1994 © CICR/GASSMANN, Thierry

Кабул, 1994 г. Моджахед ведет ребенка по улице разрушенного города.

1 января 1994 г. весь Кабул проснулся в 4:30 утра. В течение нескольких секунд я оставался в постели, прислушиваясь к свисту и разрывам бомб и считая взрывы. После десятого я решил спуститься в кухню, самое безопасное место в доме, и надел теплую куртку с капюшоном. Где-то рядом раздавались пулеметные очереди. Я слышал крики, возможно, кто-то отдавал приказы. Через секунду я услышал, как этажом выше лопнуло стекло. Окна тряслись. Это меня насторожило. Я видел, как загорались дома, в которые попадали осколки снарядов, выпущенных из гаубицы. Нужно было проверить обстановку. Когда я поднимался по лестнице, меня практически сбил с ног порыв ледяного ветра из спальни. Большое окно, выходящее во двор, было разнесено в щепки. На полу лежала толстая штора, которая защищала комнату от света и сквозняков. Признаков возгорания не было. Я сложил на кровать книги, одеяла и одежду и завернул их в простыню. Пулеметный огонь возобновился. Времени на раздумья не было. Закрыв за собой дверь, я сбежал вниз по лестнице, бормоча: «С новым годом!»



02/1996 © CICR/AHAD, Zalmāi

Кабул. В ортопедическом центре МККК изготавливают тысячи протезов ног.

Первый ортопедический центр МККК для инвалидов, потерявших конечности на войне, был открыт в Кабуле в 1988 г. Поскольку он не числился среди приоритетных объектов, работа по протезированию и оказанию физиотерапевтической помощи была остановлена, как только усилились бои; центр закрылся на несколько недель. Однако вид сотен одноногих людей на улицах и осознание того, как протезы могут улучшить качество их жизни, заставили нас изменить наше решение. С 1994 г. ортопедический центр в Кабуле не закрывается. Деятельность приостанавливается только тогда, когда это абсолютно необходимо (на несколько часов). Четыре раза центр переезжал, оборудование мастерских демонтировалось и устанавливалось в рекордные сроки благодаря самоотдаче афганских рабочих: почти все они инвалиды, бывшие пациенты центра. Сегодня, вспоминая то время, я удивляюсь, как они могли справляться со всеми делами в те трагические дни. Я был воодушевлен их решимостью. Они трудились безостановочно.



01/01/1997 © CICR/DAGOE, Jan

Кабул. Талибы.

Впервые мы услышали о движении «Талибан» в 1994 г. Слухи распространялись быстро. «Люди из Кандагара, возможно из Пакистана»; «Они воюют с полевыми командирами, они их вышвырнут»; «Они убирают с дорог блокпосты и бандитов! И они не воруют!»; «Но кто они?»; «Если они принесут мир, то им будут рады, кем бы они ни были!» Развязка оказалась несколько иной. Все было гораздо сложнее.



25/09/1998 © CICR/PAGETTI, Franco

Кабул. Вдовы стоят в очереди, чтобы попасть в центр раздачи гуманитарной помощи.

С 1995 по 2001 г. поддержку вдовам и инвалидам оказывали исключительно международные организации, в том числе МККК. Одна женщина сказала мне, что это был самый печальный опыт в ее жизни. «Я учительница, я всегда работала. Это попрошайничество». Но она была благодарна за те продукты, которые помогли ее семье выжить. Как и тысячи других женщин, она потеряла работу с приходом талибов. Вдова с четырьмя детьми, не имевшая братьев или родственников со стороны мужа, которые могли бы ей помочь, она пережила страшные дни. И ей не оставалось ничего другого как приходить за едой. Женщины, ждущие раздачи гуманитарной помощи, представляли собой море синих, сиреневых или темно-желтых паранджей, по которому медленно катились волны. Одинаковые безликие фигуры. Они вызвали во мне тревогу.



12/2001 © CICR/DRIESE, Christophe

Деревня Шибарту, провинция Бамиан. Этнические хазарейцы у пункта раздачи продовольственной помощи.

Во время осады талибами те хазарейцы, которым удалось бежать, укрылись в отдаленных местах — местах потрясающей красоты, но условия жизни были ужасными. Прошло достаточно много времени, прежде чем стало известно о тяжелых испытаниях, выпавших на долю хазарейцев. В конце концов МККК удалось оказать им гуманитарную помощь, несмотря на то, что это было связано с большими сложностями и серьезными задержками. Многие перемещенные лица к тому времени уже умерли, не перенеся голода или суровых условий.



04/1995 © CICR/MARCO, Iavelli

Бамиан. Молодой инвалид напротив 53-метровой статуи Будды (V век).

Эта фотография — память о том, что утеряно навсегда. Март 2001 г. Сначала никто не верил новостям, потом появились фотографии: статуи Будды в Бамиане уничтожены. Созданные в IV или V веке, приводившие в восхищение миллионы паломников и туристов из многих стран, они были наследием человечества, гордостью афганского народа, уникальными произведениями искусства. «Все языческие символы должны быть уничтожены», — сказал представитель «Талибана» журналистам после того, как статуи были разрушены. Талибам потребовалось четыре дня проб и ошибок, прежде чем наконец удалось уничтожить изваяния. Четыре дня на то, чтобы стереть с лица земли шедевры, стоявшие тысячелетиями. Это событие стало предметом нескончаемых обсуждений на радио и телевидении во всем мире. Его основным мотивом было скорее не иконоборческое сумасшествие, а кровная месть, стремление наказать Запад за отказ признать Исламский Эмират Афганистан. Я видел, как некоторые афганцы плакали, узнав об этом.



01/2001 © World Picture News/NAKIMI, Abdul Qadir

Кабул, ноябрь 2001 г. Сотрудники МККК собирают тела талибов, убитых при отступлении.

Уважение человеческого достоинства требует срочности в захоронении трупов, брошенных у дороги. Тела лежат во многих частях города. В Шар-э-Наве, центре города, мы насчитываем около двадцати. Первые четыре тела, которые мы нашли, ужасно обезображены. Мы не представляем себе, как они встретили уготованный судьбой конец. Еще двенадцать тел находим в парке. Отделившись от других отступающих бойцов, люди взобрались на деревья в поисках укрытия, откуда, как нам сказали, они кричали и стреляли по стоявшим внизу, пока сами не стали легкими мишенями. Все они были всего лишь мальчишками, возможно иностранцами. Сложив тела, мы пересчитываем их и фотографируем на тот случай, если семьи будут их разыскивать.



09/2002 © CICR/HEATHCOTE, Carlo

Кабул. Восстановление домов.

С начала 2002 г. афганские беженцы начали возвращаться из Пакистана и Ирана. Новый, удивительный для Афганистана опыт: разделенная на части страна вновь становилась единым целым. Грузовики, доверху набитые тюками, мебелью, велосипедами, прибывали в город ежедневно. Мужчины и мальчики сидели на горах домашнего скарба. Представители младшего поколения могли никогда и не видеть Кабула, или, возможно, после многих лет жизни вдалеке забыли, как он выглядит. Женщины и девушки, каждая в парандже, сидели ниже. Все с любопытством озирались. И эта картина была бы замечательной, если бы их ожидали дома и фабрики, работающие школы и больницы. Вместо этого по прибытии они оказались предоставлены самим себе, и им приходилось выживать, как придется. Самым важным было найти дом. Кабул превратился в огромную строительную площадку, где использовался каждый клочок земли. Богатые возводили особняки в жилых районах, с колоннами, мозаикой, огромными стеклянными стенами; бедные строили домишки на склонах холмов в нарушение градостроительных норм — их могли снести в любое время.



08/2004 © CICR/VOETEN, Teun Anthony

Провинция Забуль, район Как. После получения информации о том, что в деревне Гозак могут скрываться талибы, рота «С» прибыла на место. Солдат вышибает закрытую дверь.

Во многих районах война далека от своего завершения, и число таких районов растет. «Каждый обыск в доме, который проводят американцы — это удар по мирному процессу, — сказал мне житель провинции Забуль. — Они заходят в наши дома, нарушая наше личное пространство и терроризируя наших детей. Мы никогда им не простим этого».



09/2003 © CICR/MAHIDI, Farzana

Кабул, 7-й район. Женщины читают брошюры о минной опасности.

Никто не знает, сколько еще мин и других взрывоопасных пережитков войны находится в земле. Каждый день приходит сообщение по крайней мере о двух подрывах (в 2002 г. их было до 15 в день). Помимо разминирования крайне важным видом деятельности является превентивная работа: разъяснение опасности мин, информирование населения, прежде всего детей, женщин и всех лиц, имеющих ограниченный доступ к новостям и общей информации. Во многих случаях жертвами по-прежнему являются дети из бедных семей, которые собирают и продают металлолом, несмотря на то, что такая практика находится под запретом.



08/10/2005 © CICR/MOECKLI, Olivier

Герат, ортопедический центр МККК. Пациент, пострадавший в результате подрыва на mine, на учебном занятии.

В ортопедические центры направляются люди, потерявшие конечности в результате подрывов на минах. Вначале озадаченные и испуганные вскоре они учатся заново стоять и ходить. Лишь спустя несколько лет я понял, что, когда ты теряешь конечность, ты также теряешь часть своей жизни, души, разума. Да, ты можешь довольно легко получить пластиковую ногу, но кто вернет тебе остальное? Большинство инвалидов, с которыми мы имеем дело, это мужчины от 20 до 35 лет, то есть в том возрасте, когда люди женятся, становятся отцами и работают для того, чтобы обеспечить самих себя и тех, кто от них зависит. И вдруг они теряют все, возможно, навсегда. Теперь они зависят от других, и будущее представляется им в черном цвете. В Афганистане не действуют программы страхования, медицинского обслуживания и социальной помощи. Разве этого недостаточно, чтобы отчаяться? Многие инвалиды справляются с депрессией после того, как получают работу или грант для того, чтобы начать свое дело. Остальные не могут ответить на наши попытки помочь им.



29/03/2006 © CICR/LOUIS, Virginie

Провинция Кундуз. Послание Красного Креста передают семье заключенного, содержащегося в Гуантанамо.

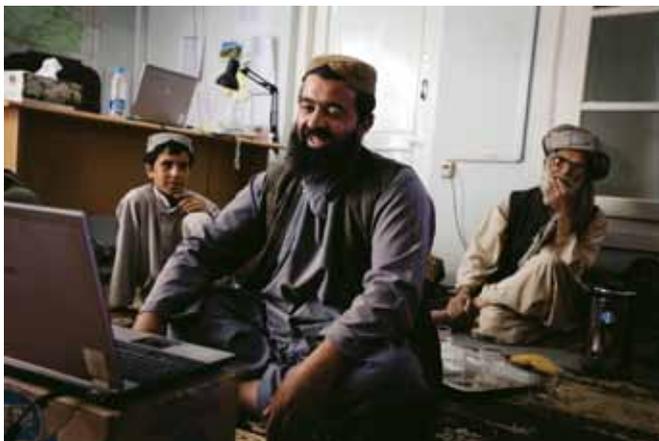
Доставка послания Красного Креста — всегда очень трогательный момент. Вещь, которую держал в своих руках человек, находящийся в заключении где-то очень далеко, передается его семье, да еще и с сообщением от него. Отцы, матери и дети в слезах целуют листок бумаги, будто это священная реликвия. Связь восстанавливается, надежда крепнет.



23/10/2007 © CICR/KOKIC, Marko

Кандагар, центральная тюрьма. Делегаты МККК посещают 200 лиц, задержанных по сообщениям безопасности.

Несколько раз я сопровождал коллег, работавших в рамках программы по защите, во время посещения ими тюрем. В их задачу входила регистрация вновь прибывших, проведение бесед без свидетелей, сбор и доставка посланий их семьям, а также обеспечение гуманных условий содержания. Каждый раз мы обнаруживали инвалидов со сломанными протезами. Поскольку власти запрещали перевозить их в ортопедический центр, замену нужно было производить в тюрьме. Любопытство, вызванное возможностью увидеть тюрьму изнутри, исчезло при первом же посещении. Едва я вошел внутрь и захлопнулись за мной тяжелые двери главного входа, как меня охватила сильная тоска. Нашим делегатам приходилось бороться с такими чувствами каждый день. Нелегко выслушивать истории заключенных, нелегко видеть, как в тюрьме попирается их человеческое достоинство. Однако вступать с тюремной администрацией в продолжительные дискуссии в попытке гарантировать достойное существование заключенных казалось, по крайней мере мне, практически невозможным. Обсуждения и убеждение — это методы работы, принятые в Красном Кресте. Если руководитель какого-то уровня не справляется со своими обязанностями, жалобу направляют вышестоящему начальнику — вплоть до министра или главы государства. Такой процесс проходит без скандалов или утечки информации в прессу, иначе это ударило бы по самим заключенным, еще более ухудшая их положение. Часто после нескончаемых переговоров делегаты и переводчики выходят обессиленными и раздосадованными. Хочется бить во все колокола, чтобы о происходящем тут узнали люди. Однако необходимо держать язык за зубами.



20/10/2010 © CICR/HOLT, Kate

Кандагар, офис МККК. Во время видеоконференции родственники общаются с заключенным, который уже девять лет содержится в Гуантанамо.

В 2008 г. заключенным американской тюрьмы строгого режима в Баграме, находящейся в 60 км к северу от Кабула, стали предоставлять новую услугу: участие в видеоконференциях между основным офисом МККК в Кабуле и тюрьмой. Толпа мужчин, женщин и детей регулярно собирается для того, чтобы пообщаться со своими родственниками, годами находящимися за решеткой, и убедиться в том, что они живы. Многие приезжают из сельских районов, это простые люди, которых пугают телевизоры и микрофоны. Они плачут, смеются, говорят все сразу, трогают экран. Теперь они могут даже видеть своих родственников в Гуантанамо, находящемся за океаном, и разговаривать с ними. Да здравствуют новые технологии!



26/10/2007 © CICR/КОКИС, Marko

Кабул, дворец Даруламан. Афганистан и его народ вот уже почти 30 лет страдают от войны. «Дворец Даруламан когда-то был нашей гордостью. Теперь это наш позор. Мы уничтожили его собственными руками, — сказал мне один торговец. — Во что мы превратились?» Становится грустно, когда думаешь о потенциале афганцев. Они умны, любознательны и здравомыслящи — это позволяет им быстро обучаться, приспосабливаться к очень опасным, тяжелым ситуациям с юмором и изобретательностью. Они физически выносливы (отчасти благодаря безжалостному естественному отбору за счет детской смертности), трудолюбивы и тем не менее стали одним из самых несчастных народов на земле.

Конфликт в Афганистане

Избр. ст. из №№ 880–881,
дек. 2010 г. – март 2011 г.

От редакции

Афганистан с точки зрения истории и географии

Уильям Мейли

**Динамичное взаимодействие между религией
и вооруженным конфликтом в Афганистане**

Кен Гест

Транснациональные исламистские сети

Имитаз Гуль

**Государственное строительство в Афганистане:
случай, свидетельствующий о наличии ограничений?**

Люси Морган Эдвардс

Будущее Афганистана — в руках афганцев

Тайба Рахим

**Повлиял ли вооруженный конфликт в Афганистане
на нормы ведения военных действий?**

Робин Гайс и Михель Зигрист

**Международное право и вооруженные
негосударственные акторы в Афганистане**

Анисса Беллал, Жиль Джакка и Стюарт Кейзи-Маслен

**Лайха для моджахедов: анализ кодекса
поведения боевиков «Талибана» в соответствии
с правом ислама**

Мухаммад Мунир

**Комбатанты, а не бандиты: статус повстанцев
в исламском праве**

Садия Табассум

**30 лет в Афганистане. Фотоотчет Альберто Каиро
(фото из архива МККК)**



МККК

www.icrc.org/eng/review

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЖУРНАЛ
Красного Креста

